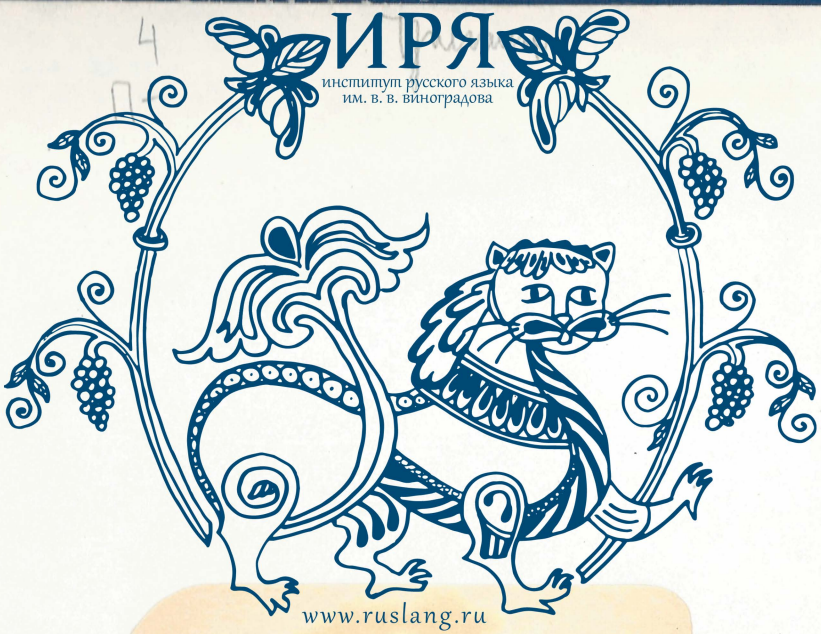
Ч
П-78

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

89211

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ 1979

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

Основное внимание в очередном выпуске ежегодника уделено вопросам словообразования и грамматики современного русского языка, а также изучению художественной речи (по материалам русской и советской поэзии и древних памятников).

Ответственный редактор
доктор филологических наук
В. П. ГРИГОРЬЕВ

4
П-78

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
89211

П $\frac{70101\text{-}227}{042\ (02)\text{-}81}$ 432-81. 4602000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все усложняющейся структуре современной филологической науки соответствует многообразие отражающих ее развитие публикаций — коллективных и индивидуальных монографий, тематических сборников, различных серийных изданий, растущего множества общетеоретических и специализированных журналов. В сложном и достаточно противоречивом взаимодействии отдельных исследований, которые ведутся советскими филологами по очень широкому кругу проблем, ежегодник «Проблемы структурной лингвистики» видит свою цель прежде всего в творческом объединении результатов, получаемых на стыке ряда наук и научных дисциплин. С этим связана двуединая установка редакции — на определенную устойчивость авторского состава отдельных выпусков ежегодника и в то же время на расширение коллектива авторов и обогащение тематики и структуры сборников.

В очередном выпуске ежегодника эта установка сохраняется и развивается. Существенно расширенный авторский коллектив сборника продолжает исследование проблем теории коммуникации, словообразования и грамматики; при этом несколько статей посвящено, в частности, актуальным аспектам лингвистической оппозиции «симметрия/асимметрия» и категории преобразования. Точно так же продолжен анализ различных явлений художественной речи; здесь читатель, несомненно, обратит внимание на обращение к старой, но мало исследованной и очень перспективной проблеме соотношения ритма и синтаксиса; среди других, рассматриваемых в соответствующем разделе сборника вопросов — проблематика рифмы и звуковой организации стиха, сравнения и оксюморона, отдельных лексических характеристик поэзии и прозы.

Редакция рассчитывает на понимание читателями ее попытки ввести в структуру ежегодника новый постоянный раздел, ориентированный на методологический и теоретический опыт исследований в области истории языка и диалектологии. Поисковый, а возможно и спорный характер публикуемых здесь материалов едва ли нуждается в особой оговорке: это относится и к ряду других статей нашего сборника, так же как и ко многим работам за его пределами. Существенно при этом, что некоторая «спорность» отмечает сейчас, как известно, чуть ли не всю область публикаций (и откликов на них) по профилирующему направлению ежегодника — «лингвистики и поэтики»; с другой стороны, «бесспорность» в науке не так уж редко оказывается синонимом тривиального и застойного.

Последнее, разумеется, не означает какой-либо недооценки редакцией роли статей, безупречно обоснованных материалом,

методом анализа и знанием современного состояния вопроса. Для такого рода статей и заметок «Проблемы структурной лингвистики» всегда готовы предоставить и в принципе предназначают свои страницы. Но это не исключает, а предполагает внимание и к еще несовершенным, может быть, поискам, росткам нового, предварительным сообщениям, неожиданным идеям, только еще намечаемым постановкам вопросов, началам развернутых диалогов. Поскольку ни догмат непогрешимости, ни самоуверенное учительство, ни всезнайство не входят в круг исповедуемых редакцией ценностей, она заинтересована и в том, чтобы с аргументированными возражениями против той или иной точки зрения любого из авторов ежегодника его читатели могли познакомиться на страницах его последующих выпусков, и просит рассматривать публикуемые здесь материалы как искреннее приглашение к диалогам.

М. А. ПРОБСТ

ТЕКСТ В СИСТЕМАХ КОММУНИКАЦИЙ

0. В работе исследуются различные свойства текста в зависимости от систем коммуникации, к которым он принадлежит. Она состоит из трех разделов. В первом рассматривается некоторая система, частями которой являются коммуникации, коллектив и язык. Во втором разделе выясняются соотношения между понятиями «сигнал», «сообщение», «текст» и виды составляющих информации, содержащихся в сообщении и в тексте. В третьем разделе проводится анализ свойств двух типов текстов — научных и художественных — в зависимости от свойств тех систем коммуникаций, к которым они принадлежат.

1.1. Под системой коммуникаций мы понимаем систему и способ передачи вместе со способом выдачи и приема, кодирования и декодирования сигналов, информации, передачи того, на что ориентирована данная система коммуникаций. Очевидно, что для того чтобы можно было говорить о системе коммуникаций, нужно знать не только что и как передается, но и для чего предназначена данная система коммуникаций, как она используется, как и для чего используется то, что передается по системе коммуникаций. Мы говорим о системе почтовой связи как о системе коммуникаций определенного типа, о транспортных коммуникациях и т. п., но во всех случаях коммуникации должны отправлять, затем передавать и воспринимать передаваемое. Отметим, что коммуникации не существуют вообще, они всегда связаны с некоторой системой «потребителей», которую они обслуживают. Наш естественный язык служит средством общения между людьми, с помощью него устанавливаются отношения, связи между людьми, но язык всегда обслуживает не произвольно взятых людей, а людей, принадлежащих определенным коллективам, принадлежащим определенному обществу. Таким образом, язык всегда обслуживает либо коллектив людей, либо связанную в единую систему совокупность коллективов — общество.

1.2. Под коллективом мы понимаем структурированную систему, совокупность единиц, членов коллектива, которые объединены для достижения некоторой определенной цели путем координированных действий. Причем предполагается, что отдельно взятый член коллектива не может самостоятельно достичь поставленной цели. Задаче координирования действий и служит система коммуникаций. Поэтому неотъемлемой частью коллектива, ее необходимой частью является система коммуникаций. Коммуникации обслуживают коллектив и коммуникации связывают между собой различные коллективы. Но в силу того, что объединение коллективов совсем не обязано быть новым коллективом, коммуникации

могут существовать и вне коллектива, но они всегда связаны с некоторой системой, которую обслуживают. Язык или языковая система, т. е. объединение «формального» языкового аппарата со всей совокупностью языковых текстов, является неотъемлемой частью системы коммуникаций. Это хорошо видно на примере почтовой системы коммуникаций.

1.3. В Пробст 1979 мы уже рассматривали язык как систему моделирования. Но так как язык входит в систему коммуникаций как необходимый элемент ее, то и систему коммуникаций можно так же рассматривать как определенную систему моделирования. При акте коммуникации должно быть проведено определенное согласование передающей и принимающей частей системы коммуникации. Если два человека говорят на одном языке, то этого часто бывает недостаточно для того, что мы называем в жизни взаимопониманием, для того, чтобы на самом деле происходило общение. Без взаимопонимания нет ни общения, ни коммуникации. Нужно, чтобы передающий каким-то образом моделировал, согласовывал «мир» принимающего со своим «миром», необходимо согласование, соответствие между передающим и принимающим. Но это и есть моделирование. Все это подтверждает целесообразность рассмотрения системы коммуникаций как системы моделирования, моделирования передающим принимающего. Мы рассматривали ряд ограничений, которым должен удовлетворять язык как система моделирования. Возможно, что система коммуникаций должна удовлетворять части из этих требований. Ограничения на систему коммуникаций состоят из ограничений на форму, структуру и алфавит сообщений, на канал передачи и на приемо-передающие части системы. Во всяком случае требования к системе коммуникаций должны быть согласованы с требованиями, которым удовлетворяет язык. Отметим следующую черту систем коммуникаций: коммуникации есть определенный вид системы и то, что передается по коммуникациям, то, что циркулирует в них, должно быть построено по определенным правилам. Правильность структуры того, что циркулирует в коммуникациях, задается как раз правилами языка. Поэтому естественно говорить, что именно тексты и циркулируют в системе коммуникаций и именно порождение текстов и есть одна из важнейших задач, решаемых системой коммуникаций. Акт коммуникации необходимо должен содержать акт порождения текста.

2.0. Для того чтобы выяснить роль и типологию текстов в системах коммуникаций, нам понадобится рассмотреть ряд понятий, которые мы будем использовать при рассмотрении текстов в системах коммуникаций.

Говоря о системе, мы будем считать, что система задана, если задано несущее множество, т. е. ее алфавит, и абстрактная грамматика, содержащая отношения, которые могут быть определены на несущем множестве, аксиомы, позволяющие строить в системе

новые объекты, и преобразования, которые устанавливают соответствия между различными объектами системы. Несущее множество отвечает на вопрос — из чего сделаны объекты системы, а отношения, преобразования и аксиомы, т. е. абстрактная грамматика, — как сделаны объекты системы.

2.1. Под сигналом мы будем понимать любой внешний раздражитель, воздействующий на наши органы чувств. Фактически нет единого определения понятия «сигнал». Сигнал лишь связан с источником сигнала и больше ни с чем. Он не обязан быть рассчитан на получателя. Заметим, что хотя мы часто говорим «сигнал тревоги», «призывной сигнал», и т. д., но для того, чтобы можно было говорить о «сигнале тревоги» например, необходимо определить для кого или для чего он есть «сигнал тревоги». «Сигнал тревоги» может одними объектами восприниматься как тревожный сигнал, а другими как призывной или другого типа сигнал. Такая картина часто наблюдается в животном мире. Нет в о о б щ е сигнала тревоги. В дальнейшем мы не будем предполагать, что сигнал содержит указания о получателе сигнала, он лишь является оповещением об источнике сигнала. Сигнал может обладать своей структурой, он может быть членим на части, хотя возможно, что структура сигнала привносится при анализе сигнала. В силу того, что он не связан ни с чем, кроме как источником сигнала, нельзя говорить о значении сигнала, о его смысле вне некоторой системы, которая воспринимает этот сигнал. Ведь само понятие смысла всегда связано с определенной системой. Говоря о смысле «чего-то», мы пытаемся отделить нечто, называемое смыслом «чего-то» от прочих составляющих, от прочих компонент изучаемого, причем самый смысл обычно как бы другой природы, чем сам изучаемый объект.

2.2. Можно рассматривать совместно сигнал и воспринимающую систему, предполагая, что они взаимодействуют, понимая под этим, что система может преобразовывать сигнал, соотносить его с прочими частями системы. В этом случае будем говорить, что имеется сигнал в системе, или кратко, имеется сообщение в системе. Таким образом, сигналом в системе или сообщением в системе будем называть такое взаимодействие между сигналом и системой, в результате которого сигнал так преобразуется, что он становится связанным со всеми объектами системы, он как бы оказывается частью системы; устанавливаются соотношения, соответствия между сигналом, его частями и объектами системы. Сообщение в системе есть сигнал, преобразованный преобразованиями системы так, чтобы он стал частью самой системы или расширенной системы за счет этого сигнала. Связывание сигнала с объектами системы есть также преобразование сигнала. Отсюда следует следующее свойство сообщений: сообщение всегда существует в некоторой системе, вне системы нет сообщений, и то, что является сообщением в одной системе, в другой системе может

и не быть сообщением. Например, речь человека не является сообщением для животного.

2.3. Если в системе есть преобразования, которые для данного сообщения являются нетождественными, то можно говорить о разных образах данного сообщения, полученных в результате преобразований. Таким образом, результаты преобразований сообщения мы будем называть интерпретациями сообщения. Например, текстолог и языковед по-разному воспринимают один и тот же текст и интерпретации у них этого текста будут различные. (В Гинзбург, Пробст, 1975 мы рассматривали двойные системы. В этом случае интерпретация сообщения состоит из результата преобразования сообщения в одной системе и из образа этого результата во второй системе, входящей в двойную систему. Возможен и более сложный случай, когда во второй системе задается область, в которой должен находиться образ результата преобразований над сообщением.) Но если в системе есть различные интерпретации сообщения, то можно говорить о инвариантах сообщения относительно нетождественных преобразований. (Понятие «смысл» сообщения не может принадлежать той же системе, что и само сообщение. Именно для этих целей и вводилось понятие двойных систем. Появление сообщения в одной из частей двойной системы индуцирует возникновение гомоморфного образа сообщения во второй части двойной системы. Гомоморфный образ сообщения во второй системе так же может иметь различные интерпретации в этой системе, и можно говорить об инварианте сообщения во второй системе под действием преобразований этой системы. Именно этот инвариант сообщения и определяет смысл сообщения. Точнее, многообразие, натянутое во второй системе на этот инвариант, и есть смысл, т. е. не только сам инвариант, но и все, что может быть получено в системе по ее правилам из этого инварианта; другими словами, смысл сообщения в двойной системе есть инвариант гомоморфного образа сообщения во второй системе и все его связи со всей второй системой).

Отметим, что нахождение смысла некоторой единицы в системе всегда связано с сопоставлением, со сравнением некоторых параметров этой единицы с некоторой другой единицей этой же системы. Поэтому можно говорить о смысле единицы, о смысле сообщения как о том общем, которое имеется у различных интерпретаций одного и того же сообщения в результате преобразований системы. Другими словами, идет речь об инварианте сообщений относительно преобразований системы. Но можно говорить о смысле сообщения как о результате сравнения, соотнесения данного сообщения с другими объектами системы. В этом случае, говоря о смысле сообщения, мы как бы ищем «место» сообщению в системе, ищем связи сообщения с другими объектами системы. Таким образом, мы имеем два аспекта понятия «смысл» сообщения. Связь между этими двумя аспектами термина «смысл» осуществля-

ется процессом моделирования, осуществляемым языковой системой и благодаря этой связи осуществляется контроль за правильностью, адекватностью моделирования языковой системой совокупности представлений о внешнем мире. Поэтому, хотя и можно выделить два аспекта понятия «смысл», эти два аспекта неразрывно связаны между собой, они неотделимы друг от друга. И когда мы говорим об «осмыслении сообщения в системе», то это означает, что мы выделяем разные аспекты информации в сообщении, связываем исследуемую информацию сообщения с другими сведениями, с другими структурами, имеющимися в системе.

Чтобы еще раз подчеркнуть разницу между сигналом и сообщением, отметим, что сообщение есть преобразованный системой сигнал или сигнал, который может быть преобразован системой, т. е. активное взаимодействие между сигналом и системой превращает сигнал в сообщение. Говоря о сообщении, мы ничего не говорили о свойствах системы — нам было достаточно, чтобы система существовала, т. е. было несущее множество и абстрактная грамматика, определенная на этом множестве, причем было необходимо существование нетождественных преобразований в абстрактной грамматике. Можно рассматривать системы, как ординарные, так и двойные, чьи абстрактные грамматики подчиняются определенным условиям, условиям, которые определяют структуру сложных объектов в системе. В этом случае мы приходим к понятию текста в системе. Другими словами, текст в системе есть сообщение в системе, чья структура удовлетворяет определенным условиям. Например, текст в естественном языке должен быть не только построен из элементов-слов данного языка, но и должен обладать структурой, удовлетворяющей грамматике данного языка. Для текста так же, как для сообщения существует понятие смысла текста.

2.4. Вернемся еще раз к сообщениям. Рассматривая сообщение в системе (вне системы нет сообщения), мы часто используем термин «информация, содержащаяся в сообщении». При этом часто некоторыми авторами используются определения, основывающиеся на энтропийном определении информации (см. Моль, 1966). Но при этом, во-первых, игнорируется та система, в которой задано сообщение, и, во-вторых, наиболее информативными получаются сообщения с неопределенной структурой, случайным образом построенные сообщения, что весьма плохо согласуется с обычным интуитивным представлением об информации в сообщении. Думается, что более целесообразно под информацией в сообщении понимать всю совокупность отношений системы (как базисных, принадлежащих собственно абстрактной грамматике, так и производных от них) вместе с их структурой (если она вычленима), которым может удовлетворять сообщение, рассматриваемое и как единое целое, и как совокупность частей. Поэтому можно было бы

говорить не только о тех отношениях и, следовательно, и об информации, которая уже извлечена из сообщения, но и о тех отношениях, о той информации, которая может еще быть получена, извлечена из сообщения. Таким образом, еще более явным становится связь между сообщением, информацией в сообщении и системой. Из одного и того же сообщения в разных системах может быть получена разная информация — все зависит от полноты, от разнообразия отношений, имеющихся в системе, и от преобразований системы. С этим сталкивается любой изучающий историю науки — чем шире научный подход к изучаемому явлению, чем с большего числа точек зрения подходим к явлению, привлекая к анализу разные научные подходы (а что есть разные научные подходы как не разные наборы отношений и преобразований!), тем больше мы знаем про изучаемое явление, тем больше сведений извлечем и тем больше получим информации.

2.5. Информация, заключенная в сообщении, может быть разделена как бы на две составляющие, на два типа. Первую составляющую информации можно было бы условно назвать смысловой информацией, а вторую — кодово-коллективной. Что мы имеем в виду? Информация, заключенная в сообщении, т. е. совокупность отношений системы, определенных на сообщении (эта совокупность возможно структурированная), не полностью используется при определении смысла сообщения в системе. Ведь смысл есть некоторый инвариант, связанный с сообщением, а точнее, многообразие, натянутое на этот инвариант. Следовательно, в сообщении есть отношения, которые не принадлежат к инварианту, которые исчезают при преобразованиях сообщения в системе. Это те отношения, которые определяют форму сообщения, например, которые зависят от конкретного способа задания сообщения. Эти отношения задают определенную часть или составляющую информации сообщения. Мы рассматривали сообщение, следовательно, и текст не просто в системе, а в системе коммуникаций — это наша основная задача. Но коммуникации тесно связаны с коллективом, с обществом, которое накладывает свой отпечаток, по-разному соотносит одно сообщение с другими. Например, музыкальное произведение народов Дальнего Востока воспринимается носителями этой культуры иначе, чем европейцами. Именно поэтому можно назвать эту часть информации сообщения кодово-коллективной — она зависит и от формы сообщения и от принятых в коллективе, в обществе, отношений, которые почти не влияют на смысл сообщения, но определяют наше восприятие сообщения, «эмоциональную окраску» воспринятого сообщения. Эта часть информации тесно связана с таким понятием, как фасцинация сообщения. Остается открытым вопрос: совпадают ли эти оба понятия — кодово-коллективная составляющая информации и фасцинация.

Разделение информации в сообщении на две составляющих — кодово-коллективную и смысловую — конечно, весьма условно,

и далеко не про все отношения, которые можно обнаружить в сообщении, можно сказать, к какому из двух типов составляющих информации их можно отнести. Но у этих двух типов есть свои характерные особенности, свойства. Например, повторение одного и того же сообщения не может увеличить ту смысловую информацию, которую мы извлекаем из сообщения, но кодово-коллективная составляющая информации двойного сообщения будет другой, не совпадающей с соответствующей составляющей одиночного сообщения. В разделе 3 будет указан ряд различий между указанными составляющими информации. Мы разбирали вопрос лишь о кодово-коллективной составляющей информации, так как о смысле и, следовательно, о смысловой составляющей говорилось выше.

Но еще раз отметим, что речь идет именно о составляющих информации в сообщении. Одно без другого не существует. Всякое сообщение имеет форму, код и существует в некоторой системе, в коллективе, в обществе и, следовательно, связано с кодово-коллективной составляющей информации, а с другой стороны, всякое сообщение, даже бессмысленное в некоторой системе, содержит какие-то сведения, например, то, что оно бессмысленно и тем самым соотносится с некоторым смыслом.

Замечание 1. Понятие «смысл» применимо как к сообщению в системе, так и к тексту в системе.

Замечание 2. Говоря о сообщении, в тексте можно использовать термин «содержание». Содержание сообщения складывается из совокупности многих смыслов и, видимо, из разного использования, употребления составляющих единиц сообщения; к содержанию относится и цель сообщения и минимальность разбиения сообщения на части, т. е. такое разбиение, при котором и все сообщение сохраняет смысл, как нечто единое, и получившиеся части сохраняют самостоятельное значение. Другими словами, в содержание входят и элементы композиции, которая рассматривается не только как остов, на который натянуто все сообщение, но и как некоторое условие минимальности, компактности для выбора этого остова. Подчеркнем, что содержание строится на основе именно объединения, а не пересечения.

3. Ясно, что можно различным образом вводить типологию в системах коммуникаций. Можно классифицировать системы коммуникаций по тому, что передается, по тому, как используются результаты коммуникаций в системе, которую обслуживает коммуникация, ну и, конечно, можно вводить классификацию по способам передачи сообщения в коммуникациях и по способам построения текстов, циркулирующих в коммуникациях. Нас в первую очередь будут интересовать такие системы коммуникаций, которые используют в качестве языковой системы естественный язык, языковую систему естественного языка. Среди таких систем коммуникаций проведем классификацию на основе свойств сообщений, текста в системе коммуникаций. Основанием для классификации выберем различное соотношение в сообщениях

в текстах двух составляющих информации — смысловой составляющей информации и кодово-коллективной. Среди всевозможных текстов, записанных на естественном языке, можно выделить следующие два класса текстов: тексты научные и близкие к ним и тексты художественные и близкие к ним. Основное различие между этими двумя классами текстов состоит в следующем: тексты научные характеризуются в первую очередь смысловой составляющей информации, основой их является фактический материал, в то время как кодово-коллективная составляющая информации для этих текстов является несущественной для них, она почти не учитывается при анализе текстов (например, при оценке ценности, новизны и т. п.). Для текстов, которые можно отнести к классу художественных, основой является именно форма, они рассчитаны в первую очередь на эмоциональное, чувственное восприятие и для них смысловая составляющая информации является хотя и необходимым элементом, но не основным, без такого элемента лишь нельзя обойтись.

Разберем теперь более подробно черты текстов каждого класса и тем самым выделим те черты, которые определяют тот вид системы коммуникаций, который обрабатывает тексты лишь одного из вух указанных классов.

Для научных текстов характерно:	Для художественных текстов характерно:
1а. Узкий коллектив, определенный заданной тематикой и отношениями, в определенной понятийной области, с определенной методологией; узость тематики	1б. Широкая, не заданная точно совокупность людей иногда объединенная тематической областью, когда тексты рассчитаны на подготовленного читателя; широкая понятийная область, широкая тематика.
2а. Несущественность кодово-коллективной составляющей информации и стремление к минимизации ее роли.	2б. Основой является кодово-коллективная составляющая информации и стремление к увеличению ее роли
3а. В большинстве случаев «ценность», «смысл», «содержание» инварианты от кода, от формы.	3б. Форма есть основа. Изменение ее ведет к потере индивидуальности данного текста.
4а. Авторство, выраженное в тексте, несущественно.	4б. Авторство очень существенно, в нем индивидуальность текста.
5а. Стремление к канонизации для удовлетворения 2а.	5б. Борьба с канонизацией для удовлетворения 2б даже за счет нарушений норм (напр. в поэзии).
6а. Стремление к формализации для удовлетворения 2а. и 4а.	6б. Борьба с формализацией для удовлетворения 2б и 4б.
7а. Стремление к однозначности, к минимуму интерпретаций.	7б. Стремление к многозначности, к увеличению интерпретаций, к множеству ассоциаций, связей с другими частями понятийной области, системы.
8а. В силу 7а как бы ограничение фантазии, сотворчества вне узкой заданной области, вне темы	8б. Возбуждение фантазии, стимуляция сотворчества читателя в широких пределах.

текста для воспринимающего текст.

9а. Иллюстративное интерпретирование не характерно. Пример не иллюстрация, так как он той же или почти той же природы, что тема.

9б. Широкое использование иллюстративных интерпретаций (музыкальные, живописные, скульптурные для литературы).

10а. Основой является логика.

10б. Логика служит автору лишь для создания нужного настроения, нужного чувственного восприятия у воспринимающего.

11а. Научные факты составляют основу. Факт определен повторяемостью, воспроизводимостью и, следовательно, логикой.

11б. Факты служат лишь фоном, сценой для развертывания событий, которые воспринимаются чувственным образом и должны вызывать нужное настроение.

12а. Бедность языка как в его лексической части, так и в конструктивно-синтаксической для удовлетворения 2а и 4а, 7а.

12б. Используются все языковые возможности языковой системы, все богатства языка.

13а. Цитирование как подтверждение и для сокращения места и времени. Аналогично с заимствованием. Особая роль библиографии как способа определения темы.

13б. Цитирование как способ индуцирования нужных ассоциаций, нужного настроения, нужной фасцинации. Заимствование как способ другой интерпретации (пародии, подражания, копии, фантазии на темы, парафразы и т. п.).

14а. Широкое введение и использование терминов для целей 7а. Термин — есть способ сужения многозначности слова, путем точного задания области определения и соответствующего этой области значения и употребления. Термин обладает относительно узкой областью применимости и, следовательно, совокупность терминов вычленяет определенную семантическую область.

14б. Нет терминов, но есть словотворчество (*кварки* — Джойс, *роботы* — Чапек, и т. д.) для 3б, 4б, 8б. Применение терминов противоречило бы 1б.

15а. Использование специализированных языков (математический, химический) так же, как и терминов.

15б. Почти не используются специализированные языки так же, как и термины.

16а. Стремлением к определенному каналу передачи (печать), обладающему однозначной и полной воспроизводимостью.

16б. Разнообразие каналов передачи с внесением разных интерпретаций за счет способа передачи. Отсюда разные исполнительские интерпретации при декламации, в театре, в музыке, живописи, скульптуре.

17а. Бывают «вечные» темы (большая теорема Ферма, 5-й постулат, вечный двигатель и т. п.). Но лишь до полного решения, анализа. Потом «вечные» темы исчезают. (5-й постулат «закрыт»

17б. Существуют «вечные темы», но с разными интерпретациями (любовная лирика в поэзии, семейные отношения в художественной литературе, библейские сюжеты, . . .). Меняется

Лобачевским и Риманом, вечный двигатель — Нерстом).

18а. Возможность перехода в другую область, тематику для целей *обходного маневра* и привлечения новых средств, идей (анализ в аэромеханике средствами комплексных функций, применение математики в лингвистике, . . .). Широкое применение методологии из других тематик, из других научных областей.

19а. Воздействие идет через логику, смысл, факты.

20а. Связь с коллективом, обществом лишь в постановке новых проблем и в зависимости от достигнутого уровня развития коллектива, общества.

21а. Научный коллектив определяется не столько территориальными свойствами, сколько определенным кругом тем, приемов и т. д.

22а. Абстрактность по области, но конкретность по приемам, по методам.

23а. Безусловность приемов, используемых в определенной области, которая может быть абстрактной в силу идеализации реальной ситуации.

24а. При потере конкретности методов получаются расплывчатые рассуждения; происходит сближение с художественными текстами — научно-популярные тексты, философские, . . .

25а. Совпадение с реальностью, согласованность с аксиоматикой является желаемой. В этом

точка зрения автора. Отсюда их неисчерпаемость и «вечность».

18б. Переход и связь с другими областями для усиления эффекта воздействия, музыкальное сопровождение, совместное исполнение (Эгмонт Гете — Бетховена, Пер Гюнт Ибсена — Грига, светомузыка Скрябина, свободные иллюстрации художественных текстов). Проникновение приемов одного жанра в другой жанр.

19б. Воздействие идет через коллективно-коллективную составляющую информации, используя ряд ее свойств — повторы, возвраты. Использование общественно-коллективных отношений — религиозных, мистических, моральных и т. п.

20б. Тесно связаны с коллективно-общественными отношениями, и следовательно связаны исторически. Кроме того, язык меняется со временем. Существенны и территориальные изменения языка (диалекты, говоры).

21б. Любой коллектив, общество связаны с территорией, что и определяет ряд особенностей (приемы ритмической поэзии, трагедийный жанр, . . .)

22б. Конкретность по области «действия», но абстрактность по «действующим лицам», так как они синтез, авторское преломление многих реалий.

23б. Условность приемов, которая состоит в том, что та ситуация и те отношения, которые хочет изобразить автор, подменяются другой ситуацией, но с теми же отношениями, причем сама подмена строго логически не обосновна, что связано с 7б.

24б. При потере абстрактности, условности происходит сближение с научными текстами (хроники, дневники, воспоминания), натурализм как копирование ведет к документальности (фотодокумент, звукоподражание в музыке) и к потере художественности.

25б. Потеря условности, «как в жизни», «как живой» является утратой художественности.

случае практика, реальность является критерием.

Теряется цель, теряется авторство, теряется многозначность интерпретаций.

26а. Без конкретности методов, приемов, анализа не может быть науки и научных текстов.

26б. Без условности нет художественности, искусства. Недаром искусственность значит неестественность.

27а. Изучаются конкретные свойства путем абстрагирования, идеализирования.

27б. Описываются, исследуются абстрактные отношения (духовный мир, общественные отношения, религиозные и т. п.) через конкретные, обыденные явления окружающего мира.

28а. Для научных текстов возможен перевод в полном объеме; чем уже тематическая область, тем более возможен перевод.

28б. Для художественных текстов почти невозможен полный перевод, так как не зафиксированы отношения, которые определяют кодово-коллективную составляющую информации текстов. Возможен перевод лишь в той его части, которая в той или иной мере определена, задана.

29а. Два текста, относящиеся к разным понятийным областям, в первую очередь отличаются друг от друга своими тезаурусами, а в них — системами используемых отношений.

29б. Два текста мало в чем могут отличаться по существу, кроме как местом событий и действующими лицами.

В заключение автору представляется важным еще раз отметить следующие положения.

1. Всякий текст может существовать лишь в некоторой системе, которая определяется как свойствами коллектива или совокупностью коллективов, так и той «средой обитания», в которой существует коллектив или совокупность коллективов.

2. Каждый коллектив определяется совокупностью отношений, которые действуют в данном коллективе.

3. Среди совокупности отношений в коллективе можно выделить два типа отношений: первые отношения являются инвариантными, не зависящими от данного конкретного коллектива, они присущи всем коллективам людей в большей или меньшей степени, и вторые — которые определяют индивидуальность данного коллектива, они могут определенным образом варьироваться от коллектива к коллективу.

4. Всякий текст может быть классифицирован по тому, на какие типы отношений он ориентирован.

5. Всякое восприятие текста, его переработка невозможна без знания совокупности отношений, которые действуют в данном коллективе или в совокупности коллективов. Точнее, невозможно восприятие, которое было бы в той или иной степени адекватным для всех членов коллектива.

6. Если для восприятия текстов, ориентированных на первый тип отношений, нужно именно четкое знание системы отношений, то для текстов, ориентированных на второй тип отношений, сама принадлежность воспринимающего к коллективу определяет наличие у него этого типа отношений даже при отсутствии «абстрактного» знания, понимания этих отношений. Для последних текстов восприятие, переработка текстов происходит как бы без знания, как оперировать с этими отношениями, но эти отношения как бы заложены в воспринимающем в силу его принадлежности к коллективу или к совокупности коллективов.

7. При возникновении слова и описываемого этим словом явления слово имеет весьма точное, единственное значение, но явление еще мало изучено, не известны связи его с другими явлениями и поэтому мала область значений и использования данного слова. С ростом знаний выясняются связи данного явления со всеми знаниями человека, и при этом область использования слова растет, и вместе с тем падает однозначность значения, значение слова становится более расплывчатым. Используя аналогию с принципом неопределенности Гейзенберга в физике, эту ситуацию можно было бы описать следующим образом: неопределенность в определении знаний о мире, «умноженная» на неопределенность значений используемых терминов, есть величина ограниченная.

ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург Е. Л., Пробст М. А. Некоторая модель текста. — В кн.: Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса, ч. III. Пермь, 1975.

Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

Пробст М. А. О преобразованиях в системе текстов. — В кн., Лингвистика и поэтика. М., 1979.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ГРАММАТИКА

П. А. СОБОЛЕВА

АСИММЕТРИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

На двоякий аспект словообразования обратил в свое время внимание проф. А. И. Смирницкий. Словообразование — это и процесс создания новых слов на базе имеющихся в языке, и существующие в данный исторический момент отношения между словами, родственными по корню (Смирницкий 1953).

Говоря о взаимозависимости этих аспектов проф. А. И. Смирницкий отмечает, что «в большинстве случаев существующее в данный момент отношение между словами, связанными по корню, представляет собой результат и отражение создания одного из этих слов на базе другого». «. . .Однако обычность такого соотношения между обоими явлениями не делает их тождественными и возможны случаи иного соотношения между ними: слово, выступающее в данную эпоху как производное, поскольку оно оказывается по своему строению более сложным, представляет собой как раз ту единицу, на базе которой было создано более простое слово, функционирующее в качестве основного по отношению к нему» (Смирницкий 1956, 65, 66).

Проф. А. И. Смирницкий подчеркивает, что эти два аспекта словообразования следует различать не только в тех случаях, когда современные отношения противоречат историческим фактам возникновения слов, но и в тех случаях, когда они находятся «в согласии» друг с другом; иными словами, каковы бы ни были взаимоотношения между словообразовательными процессами и словообразовательными отношениями в тот или иной исторический момент, их следует различать принципиально как явления хотя и взаимосвязанные, но разные.

В чем же заключается специфика словообразовательных отношений, как самостоятельного аспекта словообразования, в отличие от соответствующих словообразовательных процессов? Нам представляется, что основное различие между ними обусловлено их различной ролью в системе языка. Если основной функцией словообразовательных процессов является номинация, т. е. пополнение и обогащение словаря, то основной ролью словообразовательных отношений следует считать структурно-унифицирующую.

www.ruslang.ru

Структурная функция словообразовательных отношений проявляется в том, что они организуют простейшие элементы лексической системы языка слова в более крупные структурно-семанти-

ческие единства — словообразовательные гнезда (Соболева 1972, 1974; Soboleva 1973).

Унифицирующая функция словообразовательных отношений проявляется в том, что относительно большое количество словообразовательных процессов в языке приводит к ограниченному числу словообразовательных отношений. Так, в системе современного русского и английского языков обнаруживаются всего три типа словообразовательных отношений.

а) Отношения аффиксации: *мыслить — мыслительный, мыслить — мыслящий* (человек), *мыслить — мысленный* (эксперимент); *книга — книжка, фляга — фляжка*; *дом — домок, терем — теремок*; *скромный — нескромный, рукотворный — нерукотворный*; *ветеринар — ветеринарный, стационар — стационарный*; англ. amuse — amusement, amuse — amusing (girl), amuse — amused (look); affect — affection, affect — affected (manners); read — reader. beg — beggar; like — likable, flex — flexible.

б) Отношения конверсии: *золото — золотой, новый — новь, морить — мор, взмахнуть — взмах*; *интимный — интим, интеллектуальный — интеллектуал*; англ. $love_v$ — $love_n$, $desire_v$ — $desire_n$, $doctor_n$ — $doctor_v$, dry_a — dry_v; $television_n$ — $televise_v$, $buttler_n$ — $buttle_v$, $daggar_n$ — dag_v etc.

Примечание. Усечение производящей основы и осложнение ее чередованием звуков при конверсии свойственно как русскому, так и английскому языкам. Однако для русского эти сопутствующие явления более типичны.

в) Отношения словосложения: *лес, степь — лесостепь*; *диван, кровать — диван-кровать*; *средний, западный — среднезападный*; *засуха, устойчивый — засухоустойчивый*; англ. table, cloth — table-cloth; black, board — blackboard; hand, shake — hand-shake etc.

Для словообразовательных отношений аффиксации и конверсии, о которых в основном пойдет речь, существенно фиксирование основных и факультативных средств словоразличения (табл. 1).

Факультативные средства словоразличения могут выступать почти в чистом виде, где их вторичность менее очевидна. Например: 1) чередование звуков и ударений: *везти — воз, нести —*

Таблица 1

Словообразовательные отношения	Основные средства словоразличения	Факультативные средства словоразличения
I Аффиксация	аффикс (суффикс, префикс, конфикс)	чередование, усечение, парадигма
II Конверсия	парадигма	чередование, усечение

ноша; англ. breathe — breath, food — feed, sell — sale, rébell — rebéll и др. Во всех приведенных выше случаях основным средством словоразличения остается парадигма. Чередование звуков и ударений играет, хотя и существенную, но подчиненную роль (Смирницкий 1956, 101—102). 2) Усечение производящих основ: *взмахнуть — взмах, ввезти — ввоз, интимный — интим*; *изысканный — изыск*; англ. television — televise, editor — to edit, fingerprinting — to finger-print. Основным средством словоразличения и здесь служит парадигма. Усечение играет существенную, но подчиненную роль.

Примечание. Приведенные выше основные и факультативные средства словоразличения представлены почти в неосложненном виде (где возможно). В реальной действительности они часто накладываются друг на друга, например аффиксация + чередования: *эллипс — эллиптический*, organize — organization; конверсия + чередование: *пересуживать — пересуды*, house — to house; конверсия + словосложение: *микропористый — микропоры*, broadcast — to broadcast и т. д.

Если же внутри провести разбиение, например аффиксация: префиксация, суффиксация, конфиксация; чередование: чередование гласных, чередование согласных, чередование ударений, то можно построить исчисление возможных вариаций словообразовательных отношений, встречающихся во флективных языках. Если же учесть, что типы словообразовательных средств могут сочетаться более чем попарно [например: *козырек — бескозырка* (префикс+суффикс+усечение) *река — междуречье* (префикс+чередование+суффикс) и т. д.], то теоретически возможное число сочетаний из восьми по *n* исчисляется перебором всех подмножеств данного множества.

Полное исчисление дает сетку, клетки которой по-разному будут заполняться разными языками. Чем больше языков, тем меньше лакун. Подобное исчисление может служить одним из методов контрастивного изучения словообразования (по крайней мере во флективных языках) *.

Что касается словообразовательных процессов, то их значительно больше. Вопрос о количестве словообразовательных процессов и их классификация недостаточно разработаны. В руководствах по словообразованию нет единого мнения по этому поводу.

Так, помимо словообразовательных процессов, непосредственно соответствующих упомянутым выше словообразовательным отношениям, в «Лексикологии английского языка» А. И. Смирницкого говорится о «лексикализации формообразующих суффиксов» (Смирницкий 1956, 71). В учебнике по лексикологии английского языка И. Р. Гальперина и Е. Б. Черкасской говорится еще об

* Идея такого исчисления для типологических целей принадлежит проф. В. Г. Вилюману (устное сообщение).

«обособлении сокращенной формы слова», «семантическом словообразовании» (Гальперин и Черкасская 1956, 50—51). В учебнике лексикологии английского языка Е. Ф. Ворно и др. упоминается еще и об «усечении слов» как разновидности сокращения (Ворно и др., 1955, 90). В учебнике современного английского языка Б. А. Ильиша говорится также о «синтаксическом» способе словообразования (Ильиш 1948, 300).

О. Есперсен, Г. Брэдли, Дж. Макнайт, Дж. Крапп, С. Робертсон считают одним из важнейших способов словообразования «изобретение слов или корней» (root-creation, word-creation или creation ex nihilo), а также «обратное словообразование», которое С. Робертсон относит к разновидности сокращений, а остальные из упомянутых выше авторов рассматривают как самостоятельный вид словообразования (O. Yespersen 1946, 149—169, McNight 1931, 163—179, G. Krapp 1910, 183—199; Robertson 1939, 388—421).

В книге Г. Марчанда упоминается еще экспрессивный символизм (звукоподражание), скрещение (smoke+fog=smog), ритмическое чередование (bibble — babble, shilly — shally, boogie — woogie), изобретение слов (Commander-in-Chief — Cominder) (Marchand 1960).

В учебнике И. В. Арнольд говорится о редупликации (murmur) и субстантивации различных частей речи (Арнольд, 1959; 102—12).

Е. С. Кубрякова говорит о субстантивации, адъективации и адвербиализации и образованиях, полученных путем отсечения словообразовательных показателей (во флективных языках): *золотой — золото* (Кубрякова 1965, 59—60).

К. А. Левковская говорит о лексикализации флексий: нем. abends 'вечером', русс. *бегом*, нем. das Lesen 'чтение' (Левковская, 1954, 20).

В первом издании учебного пособия A Course in Modern English Lexicology (Ginzburg et alt. 1966, 200—201) рассматриваются два вида сокращений слов: графическое (RD вместо road) и лексическое (phone вместо telephone) и т. д.

В русских пособиях по словообразованию упомянуты в основном те же способы словообразования. Однако в разных исследованиях наборы способов словообразования не совпадают полностью. Так, об обратном словообразовании пишут только Н. М. Шанский (1973, 128), Е. А. Земская (1962, 42) и некоторые другие авторы. Е. М. Галкина-Федорук и др. пишет о двух разновидностях перехода слов из одного грамматического класса в другой: лексикализация грамматической формы и семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы (Галкина-Федорук и др. 1962, 321). Все авторы пособий по русскому словообразованию упоминают аббревиацию, усечение, сращение. В АГ 70 еще говорится и о постфиксации.

Примечание. Аббревиацию, усечение и скрещивание С. С. Хидекель не относит к словообразовательным процессам, так как неясна модель образования слов. По ее мнению, это процессы номинации (Ginzburg et alt., 1979, 188—189).

Мы не беремся судить, какая классификация способов словообразования является наиболее соответствующей фактам современного английского и русского языков. Для нас существенным является то, что по любой классификации словообразовательных процессов оказывается больше, чем словообразовательных отношений, к которым они приводят.

Такое несоответствие наблюдается потому, что к однотипным словообразовательным отношениям в системе языка приводят разнотипные словообразовательные процессы.

Так, например, к отношениям аффиксации приводит, помимо одноименного процесса, еще так называемый процесс обратного словообразования, или реверсии, например *зонт* < *зонтик*, *фляга* < *фляжка*, *терем* < *теремок*; beg < beggar, ressurect < ressurection, flex < flexible и др. В свою очередь, реверсия приводит не только к отношениям аффиксации.

Остановимся подробнее на этом процессе, так как он весьма характерен для результирующей асимметрии словообразовательных процессов и словообразовательных отношений.

Исследователи не всегда видят принципиальное отличие реверсии от других типов усечения слов.

Примечание. См., например, критические замечания по этому поводу у Г. Н. Рихтера (Рихтер, 1976, 118). Автор пишет: «Образования *примитив*, *интим*, *демисезон*, *гуманитар* приводятся в статье Е. А. Земской (Земская, 1966, 8—10). Но автор толкует эти слова как случаи «усечения» производящей основы, рассматривая их в одной плоскости с такими сокращениями, как *плекс* (*плексиглас*), *транс* (*трансформатор*), *рацы* (*рационализаторские предложения*), *термояд* (*термоядерная реакция*). Между тем, если спецификой обратного словообразования служит не механическое сокращение производящей основы, а сокращение на базе «пропорциональной аналогии» . . ., то смешиваются факты различного порядка». Г. Н. Рихтер аргументирует также давностью существования в русском языке реверсии (*фляга* — 1704, *зонт* — 1834) и ультрасовременным характером сокращений типа *плекс*, *термояд*.

Усечения, действительно, включают большой круг явлений. Их представляется возможным разделить прежде всего на две крупные категории: неморфемные и морфемные (сюда же субморфемные) усечения. На рис. 1 соответственно точки 00 и 01.

Неморфемные усечения затрагивают конечную фонему или группу фонем производящей основы. При неморфемных усечениях имеют место два случая:

а) Усечение не сопровождается добавлением другой морфемы: *трансформатор — транс*, *рок-н-ролл — рок*, *бадминтон — бад*, *магнитофон — маг*, *шизофреник — шиза*, *тунеядец — туня* и т. п. (Земская 1973, 275—276). На рис. 1 точка 000.

б) Усечение сопровождается добавлением другой морфемы: *телевизор — тел-ик*, *велосипед — вел-ик*, *шизофреник — шиз-ик* и

под. (Земская 1973, там же). К этой же категории усечений относятся и стилистически нейтральные образования: *либретто — либретт-ист, ватерполо — ватерпол-ист, пальто — пальт-ишко, пальт-ище, пальт-ецо, декольте — декольт-ировать* и под. (Земская 1973, 139). На рис. 1 точка 001.

Морфемные (субморфемные) усечения — т. е. усечения происходящие по морфемному шву. При таких усечениях имеют место те же два случая:

а) Усечение не сопровождается добавлением другой положительной морфемы: *взмахнуть — взмах, выходить — выход, засолить — засол, недосыпать — недосып, прислуживать — прислуга, пересуживать — пересуды, микропористый — микропора, заумный — заумь* и под. (Улуханов 1975, 100). Сюда же относятся окказиональные *коша, пала, пуха* (от *пушка*), *лога, интим, интеллектуал* и пр. На рис. 1 точка 010.

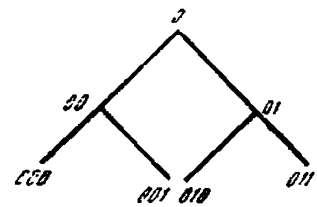

Рис. 1

б) Усечение сопровождается добавлением другой морфемы: *дуйка — дуд-еть, смекалка — смекал-истый, жулик — жуль-ничать, юрод-ивый, юрод-ствовать, математика — математ-изировать, Камчатка — камчат-ский* и под. (Земская 1973, 140—141). А также *книжка — книжный, толстовский — толстовство, устроить — устройство* и др. На рис. 1 точка 011.

При неморфемных усечениях типа (а) возникают стилистические варианты слов: *рок, бад, маг, шиза* и др.

При морфемных усечениях типа (а) могут возникать новые слова: *взмах, интим, интеллектуал; кабак, коша*. Между исходным словом и усеченным устанавливаются словообразовательные отношения, которые больше всего напоминают конверсию, по крайней мере там, где новое слово оформляется новой парадигмой, т. е. в области транспозиции.

Процесс морфемного усечения без добавления какого-либо положительного аффикса, приводящий к возникновению нового слова, часто называют реверсией (рис. 1).

Сокращенные слова, попадающие в рубрику 010, иногда называют реверсивами.

Не все слова типа 010 можно считать образованными по конверсии, сопровождающейся морфемным усечением. О конверсии можно говорить только лишь при явной мене парадигмы, т. е. прежде всего при транспозиции, например, в случаях *взмахнуть — взмах, высокий — высь, интимный — интим*, где V → N либо A → N. Аналогично и в случаях одной и той же части речи, таких как *овчарка — овчар, доярка — дояр, свинья — свин*, где женское склонение меняется на мужское.

Однако неверно было бы говорить о конверсии (в понимании А. И. Смирницкого) в тех случаях, где тип склонения не меняется: *кабачок* > *кабак*, *теремок* > *терем*; *ложка* > *лога*, *фляжка* > *фляга*. Здесь можно в современном языке усмотреть нулевой словообразовательный суффикс у слов типа *кабак* и *лога* и положительный словообразовательный суффикс у исторически производящих и синхронно производных *фляжка* и *теремок*.

Наличие случаев тождества парадигм при идентификационном словообразовании дает основание не растворять рассматриваемое явление полностью в конверсии, а говорить об отдельном самостоятельном способе словообразования — реверсии.

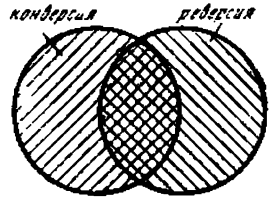

Рис. 2

С диахронической точки зрения процессы конверсии и реверсии пересекаются в той области, где морфемное усечение приводит к отношениям транспозиции (рис. 2).

За пределами пересечения слева остается чистая транспозиция: *золото* — *золотой*, $stone_a$ — $stone_y$, run_i — run_a. Справа — усечение не сопровождающееся транспозицией: *лога*, *коша*, *кабак*. Словообразовательные отношения идентификационны типа: *ложка* R_2O > *лога* R_2R_2O.

Следовательно, как словообразовательный процесс реверсия может приводить, по крайней мере, к двум типам словообразовательных отношений:

1) конверсии, т. е. различию парадигм, по А. И. Смирницкому, при морфемно тождественных или усеченных основах, либо нулевой аффиксации, сопровождающейся различием парадигм производящего и производного, например *взмах*, *интим*, *дояр* (по В. В. Лопатину);

2) аффиксации:

а) положительной, которая предполагает как синхронную суффиксацию (*зонтик*, *фляжка*, *теремок*), так и префиксацию (*нерукотворный* > *рукотворный*);

б) нулевой, например *кабак*, *лога*, *тарела*, *чаша*.

Примечание. Стилистически маркированные производные типа *интим*, *изыск*, *интеллектуал*, *денисон*, с одной стороны, и *коша*, *лога*, *кабак*, с другой — отнесены к разным типам словообразовательных отношений на основании существенного признака различия/тождества парадигмы производящего и производного слова.

Тем самым имплицируется принципиальное различие между конверсией, способом словообразования, при котором основным словообразовательным средством служит мена парадигмы и нулевой суффиксацией, которую мы отнесли к разновидностям аффиксации, где мена парадигмы — факультативное словообразователь-

ное средство. Оно может как сопровождать аффиксацию (при транспозиции), так и не сопровождать ее (при идентификации).

Существенным является вопрос о направлении деривации в парах слов, возникших способом реверсии.

В отличие от аффиксации при реверсии возникает слово более простой морфологической структуры от слова более сложной структуры: *зонтик* > *зонт*, *доярка* > *дояр*, *интимный* > *интим*, *кабачок* > *кабак*, англ. beggar > to beg, flexible > to flex, baby — sitter > to baby — sit, television > televise и др.

Существует мнение, что вновь образованное морфологически более простое слово начинает сразу же играть роль производящего по отношению к более сложному, которое функционирует как производное:

«В современном языке аффиксальное слово (при наличии простого) воспринимается как вторичное, а не первичное образование независимо от того, было ли оно исходным пунктом или результатом деривации» (Арутюнова 1961, 14).

А также: «От *подушки* образуется *подуха*, от *лошадки* — *лошадя*, от *сыроежка* — *сыроега*, от *ложка* — *лога*, от *одуванчик* — *одуван* и т. д., причем соотношение, например, между словами *лога* и *ложка* — такое же, как между *книга* и *книжка*, с чередованием *г* — *ж* перед суффиксом *-к(а)*» (Лопатин 1973, 131).

Если принять эту точку зрения, следует во всех случаях реверсии в синхронном плане видеть отношения суффиксации. Приведем в качестве примера анализ В. В. Лопатиным строчки из детского стихотворения Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо»: *Вырастет из сына свин, если сын свиненок*». «Вместо ожидаемого *свинья* в этом контексте появляется окказиональное слово мужского рода *свин*, тем самым в слове *свинья* оказывается суффикс *-j*, несущий значение «существительного женского рода, *свинка*»» (Лопатин 1973, 129).

Вместе с тем, морфологическая сложность — далеко не всегда показатель производности, о чем неоднократно писали многие словообразователи, в том числе Н. Д. Арутюнова и В. В. Лопатин.

Более убедительной нам представляется точка зрения АГ-70:

«Слово, не являющееся стилистически нейтральным, не может быть мотивирующим, если сопоставляемое с ним слово стилистически нейтрально. Поэтому, например, образования типа *гуманитар*, *ультрафиолет* (разговорные) мотивированы прилагательными *гуманитарный*, *ультрафиолетовый*, а не наоборот, несмотря на большую формальную сложность прилагательных» (АГ-70, 38).

То же самое *интимный — интим*, *серьёз*, *эффектив*; *интеллектуальный — интеллектуал*, *легальный — легал*, *нейтрал*, *гуманитар* и др. (АГ-70, 145).

Если не считать результатом любого акта реверсии аффиксацию, т. е. не усматривать направление деривационных отношений всегда от морфологически простого к морфологически сложному,

то тогда в случаях бо́льшей семантической сложности вторичного слова следует усматривать отношение конверсии или нулевой аффиксации между реально мотивирующим и реально мотивируемым.

Сказанное касается и других языков, в частности английского. Так, buttle 'выполнять работу дворецкого' от buttler 'дворецкий', burgle 'совершать кражу со взломом' от burgler 'взломщик', dag 'ударить кинжалом' от daggar 'кинжал', mote 'гнать на машине' от motor 'машина' и др. (Сидельникова, 1978), образованные реверсией, еще не встали в отношение суффиксации аналогично современным dance — dancer, read — reader и до сих пор соотносятся со своими исторически производящими по конверсии, процесс которой сопровождался морфемным усечением (ср. Marchand 1974, 219, 233).

Наряду с такими дериватами имеются производные, которые перестали восприниматься как семантически маркированные. Это, например: flex < flexible 'гнуться — гибкий', ressurrect < ressurection 'воскреснуть — воскресение', beg < beggar 'нищенствовать — нищий', chauffe < chauffeur 'водить машину — шофер' и др. Во всех последних примерах справедливо констатировать изменение исторических отношений на обратные и видеть в синхронии аффиксацию, так как beg : beggar=teach : teacher.

В русском языке также при утрате стилистической окраски или семантической маркированности отношения нулевой суффиксации и конверсии меняются на отношения положительной аффиксации. В качестве примера обычно проводятся *фляга — фляжка, зонт — зонтик, ехида — ехидна, терем — теремок* (Шанский 1968, 292). Возможно, на пути изменения отношений конверсии на аффиксацию, т. е. на обратные стоят *нервоз < нервозный, оригинал < оригинальный, стационар < стационарный, факультатив < факультативный, норматив < нормативный* и др.

Можно условно говорить о двух стадиях процесса реверсии на основании двух типов результатирующих словообразовательных отношений: вначале, обычно, стадия отношений конверсии (*интим*, to buttle (Marchand 1974, 172), либо идентифицирующей ноль-суффиксации (*лога, кабак*); затем стадия положительной суффиксации с меной исторических отношений на обратные (*зонт — зонтик*, beg — beggar).

Такое направление развития процесса реверсии отнюдь необязательно для всех реверсивов. Стилистически окрашенные и семантически маркированные производные могут надолго, а то и навсегда оставаться мотивированными морфологически более сложными словами.

Так, очевидно, в русском языке реверсивы — существительные от префиксальных и беспрефиксальных глаголов в большинстве

случаев останутся с производящим глаголом в отношениях конверсии: *засолить — засол, недосыпать — недосып, размахнуться/размахивать — размах, заменять — замена, прислуживать — прислуга, пересуживать — пересуды, приливать — прилив: пускать — пуск, носить — ноша, бранить — брань, прорубить — прорубь, хлопотать — хлопоты* (Улуханов 1975, 100).

Приведенные выше случаи И. С. Улуханов называет «постверневыми усечениями». Вместе с тем от того, что традиционно относят к реверсии (регрессивной деривации), они отличаются только отсутствием яркой стилистической окраски. Яркая стилистическая окраска характерна в основном для речевых окказионализмов. Очевидно, помимо стилистической окраски реверсивные производные могут обладать обычной для производного слова семантической маркированностью, что и имеет место в случаях типа *засолить — засол, бранить — брань*. Большинство таких производных всегда останется на первой стадии реверсии.

Вместе с тем и эти случаи не лишены общей для реверсии тенденции — установления отношений аффиксации, т. е. изменения отношений конверсии на отношения аффиксации. Воспользуемся примером З. А. Толмачевой (Толмачева 1959, 135—136). Так, в парах *досадить — досади* автор усматривает изменение деривационных отношений на обратные из-за утраты членимости между префиксом и основой. Следовательно, здесь можно подозревать изменение конверсии на суффиксацию (суффикс *и /Ø*). З. А. Толмачева опирается в данном случае и на мнение Л. А. Булаховского (Булаховский 1949, 173). То же относительно *заложить — залог* В. В. Виноградов пишет: «*Заложить* — отдать в залог под ссуду (заложить вещи в ломбарде). Этот глагол понимается как отыменное образование от слова *залог*. Префикс *за-* здесь не обособляется, не служит конструктивной морфемой в составе цельного глагольного слова» (Виноградов 1938, 115). Аналогичные отношения 'имя—отыменной глагол' В. В. Виноградов усматривает и в паре *зарядить — заряд* (там же). Н. М. Шанский еще добавляет пары *причал — причалить, зараза — заразить, запас — запасти* (Шанский 1968, 251), основываясь на данных о переразложении основ, полученных З. А. Толмачевой. Если принять эти данные, то в перечисленных выше парах можно признать отыменную положительную аффиксацию вместо в прошлом отглагольной конверсии. Изменение отношений на обратные, т. е. конверсии на аффиксацию, очевидно, никогда не грозит существительным III склонения с «нулевым суффиксом» типа *высь* < *высокий, ширь* < *широкий, заумь* < *заумный, бездарь* < *бездарный, глубь* < *глубокий* и др. Существительные этого типа сохранились до нашего времени как одна из наиболее развитых особенностей диалектной лексики (Лопатин 1973, 153). Этот тип словообразования имеет свою четкую сферу применения — художественную речь, где они обычно употребляются как окказиональные слова.

«В сущности этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы» (Виноградов 1947, 128). Специфическая стилистическая маркированность будет, очевидно, всегда удерживать этот словообразовательный тип на начальной стадии реверсии. Сказанное имело целью показать, что словообразовательный процесс реверсии не приводит к одноименным словообразовательным отношениям, а либо к отношениям конверсии, либо к отношениям суффиксации — положительной или нулевой.

Процесс реверсии — не единственный словообразовательный процесс, лишенный одноименных словообразовательных отношений.

Так, морфолого-синтаксические словообразовательные процессы тоже не приводят к одноименным словообразовательным отношениям, а, как и реверсия, либо к отношениям аффиксации, либо к отношениям конверсии.

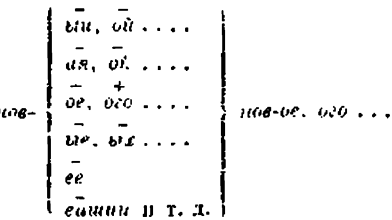
Как мы видели выше, одним из источников аффиксации в современном языке (помимо, конечно, одноименного процесса) является реверсия. Другим таким источником служат морфолого-синтаксические процессы адвербиализации, адъективации и субстантивации.

Адвербиализация приводит к префиксо-суффиксальным либо чисто суффиксальным отношениям. В частности, суффиксально-префиксальные наречия образуются не морфологическим способом одновременного присоединения префикса и суффикса, ср.: *у-скорить*, *пред-гор-j-е*, а в результате процесса адвербиализации (изоляции) предложных сочетаний. Например, *на-век-и*, *на чистот-у*, *на-див-о*, *во-век-и*, *в-правд-у*, *с-верх-у*, *до-красн-а*, *на-глух-о*, *на-крепк-о*, *в-тайн-е*, *в-ъяв-е*, *в-начал-е*, *на-сторон-е*, *на-выкат-е* и т. д.

О результирующих отношениях аффиксации в данном случае говорить естественнее всего, если при адвербиализации соотносительность с исходным словом не утрачена, как, например, в случаях *докрасна* (ср. *красный*), *впустую* (ср. *пустой*) или *сверху* (ср. *верх*), *бегом* (ср. *бег*). Словообразовательными средствами естественнее всего считать переосмыслившиеся предлог и флексию и рассматривать их соотвественно как префикс и суффикс.

Процесс адъективации причастий приводит также к отношениям суффиксации, ибо бывший грамматический суффикс переосмысливается в словообразовательный. Например: *одуряющий* запах, *удручающее* впечатление, *блестящие* способности, *умоляющие* глаза, *начинающий* писатель; *отчаянный* крик, *исступленный* плач, *испытанный* друг, *истасканное* лицо и др. (Виноградов 1947, 277); а также *вареный*, *сушеный*; *ощутимый*, *непоправимый*, *увядаемый*, *зависимый* и др. (Лопатин 1966, 38—40). В английском языке аналогичные явления: an amusing child, an affected smile, a puzzled look, a wounded man, an embarrasing situation etc.

В русском языке субстантивация прилагательных и причастий тоже приводит к отношениям либо конверсии, либо аффиксации. При субстантивации имеет место усечение части парадигмы производного слова: (Соболева 1969, 283):

Если усечение парадигмы осмыслить в терминах мены полной парадигмы на ущербную, то результатом субстантивации можно считать отношение конверсии.

Вместе с тем при субстантивации имеют место случаи, когда «существительные сохраняют в современном языке мотивированность, но не омонимичными прилагательными, а другими соотносительными словами того же словообразовательного гнезда, например *мостовая* (ср. *мостить*), *кладовая* (ср. *класть*), *гостиная* (*гость*), *набережная* (*берег*) и др.» (Лопатин 1967, 210). Такая мотивированность возможна и не только у так называемых «исторических субстантивов». Почти каждое субстантивированное прилагательное может иметь двойную соотносительность:

встречный [*встречать*
встречный (а);

подсобный [*подсобить*
подсобный (а); *массажная* [*массаж*
массажная (а)

курительная [*курить*
курительная (а) и т. д.

В случаях двойной соотносительности возникает словообразовательная омонимия (Соболева 1978). Приведенные выше субстантивы имеют более одной словообразовательной структуры:

встречный [R_2R_1O
$R_2R_3R_1O$ *массажная* [$R_2R_2R_1O$
$R_2R_3R_2R_1O$

При соотносительности с глаголом или существительным можно говорить об отношениях аффиксации и выделении аффиксов типа *-ов-ая*, *-инн-ая*, *на-. . . -н-ая*, *-н-ый*, *тель-н-ая* и др. Флексии в этом случае перестают играть чисто словоизменительную роль. «На особую словообразовательную функцию флексий в субстантивированных прилагательных указывает В. В. Виноградов: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предикатности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями —

суффиксами существительного. . .»» (Виноградов 1947, 189; цит. по Лопатину 1967, 207).

Таким образом, словообразовательный процесс субстантивации приводит к двум типам словообразовательных отношений: конверсии (для первичных прилагательных), конверсии и аффиксации для производных.

К отношениям словосложения приводит как одноименный словообразовательный процесс, так другие процессы, в частности лексикализация словосочетаний (сращение): *долгоиграющий*, *быстрорастворимый*, forget-me-not, lady's maid; аббревиация словосочетаний: *райздрав*, *зарплата*, A-bomb, G-man.

Унифицирующая роль словообразовательных отношений проявляется также в том, что к словообразовательным отношениям в системе языка приводят и другие процессы, вовсе не словообразовательного характера. Например, к отношениям конверсии приводят различные фонетико-морфологические процессы, в частности переразложение основ и выравнивание по аналогии, а также заимствование однокорневых пар глаголов и существительных из других языков. Так, в русском языке безаффиксный способ оформления на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов і, ŏ, ŭ, а (ь, ъ) в результате переразложения основ. Таким способом возникли современные безаффиксные слова *воз*, *высь*, *сушь*, *ложь*, *новь*, *бой*, *мор*, *ток* 'течение' и др., которые безаффиксальными (соотносящимися по конверсии) следует считать со строго синхронной точки зрения (Н. М. Шанский 1968, 286).

Сказанного, с нашей точки зрения, достаточно для того, чтобы показать необходимость отдельного изучения как процессов, так и отношений в системе словообразования отдельных классификаций, как тех, так и других, а также отдельных определений как для способов словообразований, так и для соответствующих словообразовательных отношений.

Так, при определении словообразовательного процесса существен учет основного фонетико-морфологического средства, а также сопутствующих средств, переводящих слово из одного лексико-грамматического разряда в другой.

При определении словообразовательных отношений существенно обратить внимание на фонетико-морфологические сходства и различия однокоренных слов. Например, если отношения по конверсии определить как направленные отношения однокоренных слов, различающихся своими парадигмами (при возможно более короткой основе мотивируемого слова), то такое определение применимо, в частности, в английском языке, не только к словам, образованным по одноименному способу словообразования (feed$_v$ — feed$_n$, melt$_v$ — melt$_n$, hand$_n$ — hand$_v$, table$_n$ — table$_v$, overhang$_v$ — overhang$_n$), но и к словам, вставшим в отношения конверсии в результате других как словообразовательных, так и несловообразо-

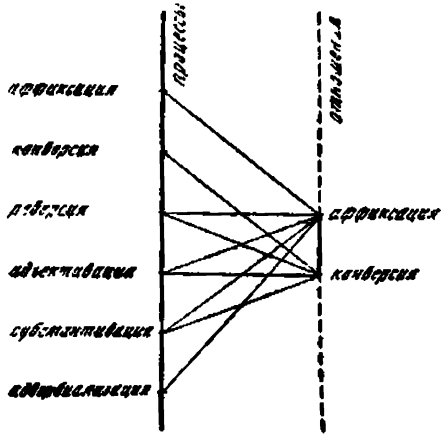

Рис. 3

вательных процессов, в частности к парам типа $love_v$ — $love_n$, $float_v$ — $float_n$, $mark_v$ — $mark_n$, $answer_{(v)}$ — $answer_n$, отношения между которыми восходят к индоевропейскому аффиксальному словообразованию (4% от общего числа пар), к парам типа $finish_v$ — $finish_n$, $mistake_v$ — $mistake_n$, $forge_v$ — $forge_n$, $approach_{(v)}$ — $approach_n$, вместе заимствованным в английский язык из других языков, к парам типа $foretaste_v$ — $foretaste_n$, $miscount_v$ — $miscount_n$, $overturn_v$ — $overturn_{(n)}$, mew_v — mew_n (34% от всех случаев), каждый член которых, по данным OED, возник независимо от другого, и т. д. (Соболева 1959, 42).

Нам представляется, что истинно синхронический подход к изучению явления конверсии вовсе не предполагает трактовку всех этих случаев как «образованных по конверсии».

С этой точки зрения нам кажется неудачной следующая формулировка из «Лексикологии английского языка» А. И. Смирницкого: «Эти слова имеют тождественную основу (основу love-, в данном случае совпадающую с корнем), но различаются системой своих форм — их парадигмой. . . Это их и различает как разные слова, о б р а з о в а н н ы е путем изменения парадигмы» (Смирницкий 1956, 71—72). Подобная формулировка представляется неточной, так как в случае $love_v$ — $love_n$ процесс конверсии никогда, по-видимому, не имел места. Вместе с тем трактовка всех приводимых выше случаев, как соотносящихся по конверсии, т. е. различающихся только парадигмами, в современном английском языке независимо от тех путей, которыми они пришли к этим отношениям, представляется более правильной с точки зрения соотношения диахронии и синхронии в системе словообразования.

Целью вышеизложенного было показать отсутствие взаимнооднозначных соответствий между словообразовательными процессами и словообразовательным отношением. Последнее, очевидно, является языковой универсалией.

Это явление можно также назвать асимметрией процессов и отношений в области словообразования (рис. 3).

На рис. 3 показаны много-многозначные отношения, связанные только с суффиксацией и конверсией.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений проявляется не только в том, что к одноименным словообразовательным отношениям могут приводить разноименные словообразовательные (и не словообразовательные) процессы, но и в том, что некоторые словообразовательные процессы вообще лишены своих собственных одноименных словообразовательных отношений; так, реверсия приводит к конверсии или аффиксации, адъективация — к суффиксации, адвербиализация — к суффиксации и префикса-суффиксации, субстантивация — к конверсии и аффиксации, сращение — к словосложению. Такая ситуация еще больше подчеркивает роль аффиксации, конверсии и словосложения в синхронном словообразовании.

ЛИТЕРАТУРА

Алосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., 1959.

Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.

Булаховский Л. А. Деэтимологизация в русском языке. — В кн.: Труды Института русского языка, т. I. М., 1949.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Вып. 1. Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938.

Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык, ч. I. М., 1962. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (АГ-70).

Земская Е. А. Как делаются слова. М., 1963.

Земская Е. А. Понятие производности, оформленности и членимости основ. — В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Иванова Л. П. О морфологической характеристике слова в современном английском языке. — В кн.: Проблемы морфологического строя современных германских языков. М., 1963.

Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия. — ВЯ, 1974, № 5.

Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., 1965.

Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.

Лопатин В. В. Адъективация причастий и ее отношение к словообразованию. — ВЯ, 1966, № 5.

Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973.

Сидельникова Г. Н. Образование безаффиксных отыменных глаголов в английском языке. Канд. дисс. Одесса, 1978.

Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. — Иностр. яз. в школе, 1956, № 5.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Соболева П. А. Словообразовательные отношения по конверсии между глаголом и отглагольным существительным в современном английском языке. Канд. дис., М., 1959.

Соболева П. А. О структуре словообразовательного формата. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1978.
Рыстер Г. И. Обратное словообразование в русском языке. — В кн.: Проблемы словообразования русского и украинского языков. Киев — Донецк, 1976.
Толмачева З. А. К вопросу об опрощении основ. — Учен. зап. Рижского пед. ин-та, вып. IV, 1959.
Чапуганов И. С. О видах усечения основ мотивирующих слов в русском словообразовании. — В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. М., 1975.
Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
Ярцева В. Н. К вопросу об историческом развитии системы языка. М., 1952. с. 92.
Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva G. Y., Sankin A. A. A course in modern English lexicology. M., 1979.
Krapp G. Ph. Modern English, its growth and present use. N. Y. 1910.
Marchand H. The categories and types of present—day English word-formation. A synchronic-diachronic approach. Wiesbaden, 1960.
Marchand H. Synchronic analysis and word-formation. — In: Studies in syntax and word-formation. München, 1974.
Marchand H. On content as a criterion of derivational relationship with back-derived words. — In: Studies in syntax and word-formation. München, 1974.
McNight G. N. English words and their background. N. Y. 1931.
Soboleva P. A. Derivational structure of the Russian lexicon. — In: Tiends in Soviet theoretical linguistics. Ed. F. Kiefer. Dordrecht — Holland, 1973.
Robertson S. The development of modern English. N. Y. 1939.
Yespersen O. A modern English grammar on historical principles. London, 1946.

Е. Л. ГИНЗБУРГ

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД. I

Истина одна: и в Тулузе, и в Париже
— Блэз Паскаль Пьеру Ферма 29 июля 1654 г.
Истина вещей не может быть в ином по отношению к себе месте, потому что тогда она не вполне есть сама
— Платон. Тимей.

В языкознании немало исследований, начинающихся со слова «спорный». Теоретически такие работы интересны тем, что, фиксируя разные, подчас дополнительные качества изучаемых объектов, они ставят вопрос об основаниях и механизмах их единства. Можно предполагать, что основанием структурного единства

таких объектов, корреспондирующего с материальным их единством, является всякий раз специфическое преобразование (или совокупность преобразований). Оно связывает дополнительные структуры, оставляет объект тожественным самому себе, абсолютно (в незначительном числе случаев) или (что чаще) с точностью до класса объектов, близких ему в том или ином отношении.

Преобразования, возможно, лучше было бы говорить метаморфозы, формы проведения тожественного в различающемся, равно как и различающегося в тожественном, на языковом материале систематически изучались только применительно к синтаксису предложения, фонетике и морфонологии слова, иначе говоря применительно к синтагматическим группировкам языковых единиц. В данной работе рассматриваются преобразования парадигматических группировок, а именно словообразовательных структур (или словообразовательных гнезд, С-гнезд) лексических гнезд однокоренных (Л-гнезд) [1].

Прежде всего будут рассмотрены некоторые из тех задач, связанных с анализом и описанием словообразовательных гнезд и словообразовательной системы в целом, которые приводят к необходимости постулировать существование таких языковых единиц, как преобразования словообразовательных гнезд. После этого будут описаны способы представления словообразовательных гнезд и моделирования их преобразований. Наконец будет рассмотрен вопрос о способах организации преобразований, или о системах преобразований.

ЛОКАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

I. Л-гнездо одно, но одно ли С-гнездо? Варианты или синонимы?

0. Семантически близкие однокоренные равнопроизводные или разнопроизводные? Иначе говоря, словообразовательные варианты или словообразовательные синонимы? В Л-гнезде с *жить* эти группировки представлены следующими сериями лексических синонимов:

С-варианты	С-синонимы
Житель, жилец	*Жизнь, проживание*
Жизнь, житье, жительство	*Живучесть, жизненность*
Жилье, жилище	
Житейский, жизненный	*Живительный, оживляющий*
	Живучий, жизненный

[1] Помимо словообразовательных отношений, Л-гнездо, в отличие от С-гнезда, организовано еще и иными, несловообразовательными отношениями, такими, как синонимия, антонимия, гипонимия и т. п.(Гинзбург 1979).

Живым, живьем	*Живо, оживленно*
—	*Жить, проживать, жительствовать*
	Оживлять, живить

Но куда, к С-вариантам или к С-синонимам отнести *нажива* и *наживка*, лексически может быть и связанные, но словообразовательно явно отделившиеся от гнезда с *жить*?

Такой ли у них статус, как и у слов *животное*, *животина*, *живность*? Или они упорядочены не только формально, но и семантически — так, как *учить* и *обучить*, *пароходы* и *пароходство*, а поэтому их можно, подобно *верить* и *веровать* (верить > вера > веровать), рассматривать как словообразовательные, но не лексические синонимы?

1. Словообразовательные связи, как и единицы, объединяемые ими, двуплановы, имеют план содержания и план выражения, см., напр., Леннгрен 1978, 10, 13: «Словообразовательная система основана в одинаковой степени (разрядка наша. — *Е. Г.*) на формальных и смысловых отношениях». Нередко оба плана согласованы по изменению, чаще всего по увеличению, сложности, что подчас и принимают за основное выражение направленности отношения производности. Но столь же, а может быть и более часты — это зависит от строя языка — случаи асимметрии типа *прелестный — прелесть*, *геология — геолог* 'тот, кто занимается геологией' или *мужчина — муж*, когда производное семантически сложнее, а формально проще производящего. Обычно об этом говорят в связи с направлением производности. Нас же будет интересовать сам факт наличия производности.

Возможны оба мыслимых типа асимметрии [2].

Первый — лексическая единица *А* производна от лексической единицы *Б* семантически, но отношения производности не выражены; семантически *А* и *Б* подобны другой паре лексических единиц *С* и *Д*, отношения производности между которыми обозначены; из-за тожества означающих пару (*А*, *В*) многие отказываются признавать словообразовательной, см., напр., Леннгрен 1979, 18, 11, ср. *шапка—шапошник* и *гречишник*$_1$ 'изделие из гречневой крупы или муки' — *гречишник*$_2$ 'тот, кто изготавливает гречишники$_1$; тот кто продает гречишники$_1$' [3].

Второй — лексическая единица *А* и лексическая единица *Б* семантически идентичны, но формально соотносятся так, как

[2] Предваряя дальнейшее изложение, можно было бы указать на возможность иного осмысления этих фактов, следующего из тезиса о возможности для двух слов принадлежать нескольким отношениям производности. Последние могут различаться не только по направлению, но и по тому, что является в них ведущим: план содержания или план выражения.

[3] Так по БАС. Можно было бы рассматривать их и как разные слова, как особый случай одноименности однокоренных, отличный от полисемии (Гинзбург 1978) — если усомниться в принадлежности *гречишник*$_1$ и *гречишник*$_2$ отношению метонимии.

если бы одна была производящей для другой: *лиса—лисица* (А. Лёнигрен относит сюда же *получить—получение*! (1978, 18)). Иначе говоря, семантически обе они равнопроизводны, ни одна не является производящей для другой, формально же это оказывается неверным, так как в одной из них, формально более сложной, вычленим аффикс, функциональная полноценность [4] которого не вызывает сомнений. О таких единицах *А* и *Б* говорят часто как о морфологических вариантах-словах (Филин 1963, Рогожникова 1969, Горбачевич 1978) или слова (Смирницкий 1961, Ахманова 1957). Далее объектом анализа будут гнезда, в составе которых можно обнаружить морфологические варианты-слова, одно из которых является первообразным и формально, и семантически [5].

В интересующие нас *n*-ки, обычно пары лексико-морфологических вариантов типа *вдова—вдовица*, в отличие от пар *гололед—гололедица*, *разлад—разладица* входят и нечленимые, и членимые слова. За каждым аффиксом — класс слов с этим аффик-

[4] Подобно аффиксам в бесспорных производных, этот сегмент и вычленим, ср. *лиса—лисица*, *сестра—сестрица*, *царь—царица*, и обеспечивает идентификацию класса, к которому принадлежит слово, ср. *лиса—лисица*, *кура—курица* и *тигрица* (при *тигр*), *львица* (при *лев*), или со связанной основой внезапное по роду *птица* (при *птенец*, *птаха*). Говорят о десемантизированности аффиксов как о постоянном признаке словообразовательных вариантов, см., напр., Красногорцев 1976. По крайней мере, для случаев типа *лисица* это не кажется бесспорным. Из двух функций, возможных для аффиксов, классифицирующей, ср. *волк—волчица—волчонок*, и идентифицирующей (ср. в англ. quack—quackster или в рус. использование *-щик* в дериватах на *-торщик* от существительных на *-тор*, совмещающих значения лица и орудия действия и соотносительных с именами на *-ция* и глаголами на *-ировать*: *вулканизатор* и *вулканизаторщик*; или в сфере сложений *письмонос—письмоносец*, ср. в англ. nutmeg — nutmegger, tarheel—tarheeler), аффикс в *лисица* используется в идентифицирующей функции. Связи его с другими аффиксами те же, что и классифицирующего *-иц(а)*. Говорить о нем как об асемантеме, полной или частичной, не кажется поэтому возможным, а значит, невозможно видеть в десемантизации аффиксов обязательное условие словообразовательного варьирования. На наш взгляд, для отнесения к словообразовательным вариантам важно лишь, чтобы совпадали деривационная структура и — с точностью до коннотаций — система лексико-семантических вариантов однокоренных единиц.

[5] Рассмотреть Л-гнезда с морфологическими вариантами первообразных существеннее, чем более частые, видимо, Л-гнезда с морфологическими вариантами, но не первообразных: вклад производных разного такта деривации в типологические особенности С-гнезда (Гинзбург, 1978) и его связи с другими С-гнездами того же типа, особенно для регулярных и компактных С-гнезд (Гинзбург 1973; 1979), различен. Общее правило таково: чем значительнее такт деривации производного, тем меньше его вклад, чем меньше такт деривации, тем этот вклад значительнее, тем существеннее семантическая функция этого производного (если связывать семантику данной единицы с ее ролью в организации подобных ей единиц). И прежде всего это касается производных от первообразного, к которым морфологические варианты первообразного могут быть отнесены по особенностям состава морфем.

сом и соответствующий категориальный компонент семантики этих слов, актуальный для одних из них, потенциальный для других. В справедливости сказанного убеждают эксперименты с квазисловами типа *тевная*, *труны*, *вяркота*, *лачевна*, *слопевна* Ю. Тувима (Бунина и др. 1956, 101). Возьмем слово *торс*. Квазислово *торсица* включает квазислово *торс*, омоним к реальному слову *торс*, в корреляцию *орел—орлица*, *часть—частица*, *жижа—жижица*, при ограничениях на род соотносительного нечленимого слова — в корреляцию *идол—идолица*, *лев—львица*, *медведь—медведица*, *орел—орлица*, *осел—ослица*, *царь—царица* и т. д. В квазисловах типа *торсица* носитель вещественных компонентов значения ирреален, членимость обеспечена реальностью используемой аффиксальной морфемы. Содержание такого квазислова диффузно, его исчерпывают категориальный компонент значения, ассоциируемый с аффиксом, и его парадигматические связи. Понимание этих единиц существенно в меньшей степени требует контекстной поддержки по сравнению с категориально-неопределенными типа *лисиш*, ср. анг. dandyish где корень реален, а аффикс ирреален. Не поэтому ли употребления таких квазислов, особенно квазиглаголов вроде *шебуршиться*, *пришпандорить*, *отчебуракать*, знаков, tokens которых существуют, а types — нет, фиксируются прежде всего в разговорной речи. Для пар типа *лиса—лисица* все это требует признания самостоятельности членимого слова. В квазигнезде членимые квазислова демонстрируют такие устойчивые связи соответствующих категориальных компонентов значения, которые, обеспечивая аналогию, приписывают им статус производных потенциальных лексических единиц русского языка, ср. *торс—торсица—торсенок—торсиный — по-торсиному* и *лев*, *медведь*, *орел*, *осел—львица*, *медведица*, *орлица*, *ослица—львенок*, *медвежонок*, *орленок*, *осленок—львиный*, *медвежий*, *орлиный*, *ослиный — по-львиному*, *по-медвежьи*, *по-орлиному*, *по-ослиному*. Признание слов типа *лисица*, *гололедица* первообразными может быть аргументировано только анализом локальной семантики однокоренных, той, которая является результатом взаимодействия лексической и словообразовательной систем. В собственно словообразовательном плане это производные.

2. Для большинства Л-гнезд с морфологическими вариантами-именами существительными [6], одно из которых и семантически, и формально первообразно, характерно ограниченное число членов. Кроме того, скорее всего не только не случайно, но в связи с указанным, для многих из них типично, что морфологическая вариантность семантически первообразных воспроизводится пред-

[6] В английском, по Еременко 1978, в гнездах с первообразными—существительными вариантов слов, в том числе лексико-морфологических вариантов, больше всего.

ставителями других деривационных категорий, притом всякий раз производными обычно одного и того же, реже синонимичных словообразовательных типов. Воспроизведенная морфологическая вариантность может быть проиллюстрирована следующей пропорцией

греча	*гречневый*	*гречневик*
гречиха =	*гречишный* =	*гречишник*
гречуха	*гречушный*	*гречушник*

Разобьем Л-гнездо с морфологическими вариантами, в семантическом плане первообразными, на части, такие, что в каждой состав производных исчерпывается потомками от одного и того же из этих морфологического варианта. Результаты условимся называть м о р ф о л о г и ч е с к и м и в а р и а н т а м и данного Л-г н е з д а [7]. К примеру, Л-гнездо из *баядера* и *баядерка* делится на два морфологических варианта: один исчерпывается словом *баядера*, другой — словом *баядерка*. Такие морфологические варианты Л-гнезда, равно как Л-гнездо в целом и соответствующее ему С-гнездо, т р и в и а л ь н ы. Н е т р и в и а л ь н ы е морфологические варианты Л-гнезда содержат, помимо семантически первообразных слов, еще и производные от них.

Ясно, что в ситуации минимального морфологического варьирования указанного типа возможны следующие типы Л-гнезд:

1. Оба Л-гнезда—морфологических варианта тривиальны (вырожденная симметрия): *баядера* и *баядерка*.

2. Одно из Л-гнезд—морфологических вариантов тривиально, а другое нет (вырожденная асимметрия). Примером могло бы быть объединение однокоренных *кобыла*, *кобылка*, *кобылий*, с одной стороны, *кобылица*, — с другой.

3. Оба Л-гнезда—морфологических варианта нетривиальны. Две разновидности этих Л-гнезд таковы:

3.1. Невырожденная симметрия Л-гнезд—морфологических вариантов. И по составу деривационных категорий, и по разнообразию представителей каждой из них, и по распределению производных относительно словообразовательных типов сравни-

[7] Помимо Л-гнезд—морфологических вариантов, возможны Л-гнезда—варианты иного типа, ср. обстоятельное исследование разных типов вариантов слова и слов в Ерёменко 1978. В качестве примера можно привести Л-гнезда—фонетические варианты. К ним, скажем, относится Л-гнездо из *матрас*, *матрасик*, *матрасный* и *матрац*, *матрацный* или Л-гнездо с *галоша*, *галошка*, *галошный* и *калоша*, *калошный*, см. Тихонов 1978, 87, 281, особо следует отметить предлагаемый принцип упорядочения Л-гнезд—фонетических вариантов по сложности состава. Сравнивая фонетическое, орфографическое и лексико-морфологическое варьирование в Л-гнездах английского языка, Г. Ф. Ерёменко (1978, 97) приходит к выводу, что разнообразие фонетических и орфографических вариантов падает с увеличением сложности С-гнезд и Л-гнезд, в то время как разнообразие лексико-морфологических вариантов не зависит от этого параметра.

ваемые совокупности однокоренных одинаковы, иначе говоря, изоморфны. Ср. *лохань — лоханка, лоханный — лоханочный; фляга — фляжка, фляжный — фляжечный; хорь — хорек, хоревый — хорьковый.*

3.2. Невырожденная асимметрия Л-гнезд—морфологических вариантов. Напр., члены сравниваемых совокупностей однокоренных лингвистических единиц, подобные по принадлежности одновременно и деривационным категориям, и словообразовательным типам, могут быть такими, что каждому компоненту одной из совокупностей найдется соответствующий компонент другой совокупности, но обратное, однако, не является верным. Этот случай, по Еременко 1978, 95, для английского наиболее част. Ср.:

	лисица	— *лиса*
	лисичка	— *лиска* и, кроме того, *лис, лисенок, лисонька, подлисок*
	лисичий	— *лисий, лисиный*, но главное
	—	— *лисить.*
Аналогично	*плешина*	— *плешь*
	плешинка	— *плешка* и, кроме того, *заплешина, проплешина*, но
	—	— *плешатый, плешивый* и производные от него *плешивость, плешиветь, оплешиветь*

и т. д.

Подобное соотношение определяет возможность один из вариантов считать основным, а другой — второстепенным. Обычно основным вариантом является морфемно более простое [8].

3. Как описывать Л-гнезда—морфологические варианты?

3.1. Можно считать, что каждому морфологическому варианту Л-гнезда в случаях их асимметрии соответствует свое С-гнездо. Это решение неудовлетворительно по ряду причин. Для начала симметричные и асимметричные Л-гнезда, характеризующиеся морфологическим варьированием, трактуются по-разному: слово-

[8] Классификацию Л-гнезд с подгнездами—морфологическими вариантами можно было продолжить и далее. Отметим особо следующий случай невырожденной асимметрии. Л-гнездо с морфологическими вариантами *скот* и *скотина* таково, что каждое обладает индивидуализирующими, внекоррелятивными компонентами как дополнительных деривационных категорий:

скот: *скотный, скотский; по-скотски*

скотина: *оскотиниться*,

так и одной и той же деривационной категории:

скот: *скотство, скотник*

скотина: *скотинка, скотинушка, нескотина.*

В английском языке асимметрия чаще всего обязана глаголам и наречиям, реже существительным и прилагательным, чаще 3-го—4-го тактов деривации. Наследование вариантности семантически первообразных ограничено производными 2-го такта (Еременко 1978, 97).

образовательные структуры симметричных Л-гнезд—морфологических вариантов, т. е. их словообразовательные инварианты, или С-гнезда, одинаковы (если согласиться, что С-гнездо — это нечто иное, чем Л-гнездо, и что С-гнездо характеризуется прежде всего составом деривационных категорий, представители которых составляют Л-гнездо). Связь между Л-гнездами—морфологическими вариантами становится неподведомственной словообразованию, а это противоречит тому, что морфологические варианты Л-гнезд вычленялись исходя из словообразовательных особенностей их компонентов: упрощение словообразовательной структуры Л-гнезд оборачивается усложнением лексической структуры совокупности однокоренных. Плохо и то, что вопрос о слово-

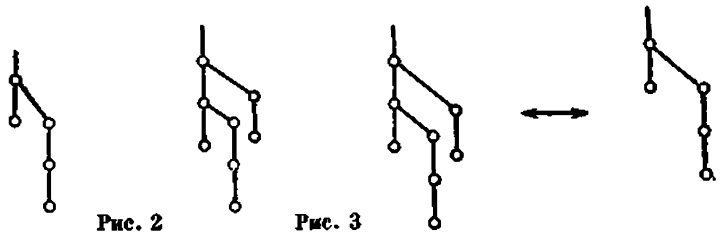

Рис. 1 Рис. 2 Рис. 3

образовательно значимом членении Л-гнезда на сосуществующие, но независимые словообразовательные структуры, ясный для случаев типа *полковник — полк*, *воспитать — питать* или *наказать — казнить*, здесь, как и в случаях со связанными основами типа *привыкать — отвыкать* (ср. *прицепить — отцепить* при производящем *цепь*), теряет свою определенность.

3.2. Альтернатива только одна — морфологические варианты Л-гнезда принадлежат одному и тому же С-гнезду, Л-гнездо в целом характеризуется несколькими С-гнездами.

Морфологические варианты *греча*, *гречка*, *гречиха*, *гречуха* семантически тождественны, все они — представители одной и той же деривационной категории. Это верно и для результатов воспроизведения этой вариантности, т. е. для *гречишный*, *гречневый*, *гречушный* и производных от них *гречишник*, *гречневик*, *гречушник*. Пополнив совокупность деривационных категорий, представленных этими рядами морфологических вариантов, теми, которым принадлежат *гречишки* от *гречиха* и *гречишник*$_2$ от *гречишник*$_1$, получим С-гнездо, отражающее план содержания словообразовательной структуры рассматриваемого Л-гнезда адекватно, а особенности плана выражения — лишь частично, неполно (рис. 1). Иное С-гнездо, которое предполагает производность *гречиха*, *гречуха* и *гречка* от *греча* (рис. 2). Такое С-гнездо хорошо согласуется с формальными особенностями морфологических вариантов *греча — гречиха — гречуха*, но плохо с их семантикой.

Таким образом, адекватное описание словообразовательной структуры рассматриваемого Л-гнезда диктует принадлежность его компонентов одновременно двум С-гнездам. Остается объяснить немногое — единство этой словообразовательной структуры. Можно предполагать, что оно обязано взаимопреобразованиям указанных С-гнезд. Такое преобразование изображено на рис. 3.

3.3. В процессе преобразования С-гнезд могут изменяться — при том же составе лексических единиц, принадлежащих С-гнезду — тип С-гнезда и/или его структура, состав деривационных категорий производных, представленных в С-гнезде [9]. В абсолютном большинстве С-гнезд меняется структура, и это может быть сопряжено с изменением типа С-гнезд. Нет случаев, когда бы структура С-гнезда сохранялась, а тип изменялся.

3.3.1. И тип С-гнезда, и его структура остаются неизменными в случае Л-гнезд со словами *картофель*, *кобыла*, *слобода*, *плешь*, *шельма*. Так, независимо от того, считаем ли мы слово *картошка* производным от *картофель* или равнопроизводным с ним, т. е. первообразным, состав деривационных категорий в С-гнезде, организующем совокупность *картофель*, *картошка*, *картофелина*, *картофельный*, не изменится, поскольку деривационная категория слова *картошка*, если оно принимается за производное, совпадает с деривационной категорией слова *картофелина*. Это пример тожественного преобразования С-гнезд.

3.3.2. Нетожественные преобразования представлены двумя случаями.

П е р в ы й — изменяется и тип, и структура С-гнезда. Такие преобразования характеризуют Л-гнезда с *баядера*, *жилет*, *культя*, *лохань*, *редис*, *сардина*, *табурет*, *трусы*, *фляга*, *хибара*, *хорь*, *ярыга*. В Л-гнезде с *культя*, кроме него, только еще одно слово — *культяпка*. Гнездо тривиально, оно состоит из первообразных, если *культяпка* принадлежит той же деривационной категории, что и *культя*, т. е. с сугубо семантической точки зрения. Оно минимально отлично от тривиального, если *культяпка* рассматривается как производное, т. е. с сугубо формальной точки зрения. Преобразования этого типа отличают Л-гнезда с *баядера*, *культя*, *сардина*, *трусы*, *хибара*. Ему противопоставлено преобразование, ни операнд, ни образ которого не являются тривиальными С-гнездами. Такие преобразования, характеризуют Л-гнезда с *жилет*, *лохань*, *редис*, *табурет*, *фляга*, *хорь*, *ярыга*. Л-гнезду из *жилет*, *жилетка*, *жилетный*, *жилеточный*, в зависимости от того, считаем ли мы *жилетка* производным или нет, могут быть приписаны два С-гнезда. Одно предполагает, что *жилет* и *жилетка* (*жилетный* и *жилеточный* соответственно)

[9] Если учитывать при характеристике С-гнезд только состав деривационных категорий, но не интенсивность их репрезентации в Л-гнезде, что является фактом скорее взаимодействия словообразования и лексики, чем собственно словообразования.

принадлежат разным деривационным категориям, а другое нет. В первом две деривационные категории, во втором четыре, первое принадлежит к типу С-гнезд, предполагающему наличие в Л-гнезде производных существительных и прилагательных от первообразного и от производного существительных. Во втором С-гнезде состав деривационных категорий исчерпывается категориями первообразного существительного и производного от него прилагательного.

В т о р о й — изменяется состав деривационных категорий, но не тип С-гнезда. Такие преобразования характеризуют Л-гнезда с *брошь, греча, кошель, лиса, опера, сельдь, серьга, скот, тетрадь, щебень, ябеда*. Рассмотрим Л-гнездо *брошь, брошка, брошечка*. Семантически *брошь=брошка*. Формально *брошь* > *брошка*, *брошка* > *брошечка*. Семантически в гнезде два первообразных, одно производное, а формально все наоборот: одно первообразное, два последовательных деривата. В обоих случаях тип С-гнезд один и тот же, он характеризуется наличием в С-гнезде только существительных. Показательно, что именно членимое первообразное — лидер в Л-гнезде (см. Ахманова 1957, 218), ср. замечание Н. Дурново о соотношениях *рассветать* и *светать*, сейчас морфологических вариантов: «В литературном языке начала XIX в. *светать* было употребительнее, чем *рассветать*, теперь наоборот» (Дурново 1931, 155). Эта же тенденция во временной ее проекции определяла бы необходимость отнести члены одного Л-гнезда (!?) устар. *бдеть* и живое *бдительный* к разным С-гнездам, рассматривать *бдеть* либо как первообразное, исчерпывающее свое С-гнездо, либо — что хуже — как производное от *будить*.

II. (A > B или B > A) или (A > B, а затем B > A) или (одновременно A > B и B > A)

1. Связанность *казнь* и *казнить* производностью, или принадлежность к одному и тому же словообразовательному гнезду, С-гнезду, в рамках трансформационного анализа (Волоцкая 1960) подтверждается следующими преобразованиями:

1. X *казнил* Y-а ⇔ X подверг Y-а *казни*
2. X *казнил* Y-а ⇔ Y был *казнен* X-ом ⇒ Y был *казнен* ⇔ Y подвергся *казни*
3. X-ы *казнили* Y-а ⇔ *Казнь* Y-а X-ами ⇒ *Казнь* Y-а ⇔ Y-а *казнили* ⇐ X-ы *казнили* Y-а
4. Утром *казнили* Y-а ⇔ Утром состоялась *казнь* Y-а
5. X может *казнить* Y-а ⇔ Возможность *казни* Y-а X-ом
6. X может *казнить* Y-а ⇒ Возможность для X-а *казни* Y-а
7. Царь жестоко *казнил* стрельцов ⇔ Жестокая *казнь* царем стрельцов ⇒ Жестокая *казнь* стрельцов ⇔ Стрельцов жестоко *казнили* ⇐ Царь жестоко *казнил* стрельцов

8. X хочет, чтобы Y-а *казнили*/Y был *казнен* ⇔ X хочет, чтобы Y был подвергнут *казни*
9. X хочет, чтобы Y-а *казнили*/Y был *казнен* ⇔ X хочет *казнить* Y-а ⇔ X хочет *казни* Y-а
10. X может *казнить* Y-а ⇔ X может подвергнуть Y-а *казни*, аналогично с глаголами *приказать*, *велеть*
11. X распорядился, чтобы Y-а *казнили*/Y был *казнен* ⇔ X распорядился *казнить* Y-а ⇔ X распорядился о *казни* Y-а ⇔ X отдал распоряжение о *казни* Y-а ⇔ X отдал распоряжение *казнить* Y-а ⇔ X распорядился *казнить* Y-а
12. X приказал, чтобы Y-а *казнили*/Y был *казнен* ⇔ X приказал *казнить* Y-а ⇔ X отдал приказ о *казни* Y-а
13. X приказал Z-ам, чтобы W-ты *казнили* Y-а ⇔ X отдал приказ Z-ам о *казни* Y-а W-тами ⇒ X отдал приказ Z-ам о *казни* Y-а ⇔ X приказал Z-ам *казнить* Y-а
14. X приговорил Y-а *казнить* ⇔ X приговорил Y-а к *казни*
15. X приговорил Y-а *казнить* ⇔ X вынес приговор Y-а *казнить* ⇔ X вынес приговор о *казни* Y-а ⇒ Приговор X-а о *казни* Y-а ⇒ Приговор о *казни* Y-а ⇐ Приговор *казнить* Y-а
16. X потребовал от Z-а, чтобы Y-а *казнили*/Y был *казнен* ⇔ X потребовал от Z-а *казнить* Y-а ⇔ X потребовал от Z-а *казни* Y-а ⇔ X потребовал *казни* Y-а ⇐ X потребовал *казнить* Y-а ⇐ X потребовал от Z-а *казнить* Y-а
17. X спешит *казнить* Y-а ⇔ X спешит с *казнью* Y-а ⇔ Спешка X-а с *казнью* Y-а ⇒ Спешка с *казнью* Y-а
18. Видеть (то), как *казнят* Y-а ⇔ Видеть *казнь* Y-а ⇔ Вид *казни* Y, ср. картина/сцена *казни* Y-а.

2. Отношение производности направлено. Что же производно от чего, *казнь* от *казнить* или *казнить* от *казнь*?

2.0.1. Отношение производности не просто направлено, оно однонаправлено: производящее и производное не могут меняться ролями — имея это в виду, говорят, что отношение производности антисимметрично.

Асимметрия отношений производности, вообще маркированности (на этом свойстве производности как обязательном настаивают многие, см., напр., Леннгрен 1978, 13, 19), — иной термин для необратимости языкового времени. Различают (Рейхенбах 1962) слабую и сильную необратимость времени. О последней говорят, когда каждое событие обладает индивидуальными, неповторимыми свойствами и наличие их обнаруживается без обращения к прошлому или будущему. О слабой необратимости говорится в случае неисчезающих различий между предшествующим и последующим состояниями, между раньше и позже. Словообразование позволяет говорить и о слабой, и о сильной необратимости отношений производности. Сильная обнаруживается, например, в лексикализации, или, как говорят иначе, идио-

матизации производного, в приравнивании в ряде ситуаций производного к первообразным, для которых в словообразовательном плане типично противопоставленность каждого всем остальным, в приравнивании, приводящем в конце концов к разрыву гнезда, ср. *учредить* и *чередь*, *череда* (Дурново 1931, 155). Слабая необратимость отношений производности заключается в том, что словообразовательные нормы, относящие производящее и производное каждый раз к своему классу, для этих лексических единиц разные: «Формотворчество совершается путем разграничения от- и о-граничения» (Хайдеггер 1979, 154). Поэтому возможность истолковать слово A через однокоренное слово B, а B — через A, совсем не означает обратимости отношения производности и подобия этой ситуации порочному кругу в доказательствах. «Логические дедукции в общем случае обратимы; если из высказывания A следует высказывание B, то может существовать и обратное следствие — A из B. Эти дедукции становятся некоммутативными, если выведение B из A сопровождается переходом к иным логическим нормам (Кузнецов 1979, 15).

2.0.2. Есть, однако, немало исключений, исключений, казалось бы, наводящих на мысль о принадлежности производности не к антисимметричным, но только несимметричным отношениям, когда производящее остается таковым только относительно некоторых критериев [10] направления производности. Относительно же других оно утрачивает этот статус и оказывается производным, а не производящим. А то, что было производным от него, становится его производящим [11].

[10] В лингвистике, как и в любой другой эмпирической науке, те или иные критерии идентификации данного объекта могут быть неприменимыми. Так бывает, если объект не обладает проверяемыми свойствами. Результат испытания может оказаться неопределенным — так получается, когда критерий предполагает оценку альтернатив, а задать все их оказывается почему-либо невозможным. Результаты испытания разных критериев на одном и том же материале могут оказаться, наконец, несогласующимися: относительно оцениваемых свойств изучаемый объект противоречив, обладает не одной, а несколькими организациями, такими, что некоторые из них основаны на логически взаимоисключающих, дополнительных, свойствах. Такая ситуация подчас предполагает неравнозначность дополнительных организаций, например, когда множества критериев, поддерживающих взаимоисключающие решения, разномощны или когда совокупность критериев иерархически упорядочена по весу или по области действия и критерии, приводящие к несогласующимся оценкам, принадлежат разным звеньям этой организации (см. применительно к фонологии Живов 1975). Естественно допустить, что подобная иерархическая организация критериев не меняется от одной части лексической системы к другой и от одной лексической единицы к другой. Тогда источником суждений об этой организации функций оценки могло бы быть их распределение относительно пар единиц, на каждой из которых критерии дают несогласующиеся результаты.

[11] Разумеется, речь идет об одних и тех же лексических единицах; этим рассматриваемый случай отличается от осцилляции, трехчленного отношения, являющегося композицией двух бинарных отношений производности,

2.1.1. *Казнь — казнить*. Аналогично *кара — карать*. Первое в полтора раза чаще употребляется, чем второе. Поскольку большая частота характерна для производящих [12], *казнь* > *казнить*; ср. по тому же самому источнику (Засорина 1977) частоту близких по смыслу *наказать* и *наказание*: 17 и 14 (при *наказывать* 8, *наказывание* 0); *убить* и *убийство*: 156 и 27; *портить* и *порча*: 20 и 1; *повредить* и *повреждение*: 21 и 13, но для иноязычных со связными основами *ликвидировать* и *ликвидация*, как и для *казнь* и *казнить*, обнаруживаем обратное: 24 и 37. Подобное соотношение частот у соответствий *казнь* и *казнить* в чешском было достаточным для М. Докулила, чтобы предпочесть kázeň → káznit, а не káznit → kazeň (Dokulil, 1962, 209) [13].

2.1.2. Производное отличается от производящего большей регулярностью форм. Синкретизм форм, предполагающий систему контекстных средств выражения их оппозиции, — признак первообразности лексемы. Чем значительнее число совпадающих форм, *тем значительнее зависимость их выбора от контекста*, тем аргументированнее признание такого слова в рассматриваемом отношении первообразным. Если со сказанным согласиться, то *казнь* с омоформией род., дат., предл. п. ед. ч., им. и вин. п. мн. ч. должно рассматривать как производящее для подобного *женить* или *сочетать* двувидового *казнить* (Karcevski 1927, 114—115).

2.1.3. Аналогичны результаты изучения текстов иного, нелокального плана. Судя по материалам о новообразованиях XX в. в русском языке, разнообразие (по многим параметрам) новообразований-производных на *-ить* от существительных самых раз-

---

таких, что производное в первом и производящее во втором являются одной и той же, а производящее в первом и производное во втором — разными лексическими единицами, двумя лексико-семантическими вариантами одного и того же слова: *золото — золотой — золото*, *декрет — декретный — декрет*.

[12] В силу равносильности бóльшей частоты лексемы в синтагматическом плане мéньшему разнообразию ограничений на использование, или большей независимости от контекста, а в парадигматическом — более широкой областью десигнации, этот результат, ср. мнение Бахтуриной (1966, 98), соответствовал бы той более сильной точке зрения на деноминативные глаголы на *-ø-/ить* (см., напр., Панов 1959, 18), в силу которой они представляют собою грамматическую форму существительного.

[13] Синтагматические характеристики, казалось бы отражающие изменения в статусе и соотношениях единиц в бóльшей мере, чем парадигматические, в данном случае консервативнее. Сравнение частотных характеристик *казнь* и *казнить* приводит к результату, соответствующему отношениям прообразов этих единиц XI—XVII вв., когда в Л-гнезде с *казнь* и *казнить*, тесно связанном с Л-гнездом с *наказать*, лидирующим было *казнь*, гораздо раньше фиксированное (1076), обладавшее и более развитой фразеологией (*духовная*, *торговая*, *церковная казнь*), и большим числом дериватов, среди которых находим и синонимы к дериватам от проформы для *казнить* (при этом первые семантически всегда шире, чем вторые).

ных склонений, но не от сущ. жен. р. на -ь, по нашим данным значительнее разнообразия новообразований-существительных жен. р. на -ь от глаголов на *-ить* (см. в этой связи Земская 1963, Бахтурина 1966, Лопатин 1973). Напомним некоторые примеры: *антибиотики — антибиотить*, *физкультура — физкультурить* 'заниматься физкультурой', *берлога — берложить*, *барахолка — барахолить*, *диэта — диэтить* 'быть на диэте', *скарлатина — скарлатинить*, *луна — лунить*, *вахта — вахтить*; *десятилетие — десятилетить* (С. Третьяков); *базар — базарить*, *пунктир — пунктирить*, *шест — шестить* 'пользоваться шестом', *ошанить — Ошанин*, *Иуда — иудить*, *декан — деканить*, *витамин — витаминить* и т. п. при есенинских *выбелить — выбель*, *обморозить — обморозь*, *морщить — морщь*, *бредить — бредь* или нагибинском *студить — студь*. Не раз было показано, что новообразования, предсуществующие в «сокровищнице языка» (Флоренский 1972, 350), демонстрируют продуктивное, центральное в его оппозиции непродуктивному, периферийному (Карцевский 1927, 41—42; 1932; Дурново 1931, 141, 144, 151—2; Реформатский 1979, 97: «Неологизмы. . . противоречат вердиктам о непродуктивности»).

2.2.1. Лексическая единица *A* является производящей для однокоренной лексической единицы *B*, если переход от фраз с нефразеологически используемой *A* к близким по смыслу фразам с нефразеологически используемой *B* не является безусловным — в противоположность переходу от фраз с нефразеологически используемой *B* к близким по смыслу фразам с нефразеологически используемой *A*, если на переход от фраз с *A* к фразам с *B* ограничений больше, чем на переход обратного направления.

Для пары *казнь* и *казнить* этот критерий определяет производность *казнь* от *казнить* [14].

1. Y был *казнен* ⇔ Y подвергся *казни*, но Y был *казнен* X-ом ⇔ *Y подвергся *казни* X-ом/со стороны X-а, ср.' Y подвергся нападкам со стороны X-а

2. Партизаны *казнили* предателей ⇔ *Казнь* предателей партизанами, но Партизаны *казнили* предателей ⇔ *Партизанская *казнь* предателей, равно как ⇔ *Предательская *казнь* партизанами. И еще: Царь жестоко *казнил* стрельцов ⇔ *Жестокая царская *казнь* стрельцов

3. X распорядился *казнить* Y-а ⇔ X распорядился о *казни* Y-а, но X приказал/велел *казнить* Y-а ⇔ *X приказал/велел о *казни* Y-а.

2.2.2. То же получим, если рассмотрим разнообразие непосредственных производных от сравниваемых слов. Производящее обладает большим деривационным потенциалом (Соболева 1959).

[14] Первообразным *казнить* в паре *казнить* и *казнь* считает, например, В. И. Даль (Толковый словарь живого великорусского языка. Л.—М., 1955, с. 75).

У слова *казнь* производных нет, *казнить* дает не только *казниться* и *расказнить*, но *казненный*. Поэтому в рассматриваемой паре *казнь* производное, а *казнить* — производящее. Тогда Л-гнездо с *казнь* и *казнить* обладает регулярным С-гнездом, в противном случае С-гнездо нерегулярно, а это важно, поскольку регулярное С-гнездо наиболее последовательно реализует рассматриваемое свойство отношения производности как частного случая отношения маркированности (Гинзбург 1973).

2.2.3. *Казнь* не имеет синонимов, *казнить* имеет. Сопоставим в том же отношении *казнить* и производное от него *казниться*: первое входит в синонимический ряд с большим числом членов — *мучить*, *терзать*, *изводить*, *казнить*, *истязать*, но *мучиться*, *терзаться*, *изводиться*, *казниться*. У производного синонимов меньше, чем у производящего, если доверять словарю синонимов (Евгеньева 1975). И это естественно, если принять, что лидер такого языкового коллектива, как Л-гнездо, все члены которого принадлежат одному и тому же С-гнезду, обладает большим разнообразием связей не только внутри самого этого коллектива, но и вне его, с членами других коллективов. Но если это так, то в паре *казнь* — *казнить* производящее не *казнь*, а *казнить*.

2.3. При равнооформленности однокоренных судить о направлении производности предлагают по парам лексических единиц, семантически близких к обсуждаемым, где оно формально выражено. К сожалению, «допуски» для таких умозаключений по аналогии как правило не указываются. Можно полагать, что квалификация по аналогии приемлема, если соотношения и эталонных пар, и их членов не изменятся или изменятся, но незначительно при пополнении совокупности образцов обсуждаемой парой единиц. Удобно показать это на топологии пар семантически однородных лексических единиц, связанных отношениями производности. Расстояние между объектами будем определять модулем разности их частот, деленным на наибольшую из них. Возьмем *повредить*, *портить*, *убить*, близкие к *казнить*, и производные от них *повреждение*, *порча*, *убийство*, близкие к *казнь*. Для них верно, что:

— среднее расстояние между производящими меньше среднего расстояния между производными, отличия маркированных членов оппозиции значительнее, чем немаркированных; потомки близких дивергируют;

— среднее расстояние между производящим к производным больше, чем между производящими: для них отношения производности менее значимы, чем иные лексические отношения, в семействе семантически близких единиц однокоренные связаны слабее, чем разнокоренные, это компенсируется общностью корня;

— среднее расстояние между производящим и производным меньше, чем между производными: для последних отношения производности более значимы, чем иные лексические функции, общ-

ность по корню имеет прежде всего смысл для производного. Сравним этот вывод с предыдущим. Мы обнаружим асимметрию производящего и производного, коррелирующую с асимметрией производящей основы и форманта в составе производного (например, относительно различий между полисемией и омонимией). Заметим, что для внутриглагольной деривации первое и третье соотношения носят иной характер, см. Гинзбург 1977, 37.

Предположим, что *казнить* > *казнь*. Гипотеза неверна, если пополнение «идеальных» пар испытуемой парой исказит эти соответствия. Но это не так. А значит, та часть системы, где в парах «глагол — существительное» глагол является производящим и где отношение производности внешне выражено, допускает, если не навязывает, расширение состава этих пар за счет пары *казнь* и производящего *казнить*.

Но необходимо проверить и прямо противоположную гипотезу: *казнить* > *казнь*. Для этого нужна совокупность эталонов, пар «существительное — деноминативный глагол», семантически близких к *казнь* и *казнить*. Сделать это оказалось невозможным: среди слов, семантически близких к *казнь*, явно неотглагольными с синхронной точки зрения являются *ущерб*, *урон*, *изъян*, *авария*, но они не имеют производных глаголов, а слова *ликвидация*, *вред*, *пакость*, имеющие соотносительные с ними глаголы *ликвидировать*, *вредить*, *пакостить*, не в счет: направление производности в этих парах не является очевидным. Это значит, что гипотезу невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Итак, указанный критерий с несомненностью выявляет принадлежность *казнь* и *казнить* отношению производности «глагол — отглагольное существительное», не опровергая, равно как и не утверждая, принадлежности *казнь* и *казнить* отношению производности «существительное — деноминативный глагол».

Замечание. Заключение по аналогии лежит в основе еще двух критериев.

Первый состоит в подобии данной пары другой паре в том же лексическом гнезде. Так, *вред* — *вредить* подобно *повреждение* — *повредить*, поэтому *вред* признается отглагольным.

Второй состоит в подобии пар, в одной из которых направление производности выражено, причем обе пары имеют общий член, а единицы, различающие их, синонимичны. В паре *пакость* — *пакостить* *пакость* — производящее из-за синонимии *пакостить* слову *пакостничать*, несомненному производному от *пакость* (но не только от него).

2.4. Таким образом, мы приходим к двум прямо противоположным решениям. Оба необходимы, если характеристика словообразовательной структуры гнезда с этими словами должна объяснять особенности их поведения в языке. Признать их — все равно что признать множественность словообразовательных структур у Л-гнезда с *казнь* и *казнить* и наличие таких связей между ними, которые объясняли бы принадлежность и *казнь*, и *казнить* попеременно то к выводимым, то к невыводимым.

3. Практика кодификации ориентируется на естественность одного какого-либо решения.

3.1. Может фиксироваться двунаправленная выводимость, или двусторонняя мотивация (Dokulil 1962. 208). А. Н. Тихонов (1972, 262) видит такие отношения между равнопроизводными однокоренными со связанными основами одной и той же части речи типа *привыкать—отвыкать*. Для А. Д. Зверева (1972, 75) они делятся на отношения взаимомотивированности между равнопроизводными единицами со связанными основами и с синонимичными: *запасти—припасти* или антонимичными аффиксами: *привыкнуть—отвыкнуть* и на отношения ненаправленной мотивации между единицами типа *вонзить—пронзить, принять—снять—отнять*. Когда дело касается пар слов разных частей речи типа *ликвидация — ликвидировать, иллюминация — иллюминировать, реферат — референт — реферировать, оппонент — оппонировать*, между которыми «направление производности не выражено» (Земская 1966, 12; презумпция подобного утверждения — признание наличия между членами таких пар отношений производности), И. С. Улуханов и В. В. Лопатин говорят о словообразовательной соотносительности (отношении, отличном от мотивированности?), или о «взаимной мотивации». Последние они видят также между членами пар типа *фашизм — фашист*; их они допускают в качестве форм объединения единиц типа *решить* и *решать, толкать* и *толкнуть* (Лопатин, Улуханов 1966, 58—59). Г. С. Зенков видит такие отношения не только между *улица—переулок* и *привыкать—отвыкать*, но и между *робеть—робкий* (Зенков 1969, 119—120). В подавляющем большинстве работ речь идет об отношениях производности между словами не со свободными, как в нашем случае, а со связанными основами, см. в этой связи Панов 1970, 260. И это едва ли случайно. Можно полагать, что слова со связанными основами типа *привыкать—отвыкать* появляются, если, наряду с отношениями производности, они принадлежат к словообразовательным отношениям, отличным от отношений производности, но способным к преобразованию в них при эрозии производящего. Для отношений «взаимной мотивации» важно, чтобы их прообраз был отношением симметричным.

3.2. Может быть и так. Взаимовыводимость не признается, фиксируется однонаправленность отношений производности, но для одной и той же пары лексических единиц разными исследователями прямо противоположным образом (см. таблицу). Признание этих, казалось бы, взаимоисключающих решений равно обоснованными говорило бы о том, что среди структурирующих начал изучаемой системы всегда есть дополнительные для каждой такой единицы, во-первых, и о таком их взаимодействии, которое выражает основания динамики анализируемой системы как образа ее исторического окружения, во-вторых.

А	Б	А > Б	Б > А	А	Б	А > Б	Б > А
добрый	добро	1,146	4,151	арестовать	арест	4	7
злой	зло	1,146	4,193	атаковать	атака	1; 4	7; 3
теплый	тепло	1,146	4,488	беседовать	беседа	1	2
обидеть	обида	1,143	12,154	цитировать	цитата	11,16	10,140
грохотать	грохот	3,434; 1,35	7,78	рисковать	риск	1,75	3
сострадать	сострадание	12,156	13,116	проповедовать	проповедь	1,144	12,156
горланить	горлан	1,144; 7,78	6,85	праздновать	праздник	1	4,357
ханжить	ханжа	6,84—85	2,109	отсутствовать	отсутствие	5,373; 1,67	12,156
транжирить	транжира	1,144; 7,78	6,85	присутствовать	присутствие	5,340; 1,67	12,156
амнистировать	амнистия	4,244—5	8,122	приветствовать	приветствие	1,67	1,240; 7
анализировать	анализ	4,244—5	8,122	содействовать	содействие	1,67	1,240
гарантировать	гарантия	4,244—5	8,122	соответствовать	соответствие	1,67	1,240
контролировать	контроль	4,244—5	8,122	действовать	действие	1	2
синтезировать	синтез	4,244—5	8,122	усердствовать	усердие	1	2; 4,355
флиртовать	флирт	4,244—5	8,122	участвовать	участие	1	2
ремонтировать	ремонт	1	7,77	большевизм	большевик	9,561	5,26

1 — АГ-70; 2 — АГ-53; 3 — Виноградов 1947; 4 — Тихонов 1971; 5 — Тихонов 1978; 6 — Бахтурина 1966; 7 — Зверев 1972; 9 — ССРЛЯ, I. 1950; 10 — Земская 1973; 11 — Ленгрен 1978; 12 — Дурново 1931, 13 — Карцевский 1927.

4. Что меняется, а что остается неизменным в системах Л- и С-гнезд при предпочтении одной словообразовательной структуры Л-гнезда с *казнь* и *казнить*, а не другой, или, что то же, при преобразовании одной в другую?

4.1. Система Л-гнезд не претерпевает изменений, обе словообразовательные структуры приписываются одной и той же совокупности однокоренных лексических единиц, одному и тому же лексическому гнезду. Инвариант описанного перехода — то качество взаимодействия словообразовательной и лексической систем (на словесно-гнездовом уровне описания этого взаимодействия), которое связано с членением лексических гнезд словообразовательными гнездами при предварительно фиксированном делении словаря на лексические гнезда.

4.2. Система С-гнезд. Изменится соотношение подсистем С-гнезд. Напомним, что их разнообразие ограничено двояко: допущением невозможности таких С-гнезд, каждому из которых принадлежат первообразные разных частей речи, во-первых; фиксацией набора возможных для данного языка фундаментальных категорий слов, частей речи, во-вторых. Описанное изменение может носить качественный или только, как в данном случае, количественный характер. Качественные изменения были бы связаны с появлением новой подсистемы гнезд.

Иные изменения в соотношениях подсистем могут быть обязаны изменениям подсистемы. Они могут состоять в появлении или исчезновении какого-либо типа гнезд, определяемого составом частей речи производных в гнездах этого типа. В данном случае этого нет — альтернативные С-гнезда предполагают наличие среди объединяемых лексических единиц производных одних и тех же частей речи: глагола, прилагательного и существительного. С-гнезда, в которых производные относятся к этим категориям, могут быть как с первообразными глаголами, так и с первообразными существительными, ср.:

Адрес	*адресовать* *адресоваться* *переадресовать*	*адресок* *адресочек* *адресат*	*адресный*
Баловать	*побаловать* *разбаловать* *разбаловаться* *избаловать* *избаловаться* *баловаться* *забаловаться* *побаловаться*	*баловень* *баловник* *баловство*	*балованный*

Может измениться соотношение типов: количественное, если альтернативные структуры данного Л-гнезда присущи и другим Л-

гнездам с одной-единственной словообразовательной структурой, для каждого своей, или качественное, если хотя бы одно из обсуждаемых С-гнезд присуще только данному Л-гнезду (но в каждом типе С-гнезд разнообразие С-гнезд им не исчерпывается). В данном случае имеет место последнее.

С-гнездо с первообразным существительным, интерпретируемое однокоренными к слову *казнь*, индивидуально, не существует никаких иных Л-гнезд, которым была бы присуща подобная словообразовательная структура. С-гнездо с первообразным глаголом, интерпретируемое однокоренными слову *казнить*, не является индивидуализированным, ср.

Казнить	*казниться* *расказнить*	*казнь*	*казненный*	*казненный*
Алкать	*взалкать*	*алчба* *алкание*	*алчный*	*алчность*

По материалам «Грамматики словообразовательных гнезд русского языка», основанной на данных четырехтомного академического «Словаря русского языка» (эта «Грамматика» создана в Секторе структурной лингвистики Института русского языка АН СССР в 1965—1970 гг.) типичность этого С-гнезда ограничена незначительным числом Л-гнезд, притом они принадлежат либо периферии словарного состава языка, либо в недавнем прошлом входили в состав иных Л-гнезд. Л-гнезда с новообразованиями не отмечены. Расширение области действия рассматриваемой словообразовательной структуры Л-гнезд обязано лишь расчленению уже существующих Л-гнезд. Поэтому многим Л-гнездам, состав которых изменился, приходится приписать новую словообразовательную структуру. Подобная процедура позволяет обнаружить ближайшее окружение обсуждаемого С-гнезда, перевести описание С-гнезд на язык размытых множеств, охарактеризовать каждое гнездо возможными для него флуктуациями. В ближайшее окружение рассматриваемого гнезда входят С-гнезда того же типа, отличающиеся от данного, например, наличием существительного, производного от отглагольного имени существительного: такой флуктуацией обладает гнездо с *шипеть* при расширении его состава словом *шипунья* или гнездо со *спасти*/*спасать* при расширении его состава словом *спасительница*:

Спасать	*спасаться* *спастись*	*спасатель* *спаситель* *спас* *спасение* *спасание* *спаситель-* *ница*	*спасательный* *спасительный* *спасенный*	*спасительность*

Шипеть	*зашипеть* *прошипеть*	*шипун* *шипение* *шип* *шипунья*	*шипучий* *шипящий*	*шипучка* *шипучесть*

Иной компонент ближайшего окружения рассматриваемого С-гнезда — С-гнездо уже иного типа, а именно того, который предполагает в Л-гнездах наличие производных наречий и, как раньше, глагола, существительного и прилагательного. Такой флуктуацией обладают Л-гнездо с *брюзжать* при расширении его состава наречием *брюзгливо* и Л-гнездо с *внушать/внушить* при расширении его состава наречием *внушительно*:

Брюзжать	*забрюзжать* *избрюзжаться* *набрюзжать* *побрюзжать* *пробрюзжать* *разбрюзжаться*	*брюзга* *брюзжание*	*брюзгливость* *брюзгливец*	*брюзгливый* *брюзгливо*
Внушать	*внушаться* *внушение*	*внушительность* *внушаемость*	*внушительный* *внушаемый*	*внушительно*

4.3. Изменения типа словообразовательных гнезд, помимо описанных выше, могут быть обязаны принадлежности альтернативных словообразовательных структур разным или одному и тому же типу в пределах одной и той же подсистемы. В нашем случае это С-гнезда одного и того же типа, но разных подсистем. Если С-гнезда одного и того же типа и, кроме того, являются типовыми, изменения носят сугубо количественный характер. Иное если хотя бы одно из С-гнезд присуще только данному лексическому гнезду, если оно индивидуально. Тогда изменения типа носят, как в нашем случае, качественный характер. Переход от С-гнезда, предполагающего в Л-гнезде с *казнить* первообразное существительное, к С-гнезду, предполагающему в Л-гнезде с *казнь* первообразный глагол, ведет к качественным изменениям соответствующего типа С-гнезд. Движение в обратном направлении приводит только к количественным изменениям типа С-гнезд.

Иная линия обсуждения связана с различиями С-гнезд по сорту. Разнообразие сортов С-гнезд определяется оппозициями по регулярности/нерегулярности, а в первом случае еще и по компактности/некомпактности. В нашем случае оба С-гнезда некомпактны. Но если первообразным признается *казнь*, то соответствующее С-гнездо является еще и нерегулярным.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., Учпедгиз, 1957.

Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-а-/-и-(ть)*. — В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., Наука, 1966.

Бунина М. С., Василенко П. А., Кудрявцева И. А., Панов М. В. Современный русский язык. Сборник упражнений. М., Учпедгиз, 1956.

Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., Учпедгиз, 1947.

Волоцкая З. М. Установление отношений производности между словами. — ВЯ, 1960, № 3.

Гинзбург Е. Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., Наука, 1973.

Гинзбург Е. Л. Одноименность однокоренных. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., Наука, 1978.

Гинзбург Е. Л. К разработке критериев направления производности. — В кн.: Грамматика и норма. М., Наука, 1977.

Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., Наука, 1979.

Горбачевич К. С. Вариативность слова и языковая норма. Л., Наука, 1978.

Грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1953 (АГ-53).

Грамматика современного русского литературного языка. М., Наука, 1970 (АГ-70).

Дурново Н. Н. [Рец.]: Karcevski S. Systéme du verbe russe... Prague, 1927 — Slavia, r. X, š. 1, 1931.

Еременко Г. Ф. Типы структурных вариантов слова в словообразовательных гнездах и характеристика слов-вершин в современном английском языке. — МГПИИЯ. Сб. науч. трудов, вып. 134. М., 1978.

Евгеньева А. П. [ред.] Словарь синонимов. Л., Наука, 1975.

Живов В. М. Иерархические отношения согласных в синтагматике. — В кн.: Лингво-типологические исследования, вып. II часть 2. М., Изд-во МГУ, 1975.

Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М., Русский язык, 1977.

Зверев А. Д. Выражение направления производности в русском языке. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования, I. Самарканд, 1972.

Земская Е. А. Как делаются слова. М., Наука, 1963.

Земская Е. А. Понятие производности, оформленности и членимости основ. — В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., Наука, 1966.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., Просвещение, 1973.

Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969.

Красногорцев Л. К. Словообразовательные варианты слов. АКД. М., 1976.

Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. М., Наука, 1979.

Ленngren Л. Русские деривационные суффиксы. Стокгольм, 1978.

Лопатин В. В. Рождение слова. М., Наука, 1973.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Построение раздела «Словообразование». — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., Наука, 1966.

Панов М. В. О грамматической форме. — Учен. зап. МГПИ им. В. Потемкина, т. 73, вып. 6, 1959.

Панов М. В. Об изучении русского словообразования. — Изв. АН СССР. сер. лит. и яз., 1970, вып. 3.

Рейхенбах Г. Направление времени. М., ИЛ, 1962.

Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии, М., Наука, 1979.

Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке. М., Учпедгиз, 1969.
Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., Изд-во лит. на иностранных яз., 1961.
Соболева П. А. Об основном и производном слове при конверсии. — ВЯ, 1959, № 2.
Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд., 1971.
Тихонов А. Н. Синхрония и диахрония в словообразовании. — В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972.
Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., Просвещение, 1978.
Флоренский П. А. Строение слова. — В кн.: Контекст 1972. М., Наука, 1973.
Хайдеггер М. Искусство и пространство. М., ИНИОН, 1979.
Филин Ф. П. О слове и вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., Наука, 1963.
Dokulil M. Tvoření slov v češtine, I. Praha, 1962.
Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.

И. В. АЛЬТМАН

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ГНЕЗДА. ТИПОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА. I

Цель настоящих заметок — выяснить, в какой мере типологические характеристики словообразовательного гнезда отражают семантические связи в гнезде, семантическую структуру производных и, наконец, семантику непроизводного слова, от которого образованы все производные, составляющие гнездо.

Постановка вопроса о связи между семантическими характеристиками непроизводного слова и свойствами гнезда его производных вполне правомерна и признается многими исследователями. Наиболее тесной эта связь представляется, если обратиться хотя бы к количественному составу гнезда: для гнезд с бóльшим количеством производных семантические характеристики оказываются более богатыми и разнообразными, чем в гнездах, образованных меньшим количеством производных и имеющих более скромные типологические характеристики. Особый интерес представляют гнезда с возможно бóльшим составом производных или с наиболее распространенной типологической структурой; наименее показательны, разумеется, гнезда, представленные лишь одной структурой или образованные лишь одним или двумя словами (здесь следует заметить, что двум членам словообразовательного гнезда могут соответствовать более чем два слова, так как на одной и той же ступени при одном и том же направлении производности могут отмечаться равнопроизводные слова, списки которых могут быть

достаточно велики; так, списки равнопроизводных префиксальных глаголов нередко достигают 30 слов).

Уместно остановиться на вопросе о семантических связях слов, входящих в то или иное словообразовательное гнездо. Безусловно, верно утверждение о том, что словообразовательное гнездо объединяет слова, анализ каждого из которых «определяет необходимость иметь в виду по крайней мере более одного другого компонента того же гнезда. Такое слово немыслимо вне связи с другими» и его можно рассматривать как «символ связности, целостности гнезда» (Гинзбург 1979, с. 187).

Одновременно привлекает внимание замечание В. Дорошевского о том, что «самая важная функция каждого слова — именно обозначение десигната, а не пробуждение в памяти говорящих морфологических ассоциаций» (Дорошевский 1973, с. 247). Этим объясняется всеобщность процесса, который Дорошевский называет лексикализацией и который может привести к утрате словом понятийной структуры и тем самым — к утрате словом связи с родственными словами, выпадение из группы родственных слов. Действием этого процесса он объясняет тот факт, что слова с разной структурой могут быть в разных языках обозначениями одного и того же десигната.

Думается, что здесь не два разных мнения об одном и том же явлении, а выводы, сделанные относительно двух сторон одного вопроса. Живой и постоянно наблюдающийся в любом языке процесс — изменение значений слов и перестройка их семантической структуры — приводит к изменению их места в гнезде, переразложению гнезд или даже к отрыву от гнезда того или иного слова (нередко — несмотря на очевидную членимость морфемного состава); к последнему случаю, по-видимому, и относится замечание Дорошевского. Однако следует иметь в виду, что изменение значений слов приводит не только к изменению словообразовательных отношений для одного какого-то слова, но и для группы слов, так что речь идет не всегда только об отрыве слова от гнезда, но чаще — о разрыве гнезд, перестройке их структуры и образовании новых гнезд.

При анализе русских словообразовательных гнезд мы, естественно, стараемся привлекать те случаи, когда отношения производности (равнопроизводности) для слов, составляющих гнездо, не вызывают сомнений; поэтому в нашем материале нередки случаи отнесения однокоренных слов к различным гнездам. Однако как и всегда при исследовании каких-либо языковых отношений, установление которых особенно тесно связано с живым процессом, здесь возникает опасность не заметить проявления какой-либо тенденции (применительно к нашей теме — это процесс перестройки или разрыва гнезд), либо, наоборот, отнестись к намечающейся тенденции как к завершенному процессу. Поэтому мы стремились

верифицировать свои наблюдения по достаточно большому количеству бесспорных случаев.

Ниже рассматривается типология словообразовательных гнезд в связи с семантикой входящих в них слов. Основой для типологических характеристик словообразовательных гнезд служит принцип, предложенный Е. Л. Гинзбургом (Гинзбург 1967, с. 239), а именно — классификация словообразовательных гнезд в зависимости от принадлежности производных, входящих в эти гнезда, к той или иной части речи. Такая классификация была проведена для гнезд от русских непроизводных глаголов, в результате получилось разбиение на следующие типологические группы: гнезда, не имеющие производных (группа А), гнезда, в которых из производных встречаются только глаголы (группа В), только существительные (группа Б), только прилагательные (группа Д), только наречия (группа И) или глаголы и существительные (группа Г), глаголы и прилагательные (группа Ж), глаголы и наречия (группа Л), существительные и прилагательные (группа Е), прилагательные и наречия (группа Н), существительные и наречия (группа К), а также глаголы, существительные и прилагательные (группа З), глаголы, существительные и наречия (группа М), существительные, прилагательные и наречия (группа П), глаголы, прилагательные и наречия (группа Р), глаголы, существительные, прилагательные и наречия (группа С).

Такое деление само по себе показательно. Самыми многочисленными как по типам словообразовательных гнезд, так и по охвату лексического материала оказались группа С (среди производных — все части речи) и группа З (среди производных — глаголы, существительные и прилагательные). Вовсе не представлена группа И — не оказалось ни одного гнезда, которое состояло бы только из непроизводного глагола и производного наречия. Для остальных групп наблюдается довольно пестрая картина; единым для них можно считать лишь то, что они как по типам представленных гнезд, так и по охвату материала значительно беднее, чем З и С.

Ниже рассматриваются эти группы гнезд. Для наглядности и компактности изложения они объединены в более крупные группы в зависимости от того, какие части речи не представлены в этих гнездах среди производных. Прежде чем перечислять эти более крупные объединения следует особо сказать о группе А. Такие гнезда, состоящие из непроизводного глагола, не имеющего производных, собственно говоря, можно было бы гнездами и не считать (ср. Гинзбург 1979, с. 187). Но они, как и гнезда, состоящие из двух слов, весьма показательны в одном отношении: очевидна и несомненна относительная узость значения и ограниченность употребления образующих их слов. Несколько примеров слов из группы А: *будировал*, *бычился*, *витал*, *воркотал*, *встрепенулся*, *закуржавел*, *кишел*, *лотошил*, *мерекал*, *подтибрил*, *прикорнул*, *талдычил* и др. Эти гнезда можно с равным основанием отнести к любой

из четырех групп предложенной классификации. Но именно поэтому, а также потому, что вопрос об их типологической и семантической структуре настолько ясен, их можно исключить из дальнейшего описания без ущерба для его полноты.

I. Гнезда без производных глаголов — группы Б, Д, Е, К, Н, П.

Группа Б представлена двумя типами гнезд: Б1 R_1O, R_2R_1O; Б2 R_1O, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$.

Гнезда Б1 (146 гнезд) могут состоять из двух слов (*акал, аканье*; *зиял, зияние*; *задавался, задавака*), или из трех (*бравировал, бравада, бравирование*; *исчез/исчезал, исчезание, исчезновение*; *эпатировал, эпатаж, эпатирование*). Словообразовательной структуре R_2R_1O здесь соответствует чаще всего отглагольное существительное со значением абстрактного наименования действия (*грассирование, деградация, грай, камланье, клекот*), реже — с значением наименования деятеля или орудия (*заика, подлиза*; *кресало*), и в единичных случаях — и то, и другое, при отношениях равнопроизводности (*зуда, зудение*; *ретушевка, ретушер, ретуширование, ретушь*).

В гнездах Б2 (11 гнезд) отглагольные имена связаны отношением последовательной производности. Так, для гнезда от *обладал* таковыми будут не только R_2R_1O *обладание, обладатель*, но и $R_2R_2R_1O$ *обладательница*.

Группа Д представлена всего одним типом гнезд: Д1 R_1O, R_3R_1O. Гнезда Д1 (10 гнезд) могут состоять из двух слов (*надлежал, надлежащий*) или из трех (*ошеломил/ошеломлял, ошеломительный, ошеломляющий*). Семантическая структура этих гнезд однотипна; значения производных разнообразием не отличаются).

Группа Е представлена 19 типами гнезд: Е1 (38 гнезд) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O; Е2 (3 гнезда) R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$; Е3 (9 гнезд) R_1O, R_2R_1O, $R_3R_2R_1O$; Е4 (2 гнезда) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$; Е5 (19 гнезд) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$; Е6 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_3R_2R_1O$; Е7 (4 гнезда) R_1O, R_2R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_2R_1O$; Е8 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, $R_3R_2R_1O$, $R_2R_3R_2R_1O$; Е9 (1 гнездо), Е10 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_3R_1O$; Е11 (6 гнезд) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_2R_1O$; Е12 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_3R_1O$; Е13 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_3R_2R_1O$, $R_3R_3R_1O$; Е14 (3 гнезда) R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_3R_1O$, $R_2R_3R_3R_1O$; Е15 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_2R_1O$; Е 16 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_3R_1O$, $R_2R_2R_3R_1O$; Е17 (5 гнезд) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_3R_1O$, $R_2R_3R_3R_1O$; Е18 (1 гнездо) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_3R_1O$, $R_2R_2R_2R_1O$; Е19 (2 гнезда) R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_3R_1O$, $R_3R_3R_1O$, $R_2R_3R_3R_1O$.

Для такой разнообразной группы целесообразно ограничиться анализом лишь двух самых продуктивных типов гнезд.

Гнезда типа Е1 (38 гнезд, 3 словообразовательных структуры) могут быть представлены тремя словами (*вожделел, вожделение, вожделенный*) или бо́льшим количеством слов. Это увеличение достигается за счет разнообразия форм и значений отглагольного существительного (*вибрировал, вибратор, вибрация, вибрирование, вибрационный*), которое может иметь значения чаще всего абстрактного наименования или результата действия или состояния (*восклицание, заискивание, изнеможение, карбонизация, недоумение, оторопь, преобладание*), реже — и названия действия, и агента (*инвестирование, инвестиция, инвеститор*; *фехтовальщик, фехтование*) и еще реже — объекта действия и наименование действия (*дар, дарование*; *циркуляр, циркуляция*). Отглагольное прилагательное в гнездах этого типа чаще всего представлено одним словом (*вибрационный, заушательский, оторопелый, преобладающий, фехтовальный*), если же этой структуре соответствуют два слова — их значения разнообразием не отличаются (*увещательный, увещевательный*).

Гнездо типа Е5 (19 гнезд, 4 словообразовательных структуры) могут быть представлены четырьмя словами (*одолел/одолевал, одоление, неодолимость, неодолимый*); если слов в таком гнезде больше, то чаще всего два слова соответствуют отглагольному существительному (*придира, придирка*) или отглагольному прилагательному (*настойчивый, настоятельный*; *рискованный, рисковый*). Заметного разнообразия значений здесь не наблюдается.

Группа К представлена всего лишь одним гнездом R_1O, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$, R_4R_1O, $R_4R_4R_1O$: *попал/попадал, попался/попадался* — эти два глагола относятся к одному такту, поскольку имеют одну и ту же актантную структуру (*попал в институт, попал в цель, попал в первый поток* при *попал в лапы волку* и *попался в лапы волку, попал в капкан* и *попался в капкан*), *попадание, непопадание, впопад, невпопад*.

Группа Н представлена одним гнездом R_1O, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$, R_3R_1O, $R_4R_3R_1O$, (*соответствовал, соответствие, несоответствие, соответственный, соответствующий, соответственно*).

Группа П представлена всего двумя типами гнезд — каждому соответствует по одному гнезду.

П1 R_1O, R_2R_1O, R_3R_1O, R_4R_1O (*чаял, чаяние, чаемый, чаятельно*).

П2 R_1O, R_3R_1O, $R_2R_3R_1O$, $R_4R_3R_1O$ (*обошелся/обходился, необходимость, необходимый, необходимо*).

II. Гнезда, не имеющие производных существительных — группы В, Д, Ж, Л, Н, Р. Выше были охарактеризованы все группы из этого перечня, кроме В, Ж, Р.

Группа В представлена тремя типами гнезд.

В1 (186 гнезд) R_1O, R_1R_1O. Гнезда этого типа бывают представлены двумя словами (*варганил, сварганил* или *слыл, прослыл*), но довольно часты случаи типа *калякал, накалякался, покалякал, прокалякал* или *потчевал, отпотчевал, попотчевал, употчевал*;

в гнезде от *ковылял*, например, на втором такте восемь производных. Здесь очень показательно разнообразие префиксальных глаголов.

В2 (35 гнезд) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$. Здесь на втором такте еще чаще, чем в гнездах предыдущей группы, встречается разнообразие префиксальных глаголов; третий такт представлен образованиями на *-ся* от этих глаголов: *тормошил*, *затормошил* [1], *затормошил* [2], *перетормошил*, *потормошил*, *растормошил*, *тормошился*, *затормошился* [1], *затормошился* [2].

В3 (3 гнезда) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, $R_1R_1R_1R_1O$, в отличие от гнезд предыдущего типа имеют еще одно образование от производных третьего такта; интересно, что здесь на третьем такте встречаются не возвратные глаголы, а образования с каузативным значением (вообще для глагольного словообразования случаи очень редкие): *вяз*, *завязал/завяз*, *навязал/навяз*, *увязал*, *увяз*; *завязил*, *увязил*; *увязился*).

III. Из гнезд, не имеющих производных прилагательных, целесообразно рассмотреть только группу Г (группы И и К среди отглагольных гнезд не представлены).

Группа Г представлена 12 типами гнезд.

Г1 (225 гнезд) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O; Г2 (3 гнезда) R_1O, R_1R_1O, $R_2R_1R_1O$; Г3 (24 гнезда) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O; Г4 (1 гнездо) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$; Г5 (1 гнездо) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O; Г6 (35 гнезд) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$; Г7 (17 гнезд) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$; Г8 (6 гнезд) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$; Г9 (1 гнездо) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$, $R_2R_2R_1O$; Г10 (4 гнезда) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$, $R_2R_2R_1O$; Г11 (1 гнездо) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$, R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$, $R_2R_2R_1R_1O$; Г12 (1 гнездо) R_1O, R_1R_1O, $R_1R_1R_1O$; R_2R_1O, $R_2R_1R_1O$, $R_2R_2R_1O$, $R_2R_2R_1R_1O$.

Для столь богато представленной группы целесообразно ограничиться описанием лишь двух наиболее продуктивных типов — Г1 и Г6.

Г1 (225 гнезд) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O. Гнезда этого типа могут быть представлены тремя словами (*дефилировал*, *продефилировал*, *дефилирование*; если слов в таком гнезде больше, то это достигается чаще всего за счет приставочных глаголов; в гнезде от *порхал*, например, их число достигает десяти: *впорхнул/впархивал*, *вспорхнул/вспархивал*, *выпорхнул/выпархивал*, *запорхал*, *запорхнул/запархивал*, *перепорхнул/перепархивал*, *припорхнул/припархивал*, *пропорхнул/пропархивал*, *спорхнул/спархивал*, *упорхнул/упархивал*. Отглагольное существительное бывает представлено одним словом со значением абстрактного наименования действия (*аплодисменты*, *возня*, *вывих*, *выручка*, *журчание*, *пролонгация*); встречается и по два производных с тем же значением (*грохот*, *грохотание*; *планкирование*, *планкировка*). Значение деятеля или орудия для этого типа производных встречается достаточно редко, — в основном тогда, когда уже имеются производные со значением, охарактеризован-

ным выше: *адаптер* при *адаптация*, *кривляка* при *кривляние*; больше всего производных R_2R_1O в гнезде от *стряпал*: *стряпание*, *стряпка*, *стряпня*, *стряпуха*.

Г6 (35 гнезд) R_1O, R_1R_1O, R_2R_1O, $R_2R_2R_1O$. Гнезда этого типа могут быть представлены всего четырьмя словами, например, *бедокурил*, *набедокурил*, *бедокур*, *бедокурка*. Наибольшее количество производных возможно для R_1R_1O. Это, как и в рассмотренных выше гнездах данной группы, чаще всего приставочные глаголы: в гнезде от *ревел*, например, это *взревел*, *заревел*, *наревелся*, *отревел*, *отревелся*, *поревел*, *проревел*, *разревелся*. Для производных R_2R_1O в гнездах этого типа кроме существительных со значением общего наименования действия почти обязательны имена со значением деятеля, — это, несомненно, связано с тем, что в описываемом типе гнезд существительные имеют производные, и здесь наиболее частый случай — образования женского рода; вот почему хотя бы одно из отглагольных существительных в таких гнездах должно быть одушевленным. Так, в гнезде от *бормотал* находим не только *бормотанье*, но и *бормотун* (с производным от него *бормотунья*); аналогично в гнезде от избавил — *избавление* и *избавитель* (с производным *избавительница*).

Вышеизложенные наблюдения имеют, безусловно, самый общий характер; но и на основании рассмотренного материала можно с уверенностью говорить о зависимости семантики слов с одной и той же словообразовательной структурой (деривационной историей) от типологических характеристик гнезда, к которому относится данное слово: чем меньше ограничений на состав гнезда, тем богаче и разнообразнее семантика составляющих его слов по сравнению с семантикой аналогичных производных, но принадлежащих гнездам с более ограниченными типологическими характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

Гинзбург Е. Л. Гнезда сложных слов русского языка. Канд. дис. М., 1967.
Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979.
Дорошевский В. Элементы лексикологии и семантики. М., 1973.

М. Д. БАРЧЕНКОВА

ГРАНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА

Одна из самых основных проблем, возникающих при построении словообразовательного гнезда, — это проблема его границы в синхронном плане. Трудность заключается в том, что синхронное словообразовательное гнездо не всегда легко отделить от более

крупных объединений однокорневых слов, а именно от так называемых «лексических семей» и этимологических гнезд. Примером смешения словообразовательных и этимологических гнезд служат многие словарные статьи в словаре под редакцией Д. С. Ворта и др. (Russian Derivational Dictionary. Worth ed alt., 1970) (RDD). Хотя RDD претендует на отражение синхронных словообразовательных связей, зачастую приводимые в словаре гнезда носят чисто этимологический характер. Например, одно и то же гнездо RDD объединяет такие слова, как *образ*, *образовать* и *резать*, а также их многочисленные производные, только потому, что исторически они восходят к одному и тому же общеславянскому корню *разъ/разъ* (Шанский и др., 279). Точно так же в одно и то же гнездо отнесены слова *подражательный*, *подражательство*, *подражать*, *разражаться*, *сражать*, *сражаться*, *сражение*, *сраженный* и др.

Примеры смешения исторических гнезд с синхронными в RDD можно было бы продолжить. Так, например, в одну и ту же словарную статью помещены слова *следовать* и *следователь*, хотя в современном русском языке между этими словами сохранилась лишь этимологическая рефлексия и чисто поверхностная связь, основанная на наличии словообразовательной модели X+*тель*: *читать* — *читатель*, *просить* — *проситель* и др. Однако словообразовательное значение 'действие: деятель', свойственное этой модели, в паре *следовать* — *следователь* в настоящее время не обнаруживается, о чем говорят их словарные дефиниции: *следовать* 'идти следом за кем, чем. Следуйте за мной, События следуют одно за другим (перен. . .)'; *следователь* 'должностное лицо, производящее предварительное следствие' (Ожегов 1972, 671).

Нельзя отрицать, что историческое тождество корней типа *след-*; *-раз-/-рез-*, *-раж-* и под. может вызывать этимологическую рефлексию у исследователя, поэтому при построении синхронных словообразовательных гнезд нужно отделять синхронные структурно-семантические отношения в словообразовательном гнезде от этимологических рефлексий, вызываемых историческими ассоциациями.

Несомненно, случай *следовать* — *следователь* является более сложным для составителя гнездового словаря, нежели *образ* и *резать*, так как во втором случае корень является связанным, чередование нерегулярным и этимологическая рефлексия носит слабый характер.

Случаи типа *подражать*, *раздражаться*, *сражать* и под. аналогичны английским родственным словам типа receive, deceive, conceive и др., корень которых восходит к латинскому capio, captum. Однако в современном английском языке между ними осталось чисто поверхностное (структурное) сходство, и относятся они к различным словообразовательным гнездам.

Исследователь гнездовой организации словаря должен учитывать живые типы структурно-семантических отношений между производящим и производным для того, чтобы противостоять этимологическим ассоциациям, утратившим статус словообразовательных связей. Эта задача является особенно сложной в случае свободных корней, например, *следовать — следователь, образ — образовать, гость — гостиница, двор — дворник, почта — почтамт* и под.

Как правило, этимологические гнезда включают в себя более чем одно синхронное словообразовательное гнездо. Так, например, русское этимологическое гнездо с корнем *-раж-* позволяет построить более одного синхронного словообразовательного гнезда (Соболева 1970, 1972) (рис. 1).

Все гнезда на рис. 1 являются регулярными (Гинзбург, 1973, 1974).

Этимологическое гнездо с корнем *раз-/рез-* также объединяет несколько синхронных словообразовательных гнезд (рис. 2).

Гнезда на рис. 2 являются регулярными. Точно так же английские слова с корнем -ceive являются вершинами отдельных самостоятельных гнезд, не связанных между собой семантически. Одинаковая членимость этих слов (при этом остаточного характера и весьма слабая) не может служить основанием для отнесения их к одному гнезду (как это можно сделать, например, с русскими словами *обуть — разуть, одеть — раздеть, открыть — закрыть* и др.).

Приведем пример разрыва этимологического гнезда в английском языке. Так, например, этимологическое гнездо с корнем famil- состоит из следующих слов: family [L familia 'household'] subfamily, super-family, familist, familism, familistory, familial, non-familial; familiar [L familiaris] familiarize, familiarizer, familiarization, unfamiliarize, familiarizingly, familiarity, familiarness, familiarly, familiarity, non-familiar, un-familiar, unfamiliarly, unfamiliarity.

Если предположить, что между family и familiar существуют в настоящее время отношения производности (хотя бы на основе значения familiar 'pertaining to a family'), то тогда все члены гнезда выстраиваются в следующее R-гнездо (рис. 3).

Граф на рис. 3 является нерегулярным (подграф с вершиной R_3R_2O не повторяет категориального набора производных от вершины R_2O) и нетиповым (обладает низкой моделирующей силой). Тем самым структура графа заставляет думать о неизбежном разрыве исторического гнезда на два синхронных словообразовательных (рис. 4 и рис. 5).

Графы от вершин family и familiar регулярные и типовые, следовательно, разделение этимологического гнезда на синхронные словообразовательные гнезда является правомерным. Тем более что значение прилагательного familiar 'pertaining to a family' является периферийным (Шишкина 1980, 120).

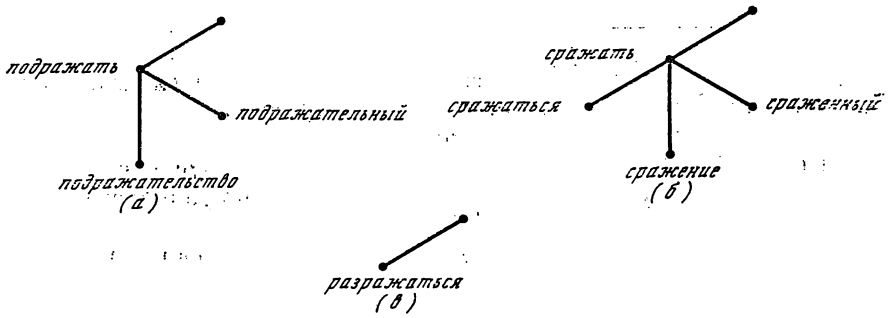

Рис. 1

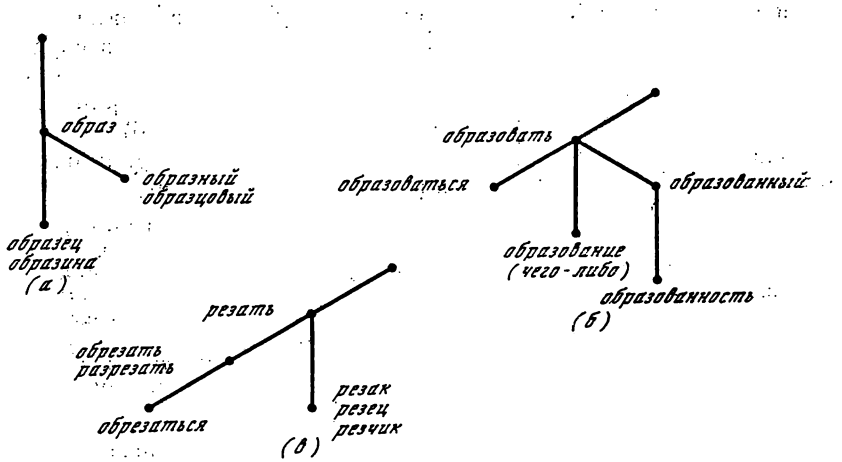

Рис. 2

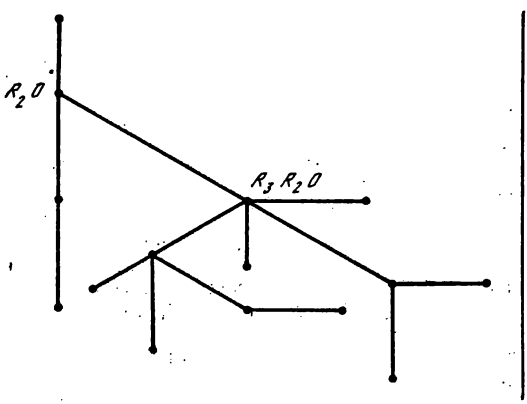

Рис. 3

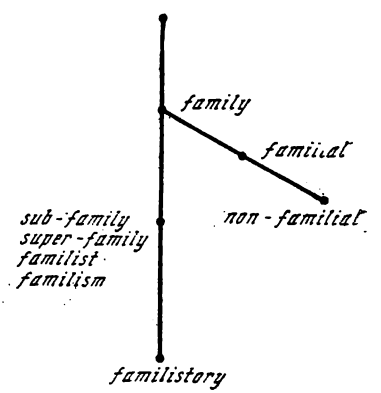

Рис. 4

Разрыв этимологического гнезда с точки зрения синхронного словообразования представляет меньшую трудность, нежели разрыв так называемых лексических семей.

Под лексическими семьями понимают объединение однокоренных слов, имеющих семантическое сходство, но не упорядоченных отношениями производности [1].

Разрыв такой семьи может диагностировать только структура графа гнезда.

Наше отношение к разделению лексических семей на словообразовательные гнезда мы покажем в процессе критического анализа уже существующих работ (Жукова, 1979, 42—43, Шишкина 1980, 132). Э. А. Жукова разделяет лексические семьи на словообразовательные гнезда в тех случаях, когда в вершине гнезда оказывается более одного слова, например гнездо, где в вершине стоят два слова со связанным корнем popul-: populous/popular. Гнездо с вершиной popular, i. e. popular, popularity, popularize, popularization имеет следующую структуру (рис. 6).

Гнездо с вершиной populous (т. е. populously, populousness, populate, population) имеет аналогичную структуру.

Примечание. Глагол to populate и производное от него population по чисто структурным причинам можно было бы на равных основаниях отнести и к гнезду с вершиной popular, и к гнезду с вершиной populous. Оба «производящих» имеют связанный корень popul-. Производный глагол можно было бы отнести к любой вершине. Способом словообразования здесь можно было бы считать «мену аффиксов» или усечение основы плюс добавление аффикса [2]. Однако дефиниция глагола populate 'to furnish with inhabitants' показывает на наличие словообразовательных отношений между populous и populate, а не между popular и populate.

Как следует из рис. 6, R-структура гнезда от populous полностью совпадает с R-структурой гнезда от popular. Следовательно, в данном случае нет структурных оснований для построения отдельных R-гнезд. Однако и это еще не аргумент для построения единого гнезда на уровне естественного языка. Существенно то, что дефиниции обеих вершин содержат общие семантические дифференциальные признаки. Ср. popular: 'pertaining to the common people, suitable to common people; easily comprehensible; plain familiar; pleasing to the people; extensively prevalent' [L populous, the people] и populous: 'Full of inhabitants, abounding with people'.

Наличие общего слова (и понятия) в дефинициях popular и populous позволяет рассматривать их в пределах одной лексической

[1] Само собой разумеется, что лексическая семья в большинстве случаев является одновременно этимологическим гнездом. Различие заключается в степени синхронной смысловой общности (большая в лексической семье и меньшая в этимологическом гнезде). Ср. Семерикова 1977, Гинзбург 1979а, 162—172; 1979б, 38—39.

[2] Направление деривации populous → populate, а не наоборот, определяется посредством словообразовательного критерия производности (Соболева 1958, 1959; Аликаева 1977) и критерия регулярности гнезда (Гинзбург 1974, 1977).

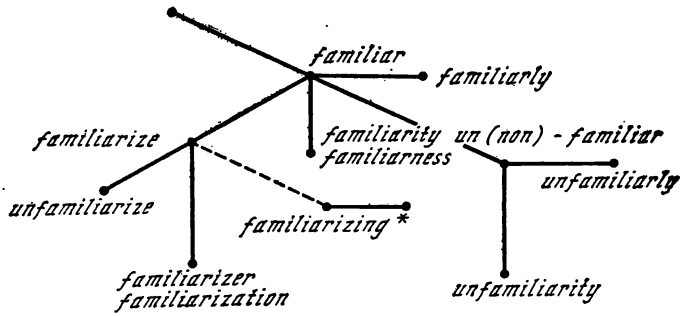

Рис. 5

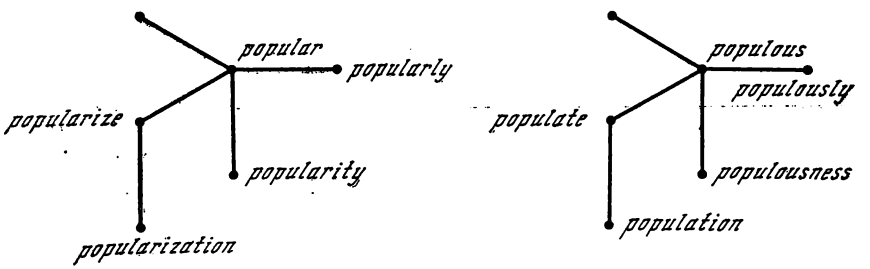

Рис. 6

семьи. Однако структура моделирующих их графов делает разрыв гнезда нежелательным.

Допустимо и другое решение: считать эти гнезда отдельными на L-уровне (уровне естественного языка) и одним и тем же гнездом на R-уровне. Такой подход возможен, так как следствием его является увеличение моделирующей силы графа гнезда (рис. 6). Из сказанного следует, однако, что в любой точке графа гнезда может стоять более одного производного (ср. рус. *открыть/закрыть*, *обуть/разуть*; англ. technique/technics, policy/politics etc.).

Вместе с тем один лишь факт помещения более чем одного слова в вершину гнезда не является достаточным основанием для разрыва одной лексической семьи на несколько словообразовательных гнезд. Поэтому прием разрыва лексических гнезд, предлагаемых Э. А. Жуковой, кажется нам не бесспорным.

Зачастую разрыв гнезда на том основании, что в его вершине помещается несколько однокоренных слов, недопустим потому, что только дополняя друг друга, их подграфы образуют регулярный или типовой граф. Так, например, русские глаголы *постигать*, *застигать* и *настигать* — каждый образуют нетиповое гнездо. Однако при сложении они полностью укладываются в типовой и регулярный граф от вершин *достигать* (пример из материалов Е. Л. Гинзбурга) (рис. 7, 8).

Рис. 7

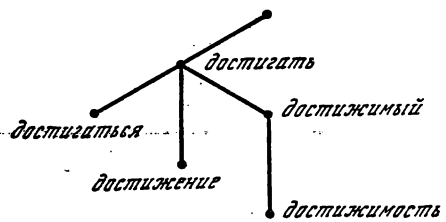

Рис. 8

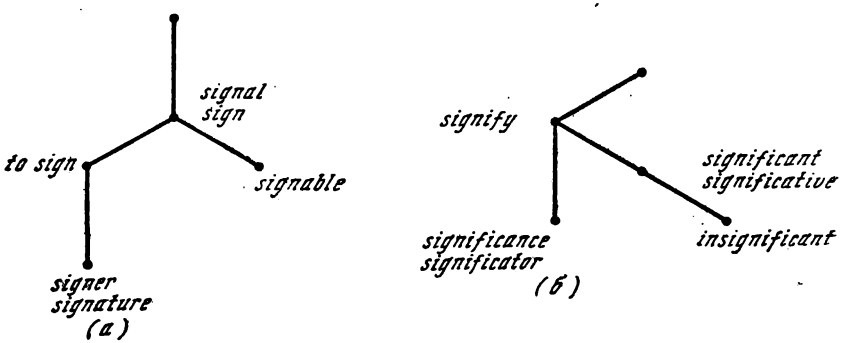

Рис. 9

Недостаточным основанием для разрыва гнезда является и помещение в одну точку двух слов, различающихся нерегулярным чередованием, сопровождающим аффиксацию. Так, слова $sign_n$, $sing_v$, signal и signify относятся к одному этимологическому гнезду и одной лексической семье [L. signum, a sign, and facio, to make]. В их дефинициях имеются общие семантические дифференциальные признаки. Так, sign определяется, в частности, через его синонимы 'token; visible representation; a mark of distination; a symbol' etc. Глагол to signify определяется как 'to make known either by *signs* or words' etc. В обеих дефинициях содержится слово (и понятие) sign или его синонимы.

Глагол to sign определяется как 'to mark with characters or one's name; to subscribe, to signify, to mark [L signum]', т. е. глагол sign непосредственно определяется через signify. Принимая нежесткую точку зрения на словообразовательные отношения,

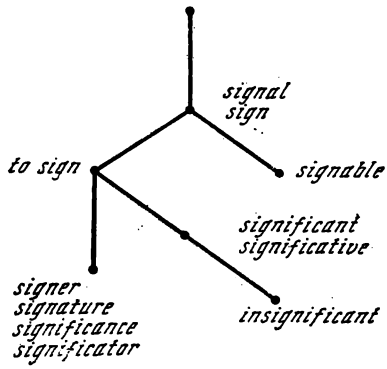

Рис. 10

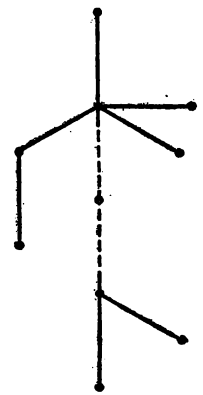

Рис. 11

можно ставить вопрос о наличии таких отношений между sign и signify.

Примечание. Мы не разделяем мнение С. С. Хидекель (Хидекель, 1974, 1975; Ginzburg, Khidekel ed alt., с. 95—97) и М. Д. Степановой (Степанова 1972) о том, что к синхронным словообразовательным отношениям следует относить только «моделированные» отношения, т. е. отношения, план выражения которых укладывается в модели, по которым в современном языке образуются новые слова. Если принять эту точку зрения, то пары типа *любить — любовь*, *жить — жизнь*, *поп—попадья*, *почта — почтамт*, think — thought, die — death, breethe — breath и под. следовало бы относить к различным словообразовательным гнездам. Такой подход увеличивает число «бесплодных» и нетиповых гнезд.

На основании вышеприведенных дефиниций сомнений относительно единства лексической семьи sign, signal, signify, etc. быть не может. Однако наличие словообразовательных отношений требует структурных подтверждений. Построим графы от sign и signify (рис. 9).

Граф на рис. 9 (а) является нерегулярным, но типовым (Альтман 1972, 251; Белокриницкая 1972, 262) для отыменных гнезд английского языка (Шишкина 1980, 105). Граф на рис. 9 (б)—регулярный.

Сложение обоих графов дает регулярный и типовой векторный граф. на рис. 10. Структура графа на рис. 10 подтверждает нашу гипотезу об одновременном единстве лексической семьи и словообразовательного гнезда, членами которого служат слова sign, signal и signify со своими производными.С наших позиций разбиение гнезда типа sign, signal, signify и их производных представляется нежелательным.

Лексическую семью city, citify, citification, citywards, citycism, citiful$_{(n)}$, citiness, citiless, citiish, citied; citizen, to citizen, citizenly, citizenish, citizenhood, citizenship, citizenness, citizenry А. С. Шишкина (Шишкина 1980, 138) разрывает на два словообразовательных гнезда по двум причинам: а) из-за отсутствия «моделированных» словообразовательных отношений между city и

citizen; б) из-за нетипичности (и нерегулярности) графа гнезда, построенного на словах с корнем ['s i t i] (рис. 11).

Мы уже говорили о том, что отсутствие «моделированности» не является достаточным основанием для отрицания словообразовательных отношений между city и citizen. Если в таких парах сохранились либо устаревшие для современного состояния языка структурные отношения, либо употреблено уникальное словообразовательное средство (ср. русский суф. *-ярус* в *стеклярус*), то в плане содержания они остаются вполне регулярными.

Между существительными city и citizen также имеют место типовые семантические связи «город — житель города», как и в парах London — Londoner, Moscow — Moscovite; *город — горожанин, село — селянин*. Поэтому мы не видим достаточных оснований для разрыва гнезда в этой точке лишь на основе структурного аспекта словообразовательных отношений.

Вместе с тем нерегулярность графа гнезда с корнем [s i t i] заставляет нас предположить, что между точками R_2O и R_2R_2O намечается разрыв гнезда. Это означает, что существительное citizen можно рассматривать, как входящее одновременно в два гнезда (рис. 12).

Если признавать разрыв уже состоявшимся, как это делает А. С. Шишкина, то тогда слову citizen следует приписать две словообразовательные структуры: R_2O и R_2R_2O. Последнее осложняет смысловую структуру слова полиформией или, как часто принято говорить, множественностью словообразовательной структуры слова. Последнее вполне допустимо, так как носит весьма распространенный характер (Тихонов 1971, 312—333; Улуханов 1971, 1977, 43—57, Соболева 1978, Актуальные проблемы русского словообразования 1975).

С нашей точки зрения, «аварийное состояние» гнезда, содержащего производные от city и от citizen, диагностируется структурой графа на рис. 11. Разрыв гнезда вполне вероятен, несмотря на допустимость словообразовательных отношений между city и citizen (в случае изоляции из гнезда).

Разрыв одной лексической семьи на два словообразовательных гнезда можно также показать на словах occur, reoccur, occurence; occassion, to occassion, occasional, occasionally, occasionalism. Эта семья слов не представляет собой одного этимологического гнезда. Слово occur и его производные восходят к [L oc(currere) run, go to meet, present itself], а слово occassion к [L occasio, juncture, reason, f. oc(cidere cas-cadere fall) go down]. Однако определение слова occasional через 'occurring at times', а одного из значений occasion через 'special occurrence' позволяет нам рассматривать occur, occasion и их производные, как лексическую семью слов. Построение графа гнезда показывает, что данная семья слов не укладывается в одно регулярное или типовое словообразовательное гнездо (рис. 13).

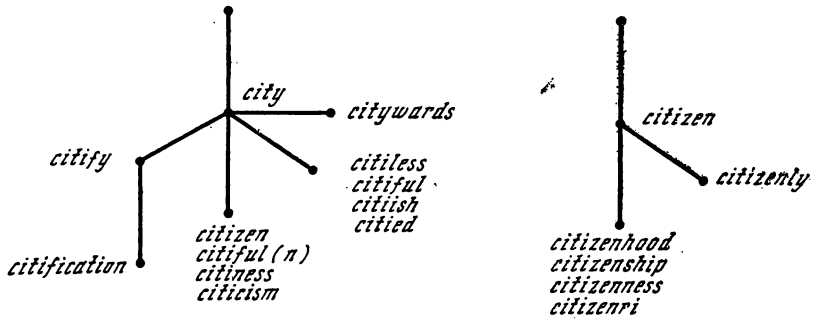

Рис. 12

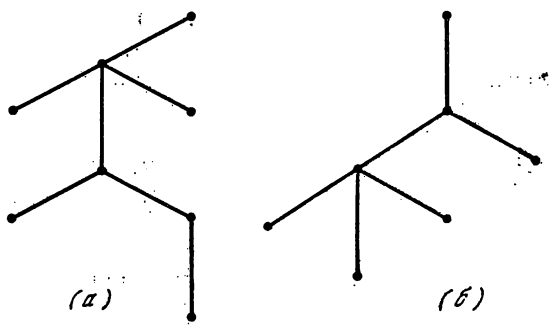

Рис. 13

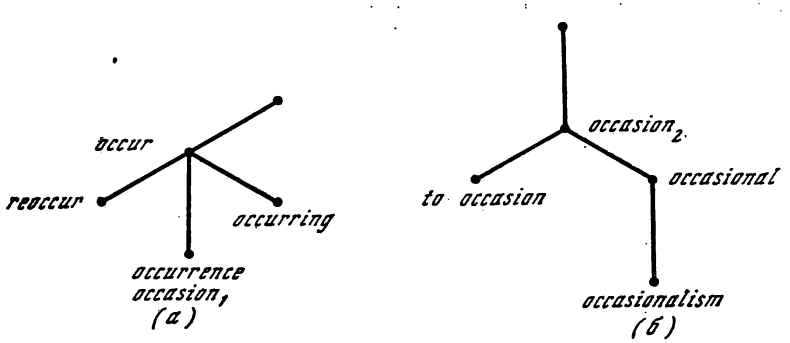

Рис. 14

Разрыв лексической семьи на два словообразовательных гнезда дает два графа — один регулярный, другой типовой для отглагольных гнезд (рис. 14).

Приведем еще пример, когда при разрыве лексической семьи (и одновременно этимологического гнезда) одно и то же слово попадает более, чем в одно словообразовательное гнездо. Это гнездо

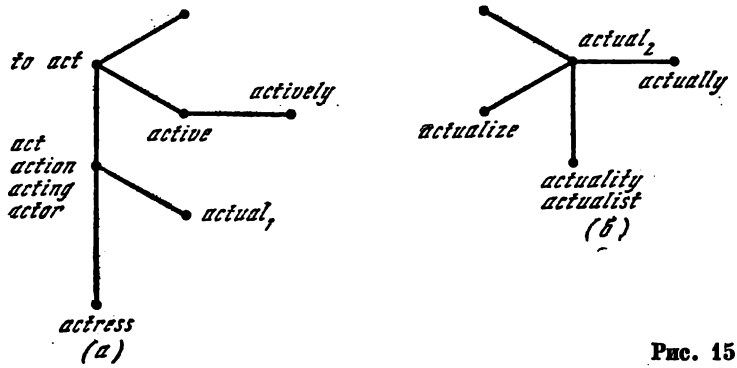

Рис. 15

включает слова act — actual. О сложности смысловой структуры слов actual, actually существует специальное исследование (Вилюман 1963). Посмотрим, к чему приводит эта сложность на словообразовательном уровне. Полный состав семьи: act^1_n, act^2_v, action, acting (partly from [L agere]; partly from [Lactus] actor, actress, active, acting, actively, actual [from LL actualis (actus vbl. n. f. agere act [2])], actually, actualize, actualization, actuality, actualist.

Как и при построении гнезд, показанных на рис. 13, получается нерегулярное и нетиповое гнездо. Разорвав гнездо по различным ЛСВ слова actual: '1. Existing in act or fact; 2. Existing at present', получаем два регулярных гнезда (рис. 15).

Прилагательное actual, попав в два родственных гнезда, приобретает полиформию: actual $R_3R_2R_1O$ и R_3O.

Снять полиформию слов типа actual, occasion, т. е. выбрать наиболее адекватное описание, могут R-структуры словообразовательных рядов на -al, -ion и под.

Следует отметить, что отнесение одного и того же слова одновременно к более чем одному гнезду возможно при вхождении этих гнезд в одну лексическую семью. При разрыве этимологических гнезд этого явления не наблюдается.

В заключение мы хотим еще раз подчеркнуть, что изложенное выше ставило целью показать одну из основных трудностей, с которой сталкиваются составители гнездовых словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные проблемы русского словообразования I. — Самарканд 1975

Аликаева Г. В. Методика определения направления производности у слов со связанными корнями в английском языке. — В кн.: Сб. научных трудов МГПИИЯ, вып. 115. М., 1977.

Альтман И. В. Особенности отглагольных гнезд в русском языке. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.

Альтман И. В. Особенности русских глаголов и структура их словообра-

зовательных гнезд. — В кн.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

Белокриницкая С. С. Классификация словообразовательных гнезд от непроизводных существительных в русском яз. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971, М., 1972.

Вилюман В. Г. Об употреблении слова actually в современном английском языке и его русских переводах. — Учен. зап. Горьковского ГПИ иностранных языков им. Н. А. Добролюбова, т. 25. Горький, 1963.

Гинзбург Е. Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

Гинзбург Е. Л. Понятие словообразовательного гнезда. — В кн.: Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974.

Гинзбург Е. Л. К разработке критериев направления производности. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.

Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М., 1979а.

Гинзбург Е. Л. Типология гнезд и соотношение категорий производных. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979б.

Жукова Э. А. Отадъективные словообразовательные гнезда в современном английском языке. Канд. дис. М., 1979.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.

Семерикова З. В. Развитие словообразовательных гнезд имен существительных английского языка. — Автореф. канд. дис. М., 1974.

Соболева П. А. Критерии внутренней производности при словообразовательных отношениях по конверсии. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. CXXVI, вып. 2. М., 1958.

Соболева П. А. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии. — ВЯ, 1959, 2.

Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования. — Автореф. докт. дис., 1970.

Соболева П. А. Моделирование словообразования. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.

Соболева П. А. Деривационная структура слова и типология омонимов. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1976, М., 1978.

Степанова М. Д. Аспекты синхронного словообразования. — Ин. яз. в шк., 1972, № 3.

Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.

Тихонов А. Н. Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке. — РЯШ, 1970, № 4.

Улуханов И. С. Словообразовательная мотивация и ее виды. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1971, т. 30, вып. 1.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.

Хидекель С. С. Система словообразования в современном английском языке. — Лингвистика и методика в высшей школе, вып. 6. М., 1974.

Хидекель С. С. Некоторые спорные вопросы строения словообразовательной модели. — Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку, вып. 3. Владивосток, 1975.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Шишкина А. С. Система отыменных гнезд в современном английском языке. Канд. дис. М., 1980.

Worth D., Kozak A., Johnson D. Russian derivational dictionary. N. Y., 1970.

Ginzburg R. S., Khidekel S. S., Knyazeva, Sankin A. A. A course in modern English lexicology. Ed. 2. M., 1979.

Е. В. ПАДУЧЕВА

МЕСТОИМЕНИЕ *ЭТО* С ПРЕДМЕТНЫМ АНТЕЦЕДЕНТОМ

Слово *это* принадлежит к числу трудных загадок как для лексикографов (Молотков 1960), так и для синтаксистов (Булаховский 1938, с. 292), стилистов и специалистов по разговорной речи; оно привлекает не только лингвистов, но и логиков (Russell 1940), и математиков (см. об этом Иванов 1979, с. 95).

Среди многих других употреблений, слово *это* употребляется как местоимение в анафорической функции для отсылки к антецеденту, обозначающему предмет или лицо (например, во фразе *Мать посмотрела на женщину — это была Самойлова* [1] антецедент *это* — слово *женщину*). Местоимение *это* чаще используется для отсылки к антецедентам, обозначающим факты, события, ситуации (как, например, в предложении *Она любила, чтобы было красиво, а для этого ей приходилось много преувеличивать*). Однако местоимение *это* с предметным антецедентом представляет особый интерес, поскольку в контексте предметного антецедента местоимение *это* вторгается в компетенцию местоимений 3-го лица. Действительно, казалось бы, для отсылок к предметному антецеденту служит в русском языке местоимение 3-го лица. Между тем, оказывается, что есть контексты, в которых употребление местоимения 3-го лица для отсылки к предметному антецеденту недопустимо, а единственным способом отсылки является местоимение *это*. А в других контекстах возможны оба местоимения, но с разницей в значении. Таким образом, распределение ролей между *это* и местоимениями 3-го лица должно способствовать более ясному пониманию функций не только первого, но и последних.

Мы начнем с описания условий употребления местоимения *это*, что поможет потом выявить его значение.

§ 1. УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Основной контекст, в котором *это* широко употребляется для отсылки к предметному антецеденту, — это контекст биноминативного предложения (БП), т. е. предложения, образованного двумя именными группами (ИГ) в им. падеже, со связкой или без связки (о биноминативном предложении см. Падучева, Успенский 1979).

Подчеркнем, что речь идет не вообще о предложении с именным (или именным составным) сказуемым, а именно о предложении,

[1] Этот и некоторые другие из приводимых примеров заимствованы из словарей русского языка и из цитируемых работ. Ссылка на литературный источник примера обычно опускается.

где оба компонента — существительные в им. падеже: при предикативе в тв. падеже местоимение *это* в сочетании со словами предметного значения не употребляется (*Это был большой дом*, но **Это было большим домом*), а во всех употреблениях с тв. предикативным (например: *Это было неожиданностью, открытием, катастрофой, мукой, радостью, радостным событием, загадкой, причиной*) *это* имеет не предметный, а предикатный антецедент.

Обнаруживается несколько синтаксически или семантически формулируемых условий, при которых отсылка к предметному антецеденту требует в составе БП местоимения *это*, а не *он, она, оно, они*. Условия, фигурирующие в нижеследующем перечислении, не обязательно взаимоисключают одно другое, поскольку перечень имеет целью не просто указать имеющиеся возможности, а оттенить разные аспекты значения местоимения.

1. *Это* является единственно возможным местоимением в роли 1-го компонента в БП, выражающем субстанциальную идентификацию (о субстанциальной идентификации, в противоположность таксономической идентификации, или категоризации, см. Арутюнова 1976, с. 307). В таком предложении 2-й компонент (рема)—это всегда референтная ИГ, как правило, определенная (здесь и далее термины, относящиеся к референции, используются в соответствии с работой Падучева 1979).

Примеры (разрядкой выделяется местоимение *это* и его антецедент — или синтаксическая вершина антецедента):

(1) Из-за деревьев выехал в с а д н и к на сером коне. Э т о был Орозкул. Он тоже возвращался домой; Ч е л о в е к подошел поближе, и я увидел, что э т о Егор Яковлевич; Лицо е г о похудело, и только. . . по знакомой улыбке можно было узнать, что э т о Дымов; — Ты бы с блаженным П р о к о п и е м поговорил! — Э т о — которого мальчишки Пропотеем зовут?; Впереди всех шел тщательно обритый ч е л о в е к с приятными, но очень пронзительными глазами. . . Да, э т о был, несомненно, главный;

(2) Тут одно с л о в о заставило его вздрогнуть, и э т о было слово «шизофрения»; Мы повторим для вас сцены из самого первого на русской сцене с п е к т а к л я, поставленного специально для детей. Э т о «Синяя птица» М. Метерлинка; За песчаной прибрежной полосой синела выпуклая к р и в и з н а озера. Э т о был Иссык-Куль; На самом краю улочки стоял маленький д о м. Э т о и была школа-четырехлетка.

То, что для местоимения *это* существен именно контекст предложения идентификации, показывает следующий пример:

(3) И под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный п р е д м е т. . . Э т о была отрезанная голова Берлиоза.

У Булгакова на месте многоточия фраза: *Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной*, где местоимение (*он*) имеет тот же антецедент *круглый темный предмет*. Предложение *Это была отрезанная голова Берлиоза* осуществляет идентификацию круглого темного предмета, и здесь употребляется *это*; в то время как в предложении *он запрыгал по булыжникам Бронной* говорится о событии с круглым темным предметом как таковым, и здесь используется местоимение 3-го лица.

Если БП не выражает идентификации, а предикатив указывает качество, дополнительный («соподчиненный») признак предмета, обозначенного подлежащим, то употребляется не *это*, а местоимение 3-го лица:

(4) Ты подыграйся к тетушке, о н а женщина богатая (Островский).

Более того, БП с подлежащим *он*, даже тогда, когда его 2-й компонент — имя собственное, т. е. ИГ, изначально предназначенная для референтного употребления, — не выражает идентификации; так, в (5а) речь идет о бытии Пугачевым как об обладании определенным набором свойств; то же в (5б):

(5) а) Мы уже зачарованы Пугачевым из-за того, что о н — Пугачев (Цветаева);

б) Никто не удивлялся, что старый Расторопный Момун прислуживает гостям — на то о н и есть всю жизнь Расторопный Момун. Сам виноват, что о н Расторопный Момун (Айтматов).

В примерах типа (1)—(3) замена *это* на местоимение 3-го лица невозможна — ни с сохранением биноминативной конструкции, ни с переводом 2-го компонента в тв. падеж [2]. В частности, в примере (6) замена *это* на местоимение 3-го лица невозможна потому, что здесь *это* по смыслу скорее предикатив (о том, что *это* иногда «скрывает за собой сказуемое», см. Арутюнова 1976, с. 320), а *он*, *она* понимается как подлежащее:

(6) У Афродиты есть п о с л а н н и к, через которого она выполняет свою волю. Э т о ее сын (не 'посланник является ее сыном', а 'ее сын является посланником'); И с к л ю ч е н и е одно. Э т о тетка Соллогуба — Васильчикова (не 'исключение является теткой', а 'тетка является исключением').

Существенно, чтобы БП выражало идентификацию доселе не идентифицированного лица или объекта, т. е. такого, которое индивидуализируется в первую очередь своей ролью в развертывающейся ситуации, а не само по себе. Если речь идет о выявле-

---

[2] Такой перевод может сопровождаться семантическим сдвигом (подробную сводку материалов по вопросу о семантических различиях между им. и тв. предикативным см. в работе Рословец 1970), который, однако, в данной связи, как правило, несущественен.

www.ruslang.ru

нии какой-то новой ипостаси лица, уже известного говорящим, то будет употреблено личное местоимение:

(7) Д я д я сидел на кухне. Я вошел и сел против н е г о. . . — Ваша карьера окончена, подполковник Штауберг, — сказал я отчетливо. . . Не знаю, откуда я взял, что о н (*это) подполковник Штауберг.

Единственный контекст, в котором местоимение в БП идентификации может быть 3-го лица, — такой, когда местоимение оказывается ремой предложения:

(8) В послевоенное время я познакомился с молодой женщиной — Л а р и с о й И. О н а и есть↘Лара (или: *Лара — это она*, но **Она Лара*); За спиной фашизма стоят м о н о п о л и и. О н и и есть главный союзник империализма.

В правильной местоименной конструкции с *это* ИГ-антецедент удовлетворяет определенным требованиям. В самом простом и частом случае антецедент — неопределенная ИГ и рема своего предложения:

(9) У нейтронной бомбы появился еще один а д в о к а т. Э т о Мортон Каплан из Чикаго; Как вдруг впереди нас мелькнула женская ф и г у р а. . . — А ведь э т о Ася!; — Я пришел через две недели и был принят какой-то д е в и ц е й со скошенными к носу от постоянного вранья глазами. — Э т о Лапшенникова, секретарь редакции.

В общем случае, однако, существенна не рематичность и не неопределенность антецедента, а особая характеристика, несводимая к признакам, уже известным в теории референции: именная группа — антецедент должна соотноситься с объектом, который «только что» введен в общее поле зрения говорящих и о котором поэтому мало что известно. Так, в (10) антецедент *это* — определенная ИГ и тема, но местоимение употреблено правильно:

(10) У окна сидел человек. . . Ч е л о в е к спокойно нарезал яблоко кружочками в стакан. Э т о был Егор Яковлевич.

Местоимение *он* вместо ожидаемого *это* в примере (7) обусловлено именно тем, что объект (*дядя*) «давно» находится в поле зрения говорящих.

В примере (11) местоимение *это* употреблено неправильно, поскольку объект, соотнесенный с антецедентом, остается как бы за кадром:

(11) а) Во время разговора с п р и е з ж и м он не переставал думать о ней. *Это был дюжий мужик;

б) С работами моего у ч е н и к а вы, вероятно, незнакомы. *Это Коля Сидоров.

Введенность в рассмотрение часто проявляется в наличии в предложении слов типа *появился*, *увидел*, *виднеется*, *вошел*, *стоит* и под. Однако в целом формальные показатели здесь разнородны и отрывочны. Предложение с отрицанием обычно не вводит объекта в рассмотрение; так, в (а) *это* употреблено правильно, а в (б) — нет:

а) Я поговорил с одним вашим сотрудником. Это Коля Сидоров;
б) Я не успел поговорить с одним вашим сотрудником. Это Коля Сидоров.

Не вводят объекта именные группы в нереферентных употреблениях: *Нам нужны какие-нибудь проводники. *Это жители соседних селений; Говорят о золотых жилах Южной Африки. *Но это не алмазные копи, не залежи урана.*

Интересно, что идентифицирующее предложение с *это* не может быть прямым ответом на вопрос *Кто?*, поскольку *кто* не вводит в рассмотрение объекта:

(12) — Кто твой учитель музыки? — *Это Джоунз; — Кто убил Мартина Лютера Кинга? — *Это Джеймс Рей.

Иначе говоря, *это* не может иметь антецедентом вопросительное местоимение. В примере (13), который на первый взгляд кажется исключением из этого правила, *это* не анафорическое, а дейктическое: в значение *это* входит здесь весь широкий контекст, находящийся перед глазами говорящих.

(13) — Кто разбил стекло? — Это Коля;
— Кто там стоит у палатки? — Это Боб.

Референтность ИГ и ее соотнесенность с индивидуализированным лицом может быть и сугубо контекстной; так, в (14) вопрос имеет целью идентифицировать, а не квалифицировать объект, хотя ИГ *композитор* не имеет внешних признаков референтности и определенности:

(14) — Вы Берлиоза знаете? — Это... композитор? (=‘Это к о м п о з и т о р Берлиоз?’).

Идентификацию может, впрочем, осуществлять и неопределенная ИГ:

(15) Энрике узнал н о в о г о у з н и к а: это был ‹один› товарищ по партии.

Близок к идентификации случай, когда БП является определением или квазиопределением для ИГ-антецедента; здесь тоже местоимение 3-го лица невозможно:

(16) Из семерых людей один может оказаться п р о р о к о м. Это (*он) очень добрый и умный человек, и тот, кто поздоровается с ним за руку, станет счастливым на всю жизнь (Айтматов); На Камчатке ты можешь увидеть альбатроса. Это (*он) крупная морская птица; Кто они, эти загадочные американазиаты? Это (≠они) дети, рожденные таиландскими женщинами от американских военнослужащих.

2. В биноминативном предложении, выражающем таксономическую идентификацию, или категоризацию объекта, т. е. отнесение его к естественному типу (о понятии естественного типа см. Quine 1969; Schwartz 1977; о категоризации — Chafe 1976, Brown 1958), тоже, как правило, 1-й компонент будет не местоимение 3-го лица, а *это*.

Таксономический предикат (типа *женщина, мужчина, человек, дерево, книга, город*) выражает сущностные свойства объекта, которые не могут измениться без того, чтобы объект перестал быть самим собой. В состав предикатива могут при этом входить, помимо таксономического предиката, другие слова, в том числе оценочные, субъективные, ср.: *не самый приятный* ‹*город*›, *демоническая* ‹*женщина*›. В примере (1) ниже *женщина* — таксономический предикат, и потому единственное возможное местоимение — *это*; а *коммунист* — не таксономический, и потому здесь допустимо местоимение 3-го лица (о возможности *это* в таком контексте см. раздел 3):

(1) а) Об а в т о р е этой песни известно, что э т о (*он, *она) женщина;

б) Об а в т о р е этой песни известно, что он (это) коммунист.

Можно различить следующие разновидности антецедентов, вызывающих коммуникативную потребность в последующей таксономической идентификации: а) антецедент называет объект с помощью собственного имени, в смысл которого не входит принадлежность к естественному типу, примеры (2), (3); б) антецедент называет объект через его функцию, временную манифестацию, случайную характеристику и т. д., примеры (4), (5); в) антецедент называет объект, причисляя его к весьма общей категории (предмет, животное), которая нуждается в конкретизации, примеры (6), (7):

(2) Промысловой стороной управляет И н г р и д. Это женщина лет пятидесяти.

(3) А в «М е т р о п о л е» чудесные номера, это первоклассная гостиница; Они живут в В а н к у в е р е. Это не самый приятный город; Хочу, чтобы вы приняли командование Т а у э р о м - 3. Это буксирное судно.

(4) На самом деле он больше всего боялся нашего з а в у ч а. Это была демоническая женщина; Шарфшлер попытался расколоть моего а г е н т а в концерне Герлинга. Хотя это была женщина, она отказалась что-либо ему рассказывать; Лягушки нашли себе ц а р я: это был осиновый чурбан; Что касается их м а т е р е й, то в большинстве случаев это «девочки из баров».

(5) Еще более экзотическое п р и с п о с о б л е н и е есть у некоторых видов ныряющих уток. Это третье веко; На космических станциях находятся «п о с л а н и я к нашим братьям по разуму» — это слайды с математическими формулами; Мне отвели здесь квартиру. Это крестьянская изба; Я принес тебе п о д а р о к. Это шагающий утенок.

(6) Анна посмотрела на р е б е н к а. Это был мальчик.

(7) Дженсен вычислил габариты ж и в о т н о г о и установил,

что это был брахиозавр; Рассмотрим ф и г у р у, образованную отрезками a, b, c, d. Это квадрат; Я взглянул на заглавие к н и г и: это был какой-то французский роман; Недавно рабочие в парке рубили д е р е в о. Это был колоссальный каштан; Следует учесть еще один ф а к т — это несовпадение их имен друг с другом; Послышался страшный р о к о т. Это были громовые аплодисменты; Вдруг Мартын с досадой заметил, что забыл захватить с собой к н и г у, которую облюбовал в гостиной. . . Это был потрепанный том Чехова; Роль с л о в а si ясна. Это местоимение; С л о в о *задумчива* ничего не обозначает, это предикат.

Впрочем, идентификация возможна в применении к самому «полноценному» антецеденту, если либо местоимение, либо антецедент входит в состав предложения с нереальной модальностью:

(8) Над к а н а л а м и, как будто э т о улицы, висят лампочки для освещения «проезжей части»; Мы очутились перед естественной каменной с т е н о й необыкновенной высоты. Можно было подумать, что э т о навсегда окаменевший гладкий водопад.

Предикатив, включающий слова типа *человек*, *мужчина*, *женщина* и т. д. (но не сводящийся к этим словам), является таксономическим, только если отнесение объекта к естественному типу не вытекает из его предшествующих номинаций, как это и имеет место в (4). Так, в (9) БП не выражают таксономической идентификации, и допустимость *это* здесь объясняется иначе, см. раздел 3.

(9) На следующий день п р и е з ж и й снова появился в конторе. Это (он) был высокий мужчина лет тридцати; Я посмотрел на его с п у т н и ц у. Это была невысокая женщина; Он разглядывал солдат. Это (они) были воронежские ребята; П р и к а з ч и к явился: это (он) был человек лет под сорок.

3. Местоимение *это* — единственный способ отсылки к антецеденту, который является неопределенным местоимением (или вопросительным местоимением в изъяснительном придаточном). Такое предложение всегда выражает идентификацию — субстанциальную, как в (1), или таксономическую, как в (2):

(1) К о е - к т о из нас здесь лишний в этой квартире. И мне кажется, что э т о именно вы; . . . о д и н и з н а с непременно будет убит. Я желаю, чтобы э т о были вы (пример из Арутюнова, 1976); Твою зачетку к о м у - т о отдали. Должно быть, это был ваш староста; Вдруг он услышал, что к т о - т о крадется. Э т о был вор; Мы знаем, к т о стоит за спиной фашизма. Э т о — монополии.

(2) Собака ч т о - т о несла в зубах. Вскоре мы увидели, что э т о кукла; Утверждая, что н е ч т о является зеленым, мы подразумеваем, что э т о физический объект; У Чика в глазах ч т о - т о поплыло. Он не уверен, что э т о были именно круги; Про ч т о я думал, что э т о кабинет, оказа-

лось гостиной; Есть еще ч т о - т о, что его терзает. Что же э т о?; О д н о лишь в доме было сделано крепко: э т о были дверные пружины.

Когда антецедентом местоимения служит неопределенная именная группа, субститут местоимения всегда не равен антецеденту, а пополняется за счет предложения-контекста, фиксирующего денотат (см. Quine 1961 и дальнейшую разработку тезиса Куайна в работе Падучева 1980). Так, в примере *Я нашел в чулане ружье. Оно было заряжено* субститут для *оно* не *ружье*, а *ружье, которое я нашел в чулане.* Особенность местоимения *это* состоит, однако, в том, что здесь в формировании субститута именная группа — антецедент не участвует вовсе, заменяясь относительным местоимением; так, во фразе *Я желаю, чтобы это были вы* из (1) субститут для *это* не *один из нас*, а *тот, кто будет убит*. Другие примеры:

(3) Одна женщина купила на базаре м е х драгоценного животного, а через некоторое время, когда краска облезла, оказалось, что э т о шкура ее собственной собаки (*это*='то, что одна женщина купила на базаре'); Так иногда в томительной пустыне мелькают о б р а з ы далеких чудных стран. Но э т о призраки (*это*='то, что мелькает в пустыне'); Говорят, что на печати министерства финансов Таиланда изображен сокол. Возможно, что это какая-то другая птица (*это*='то, что изображено'); Я как бы слагал р е ч ь, которую готовился сказать с трибуны. А может быть э т о были строки и абзацы статьи (*это*='то, что я слагал').

Разумеется, если антецедент — определенная ИГ, то такие перефразировки невозможны:

(4) Ипполит Матвеевич сразу узнал с в о й с т у л. Да! Э т о был гамбсовский стул, обитый . . . английским ситцем в цветочках (*это*≠'то, что Ипполит Матвеевич сразу узнал').

Частным случаем неопределенного антецедента является подразумеваемый субъект неопределенно-личного сказуемого. В отличие от местоимений 3-го лица, *это* допустимо в ситуации, когда антецедент в поверхностной структуре отсутствует. Так, в (5а) *это* отсылает к подразумеваемому субъекту неопределенно-личного сказуемого. Скорее всего, подразумеваемый неопределенный антецедент и в (5б), где *шаги*=*чьи-то шаги*:

(5) а) Стучали негромко, но требовательно. Э т о был Егор Яковлевич;

б) С трапа послышались шаги. Э т о был один из членов команды.

Вне биноминативного предложения любая местоименная отсылка к неопределенному местоимению возможна лишь ценой отхода от стандартного словоупотребления. Так, в (6б) отсылка представляет своего рода цитату (см. Wierzbicka 1969), а предложение (6а) отступает от литературной нормы (местоимение 3-го лица в таком контексте заведомо недопустимо):

(6) а) У Чика в глазах что-то поплыло. Почему-то э т о всегда называют кругами;
б) В комнате уже был кто-то, и э т о т к т о - т о явно его раздражал.

Местоимение *это* может быть единственным средством отсылки, если антецедент — ИГ с кванторным словом общности, явным или подразумеваемым:

(7) Праздник может выпасть на л ю б о й д е н ь н е д е л и. Если э т о (*он) понедельник, то девушку нарекают Корага (*это*='тот день недели, на который в рассматриваемый момент выпал праздник'); Смех возле у м и р а ю щ е г о, даже если это (*он) Колчерукий, не слишком уместен.

4. Для выяснения соотношения между *это* и местоимением 3-го лица в других, не идентифицирующих контекстах существенно провести границу между именами лиц и именными группами, которые соотносятся с неодушевленными объектами (точнее, с нелицами). Статистический факт состоит в том, что если антецедент не является именем лица, то личное местоимение в составе БП употребляется довольно редко. Так, в (1), (2) в сходных условиях с личным антецедентом, пример (а), местоимение 3-го лица допустимо, а с не-личным, пример (б), возможно только *это*:

(1) а) Вспомните Теркина. Это был отличный парень (Он был отличный парень; Он был отличным парнем);
б) Вспомните Фру-Фру. Это была отличная лошадь (*Она была отличная лошадь; *Она была отличной лошадью);

(2) а) Женись на Гражине. Это (она) хорошая девушка;
б) Поезжай в Воронеж. Это (*он) хороший город.

Однако БП с местоимением 3-го лица при неодушевленном антецеденте все-таки допустимы:

(3) Буддизм в Таиланде представляет значительную политическую силу: о н государственная религия (из газет); Потом мы приехали в Иран — о н был тогда совсем другое государство; Иван всегда разводил малину, о н а была его любимая ягода; Будьте осторожны с водородом: о н самый опасный газ.

(4) Я ценю храбрость. О н а необходимое следствие ума; Печь занимала важное место в крестьянском быту. О н а была не только источник тепла; Я не против самолюбия, о н о источник всего великого; Мы из селения Саенчай. О н о как бы столица племени; Я говорил с ними о здешней радонежской земле — мне так хотелось, чтобы они полюбили ее, ведь по-настоящему э т о (она) же их родина.

(5) Ваша тоска означает желание избавиться от своей личности. О н а — тюрьма, в которой вы сидите; Только на войне по-настоящему узнаешь людей. О н а лакмусовая бумажка, проявитель какой-то; Для нас полинезийцев каноэ не просто средство передвижения. О н о сердце нашей культуры.

В (3) предикатив — *государство*, *религия*, *ягода*, *газ* — классификатор для антецедента, быть может, с тем или иным эпитетом (термин «классификатор» употребляется в соответствии с работой Падучева 1967); в (4) предикатив указывает функцию объекта, обозначенного антецедентом, — *следствие*, *источник*; широко распространены слова в переносном употреблении, см. (5).

Везде, однако, наряду с местоимением 3-го лица возможно и *это*. Между тем обратная замена *это* на местоимение 3-го лица в контексте неодушевленного антецедента часто невозможна, см. (1б), (2б).

В случае антецедентов — имен лица, возникает (в контекстах, где допустимы оба местоимения) ощутимое различие по степени знакомства с упоминаемым лицом, т. е. по продолжительности его существования в поле зрения говорящих:

(6) а) Для полной последовательности я и с сестрой перестал здороваться. Вообще о н а была какая-то сонная↘девушка;
б) Я познакомился с ее сестрой. Э т о была какая-то сонная девушка (в примере (а) предполагается более «личностный» подход к сестре).

(7) а) Я деда твоего знаю. О н хороший↘человек;
б) Тут еще безбородый один, — заметил ты? Это — злой человек.

(8) Мысленно он звал на помощь Кулубека. Э т о (о н) был единственный человек из всех, кого знал мальчик, кто мог бы одолеть Орозкула.

(9) В кузове грузовика на деревянном тигре восседала девушка. О н а была (э т о было) главное действующее лицо шествия.

(10) Николай приехал к своему соседу помещику. Э т о (о н) был старый кавалерист-холостяк, лошадиный знаток, охотник.

В случае неодушевленных имен смысловые различия слабее, хотя иногда их можно ощутить и здесь:

(11) Вспомните «Вальс свечей». В мое время э т о был гимн окончания школы (ср.: *В мое время он был гимном окончания школы*).

Существенность противопоставления по личности / неличности подтверждается различным поведением местоимения в контексте вопросов с *кто* и *что*. При *что* возможно только местоимение *это*, ср.: *Что это?* и *Что он (она, оно)?* Пример: — *Его уход не демонстрация.* — *Так что же это* (**он*)? Между тем, при *кто* возможны два вида местоимений, причем оба могут употребляться в предложении со значением идентификации:

(12) — Я сын Ф а и н ы. — А кто о н а такая? (или: *А кто э т о такое*?).

5. Местоимение *это* полностью вытесняет местоимение 3-го лица в контексте, где предикатив включает в себя антецедент в качестве своей части:

(1) Нас привели в мастерскую х у д о ж н и к а. Э т о был художник-сюрреалист; Кити таила от м а т е р и свои новые взгляды и чувства. Она таила их не потому, что она не уважала, не любила свою мать, но только потому, что э т о была ее мать.

(2) Лежа на животе, мальчик примерял б и н о к л ь к глазам. Э т о был сильный полевой бинокль; Можно позавидовать с л а в е этих людей. Э т о подлинная слава; Я не буду говорить вам о ц е л и нашего собрания. Э т о святая цель; — Вы узнаете эту п о д п и с ь? — Э т о подпись Ивана Семеновича; По щекам у него текли с л е з ы. Э т о были самолюбивые слезы; Д е н ь г и эти были выручены за его вещи. Э т о были его деньги; О б е з ь я н ы приняли приставать к посетителям, выклянчивая бананы. Э т о были обезьяны, уже хватившие цивилизации.

В тексте *Покажи мне камень, который строители отбросили! Он — краеугольный камень* местоимение *он* вместо *это* — явная стилизация.

6. Контекстом, порождающим семантическую потребность в местоимении *это*, является контекст предиката пропозициональной установки, т. е. контекст, где БП, выражающее идентификацию, является аргументом предиката пропозициональной установки (в примерах ниже этот предикат выделен курсивом):

(1) П р и в и д е н и е, пройдя в отверстие в трельяже, беспрепятственно вступило на веранду. Тут все *увидели*, что э т о — никакое не привидение, а Иван Иванович Бездомный, известнейший поэт.

(2) Собака шла через реку и, увидев свое о т р а ж е н и е в воде, *подумала*, что э т о какая-то другая собака; У нас была к о ш к а. Звали ее Матвей, потому что мы *думали* сперва, что э т о кот; Перед поединком Пушкин написал известное п и с ь м о на имя гр. Бенкендорфа (Щеголев *предполагал*, что э т о письмо к Нессельроде).

Особый контекст составляет ситуация «самомнения», т. е. ситуация, когда субъект высказывает мнение о себе самом. В этом контексте, даже для выражения идентификации, употребляется только местоимение 3-го лица (см. Падучева 1980):

(3) а) И в *подтверждение* того, что о н а — Красавка, лошадь медленно повернулась в нашу сторону;
б) Лошадь повернулась, и мы *увидели*, что э т о Красавка.

(4) — Что это за птица? — Я-то наверняка *знаю*, что э т о галка, а вот е й самой *кажется*, что о н а орел.

(5) а) Меня встретила ж е н щ и н а, которая *сказала*, что о н а домработница Груня;
б) Про ж е н щ и н у я *узнал*, что э т о была домработница Груня.

(6) а) Авдеенко *думает*, что о н лебедь;

б) Смотри, как Авдеенко выгнул шею. Можно *подумать*, что э т о лебедь.

В контексте предикатов, выражающих ложное мнение, допустимо смысловое противопоставление местоимений *это* и 3-го лица, которое состоит в следующем: местоимение 3-го лица означает, что одному и тому же объекту приписываются в составе мнения и в действительности разные свойства; а *это* — что в мнении и в действительности фигурируют разные объекты. Например:

(7) а) В нашем дворе жила м е д с е с т р а. Звали е е тетя Соня. Почему-то все мы тогда *считали*, что о н а доктор;

б) Вошла м е д с е с т р а. А мы *подумали*, что э т о доктор (='. . . что тот, кто вошел, — доктор').

В (а) расхождение мнения с действительностью касается не сущностных признаков объекта, а только вторичных его свойств: данная женщина медсестра или врач; а в (б) ошибка в том, что одно лицо принято за другое. Это противопоставление невозможно, однако, в качестве минимального: различные местоимения возможны лишь при различных денотативных свойствах антецедентов. Действительно, в (а) ИГ *медсестра* обозначает объект, устойчиво существующий в общем референциальном поле участников акта речи; а в (б) — объект, «только что» в него введенный, т. е. новое лицо.

7. Местоимение *это*, вместо ожидаемого местоимения 3-го лица, в сочетании с предикатными словами оценочного или квалифицирующего значения может означать, что объект (обычно лицо) не просто обладает теми или иными качествами или функциями, а становится персонификацией указанных своих качеств или функций. В этом случае местоимение 3-го лица тоже возможно, но с иным значением:

(1) Геккерн на все способен: э т о (≠он) человек без чести и совести; Этот человек мне глубоко чужд. Э т о (≠он) мой враг; Антипа вырезал интересные вещи. Э т о (≠он) был настоящий мастер.

К тому же классу можно отнести примеры типа (2). Значение персонификации усиливается здесь первой частью конструкции (*не кот, не ребенок*), которая, формально, выражает категоризацию (точнее, исключение объекта из свойственной ему категории), но употребляется в переносном смысле:

(2) Кота надо высечь. Э т о не кот, а бандит; Посмотри на моего ребенка. Э т о не ребенок, а ангел.

Не все оценочные предикаты допускают, однако, такое употребление:

(3) Чукчи не любят путешествовать. Они (*это) домоседы; или: Они (*это) чудаки.

8. Местоимение *это* употребляется в контексте категориальной несовместимости антецедента с предикативом, т. е. когда антецедент и предикатив различаются, например, по одушевленности,

по числу, по абстрактности/конкретности и т. д. (о понятии категориальной несовместимости см. Martin 1970). Разрядкой выделяются антецедент и предикатив:

(1) Я скоро е г о понял. Это была прямо-таки р у с с к а я д у ш а; Что отварные порционные с у д а ч к и! Д е ш е в к а это (*они), милый Амвросий; Когда про д в е ф у н к ц и и можно сказать, что это (*они) о д н а и т а ж е ф у н к ц и я?; Их десять человек. Это (*они) большая группа; Лет 50 назад в Ниле еще были к р о к о д и л ы до 8 м длиной. Сейчас это р е д к о с т ь; Что же касается ассоциативного м е т о д а построения моих сочинений, то это личное м о е; Я помню хорошо Алису К о о н е н. Это самое п р е к р а с н о е, что я видел в театре.

В примерах (2), (3) в предложении (а) нет категориальной несовместимости, и местоимение 3-го лица допустимо; в (б) есть, и употребляется только *это*.

(2) а) Что щука! Она (это) же хищник;
б) Что щука! Это (*она) же грубая еда.

(3) а) Мне дорого это кольцо. Оно (это) подарок матери;
б) В седьмой палате лежит женщина. Это (*она) тяжелый случай.

Помимо содержательных, представляют интерес чисто сочетаемостные аспекты употребления местоимения *это* с предметным антецедентом в БП. В обычном БП различаются два компонента, из которых 2-й — это, как правило, именная группа в предикатном употреблении, являющаяся предикативом (см. Падучева, Успенский 1979; некоторые структурные особенности именных групп в предикатном употреблении были отмечены В. В. Виноградовым — см. Виноградов, 1954). Между тем местоимение *это* может употребляться в качестве 1-го компонента в таких БП, где 2-м компонентом является ИГ, не допускающая предикатного употребления, т. е. неспособная быть предикативом (причем само *это* предикативом тоже не является). Отсюда невозможность взаимозамены *это* с местоимением 3-го лица, которое, как всякая обычная ИГ, требует в БП 2-го компонента в предикатном употреблении.

Не допускает предикатного употребления ИГ, которая а) содержит неопределенное местоимение, пример (1); б) содержит указательное местоимение, пример (2); в) является дейктическим или анафорическим местоимением, пример (3); г) содержит приименные частицы, пример (4):

(1) Это (*он) один молодой прозаик; Это (*она) была какая-то девушка; Возможно, это (*она) какая-то другая продавщица.

(2) Отпустите ее. Это (*она) не та женщина; Ты, папа, наверно, не знаешь бабку, про которую я говорю. Это (*она) не та, которая была; это (*она) другая бабка; Поэты, о которых он

говорил, у нас почти неизвестны: Демиус, Крекель, Теобальди. Это те, кто пережил смену поветрий; Держите его! Это тот, который украл у доброго человека кобылу; Некоторые деревья весной не зеленеют. Это (*они) те, которые застыли от страха.

(3) Здравствуй, белый пароход, это я; — Там была рогатая мать-олениха? — Может быть, это и она.

(4) Это (*он) сам генерал.

Более того, ИГ, однозначным образом предикатная, как правило, не может быть 2-м компонентом в БП с *это*. В примерах ниже в предложении (а) 2-й компонент — денотативно неоднозначная ИГ, и она допускает оба местоимения; а в (б) — однозначно предикатная, и она при том же антецеденте исключает употребление *это*:

(5) а) Это (он) повар; б) *Это (он) по профессии повар.

(6) а) Это (он) мой враг; б) *Это (он) для меня враг; *Это (он) мне враг.

(7) а) На Ивана не рассчитывай. Это (он) бездельник;
б) *Это (он) не настолько бездельник.

(8) а) Вы про Ивана? Это (он) артист;
б) *Это (он) немного артист.

(9) а) Видишь того мальчика? Это (он) студент III курса;
б) *Это (он) уже студент III курса.

(10) а) А — с этим она пошла гулять! Ведь это (он), кажется, шут;
б) Ведь *это (он), кажется, нечто вроде шута (пример А. А. Шахматова, см. Шахматов 1941, с. 154).

Инвертированный порядок слов, характерный для некоторых видов ИГ в предикатном употреблении — *женщина добрая, человек умный*, — воспринимается в сочетании с *это* как неестественный, ср.: *Она женщина богатая* (пример (4) из раздела 1) и ?*Это женщина богатая*[3].

Итак, среди предложений с *это* большой класс составляют такие, в которых 2-й компонент — референтная ИГ, а не предикатив; в таких предложениях и 1-й компонент не может считаться подлежащим. Следовательно, они не поддаются синтаксическому членению, свойственному обычным двусоставным предложениям. Что касается предложений с *это*, где денотативный статус 2-го компонента неоднозначен, типа *Это был большой дом*, то невозможность замены им. падежа ИГ *большой дом* на творительный (**Это было большим домом*) показывает, что и здесь и 2-й компонент скорее референтная ИГ, чем предикатив. О том же говорит и то, что 2-й компонент определяет согласование связки. Однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

[3] Правда, с некоторыми ИГ, по структуре однозначно предикатными, *это* все-таки употребляется; это ИГ с отчетливо оценочным значением: *Это чистый дьявол*; *Это формалист до мозга костей*; *Это совсем еще дитя*; *Велосипедист свернул на боковую улочку. Это был совсем еще мальчишка.*

§ 2. ЗНАЧЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ *ЭТО*

В основе всех употреблений местоимения *это* лежит следующая ситуация. ИГ-антецедент вводит в рассмотрение какой-то объект, сопоставляя ему определенный концепт (в смысле Г. Фреге, см. Фреге 1977). Назначение БП с *это* — в том, чтобы приписать этому же объекту, взамен прежнего, другой концепт, носителем которого является 2-й компонент БП (действительно, именно в этом состоит суть идентификации). Но эта смена концептов возможна благодаря тому, что местоимение *это* допускает референцию к объекту в отрыве от концепта, связанного с его прошлым наименованием. Отсюда ясно, в чем различие по смыслу между *это* и местоимениями 3-го лица. Местоимения 3-го лица употребляются в ситуации, когда не просто объект упоминается повторно (как это принято считать), а когда объект упоминается повторно в презумпции неизменности связанного с ним концепта. Если же говорящий не считает возможной референцию к объекту в презумпции неизменности его концепта, т. е. если он хочет освободить объект от его прежнего концепта, он может назвать объект, не сопоставляя ему никакого концепта вообще — с помощью анафорического *это*. Приведем, помимо собранных выше, еще один характерный пример: — *Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачева? Или она упрямится? — Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова.* В речи Зурина повторное упоминание о капитанской дочке с помощью местоимения *она* естественно, а в речи Гринева, который не присоединяется к версии о том, что Маша — кумушка Пугачева, возможно только местоимение *это*.

Легко видеть, что значение *это* в анафорическом употреблении в БП в точности совпадает с его значением в дейктическом употреблении, когда оно служит для того, чтобы указать объект, не приписывая ему никакого концепта. Как справедливо замечает А. Черч (см. Черч 1961, с. 343), указательное (т. е. дейктическое) *это* не приписывает денотату никакого концепта, кроме того, что объект «находится в данное время в данном месте». Очевидно, что то же значение (или то же отсутствие значения) сохраняется у *это* и в его анафорическом употреблении с предметным антецедентом в контексте БП.

Что именно из свойств объекта, указанных в предшествующем повествовании, входит в его подразумеваемый концепт при упоминании о нем с помощью местоимения 3-го лица, не вполне ясно. Скорее всего, это не весь смысл именной группы, которой он назван, а лишь некоторое его ядро. Заведомо в это ядро входит таксономическая принадлежность объекта к естественному типу.

Нетривиальный аспект семантики местоимений 3-го лица, выявляемый при их сравнении с местоимением *это*, оказывается одним из проявлений более общей закономерности наименований

объектов в естественных языках. Эта закономерность проявляется при сопоставлении естественного языка с логическими и неоднократно привлекала к себе внимание логиков (см., в частности, Freudenthal 1960). Она состоит в том, что в естественном языке наименование объекта обязательно связано с причислением его к какому-то естественному типу [4] (говоря в логических терминах, естественные языки обязательно различают множество сортов переменных, со своей областью значений для каждого сорта — что с логической точки зрения совершенно не обязательно: в логических исчислениях используются переменные с универсальной областью значений). Оказывается, что это свойство исходных наименований объекта поддерживается и основным видом анафорических средств — местоимениями 3-го лица: только после того, как объект причислен к тому или иному естественному типу, становится возможной отсылка к этому объекту с помощью такого регулярного анафорического средства, как местоимение 3-го лица. До этого анафора осуществляется с помощью местоимения *это*, которое отсылает, однако, только к объектам, недавно введенным в общее поле зрения говорящих.

Предложенное описание значения — и назначения — анафорического *это* позволяет объяснить большинство особенностей его употребления, выявленных в § 1. Так, запрет на местоимения 3-го лица в контексте идентификации объясняется тем, что в ситуации, где речь идет о смене концепта, связанного с данным объектом, неестественно употребление местоимения, несущего презумпцию неизменности концепта. Показательно, что позиция, запрещенная для местоимения 3-го лица, оказывается отнюдь не запрещенной для указательной группы: *Мать посмотрела на женщину. Эта женщина была Самойлова* (ср. **Она была Самойлова*); *Одно в Царе лишь было худо: Царь этот был осиновый чурбан* (ср. **Он был осиновый чурбан*); *Один из нас здесь лишний, и мне кажется, что этот лишний — Вы* (ср. *. . . *и мне кажется, что он — Вы*).

Аналогичным образом объясняется роль *это* в предложениях таксономической идентификации: особое распространение *это* в контексте предикатов пропозициональной установки; возможность употребления *это* с антецедентами — неопределенными местоимениями; употребление *это* в контексте, где предикатив дублирует антецедент, и в контексте категориальной несовместимости. Особенность структуры 2-го компонента в биноминативном предложении с *это* (который является, скорее всего, не предикатной, а референтной группой) тоже находит естественное объяснение: то содержание, которое входит в концепт объекта, должно быть выражено референтной ИГ, а не в предикатной форме.

---

[4] Ср. Brown 1958; Chafe 1976; Арутюнова 1979.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976.
Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 38, 1979, № 4, с. 323—334.
Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. 3-е изд. Киев—Харьков, Радяньска школа, 1938.
Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний. — ВЯ, 1954, № 3.
Иванов В. В. Категория определенности — неопределенности и шифтеры. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., «Наука», 1979.
Молотков А. И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика Н. Н. Мещанинова. М.—Л., 1960.
Падучева Е. В. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. — Труды III Всесоюзной конференции по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации, т. 2, М., Изд-во ВИНИТИ, 1967.
Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. — Научно-техническая информация, сер. 2, 1979, № 9.
Падучева Е. В. Проблемы логического анализа местоимений. — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 15. М., Изд-во ВИНИТИ, 1980.
Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, № 4.
Рословец Я. И. О соотношении именительного и творительного предикативного существительных при связке *быть* в современном русском языке. —Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 332. М., 1970.
Фреге Г. Смысл и денотат (пер. с нем.). — В кн.: Семиотика и информатика, вып. 8. М., Изд-во ВИНИТИ, 1977.
Черч А. Введение в математическую логику, т. I. М., Изд-во иностр. лит., 1961.
Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.—Л., 1941.
Brown R. How shall a thing be called? — Psychological review. v. 65, N 1, 1958.
Chafe W. L. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view. — In: Subject and topic. N. Y., 1976.
Martin R. (ed.) The paradox of the liar. New Haven — London, 1970.
Quine W. O. Logic as a source of syntactical insight. — In: The structure of language and its mathematical aspects. Providence, 1961.
Quine W. O. Ontological relativity and other essays. New York — London, 1969 (Chapter 5. Natural kinds).
Russell B. An inquiry into meaning and truth. N. Y., 1940.
Schwartz S. P. (ed.) Naming, necessity and natural kinds. Ithaka, 1977.
Wierzbicka A. Deskrypcje czy cytaty? — In: Dociekania semantyczne. Wroclaw, 1969.

Л. Л. ИОМДИН

СИММЕТРИЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время как в теоретических, так и прикладных областях современной лингвистики, предъявляющей высокие требования к уровню своих исследований, отчетливо осознается необходимость интегрального описания естественного языка. Принцип интегрального описания, провозглашенный в явном виде совсем недавно [1], сводится в первую очередь к требованию о том, чтобы сведения, помещаемые в грамматике исследуемого языка, с одной стороны, и в его словаре, — с другой, были максимальным образом согласованы, «подогнаны» друг к другу и составляли тем самым единое целое.

Предлагаемое в настоящей статье обсуждение круга проблем, относящихся к симметричным предикатам, можно в известной мере считать иллюстрацией к данному принципу: на примере этого класса лексических единиц мы постараемся показать, насколько важно для адекватного описания его многочисленных свойств правильно распределить информацию о них между словарем и грамматикой.

В качестве симметричных предикатов мы будем рассматривать слова типа *дружить, ссориться; подружить, рассорить; дружба, ссора; равенство; равный, подобный* и т. д., а также другие лексические единицы, которые имеют две эквивалентные в смысловом отношении синтаксические валентности.

Симметричность, таким образом, понимается в обычном математико-логическом смысле: если P — предикат, соответствующий какому-нибудь из этих слов, а X и Y — его «симметричные» валентности (кроме них, у P могут быть и другие валентности), то P(X,Y)=P(Y,X); ср., например, *X борется с Y-ом—Y борется с X-ом; NN соединил X с Y-ом—NN соединил Y с X-ом* и т. д.

Симметричным предикатам русского и других языков посвящено немало исследований последних лет (см., например, Антонюк-Михневич 1978, Корди 1978, Откупщикова 1978, Холодович 1978, Baldi 1974, Borillo 1971, Fiengo — Lasnik 1973, Lakoff—Peters 1969, Walther 1977 и др.). Однако, как правило, авторы этих исследований либо ограничиваются рассмотрением статуса данного класса лексических единиц в грамматической системе языка, что на практике часто сводится к обсуждению вопроса о наличии/отсутствии в исследуемом языке так называемого взаимного залога (реципрока), либо описывают некоторые достаточно общие свойства симметричных предикатов (часто — в рамках трансфор-

[1] См. об этом Апресян 1980. Сам термин «интегральное описание языка» восходит к Дж. Катцу и Дж. Фодору (Katz — Fodor 1964).

мационной теории). В то же время особенностям конкретных единиц этого класса уделяется недостаточно внимания.

На наш взгляд, однако, симметричные предикаты обладают целым рядом любопытных семантических, сочетаемостных и синтаксических свойств, которые делают этот класс слов достойным самостоятельного исследования не только в общеграмматическом аспекте, но и с точки зрения «конкретной» лексикографии.

Число симметричных предикатных слов различных типов в русском языке весьма значительно и, по предварительным оценкам, превосходит тысячу (не считая неоднословных лексических единиц). При исследовании симметричных предикатов обнаруживается, что некоторая (меньшая) часть их свойств носит достаточно общий характер и может быть вынесена из словаря в грамматику. В то же время большая часть информации о симметричных предикатах носит индивидуальный характер и должна фиксироваться непосредственно в словаре.

Чтобы дать читателю некоторое представление об объеме рассматриваемого материала, приведем примеры основных типов русских симметричных предикатов. К их числу в первую очередь относятся:

а) глаголы с симметричными первой и второй валентностями: *дружить*, *разговаривать*, *совпадать*, *гармонировать* и т. д. Сюда же относится подавляющее большинство симметричных глаголов на *-ся* (в результате сплошного просмотра словаря Зализняк 1977 таких глаголов было обнаружено около 400): *ссориться*, *чередоваться*, *слипаться*, *договариваться*, *здороваться*, *переглянуться* и др.;

б) глаголы с симметричными второй и третьей валентностями: *подружить*, *поссорить*, *различать*, *рифмовать*, *разлучать*, *сравнивать* и т. д.;

в) глаголы с симметричными первой и третьей валентностями: *обмениваться*, *махнуться*, *мериться* (*силой*) и т. д.;

г) предикатные существительные — имена действий, отношений и свойств: *переговоры*, *бой*, *матч*, *дружба*, *спор*, *эквивалентность*, *различие*, *сосуществование*, *выбор (между X и Y)* и т. д.;

д) актантные существительные типа *друг*, *единомышленник*, *тезка*, *коллега*, *сосед*, *однофамилец*, *соперник*, *противник*, *антипод* (ср. *X и Y — настоящие антиподы)*, *соратник*, *соотечественник*, *сослуживец*, *сверстник* и т. д.;

е) прилагательные типа *равный*, *подобный*, *похожий*, *разный*, *общий* (*для X и Y*) и т. д.;

ж) предикативные наречные выражения, в том числе фраземенного характера: *в дружбе*, *в ссоре*, *(не) в ладах*, *на ножах*, *на «ты»*, *на «вы»*, *бок о бок*;

з) предлог *между (X и Y)*, *рядом (X был рядом с Y)*, *подле* и некоторые другие;

в) глагольные фразеологические сочетания: *ударить по рукам, бегать наперегонки* и т. д.;

к) выражения, содержащие элементы типа *друг друга*: *любить друг друга, писать друг другу, стоять друг перед другом* и т. д.

Следует сразу же отметить, что многие из перечисленных лексических единиц симметричны только в некоторых своих значениях; ср. *Иван борется с Петром, Иван находится рядом с Петром* (симметричные значения *бороться* и *рядом*) — *Иван борется с ветряными мельницами, Иван стоит рядом с домом* (несимметричные значения *бороться* и *рядом*). Нас будут интересовать, разумеется, только симметричные значения подобных лексических единиц.

Обзор наиболее важных грамматических и словарных свойств симметричных предикатов составляет основное содержание настоящей статьи.

Наше изложение будет построено по следующему плану. Сначала мы рассмотрим — в теоретическом аспекте — вопрос о соотношении синтаксических и семантических симметричных валентностей рассматриваемых лексических единиц. После этого мы охарактеризуем основные типы информации о симметричных предикатах, которая может быть помещена в грамматику и в заключение приведем примеры тех идиоматичных свойств симметричных предикатов, которые следует отмечать в их словарных статьях.

1. О СООТНОШЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ СИММЕТРИЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ

В дальнейшем изложении мы будем опираться на лингвистическую модель «Смысл ⇔ Текст» и в особенности на те принципы, в соответствии с которыми в ней строится словарь моделируемого языка — так называемый толково-комбинаторный словарь[2]. В этом разделе нам в первую очередь понадобятся понятия синтаксического актанта и модели управления. Коротко напомним эти понятия.

Под синтаксическим актантом предиката обычно понимается лексическая единица, реализующая некоторую семантическую валентность данного предиката и зависящая от него в синтаксической структуре (СинтС) либо непосредственно, либо через посредство служебных слов: предлогов, союзов и т. п. Например, в предложении *Старый доктор осмотрел заболевшую девочку* слова *доктор* и *девочку* являются соответственно первым и вторым синтаксическими актантами предиката *осмотрел*; в предложении *Я попросил, чтобы привезли материалы* в качестве третьего ак-

[2] См. об этом, в частности: Проблемы кибернетики, вып. 19. М., 1967, с. 177—238; Апресян 1968, а также Апресян и др. 1979.

танта предиката *попросил* выступает слово *привезли* (допустимо также говорить, что этим актантом является выражение *чтобы привезли* или просто союз *чтобы*).

Модель управления слова представляет собой особую зону словарной статьи толково-комбинаторного словаря, которая содержит информацию об управляющих свойствах данного слова, в частности, 1) о его семантических актантах (указания о которых могут быть снабжены содержательными пометами типа Sub, Obj и пр.); 2) о числе синтаксических актантов и порядке их соответствия семантическим; 3) о морфологических, синтаксических, лексических и семантических свойствах слов, выражающих данные валентности; 4) об обязательности/факультативности выражения тех или иных валентностей, а также 5) об условиях совместной реализации разных валентностей во фразе.

Модель управления удобно изображать в виде таблицы, число столбцов которой соответствует числу семантических валентностей слова. В первой строке таблицы указываются семантические валентности слова, во второй — номера его синтаксических валентностей, в последующих строках — остальная информация. Таблица может сопровождаться перечнем дополнительных условий и пояснений.

Например, модель управления глагола *стремиться* имеет (с некоторыми упрощениями) вид таблицы 1.

Таблица 1

Sub.	Obj
1	2
1. $NP_{им}$	1. к+$S_{дат}$ 2. *чтобы*+$V_{личн}$ 3. *к тому, чтобы*+$V_{личн}$ 4. $V_{инф}$
обязат.	обязат.

Запись $NP_{им}$ в первом столбце таблицы означает, что первый синтаксический актант глагола *стремиться* может быть реализован именной группой в именительном падеже (*исследователи стремились — оба исследователя стремились — некоторые ‹двое› из исследователей стремились* и т. д.). Записи 1—4 во втором столбце таблицы указывают на разные способы реализации второго синтаксического актанта *стремиться* (*стремились к максимальной полноте описания фактов — стремились, чтобы описание фактов было максимально полным — стремились к тому, чтобы описание фактов было максимально полным, стремились описать*

факты с максимальной полнотой). Последняя строка таблицы свидетельствует об обязательном заполнении обеих валентностей глагола стремиться в «стандартных» предложениях (при личной форме глагола, без эллипсисов и при отсутствии некоторых других, специально оговариваемых в грамматике, факторов).

При построении моделей управления симметричных предикатов возникают трудности, связанные с тем, что у большинства таких слов наблюдаются отклонения от взаимнооднозначного соответствия синтаксических актантов семантическим.

Одно из наиболее характерных отклонений состоит в следующем. Как известно, наряду с конструкциями типа

(1а) *Иван дружит с Петром*,
(1б) *Иван борется с Петром* ‹*против Петра*›,
(1в) *Юра сравнивает Ивана с Петром*,

где *Иван* и *Петр* реализуют как семантические, так и синтаксические симметричные валентности соответствующих глаголов, весьма распространены синонимичные им конструкции типа

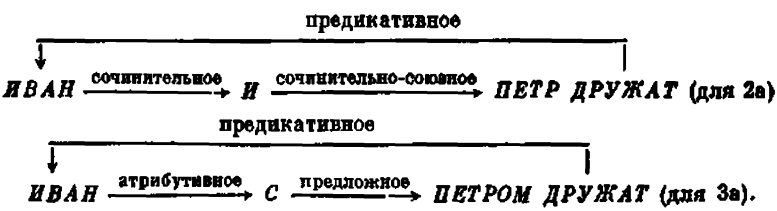
(2а) *Иван и Петр дружат*,
(2б) *Иван и Петр борются*,
(2в) *Юра сравнивает Ивана и Петра*,

а также

(3а) *Иван с Петром дружат*,
(3б) *Иван с Петром борются*.

В подобных выражениях *Иван* и *Петр* по-прежнему представляют две разные семантические валентности этих глаголов; что же касается их симметричных синтаксических актантов и места, которое эти актанты занимают в СинтС предложений типа (2а)—(3б), то здесь ситуация оказывается достаточно сложной и требует отдельного рассмотрения.

С одной стороны, *Иван* и *Петр* в этих предложениях не могут считаться разными синтаксическими актантами данных глаголов, поскольку не подчиняются им по отдельности, а принадлежат одной и той же синтаксической группе, имеющей всего одну связь с соответствующим глаголом-хозяином [3], ср.:

[3] Такого рода представления приняты в модели «Смысл ⇔ Текст» (над стрелками синтаксических связей указаны названия соответствующих поверхностно-синтаксических отношений). Впрочем, конкретный вид СинтС не имеет существенного значения для нашего изложения; важна лишь цельность сочинительной и комитативной групп.

С другой стороны, нельзя со всей определенностью утверждать, что синтаксические группы *Иван и Петр* и *Иван с Петром* во фразах типа (2а)—(3б) представляют какой-нибудь один синтаксический актант рассматриваемых симметричных глаголов. Дело в том, что отстаивая такую точку зрения, мы непременно должны будем принять одно из трех следующих решений: 1) во фразах (1а)—(1в), с одной стороны, и (2а)—(3б), с другой, представлены разные значения глаголов (=разные лексемы) *дружить*, *бороться* и *сравнивать* с разным количеством валентностей; 2) в этих фразах представлены одни и те же глагольные лексемы, но в случаях (2а)—(3б) имеет место ненасыщенность одной из двух симметричных валентностей; 3) у рассматриваемых глаголов имеются две разные синтаксические модификации: одна из них — «развернутая» — представлена во фразах (1а)—(1б), другая, с числом синтаксических актантов, меньшим на 1 — во фразах (2а)—(3б).

Против первого решения имеется как чисто интуитивное возражение — предложения (1а), (2а) и (3а); (1б), (2б) и (3б); (1в) и (2в) весьма близки, если не совершенно тождественны, по смыслу, и усматривать в них разные лексические единицы представляется неоправданным — так и аргумент технического характера: в этом случае пришлось бы продублировать словарные статьи (или по меньшей мере модели управления) для большинства симметричных предикатов.

Второе решение тоже представляется неприемлемым. Дело в том, что ненасыщенность семантических валентностей симметричных предикатов носила бы принципиально иной характер, чем ненасыщенность валентностей других лексических единиц. Сравним, например, предложения (2а)—(3б) с предложениями *Иван и Петр уезжают*, *Юра отправляет Ивана и Петра*, в которых не выражены некоторые семантические валентности (в частности, валентность конечной точки) глаголов *уезжать* и *отправлять*. Эти предложения можно расширить, заполнить ненасыщенные валентности, ср. *Иван и Петр уезжают за границу*, *Юра отправляет Ивана и Петра в командировку*. В отличие от них предложения (2а)—(3б) семантически полны и не допускают подобного расширения; тем самым, ненасыщенность валентностей окажется здесь обязательной, а не факультативной. Точно так же будет обстоять дело со всеми другими симметричными предикатами. Между тем у несимметричных предикатов обязательная ненасыщенность валентностей имеет место, как правило, лишь в особых синтаксических условиях; в простых же предложениях она носит спорадический характер (**молчать приятелю*, **промахнуться по воротам* и т. д., ср. Апресян 1974, с. 147 и сл.). Таким образом, принимая данное решение, мы будем вынуждены по сути дела наполнить сложившееся понятие ненасыщенности семантической валентности новым содержанием — на наш взгляд, без достаточных оснований.

Что касается третьего решения, то оно лучше двух предыдущих отражает синтаксическую специфику рассматриваемого материала — хотя в целом и это решение не свободно от недостатков: при описании симметричных предикатов с помощью синтаксических модификаций нам придется снабдить модели управления рядом громоздких и не слишком естественных условий.

Указанные трудности в значительной мере обусловлены двойственностью самой семантической природы симметричных предикатов. С одной стороны, их симметричные семантические актанты очень близки (вспомним, что они «играют» одинаковые «роли»); с другой стороны, эти актанты все же разные. Будучи разными, семантические симметричные актанты могут быть представлены в СинтС лексическими единицами, подчиняющимися своему смысловому хозяину порознь — так же, как и у большинства обычных «несимметричных» предикатов. В этом случае соответствие семантических и синтаксических актантов соблюдено. В то же время, будучи близкими по смыслу, симметричные семантические актанты могут и в СинтС оказываться «близко» друг к другу, так что лексические единицы, их представляющие, образуют одну (сочинительную или комитативную) синтаксическую группу. При этом взаимнооднозначное соответствие семантических и синтаксических актантов нарушается. (Заметим, что большинство симметричных предикатов обладает сразу всеми этими способами реализации семантических валентностей на синтаксическом уровне, однако бывают и исключения; ср., например, квазисинонимичные глаголы *отличаться* и *различаться*, по-разному распределяющие семантические актанты: *Иван отличается от Петра*, но не **Иван и Петр ‹мальчики› отличаются*, однако *Иван и Петр ‹мальчики› различаются (тем, что . . .)*, но не **Иван различается с Петром*. Подробнее об этом см. раздел 3.)

Каким же образом описывать указанные синтаксические особенности симметричных предикатов? Судя по всему, для описания, которое было бы вполне удовлетворительным, имеющихся в нашем распоряжении средств недостаточно и следует попытаться найти какие-то новые решения.

Прежде всего заметим, что симметричные предикаты — далеко не единственный пример нарушения соответствия семантических и синтаксических актантов. В первую очередь это явление характеризует многочисленный класс предикатов с так называемыми «расщепленными» семантическими валентностями (*погладить кого-н. по волосам*, *выпасть у кого-н. из рук* и т. д.; см. Апресян 1974).

Другой важный тип такого несоответствия был описан в статье Санников 1980 — это случай сочинения актантов глагольных предикатов, выраженных вопросительными или относительными местоимениями; ср.:

(4а) *Кто и куда вас направил*?

(4б) *Нас интересует, кто и кого отпускал из лагеря* и т. п.

Третья группа примеров — глаголы существования *бывать, иметься, существовать, встречаться* и т. д., имеющие в некоторых значениях две семантические валентности (что существует — X и каким свойством обладает — Y): *существует треугольник* [X] *такой, что. . .* [Y]; *бывают моменты* [X], *когда быстрая реакция решает все* [Y] и т. д. — здесь обе валентности представлены в СинтС в пределах одной группы (см. Падучева 1974, с. 67).

Той же самой особенностью обладает целый ряд кванторных слов: *только, лишь, единственный* и т. д. Эти слова имеют три семантические валентности: какой объект выделяется — X, из какого именно множества он выделяется — Y и каким свойством характеризуется — Z, ср.: *Из фруктовых напитков* [Y] *я люблю* [Z] *только апельсиновый сок* [X]; при этом очень часто по крайней мере две из этих валентностей (X и Y) представлены в пределах одной синтаксической группы, ср.: *Петру понравились только итальянские фильмы* (здесь X — *итальянские фильмы*, а Y — *фильмы*). Подробнее об этом см. Богуславский 1979.

Понятно, что во всех таких случаях возникает та же проблема, что и при описании симметричных предикатов.

Одно из возможных решений этой проблемы предложил В. З. Санников. В статье Санников 1980 он использует для сочинительных (а также сравнительных) конструкций — в частности, для представления фраз типа (4а)—(4б) — двойное синтаксическое подчинение (отказываясь тем самым от требования древесности СинтС предложения). При таком решении СинтС фразы (4а) имеет вид

что наглядно отражает двойственный характер таких фраз и в ряде отношений способствует большей компактности их синтаксического описания.

Применительно к симметричным предикатам подобное решение давало бы СинтС типа

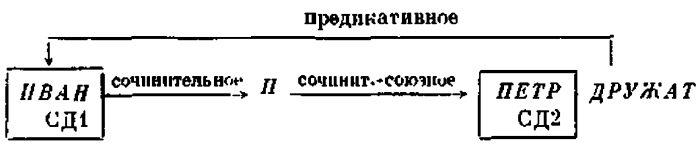

В таких структурах двойственность природы симметричных предикатов была бы отражена, однако в целом данное решение не слишком удачно: оно все равно не спасает положения в случае, когда оба семантических актанта симметричного предиката син-

кретично выражены одним существительным во множественном числе, существительным с коллективным значением или количественной группой, как во фразах *Мальчики дружат*, *Компания шумно беседовала*, *Два друга поссорились* и т. д.

Более общее и, видимо, весьма перспективное решение проблемы несоответствия семантических и синтаксических актантов предикатных лексических единиц принадлежит И. М. Богуславскому. Опираясь в первую очередь на материал кванторных слов, он предложил заменить понятие синтаксического актанта понятием синтаксической сферы действия (СД) предиката (см. Богуславский 1979). С некоторыми огрублениями, СД предиката по некоторой его семантической валентности — это та часть СинтС, содержащей этот предикат, которая соответствует данной семантической валентности. Одно из важных преимуществ СД перед синтаксическими актантами состоит в том, что СД по разным семантическим валентностям не обязаны поодиночке подчиняться своему предикату; они могут принадлежать и к одной синтаксической группе.

Если воспользоваться понятием СД для описания симметричных предикатов, то мы получим следующую ситуацию. При переходе от СинтС предложения, содержащего симметричный предикат, к его семантическому представлению потребуется прежде всего найти в СинтС сферы действия для каждой семантической валентности этого предиката, после чего строить с их помощью семантическую структуру. СинтС с помеченными на ней СД для фраз типа (2а) выглядела бы примерно так:

(здесь в квадратах указаны СД по первой и второй семантическим валентностям предиката дружить). Основным средством отыскания СД в СинтС являются особые правила, носящие отчасти словарный, отчасти грамматический характер; словарные правила нахождения СД, привязанные к конкретным лексическим единицам, должны в конечном счете заменить модели управления этих единиц.

На наш взгляд, введение СД в описание симметричных предикатов было бы весьма плодотворным. Тем не менее такое новаторское решение потребовало бы большой подготовительной работы (в том числе словарного характера), которая не может быть проведена в рамках статьи ограниченного объема. Поэтому мы, оставляя это решение в качестве основы для дальнейшего исследования симметричных предикатов, воспользуемся в настоящей статье уже упоминавшимся «паллиативным» средством: синтаксическими модификациями моделей управления. При таком решении в сло-

варных статьях большинства симметричных предикатов помещаются две модели управления. Например, для глагола *дружить* соответствующая зона словарной статьи в записи, принятой в толково-комбинаторном словаре, будет выглядеть — с некоторыми упрощениями — примерно следующим образом:

Таблица 2

Mod 1

Sub	Sub
1	2
1. $NP_{им}$	1. —$S_{т}$
обязат.	факульт.

Таблица 3

Mod 2

Sub	Sub
1	
1 $S_{им}$ 2. $NUMP_{им}$	
обязат.	

Условие к Mod2: если $M1 = S_{им}$, то $M1 = мн$ или $M1 \xrightarrow{\text{соедин.}} X_{и}$ или $M1 \xrightarrow{\text{сочинит.}} X_{с} — \ldots \rightarrow X1_{и}$ или $M1 \xrightarrow{\text{атрибутивн.}} X2_{с}$.

Содержательные пояснения.

Запись $NP_{им}$ в первом столбце модели управления Mod1 означает, что первая валентность *дружить* может быть выражена именной группой в им. падеже (*мальчики* ‹*двое из мальчиков*, *некоторые из мальчиков*› *дружили*); запись $с+S_{т}$ во втором столбце этой модели управления означает, что вторая валентность *дружить* может быть выражена сочетанием предлога *с* с существительным в твор. падеже (*дружили с Петром*). Запись $S_{им}$ в Mod 2 означает возможность реализации обеих семантических валентностей *дружить* с помощью одного существительного в им. падеже; запись $NUMP_{им}$ — возможность реализации этих валентностей количественной группой в им. падеже (*два мальчика дружили*). Условие к Mod 2 означает следующее: если семантические валентности *дружить* выражены одним существительным, то это существительное должно либо стоять во мн. числе, либо быть первым членом (вершиной) сочинительной группы, причем не всякой, а содержащей союз *и*; ср.: *Иван и Петр дружат*; *Иван, Петр, Юра и Игорь дружат* и т. д. (подробнее об этом см. раздел 2), либо быть вершиной комитативной группы с предлогом *с* (*Иван с Петром дружат*).

Данное решение, несмотря на отмеченные выше недостатки, позволяет описать те синтаксические особенности симметричных предикатов, на которых мы предполагаем остановиться в последующих двух разделах.

2. ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СИММЕТРИЧНЫХ ПРЕДИКАТАХ

В данном разделе мы приведем сведения о симметричных предикатах, достаточно общие для того, чтобы их можно было поместить в грамматическую часть описания языка. Как уже отмечалось, у симметричных предикатов грамматических свойств существенно меньше, чем словарных.

1) Специфика согласования симметричных предикатов. Известно, что в ряде ситуаций в русском языке согласование глагола-сказуемого с подлежащим допускает более одного варианта. В частности, в тех случаях, когда подлежащее выражено количественной или аппроксимативной группой, сказуемое может стоять либо во множественном, либо в единственном числе, ср.: *Поступили три письма — поступило три письма, человек десять придут наверняка — человек десять придет наверняка* и т. д. Эти варианты, вообще говоря, не синонимичны: между ними имеются тонкие смысловые различия (см. о них, в частности, Иомдин 1979).

Среди этих различий заслуживает внимание следующее: множественное число сказуемого предполагает здесь скорее разъединительное, «дискретное» понимание субъекта-подлежащего, а единственное число — объединительное, «аморфное» понимание субъекта; ср. *В комнату, запыхавшись, вбежали* (не **вбежало*) *одна за другой три девочки*; но: *На складе хранится* (не **хранятся*) *триста-четыреста тонн картофеля*.

Возможно, именно последним обстоятельством обусловлена предпочтительность (или даже обязательность) в подобных конструкциях множественного числа глагола-сказуемого, выраженного симметричным предикатом: понятно, что денотаты подлежащего, представляющие разные семантические валентности симметричного предиката, мыслятся здесь как «расчлененные»; ср.: *Две прямые пересекаются* (не **пересекается*) *в одной точке; Эти пять условий различаются* (не **различается*) *степенью обязательности*; *На скамейке мирно беседовали* (не *?*беседовало*) *пять старшеклассников* и т. д. Заметим, что данная особенность отличает рассматриваемые глаголы от глаголов с «совместными» актантами; ср. *собрались* ‹*собралось*› *три человека*; *пять девочек переболели* ‹*переболело*› *ветрянкой* и т. д.

2) Особая сочетаемость симметричных предикатов с сочинительными союзами. Мы уже отмечали, что симметричные семантические валентности рассматриваемых предикатов могут быть выражены в СинтС посредством сочинительной группы. Любопытной особенностью такой группы является тот факт, что она непременно содержит союз *и* (притом только один такой союз) и не может содержать никаких других сочинительных союзов: *Англия и Германия боролись друг*

с другом за сферы влияния в Африке, но не **И Англия, и Германия <как Англия, так и Германия, не только Англия, но и Германия> боролись друг с другом за сферы влияния в Африке; Иван, Петр и Игорь дружили с детства*, но не **Иван, и Петр, и Игорь дружили с детства* и не **Иван, Петр да Игорь дружили с детства*.

Характерно, что это ограничение утрачивает силу, когда сочинительная группа выражает один семантический актант симметричного предиката, ср. *Как Англия, так и Германия боролись с Францией за сферы влияния в Африке*.

3) Особая сочетаемость симметричных предикатов с числительным *оба*. К предыдущему свойству непосредственно примыкает требование, чтобы количественная группа, посредством которой синкретично выражаются обе симметричные семантические валентности рассматриваемых предикатов, не содержала числительного *оба*, ср. *Два мальчика случайно встретились на улице*, но не **Оба мальчика случайно встретились на улице; Эти две пластинки соединяются друг с другом при помощи нескольких алюминиевых болтов*, но не ??*Обе пластинки соединяются друг с другом при помощи нескольких алюминиевых болтов* и т. д.

4) Специфика сочетаемости симметричных предикатов с некоторыми местоимениями. Весьма любопытным представляется поведение в контексте рассматриваемых предикатов вопросительных, относительных и неопределенных местоимений типа *кто, что, кто-нибудь*. Оказывается, что подобные местоимения далеко не всегда могут заполнять симметричные валентности этих предикатов, ср.:

(5) *Иван и Мария <они> поженились в 1948 году*, но не

(5а) **Кто поженился в 1948 году*? и не

(5б) **Кто и кто поженились в 1948 году*?; ср. также:

(6а) ??*Кто не разговаривает друг с другом*?;

(6б) **Кто и кто не разговаривают друг с другом*?;

(7а) ??*Я не знаю, между чем имеется существенная разница*;

(7б) ??*Я не знаю, между чем и чем имеется существенная разница*.

Чем же объясняются подобные факты? По нашему мнению, неграмматичность фраз типа (5а), (6а) и (7а), с одной стороны, и фраз типа (5б), (6б) и (7б), с другой, обусловлена различными причинами. Что касается фраз первого типа, то на первый взгляд может показаться, будто все дело в неспособности рассматриваемых местоимений, не имеющих множественного числа, обозначать «множественные» объекты. Однако примеры с «совместными» предикатами *Перед зданием парламента собралась толпа* vs. *Кто собрался перед зданием парламента*?; *Все яблоки рассыпались* vs. *Что рассыпалось*? и т. п. убеждают нас, что это не так. Полностью причины неправильности фраз типа (5а) автору пока не ясны; возможно, однако, что указанное ограничение на упо-

требление местоимений действительно имеет место, но распространяется не на любые «множественные» объекты, а лишь на сложно организованные, в частности, на «разобщенные» объекты. Ср. в этой связи фразы типа (5а) и фразы:

(8а) *Три девочки вбежали в комнату по очереди.*,

(8б) *Кто вбежал в комнату?*

(8в) **Кто вбежал в комнату по очереди?*

Неправильность фраз типа (5б) носит более общий характер. Дело в том, что русский язык вообще очень осторожно вводит в предложения два вопросительных или относительных местоимения (исключение составляют переспросы типа *Кто нашел что?*, *Кто убил кого?*, а также стоящие особняком распределительные конструкции *разбрелись кто куда; неважно, кто кого победит* и т. д.). Похоже, что это свойство обусловлено коммуникативными причинами: вопросительные местоимения обычно составляют главную рему предложения, а иметь в предложении более одной главной ремы недопустимо.

5) Особые свойства существительных типа *друг*. К числу грамматических свойств одного подтипа симметричных предикатов следует также отнести исключительно интересные особенности симметричных существительных типа *друг*, *коллега*, *союзник* и т. д. Мы имеем здесь в виду многозначность множественного числа этих существительных, а также количественных групп, содержащих эти существительные: *два друга*, *три собутыльника* и т. д. В самом деле, слово *друзья* обозначает две четко различающиеся вещи: (а) *друзья X-а*≈'совокупность людей, каждый из которых является другом X-а', ср. *Если я заболею, к врачам обращаться не стану, обращусь я к друзьям* (Я. Смеляков) и (б) *друзья* ≈'совокупность людей, каждый из которых является другом всех остальных людей этой совокупности', ср. *Друзья усмехнулись: ну что же, пустяк*. Аналогично: *Два моих друга живут в Париже* (значение а) vs. *Были два друга в нашем полку* (значение б). Характерно, что в единственном числе вне количественных групп такой многозначности нет.

Попутно заметим, что примерно такая же ситуация многозначности наблюдается в словосочетаниях, образованных существительными, конверсными по отношению друг к другу, ср. *отец и сын*: (а) 'отец (некоего человека) и его же сын' и (б) 'некий человек и его сын'.

3. СЛОВАРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СИММЕТРИЧНЫХ ПРЕДИКАТАХ

Как мы указывали выше, большая часть сведений о симметричных предикатах не поддается сколько-нибудь широкому обобщению, носит идиоматичный характер и вследствие этого должна фиксироваться в словарных статьях данных предикатов. В на-

стоящем разделе мы коротко охарактеризуем некоторые типы таких сведений.

1) Сведения об управлении симметричных предикатов. Многообразие управляющих свойств симметричных предикатов представляется несколько неожиданным, если учесть, что все они обладают таким нетривиальным общим свойством, как наличие двух эквивалентных в семантическом отношении валентностей. Различные способы управления симметричных предикатов уже иллюстрировались в приведенных выше примерах; здесь мы перечислим еще некоторые из этих способов и дадим их краткий обзор.

Прежде всего мы охарактеризуем симметричные предикаты по двум бинарным признакам: а) возможность—невозможность независимого выражения двух симметричных актантов в СинтС; б) возможность—невозможность выражения двух симметричных актантов в пределах одной синтаксической группы. При этом мы получим три типа предикатов:

а) оба актанта выражаются только независимо. Сюда относится небольшое число симметричных предикатов, ср. *Петр отличает А от В*, но не **Петр отличает А и В*; *7^2 равняется 49*, но не **7^2 и 49 ‹эти числа› равняются*;

б) оба актанта выражаются только в пределах одной группы. К этому типу относятся, например, предикаты *различаться* (*А и В различаются*, но не **А различается с В*), *различать, разниться, между* (*А и В*), *пожениться*; сюда же относятся все словосочетания с *друг друга*: *любить друг друга, улыбаться друг другу* и т. д.;

в) оба актанта выражаются как независимо, так и совместно (самый обычный и многочисленный тип); ср. *Петр переглянулся со своим приятелем — Петр и его приятель переглянулись, Первая пластинка накрепко смерзлась со второй — Две пластинки накрепко смерзлись* и т. д.

Четвертый логически допустимый тип (актанты невыразимы ни порознь, ни совместно) в русском языке не представлен.

Перечислим теперь способы реализации второго из двух симметричных актантов (для тех случаев, когда он может выражаться независимо). Этих способов немного, и все они сводятся к управлению разными предложно-падежными формами: *бороться с врагами ‹против врагов›, отличаться от эталона, равняться пяти* и т. д.

Что касается способов выражения двух симметричных актантов в пределах одной синтаксической группы, то здесь выбор гораздо более широк. Укажем основные из этих способов:

а) сочинительная группа, оформленная посредством союза *и*: *А и В совпадают, Поэт рифмует «розы» и «морозы», встреча Венгрии и Канады*;

б) компаративная группа с предлогом *с*: *Мы с ним обменялись адресами, Петя с Машей разминулись на эскалаторе*;

в) существительное во множественном числе: *друзья долго прощались, я помирил ребят, партия этих шахматистов*;

г) существительное с коллективным значением: *Наша группа условилась встретиться на вокзале в половине десятого;*

д) количественная группа: *двое иностранцев изъяснялись жестами*;

е) кратная группа: *матч Ботвинник—Таль, пароМ Ильичевск—Варна*;

ж) группа, вводимая предлогом *между*: *борьба между соперниками*;

з) прочие способы: *Галилей стоял перед дилеммой: отречься от своих убеждений или взойти на костер инквизиции.*

Существенно подчеркнуть, что эти способы часто совмещаются при одном предикате, хотя, вообще говоря, не вытекают один из другого; ср. *А и В соподчиняются*, но не ?*А с В соподчиняются*, *поцелуй Пети и Маши*, но не **поцелуй между Петей и Машей* **поцелуй Петя—Маша*.

2) Опустимость — неопустимость одного из двух симметричных актантов. Это свойство также носит полностью идиоматичный, непредсказуемый характер, ср. *Иван вчера подрался* ‹*разговаривал, спорил, целовался*›, но не **Иван вчера условился* ‹*встретился, созванивался, поссорился*› и т. д.

3) Сочетаемость адъективных симметричных предикатов с актантами. Мы уже видели, что среди симметричных предикатов имеются прилагательные, которые, как известно, не подчиняют свой первый актант в СинтС, а, напротив, подчиняются ему. Тот факт, что рассматриваемые предикаты могут выражать два симметричных актанта в составе одной синтаксической группы, накладывает отпечаток на сочетаемостные особенности симметричных прилагательных. Такие особенности носят в значительной мере идиоматичный характер и должны заноситься в соответствующие словарные статьи, ср. *X, равный Y-у* ‹*равные X и Y, X и Y равны, X равен Y-у*›; *X, отличный от Y-а* ‹*X отличен от Y-а*›, но не **отличные X и Y*, **X и Y отличны; различные X и Y* ‹*X и Y различны*›, но не **X, различный с Y-ом* ‹**X различен с Y-ом*› и т. д.

4) Сочетаемость—несочетаемость симметричных предикатов с выражением *между собой*. Данное свойство также должно отмечаться в достаточно полном словаре, ср. *Они воевали* ‹*дрались, боролись, переглядывались*› *между собой*, но не **Они здоровались* ‹*прощались, обнимались*› *между собой*. Заметим, что это выражение сочетается, по-видимому, исключительно с «готовыми» симметричными предика-

тами и не может формировать новых симметричных предикатов — в отличие от выражений типа *друг друга*.

5) Семантическая однородность симметричных актантов. Все рассматриваемые предикаты требуют от своих симметричных актантов смысловой однородности: это особенно характерно для случаев, когда оба эти актанта выражены в пределах одной синтаксической группы. Ср., например: *Мальчик дружит с мылом*, но не **Мальчик и мыло дружат*, *Петя не в ладах с грамматикой*, но не **Петя и грамматика не в ладах*; *Поль Робсон был большим другом Советского Союза*, но не **Поль Робсон и Советский Союз были большими друзьями*. Это же свойство должно выполняться, чтобы сохранялась равнозначность фраз при перестановке симметричных актантов, ср. *Россия не раз воевала с Турцией=Турция не раз воевала с Россией=Турция и Россия не раз воевали*, но *я был знаком с Львом Толстым≠Лев Толстой был знаком со мной*.

Существенным является то обстоятельство, что степень смысловой однородности и ее конкретное содержание носят в значительной мере словарный характер. Проиллюстрируем это утверждение на примере актантных симметричных существительных. Заметим, что лексемы, реализующие симметричные актанты существительных *брат* и *сестра*, должны обладать семантическими признаками «мужской пол» и «женский пол», соответственно, ср. *Иван — брат Петра=Петр — брат Ивана=Иван и Петр — братья*, однако *Иван — брат Маши*, но не **Маша — брат Ивана* и не **Иван и Маша — братья*. Это же требование должно соблюдаться и для слов типа *родственник и сосед* — но только, если эти слова стоят в единственном числе; *Иван — сосед Петра=Петр — сосед Ивана=Иван и Петр — соседи*; однако *Иван — сосед Маши*, но не **Маша — сосед Ивана* (хотя возможно *Иван и Маша — соседи*). Что же касается, например, слова *единомышленник*, то на него данное ограничение не действует, ср. *Таня — мой единомышленник, Мы с Таней единомышленники* и т. п.

В заключение отметим, что отдельную и очень трудную проблему представляют способы подачи подобной информации в словарных статьях. Эта проблема еще ждет своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

Антонюк—Михневич 1978: *Антонюк Л. А., Михневич А. Е.* Залоговое значение взаимности и проблема «скрытой» грамматики (на материале белорусского языка). — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., Наука, 1978, с. 186—193.

Апресян 1968: *Апресян Ю. Д.* Об экспериментальном толковом словаре русского языка. — ВЯ, № 5, 1968.

Апресян 1974: *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., Наука, 1974.

Апресян 1980: *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст». — Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband I. Wien, 1980.

Апресян и др. 1979: *Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Номдин Л. Л. и др.* Типы и формальные способы представления информации в толково-комбинаторном словаре (рукопись).
Богуславский 1979: *Богуславский И. М.* О соотношении синтаксических и семантических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке. АКД. М., Изд-во МГУ, 1979.
Зализняк 1977: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., Русский язык, 1977.
Номдин 1979: *Номдин Л. Л.* Некоторые трудные вопросы русского согласования. — В кн.: Семантический и синтаксический компоненты лингвистического обеспечения. Новосибирск, 1979.
Корди 1978: *Корди Е. Е.* О грамматическом и лексическом значении взаимности (грамматическая форма взаимности и симметричные глаголы). — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., Наука, 1978, с. 172—180.
Откупщикова 1978: *Откупщикова П. П.* Статус взаимного залога в русском языке. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., Наука, 1978, с. 180—186.
Падучева 1974: *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М., Наука, 1974.
Санников 1980: *Санников В. З.* О типах русских сочинительных конструкций. — Russian Linguistics, 1980, v. 4, p. 235—247.
Холодович 1978: *Холодович А. А.* Теоретические проблемы реципрока в современном японском языке. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., Наука, 1978, с. 5—16.
Baldi 1974: *Baldi Ph.* Reciprocal verbs and symmetric predicates. — In: Papers from the 10th regional meeting. Chicago linguistic society. Chicago, 1974.
Borillo 1971: *Borillo R.* Remarques sur les verbes symétriques français. — Langue française, 1971, 11.
Fiengo—Lasnic 1973: *Fiengo R., Lasnic H.* The logical structure of reciprocal sentences in English. — Foundations of Language, 9, p. 447—468.
Katz — Fodor 1964: *Katz J., Fodor J.* An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass), 1964.
Lakoff — Peters 1969: *Lakoff G., Peters S.* Phrasal conjunction and symmetric predicates. — In: Modern studies in English. Prentice — Hall, Englewood Cliff, 1969.
Walther 1977: *Walther G.* Zur Syntax und Semantik reziproker Reflexivverben. — Zeitschrift für Slawistik, 1977, Hf. 4, S. 503—511.

Л. А. МЕСЕНЯШИНА

ЛЕКСИЧЕСКИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ

Объектом данного исследования являются 19 изъяснительных конструкций, возможных со 123 глаголами восприятия, а именно: сложноподчиненное предложение с союзом *что* (Пчто): *Выслушивай в рапорте, что в вахтенном отделении столько-то унтер-офицеров и нижних чинов. . .* (Л. Соболев); сложноподчиненное предложение с союзом *как* (Пкак): *Я вижу, как снег бежит из-под розвальней*

(В. Каверин); сложноподчиненное предложение с союзом *ли* (Пли): *. . .она послушала, сплю ли я* (В. Каверин); сложноподчиненное предложение с союзом *чтобы* (Пчтобы): *Слышал ли ты, чтоб где-нибудь еще так пели?* (М. Горький); сложноподчиненное предложение с союзными словами (Псс): *. . .приметил он, как жизнь прожил?* (М. Шолохов); сложноподчиненное предложение с союзом *будто* (Пбудто): *. . .он почувствовал, будто бы куль муки втащил на пятый этаж* (Б. Полевой); сложноподчиненное предложение с союзом *как бы* (Пкак бы): *Смотри, братцы, часы-то бы как не проворонить* (Н. Н. Златовратский); бессоюзное сложное предложение (Пб): *Я чувствовал: нет, никогда я не научусь говорить. . .* (В. Каверин); предложение с прямой речью (ПР): *. . .что-то неторопливо-нежное прошло в душе, и я почувствовал: «Катя»* (В. Каверин); предложение с вводной конструкцией (Пв): *Курил он неумело, отметил для себя Штирлиц. . .* (Ю. Семенов); простое предложение с прямым дополнением (Дп): *Он. . . не ощущал приближения смерти* (А. Чаковский); простое предложение с дополнением с предлогом *о* (До): *Тысяча человек слушают . . . о небесных туманностях* (А. Н. Толстой); простое предложение с дополнением с предлогом *про* (Дпро): *. . .она про Ильинскую барыню и не слыхивала. . .* (М. Гончаров); простое предложение с дополнением с предметом *насчет* (Днасчет): *. . . а вот насчет злопамятства что-то не слыхивал* (М. Котов, В. Лясковский); простое предложение с дополнением с предлогом *на* (Дна): *Вот посмотрела бы ты на игру сердца. . .* (М. Горький); простое предложение с дополнением с предлогом *за* (Дза): *. . . Жданов. . .пристально следит за его приготовлениями* (А. Чаковский); простое предложение с дополнением с предлогом *над* (Днад): *Отец большую часть дня должен был проводить на мельнице, наблюдая над разными работами* (С. Аксаков); простое предложение с дополнением с предлогом *к* (Дк): *Нелли. . . прислушивалась к нашему разговору* (Ф. Достоевский); простое предложение с дополнением в творительном падеже (ДТ): *. . . он поинтересуется Оболдуевой* (А. Островский).

Относительно исследуемых глаголов эти конструкции распределены так, что с некоторой комбинацией конструкций может использоваться не один какой-то глагол, но целая группа глаголов восприятия. Так, в один класс с *ощущать* попадают глаголы *ощутить, улавливать, увидеть, различить, чуять*. Все эти глаголы возможны со следующими восемью конструкциями: Пчто: *Я увидел, что к нам плывет снизу узкая лодка* (Л. Побожий); Пкак: *Я увидел, как он со своей обычной безрадостной деловитостью накладывал ей на тарелку салат. . .* (Л. Жуховицкий); Пли: *Вот и увидит. . . , легкомыслен я или нет* (Ф. М. Достоевский); Псс: *. . .он боялся, что кто-нибудь увидит, что он носит на теле под бельем* (А. Фадеев); Пбудто: *Я ощущал, будто гора с плеч упала*; Пб: *Вы увидите — он уйдет!* (М. Горький); Пв: *На дворе, увидел Сыромолотов, несколько человек мальчишек . . . гонялись один за*

другим (С. Сергеев-Ценский); Дп: *Присов увидел на нем обозначение старой шахты . . .* (В. Кожевников).

В задачи настоящей работы входит проверить, является ли результат взаимодействия организации синтаксических конструкций с лексикой организацией лексико-синтаксических структур и установить, как влияет на синтаксическую организацию выбор того или иного лексического класса слов, реализующих фиксированную структурную составляющую обсуждаемых конструкций.

Подлежат проверке следующие предположения. Первое. Совокупность синтаксических конструкций обладает собственной организацией; при этом выбор того или иного класса лексем, реализующих ведущий компонент изъяснительных конструкций, определяет лишь редукцию этой организации или ведет не только к редукции, но и к перестройке организации конструкций. Второе. Результат взаимодействия синтаксической и лексической систем представляет собой организацию лексико-синтаксических структур.

Эти ситуации, естественно, возможны, если предполагается, что информация об ограничениях на классы лексем, реализующих позиций verbum finitum в изъяснительной конструкции, принадлежит к числу свойств этой конструкции.

Назовем глагольную лексему, реализующую ведущий компонент изъяснительных конструкций синтаксическим формантом изъяснительной конструкции. Комбинацию конструкций некоторого фиксированного значения, употребляемых с данной группой синтаксических формантов, назовем синтактико-функциональным рядом (СФР), а совокупность СФР с одним и тем же значением — синтактико-функциональным полем (СФП).

1. В настоящем разделе рассматриваются вопросы взаимоотношений между синтактико-функциональным полем изъяснительных конструкций с глаголами восприятия (СФП (Восприятие)), его подполями и смежными с ним СФП. Каждое поле образуется множеством изъяснительных конструкций, употребляемых с глаголами какого-то одного определенного лексико-тематического (ЛТК) или лексико-семантического класса (ЛСК), и отношениями между ними, в частности преобразованиями. Под преобразованием понимается отношение эквивалентности между двумя конструкциями или выводимости одной из другой. Преобразования конструкций из СФП (Восприятие) приведены в табл. 1 (см. таблицы в конце статьи). Анализ этой таблицы заставляет говорить а) о наличии организации, носящей для этого СФП комбинативный характер; б) о самостоятельности конструкций в нем, так как для каждой конструкции существует такая комбинация конструкций, которая отличает ее от всех остальных; в) о совместимости этих конструкций, т. е. для любой пары конструкций существует такая пара конструкций, к которой они принадлежат.

Предполагается, что с выбором того или иного естественного ЛСК или (ЛТК) глаголов, служащих синтаксическими формантами изъяснительных конструкций, сопряжено 1) ограничение разнообразия конструкций и преобразований между ними по сравнению с СФП (Восприятие) в целом; 2) разнообразие отношений и конструкций для СФП данного лексического класса (ЛК); 3) наличие набора конструкций и отношений, независимого от выбора того или иного ЛК и обнаруживающегося а) в связях между конструкциями, общих для сравниваемых СФП, и б) в общих запретах на связи между конструкциями, несмотря на наличие этих конструкций в обоих сравниваемых СФП.

Проверка такой гипотезы призвана помочь уяснению путей взаимодействия синтаксической и лексической системы, в частности выяснению вопроса о наличии влияния на выбор конструкций и отношений между ними со стороны таких ЛТК, как ЛТК зрительного восприятия (ЛТК (Видеть)) и ЛТК слухового восприятия (ЛТК (Слышать) и такими ЛСК, как ЛСК каузативов восприятия ЛСК (кауз. Восприятия)) ЛСК глаголов антивосприятие (ЛСК (Антивосприятие)).

Проверка гипотезы в той части, которая касается преобразований, состоит в сопоставлении совокупностей преобразований, возможных для конструкций, общих у всех СФП разных ЛТК, сопоставлении их как между собой, так и с преобразованиями в СФП (Восприятие).

Сопоставим разнообразия преобразований, организующих СФП двух лексико-тематических групп — глаголов слухового (табл. 2) и зрительного (табл. 3) восприятия.

Сравнение разнообразий преобразований конструкций для каждого из этих СФП показывает, что 1) преобразования в СФП (Слышать) и в СФП (Восприятие) совпадают полностью; 2) все преобразования в СФП (Видеть) возможны и для СФП (Слышать), но не обратно. Итак, при тождестве конструкций во всех трех СФП обнаруживается различие в отношениях между ними. С чем могут быть связаны эти различия? Очевидно, с тем, что каждое поле представляет собой такую организацию, в которой роль отдельной конструкции не исчерпывается ее непосредственными отношениями с другими конструкциями — отношениями эквивалентности или импликации, но включает в себя и косвенное, опосредованное другими конструкциями и отношениями между ними, влияние на общую организацию поля. Действительно, в процессе сопоставления СФП (Видеть) не подверглось конструктивной редукции, в отличие от СФП (Слышать) и СФП (Восприятие) — и все преобразования, возможные в нем, оказались возможны и в остальных СФП. СФП (Слышать), более широкое в конструктивном отношении (Для сопоставления из него были устранены конструкции: ПР, Дпро, До, Днасчет) оказывается более сложным и в структурном отношении.

Проверим это предположение сопоставлением СФП (Слышать) и СФП (Восприятие). Последнее богаче первого на две конструкции: Дза и Днад. Действительно, в СФП (Восприятие) находятся не отмеченные в СФП (Слышать) преобразования ПР→Пкак, Пбудто→ → Дп. Итак, минимальному набору конструкций в СФП соответствует минимальный набор отношений в нем. Такой набор отношений обнаруживается в СФП (Видеть). Очевидно, именно эти отношения образуют ядерную часть СФП (Слышать) и СФП (Восприятие) и вследствие этого представляют особую важность. К их числу относятся следующие преобразования данных операндов:

Дп → Пчто; Пкак; Псс; Пб; Пв.
Пчто → Пкак; Псс; Пб; Пв.
Пкак → Псс; Пб; Пв.
Плн → Дп; Псс; Пб.
Псс → Пв.
Пб → Пв.

Примеры:

1. Преобразования Дп. В СФП (Видеть): *Я . . . видел. . . все глубокое значение этого времени для меня, для всей страны* (В. Каверин) → *. . .что это время имело глубокое значение для меня;* → *. . . какое глубокое значение имело это время для меня. . .;* → *: это время имело глубокое значение для меня. . . ;* → *Это время, я видел, имело глубокое значение для меня. . .* В СФП (Слышать): *Я услышал за спиной тихий стон* (Л. Жуховицкий) → *. . . , что за спиной тихо застонали;* → *. . .Как за спиной тихо застонали;* → *. . .: за спиной тихо застонали.*

2. Преобразования Пчто. В СФП (Видеть): *Ниже мы увидим, что аналогичное различение проводится и по отношению к другим элементам языка* (Ю. Маслов) → *. . .как аналогичное различение проводится и по отношению к другим элементам языка;* → *. . .: аналогичное различение проводится. . .;* → *Аналогичное различение, как мы увидим ниже, проводится. . .* В СФП (Слышать): *Она вдруг услышала, что в столовой кто-то размеренно, со вздохами, чертыхается* (Ю. Герман) → *. . . , как в столовой кто-то размеренно, со вздохами, чертыхается; . . . , в столовой кто-то размеренно, со вздохами, чертыхается.*

3. Преобразования Пкак. В СФП (Видеть): *Он увидел, как по тротуару торопливой походкой шла мама* (Б. Кожевников), → *. . .: по тротуару торопливой походкой шла мама;* → *По тротуару, увидел он, торопливой походкой шла мама.* В СФП (Слышать): *Антонина отчетливо услышала, как охает, ругается и сердито отсмаркивается Сидоров* (Ю. Герман) → *. . .: Сидоров охает, ругается и сердито отсмаркивается;* → *Сидоров, как отчетливо услышала Антонина, сердито отсмаркивается, охает и ругается.*

4. Преобразования Плн. В СФП (Видеть): *Я отлично вижу, хорошо или плохо сшил мне портной визитку* (Л. Соболев) → *Я отлично вижу, как сшил мне портной визитку;* → *Я отлично вижу*

качество[1] *сшитой мне портным визитки*; → . . .: *хорошо или плохо сшил мне портной визитку?* В СФП (Слышать): *Ни разу никто не слышал, хорошо ли я читаю эти лекции* → *Ни разу никто не слышал, как я читаю эти лекции*(РР); → *Ни разу никто не слышал качества чтения мною этих лекций*; → . . .: *хорошо ли я читаю эти лекции?*

5. Преобразования Псс. В СФП (Видеть): . . . *долгое время спустя разглядел он. . . , как*[2] *серьезно могло бы у него обернуться дело с таким. . . существом . . .* (Ф. М. Достоевский) → *С таким существом, как разглядел он спустя долгое время, дело у него могло бы обернуться очень серьезно.* В СФП (Слышать): *Я слышал, с каким трудом ему удалось добиться этого* → *Ему удалось добиться этого, как я слышал, с огромным трудом.*

3. Преобразование Пб. В СФП (Видеть): *Вы увидите — он уйдет!* (М. Горький) → *Он, вы увидите, уйдет!* В СФП (Слышать): *Она молчит, . . . слышу: плачет* (И. С. Тургенев) → *Она молчит, плачет, слышу.*

Ни в одном из трех полей не отмечены, например, следующие преобразования:

Пли → Пчто; П к а к[3]; Пбудто; Пв.

Пчтобы → Пчто; Псс; Пв.

Пбудто → Псс.

Преобразования, как равно возможные, так и равно невозможные во всех трех полях дают характеристику и общего у СФП (Видеть) и СФП (Слышать), и их свойств, отражающих их зависимость от исходного СФП.

Для СФП (Слышать) специфичны следующие преобразования:

Пбудто → П ч т о; Пкак; Пб; П в.

Пчтобы → Пкак; П л и; Д п; Пбудто.

Пб → П с с.

Например: *Я слыхал, будто он грозился уехать* → *Я слыхал, что он грозился уехать*; → . . . , *как он грозился уехать*; → . . .: *он грозился уехать*; → *Он, я слыхал, грозился уехать.*

В Пчтобы Пбудто преобразуется при условии наличия отрицания при глаголе: *Я никогда не слышала, чтобы дети смеялись в этом возрасте* (РР) → . . . , *как дети смеются в этом возрасте*; → . . . , *смеются ли дети в этом возрасте* → *Я никогда не слышала смеха*

---

[1] Семантика данного существительного включает в себя как положительные, так и отрицательные признаки. (См. ССРЛЯ, т. 5, с. 890).

[2] О разграничении союзного слова «как» и омонимичного ему союза см., например, в работах: *Колосова Т. А.* Разграничение омонимичных союзов и союзных слов. — ПДВШ. Филологические науки. М., 1967, № 4. с. 64—75. *Она же*: К экспериментальному изучению грамматических омонимов — В кн.: Азербайджанская респ. конференция по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам 1-я. Баку, 1968. Материалы . . ., Баку, 1968. с. 79—81. *Прияткина А. Ф.* Об отличии союза от других связующих слов. — РЯШ, 1977, № 4, с. 102—106.

[3] Выделен маркирующий образ.

детей в этом возрасте. Антонина слышала: там наступила глубокая тишина → Антонина слышала, . . .какая наступила там тишина (Ю. Герман).

Важную роль среди преобразований, специфичных для СФП (Слышать) играет Пбудто. (Напомним, что в СФП (Видеть) эта конструкция в преобразованиях не участвует, хотя и имеется в поле). Можно предположить, что это связано со спецификой лексического наполнения СФП (Слышать). Очевидно, особенности данного ЛТК создают благоприятные условия для нейтрализации различий между Пбудто и рядом других конструкций: Пчто, Пкак, Пчтобы, Пб; Пв-различий, действующих в СФП (Видеть).

Итак, выбор того или иного лексико-тематического класса глаголов связан с 1) ограничениями на разнообразие конструкций, образующих СФП с глаголами восприятия; 2) ограничениями на связи между этими конструкциями (причем, между количеством первых и количеством вторых существует прямая корреляция); 3) изменениями в положении той или иной конструкции в СФП.

Сопоставим разнообразия преобразований для СФП с глаголами восприятия и для СФП с каузативами восприятия. Цель такого сопоставления — проверка, как влияет на отношения между конструкциями СФП семантическое усложнение синтаксических формантов. Обнаруживается, что имеется значительная зона наложения этих СФП: большинство преобразований, возможных для конструкций в одном СФП, возможна и для конструкций другого поля. Осложнение синтаксического форманта оператором caus ведет к запрету на следующие преобразования:

Пкак → Пчтобы; ПБудто: ПР; До; Дпро; Днасчет.

Пчтобы → Пбудто; Дп; До; Дпро; Днасчет.

Пбудто → Пв; До; Дпро.

С другой стороны оказались возможны недопустимые в СФП (Восприятие) преобразования:

Пкак бы → Пли; Пчтобы; Пб; Пв; Дза.

ПР → Псс; Пли.

Пчтобы → Пб; Дза.

Например: *Смотри, братцы часы-то бы как не проворонить* (Н. Н. Златовратский). . . . , *часы-то не проворонили ли?* . . . , *чтобы часы не проворонить*; → . . .: *часы-то не проворонить бы*; → *Часы-то, смотри, не проворонить бы.*

Отмеченные факты позволяют утверждать, что отношения между синтаксическими полями пояснительных конструкций с глаголами восприятия и каузации восприятия нельзя свести к тем отношениям выводимости, в частности редукции, которые имеют место между соответствующими классами синтаксических формантов. Иными словами, такие поля можно считать самостоятельными.

Сопоставим разнообразия преобразований для СФП (Восприятие) и для СФП (Антивосприятие) (с глаголами типа *проморгать*). Сопоставление проводится с целью проверки влияния на отношения

между конструкциями СФП семантической усложненности синтаксических формантов. Общими для этих двух полей являются следующие преобразования:

Пчто → Дп; Псс; Пкак.
Псс → Дп; До; Дпро; Днасчет; Дза.
До → Дпро; Днасчет.
Дпро → Днасчет.
Дп → Дза.

Наряду с этим для СФП (Восприятие) в целом возможен ряд преобразований, невозможных для СФП (Антивосприятие), а именно:

Пкак → Псс; Дп; До; Дпро; Днасчет; Дза.
Пчто → До; Дпро; Днасчет; Дза.
Пли → Дза; Псс; Дп.
До → Дп.

В то же время для СФП (Антивосприятие) таких индивидуализирующих это поле преобразований нет. Следовательно, совокупности преобразований для СФП (Восприятие) и для СФП (Антивосприятие) соотносятся как члены привативной оппозиции: СФП с глаголами антивосприятия представляет собой маркированный член оппозиции, что обнаруживается в увеличении числа ограничений на преобразования. Таким образом, использование оператора anti в семантической структуре синтаксического форманта блокирует ряд отношений в СФП (Восприятие). Вспомним, что аналогичную картину мы уже видели при переходе от СФП (Восприятие) к СФП (Слышать), а затем к СФП (Видеть): если из СФП, представляющего собой маркированный член привативной оппозиции, устранить маркирующие конструкции, оно все равно останется маркированным, теперь из-за наличия маркирующих это поле преобразований, отсутствующих в немаркированном СФП.

В результате сопоставления совокупностей преобразований, характеризующих каждое сравниваемое СФП конструкций с теми или иными подклассами глаголов восприятия, обнаружено следующее.

1. СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия обладает собственной, внутренней структурой, что обнаруживается в наличии ограничений на комбинаторику конструкций — из теоретических мыслимых $2^{19}-1$ рядов наблюдается лишь 49. Синтаксическая организация СФП носит комбинативный характер. Синтаксические конструкции в СФП обладают самостоятельностью (так как для каждой конструкции существует такая комбинация конструкций, которая отличает ее от всех остальных) и совместимостью, так как для любой пары конструкций существует такая пара конструкций, к которой они принадлежат.

2. Выбор того или иного класса синтаксических формантов сопряжен с ограничениями разнообразия связей, возможных между конструкциями СФП (Восприятие).

3. При этом сопоставляемые СФП разбиваются на 2 класса:

а) класс, состоящий из СФП, входящих в привативные оппозиции: СФП (Слышать) — СФП (Видеть); СФП (Восприятие) — СФП (Слышать); СФП (Восприятие) — СФП (Антивосприятие);

б) класс, состоящий из СФП, входящих в эквиполентные оппозиции: СФП (Восприятие) — СФП (кауз. Восприятие). Ситуации второго типа говорят о самостоятельности, естественности выделения СФП как единиц синтаксической системы. Для каждого из сравниваемых СФП есть специфические преобразования. Ситуации первого типа не позволяют категорически утверждать о наличии или отсутствии автономности СФП. Для каждой из оппозиций одно из СФП маркировано специфическим набором конструкций и преобразований или только специфическими для него преобразованиями.

4. Не зависят от выбора ЛТК или ЛСК синтаксических формантов, общими для сравниваемых СФП являются следующие преобразования:

Пчто → Пкак; Дп; Псс.

Псс → Дп.

Этот факт можно интерпретировать как свидетельство того, что 1) сравниваемые СФП обладают собственно синтаксической организацией; 2) сравниваемые СФП как результаты взаимодействия синтаксической организации с лексикой обладают центром и периферией. Иными словами можно предполагать, что взаимодействие собственно синтаксической системы с лексической системой не оставляет неизменной первую, преобразуя ее в систему лексико-синтаксических структур изъяснительных предложений. Ядерную часть СФП представляют конструкции Псс, Пчто, Пкак и Дп. На наличие их и на их организацию лексико-семантические особенности синтаксических формантов влияния не оказывают. Чем может быть мотивировано особое положение данных конструкций в СФП? Следует обратить внимание на то, что в ядро СФП не входят модально маркированные конструкции сложноподчиненных предложений типа Пчтобы, Пбудто, Пкак бы и Пли. Таким образом, ядерные конструкции отличаются модальной немаркированностью, возможностью их использования для передачи разнообразных модальных значений, это выражается в том, что ограничения на преобразования данных конструкций малы, а сами конструкции — члены большего числа СФР.

II. В настоящем разделе обсуждается вопрос о взаимодействии лексической и синтаксической систем (рис. 1—7). Можно предполагать, что результат взаимодействия с лексикой той синтаксической организации конструкций изъяснительных предложений, которая была описана в разделе 1, обнаруживается в двух типах отношений между конструкциями: 1) взаимозависимости — синтаксические конструкции А и Б взаимозависимы (при распределении относительно глаголов восприятия), если все глаголы, возмож-

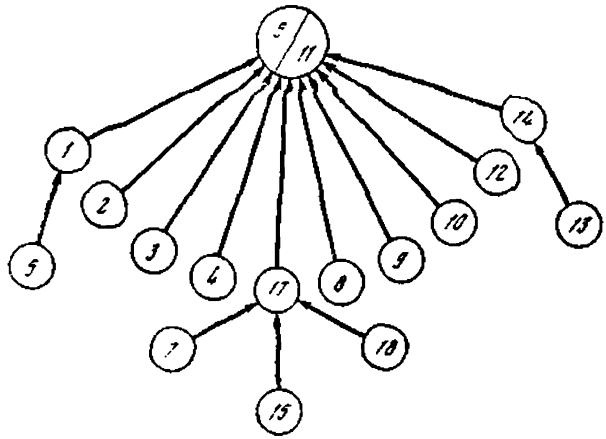

Рис. 1

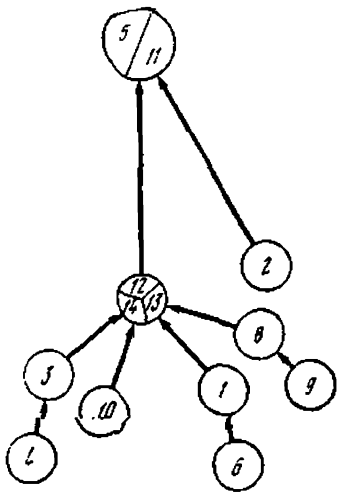

Рис. 2

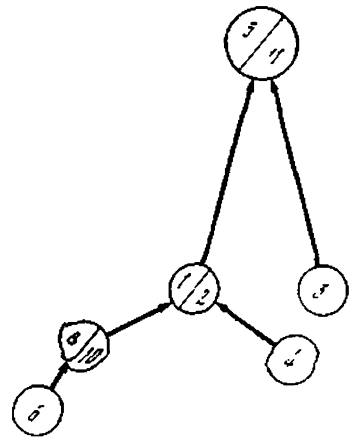

Рис. 3

ные в А, возможны и в Б и обратно, условно А → Б; такова в нашем случае связь между Псс и Дп; 2) односторонней зависимости, которая имеет место, если все глаголы, возможные в А, возможны и в Б, но не все глаголы, возможные в Б, возможны в А; условно А → Б. Такова в нашем случае связь между Пбудто → Пчто; Дпро → Днасчет и т. п. Дерево таких связей для обсуждаемых конструкций приведено на рис. 1.

Рассмотрим, как выбор класса лексем, реализующих ведущий структурный компонент изъяснительных конструкций, влияет на

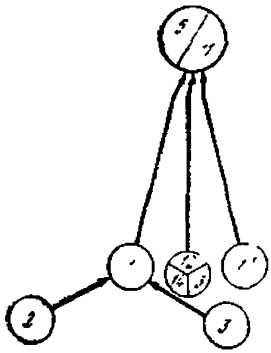

Рис. 4

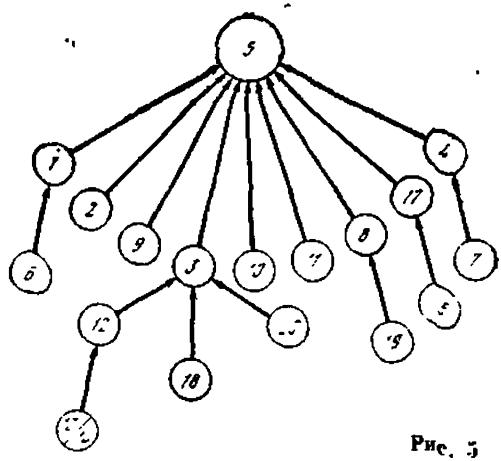

Рис. 5

структуру СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия. Проверка обсуждаемой гипотезы состоит в следующем.

Возьмем подкласс класса глаголов восприятия. Построим распределение обсуждаемых конструкций относительно глаголов этого подкласса. Возможны следующие ситуации: (а) в таком распределении участвуют все конструкции и даются все те *же ряды, что и при исходном* классе глаголов. В этом случае выбор подкласса глаголов (а эта операция составляет исходный и определяющий момент лексической реализации синтаксических конструкций) не влияет на синтаксическую организацию изъясните. рукций; (б) в таком распределении участвует часть конструкций, но представлены все те ряды, что и при исходном классе глаголов; (в) в таком распределении участвуют все конструкции и часть рядов по сравнению с распределением конструкций относительно всего исходного класса глаголов. В двух последних случаях выбор класса

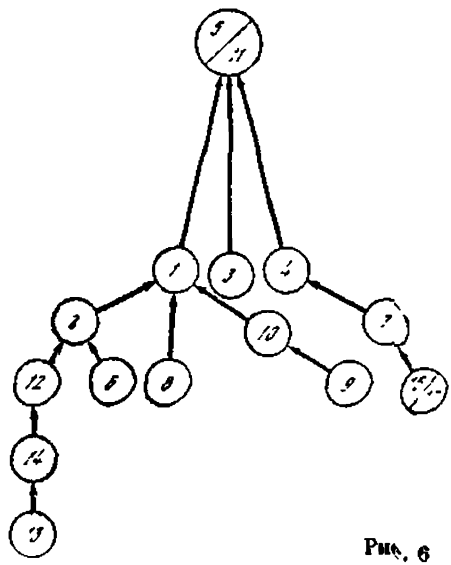

Рис. 6

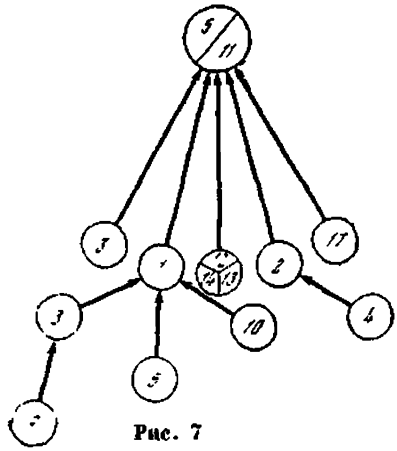

Рис. 7

лексем, реализующих ведущий структурный компонент конструкций, влияет на строение СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия.

Дальнейшая проверка гипотезы состоит в выяснении того, как влияет выбор подкласса лексем, реализующих структурные компоненты конструкций, на строение СФП. При этом возможны следующие ситуации: а) для рассматриваемой части СФП отношения между входящими в него конструкциями по сравнению со всем полем не изменились. В этом случае выбор того или иного лексического класса, реализующего структурные компоненты синтаксической ведет лишь к редукции первоначальной организации поля; б) для рассматриваемой части СФП отношения между (хотя бы некоторыми) входящими в него конструкциями по сравнению со всем полем изменяются (притом для разных частей СФП — различно). В этом случае происходит не только редукция, но и перестройка первоначальной организации поля.

Таблица 1

Операнды	Образы																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1		+			+	+		+	+	+	+	+	+	+				
2				+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3				+	+			+			+						+	
4						+					+	+	+	+				
5								+		+	+	+	+	+	+	+	+	+
6								+	+	+	+	+	+	+				
7																		
8									+	+	+	+	+	+				
9										+	+	+	+	+				
10											+	+	+	+			+	+
11												+		+	+		+	+
12													+					
13														+				
14																		
15																		
17																		+
18																		

Сравнивая таблицу 4 с таблицами 5—8, легко заметить, что из описанных выше теоретически мыслимых ситуаций реализуется только «г» - в распределении участвует часть конструкций и часть рядов по сравнению с распределением всех конструкций относительно исходного класса глаголов. Так, глаголы зрительного восприятия (тип «Видеть») не используются в изъяснительных конструкциях ПР, До, Дпро, Днасчет и входят лишь в ряды, образованные той или иной комбинацией конструкций: Пчто, Пкак, Пли, Пчтобы, Псс, Пбудто, Пб, Пв, Дп.

Сопоставим СФП (Восприятие) и СФП (кауз. Восприятие) (см соответственно табл. 4 и 7 и рис. 1 и 5).

Легко видеть, что между ними существуют следующие отношения включения: СФП с каузативами → СФП с глаголами восприя-

Таблица 2

Операнды	Образы												
	1	2	3	4	5	6	8	9	10	11	12	13	14
1		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2				+	+	+	+		+	+	+	+	+
3				+	+		+			+			
4						+				+	+	+	+
5							+		+	+	+	+	+
6							+		+	+	+	+	+
8									+	+	+	+	+
9									+		+	+	+
10				·						+	+	+	+
11											+		
12							·					+	+
13													+
14													

Таблица 3

Операнды	Образы								
	1	2	3	4	5	6	8	10	11
1		+			+	·	+	+	—
2					+		+	+	+
3					+		+		+
4							+		
5								+	+
6									
8								+	+
10									+
11									

Таблица 4

№ п	Представитель класса формантов	Конструкции																
		11	5	1	8	10	3	2	9	12	6	14	4	13	17	7	15	16
1	слышать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
2	услыхать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+				
3	заметить	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+					
4	смотреть	+	+	+	+	+	+	+	·				+		+	–	–	
5	слыхать	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+				
6	услышать	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+		+				
7	замечать	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+					
8	подслушать	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+				
9	дослушать	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+		+				
10	наслышаться	+	+	+	+	+		+		+		+		+				
11	понаслышаться	+	+	+	+	+		+		+	+	+		+				
12	слушать	+	+	+	+	+	+	+		+		+		+				
13	посмотреть	+	+		+	+	+						+		+	+	–	
14	чувствовать	+	+	+	+	+	+	+		+	+							
15	почувствовать	+	+	+	+	+	+	+	+		+							
16	подмечать	+	+	+	+	+	+	+	+				+					
17	видеть	+	+	+	+	+	+	+			+		+					
18	послушать	+	+		+	+	+		+	+		+		+				
19	примечать	+	+	+	+	+	+	+					+		+			
20	прослышать	+	+	+	+	+				+	+	+		+				
21	ощущать	+	+	+	+	+	+	+			+							
22	почуять	+	+	+	+	+		+	+		+							
23	заслышать	+	+	+				+		+	+	+		+				
24	уловить	+	+	+	+	+	+		+			+						
25	подсмотреть	+	+	+	+	+	+	+							+			
26	предвкушать	+	+	+	+	+		+	+									
27	предощутить	+	+	+	+	+			+		+							
28	проследить	+	+		+	+	+						+		+			
29	понаблюдать	+	+				+						+		+	–		+
30	отмечать	+	+	+	+	+	+		+									
31	рассмотреть	+	+	+	+	+	+	+										
32	учуять	+	+	+	+	+		+										
33	предчувствовать	+	+	+	+	+			+									
34	открывать	+	+	+	+	+	–											
35	наблюдать	+	+			+		+							+			+
36	следить	+	+				+						+		+	+		
37	осязать	+	+	+	+			+										
38	видывать	+	+	+				+					+					
39	обнаружить	+	+	+	+	+												
40	недослушать	+	+							+		+		+				
41	скрывать	+	+	+			+			+								
42	недоглядеть	+	+	+			+								+			
43	проморгать	+	+	+			+											
44	увидать	+	+	+				+										
45	скрыть	+	+	+	+													
46	подслушивать	+	+				+	+										
47	рассматривать	+	+				+											
48	уследить	+	+												+			
49	пересмотреть	+	+															

Условные обозначения:
1 — Пчто, 2 — Пкак, 3 — Пли, 4 — Пчтобы, 5 — Пес, 6 — Пбудто, 7 — Пкак бы, 8 — Пб, 9 — ПР, 10 — Пв, 11 — Дп, 12 — До, 13 — Дпро, 14 — Днасчет, 15 — Дна, 17 — Дза, 18 — Днад (данные обозначения относятся ко всем последующим таблицам).

тия. Инвариант этих систем: 1) Пбудто, непосредственно подчиненное Пчто; 2) Днад, непосредственно подчиненное Дза; 3) Пчто, Пв, Пкак, ПР, Пб, Пли, Дза, непосредственно подчиненные Псс. Все остальные общие для обоих СФП конструкции организованы в разных подполях по-разному. При этом наблюдаются различия 2-х типов: 1) отношения вида А ↔ В заменяются отношениями вида А → В; 2) отношения вида А ↔ В заменяются отношениями вида А → С. Изменения 1-го типа происходят с Дп и Дпро: в СФП (Восприятие) Дп ↔ Псс; а в СФП (кауз. восприятия) Дп → Псс. В СФП (Восприятие) Дпро ↔ Днасчет, а в СФП (кауз. Восприятия) Дпро ↔ Днасчет. С До, Днасчет, Пкак бы и Пчтобы происходят изменения 2-го типа: в СФП (Восприятия) До → (Псс ↔ Дп) в СФП (кауз. восприятие) До → Пли; в СФП (Восприятие) Днасчет (Псс ↔ Дп), в СФП (кауз. Восприятие) Днасчет → (До ↔ Дпро); в СФП (Восприятие) Пкак бы → Дза в СФП (кауз. Восприятия) Пкак бы → Пчтобы, в СФП (Восприятия) Пчтобы → (Псс ↔ Дп) — в СФП (кауз. Восприятия) Пчтобы → Псс.

Сопоставим СФП изъяснительных конструкций с глаголами зрительного и слухового восприятия (табл. 6 и 5 соответственно). Все конструкции из СФП с глаголами зрительного восприятия входят в СФП с глаголами слухового восприятия, но не обратно. Инвариантными являются 1) взаимозависимые Псс и Дп; 2) Пли и Пчто, зависящие от обеих этих конструкций; 3) Пкак, непосредственно подчиненное взаимозависимым Псс и Дп.

Эта совокупность конструкций и их организация остается неизменной а) при переходе от СФП с глаголами восприятия к СФП с глаголами зрительного восприятия; б) при переходе от СФП с глаголами восприятия к СФП с глаголами слухового восприятия; в) при переходе от СФП с глаголами зрительного восприятия к СФП с глаголами слухового восприятия. При этом данная система не претерпевает ни редуцирования, ни наращения. Все остальные конструкции, общие для сравниваемых полей, меняют свое положение в системе. При этом происходят лишь изменения 2-го типа: Пб подчинено в СФП (Видеть) (Пчто ↔ Пкак) — в СФП (Слышать) — (Псс ↔ Дп); Пв в СФП (Видеть) подчинено (Пчто ↔ Пкак) — в СФП (Слышать) (Псс ↔ Дп): Пбудто в СФП (Видеть) подчинено (Пб ↔ Пв) — в СФП (Слышать) → Пчто; Пчтобы в СФП (Видеть) подчинено (Пчто ↔ Пкак) — в СФП (Слышать) → Пли.

Сопоставим СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия (табл. 4) и антивосприятия (табл. 8). Все конструкции СФП с глаголами антивосприятия входят в СФП с глаголами восприятия, но не обратно. Инвариант этих СФП: 1) взаимозависимые Псс и Дп; 2) зависимые от них обеих одновременно Дза, До, Днасчет, и Пчто. Все остальные конструкции, общие для сравниваемых СФП, упорядочены по-разному: Пкак в СФП (Восприятие) подчинено (Псс ↔ Дп) — в СФП (Антивосприятие) → Пчто; Пли в СФП (Восприятие) подчинено (Псс ↔ Дп) — в СФП (Антивос-

Таблица 5

№ п	Тип синтаксического форманта	Конструкции												
		5	11	12	14	13	1	2	3	8	10	6	9	4
1	слышать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	услыхать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3	слычать	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		
4	услышать	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	
5	подслушать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	
6	дослушать	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	—	
7	слушать	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			
8	послушать	+	+	+	+	+			+	+	+		+	
9	прослышать	+	+	+	+	+	+			+	+		—	
10	заслышать	+	+	+	+	+	+	+					—	
11	недослушать	+	+	+	+	+								
12	подслушивать	+	+					+		+				
13	прослушивать	+	+											

Таблица 6

№ п	Тип синтаксического форманта	Конструкции								
		7	11	1	8	10	3	2	6	4
1	видеть	+	+	+	+	+	+	+	+	—
2	увидеть	+	+	+	+	+	+	+	+	
3	смотреть	+	+	+	+	+	+	+		
4	подсмотреть	+	+	+	+	+	+	+		
5	рассмотреть	+	+	+	+	+	+	+		
6	подглядывать	+	+				+			
7	видывать	+	+	+				+		—
8	увидать	+	+	+				+		
9	пересмотреть	+	+							

приятие) → Пчто; Дпро в СФП (Восприятие) подчинено Днасчет — в СФП (Антивосприятие) — (Псс ↔ Дп).

Итак, проверка гипотез показала следующее:

1. СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия представляет собой такую организацию результатов взаимодействия синтаксических и лексических систем, что выбор той или иной лексико-тематической или лексико-семантической группы глаголов означает одновременно отбор изъяснительных конструкций, совместимых с этим классом лексем (а тем самым редукцию исходной синтаксической организации), во-первых, и такое преобразование их связей, которое становится синтаксической приметой конструкций с данным и только этим классом глаголов, во-вторых.

Таблица 7

№ п	Тип синтаксического формата	Конструкции																		
		1	11	3	4	5	10	17	2	7	9	13	8	6	12	14	15	18	19	20
1	смотреть	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+							
2	глядеть	+		+	+	+	+	+	+	+		+	+							
3	подслушать	+	+	+	+	+	+		+		+				+	+	+			
4	показывать	+	+	+	+	+	+		+		+	+		+						
5	показать	+	+	+	+	+	+				+	+		+						
6	представлять	+	+	+	+	+	+		+	+				+						
7	посмотреть	+	+	+		+	+	+		+		+	+							
8	примечать	+	+	+	+	+	+	+	+	+										
9	представить	+	+	+	+	+	+		+					+						
10	подсмотреть	+	+	+	+	+	+	+	+											
11	проследить	+	+	+		+	+	+		+							.			
12	поглядывать	+		+				+		+		+	+							
13	понаблюдать	+	+	+				+		+										
14	отмечать	+	+	+	+	+	+													
15	рассмотреть	+	+	+	+	+	+		+											
16	подчеркнуть	+	+		+	+	+													
17	открывать	+	+	+	+		+													
18	полюбопытствовать	+		+																
19	выказать, 19-Дь	+	+	+	+															
20	наблюдать, 20-ТВ	+	+				+	+	+	+										
21	следить	+	+	+				+		+										
22	обнаружить	+	+		+	+	+													
23	взглянуть	+		+		+						+								
24	скрывать	+	+	+	+										+					
25	доглядывать	+		+				+		+										
26	акцентировать	+	+		+															
27	скрыть	+	+		+	+														
28	прислушаться	+		+		+														
29	подслушивать	+	+	+				+												
30	интересоваться	+		+																+
31	уследить	+	+					+												
32	рассматривать	+	+	+																

Таблица 8

№ п	Тип синтаксического форманта	Конструкции								
		9	11	1	2		12	14	16	17
1	недослушать	+	+				—	+	+	
2	недоглядеть	+	+	+		+				+
3	проморгать	+	+	+		+				
4	недосмотреть	+	+							+
5	проглядеть	+	+							

2. Сравнение изучаемого СФП как с его ближайшими соседями, так и с подполями данного СФП позволяет выделить в нем устойчивую часть, остающуюся неизменной (инвариантной) при всех этих переходах. В нее входят Псс, Пчто, Пкак, Пли и Дп, упорядоченных так, что все они, кроме Псс, непосредственно или опосредованно зависят от этого последнего.

Заключение. Были проанализированы лексический и синтаксический аспекты организации изъяснительных конструкций с глаголами восприятия. Это позволило сделать выводы о том, что

1. СФП изъяснительных конструкций с глаголами восприятия обладает организацией.

2. Взаимодействие лексической и синтаксической систем организует СФП иерархически правилами «если. . . , то. . .».

3. Выбор семантики синтаксических формантов указывает влияние на структуру СФП изъяснительных конструкций. Часть конструкций индифферентна к изменению лексического класса синтаксических формантов. Это ядро образуют конструкции Пчто, Псс, Пкак и Дп. На переход от одного лексического класса к другому СФП отвечает а) изменением состава рядов и вследствие этого перестройкой иерархии СФП; б) редукцией совокупностей преобразований, а в ряде случаев еще и пополнением этой совокупности новыми преобразованиями.

Л. В. КНОРИНА

ОЦЕНКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ ПАДЕЖА

Одним из проявлений тенденции современного русского языка к аналитизму является ослабление роли падежных флексий, уменьшение их смысловой нагрузки [1].

В частности, об этом свидетельствуют масштабы межпадежной омонимии, распространенность нулевых падежных показателей, активное введение в употребление неизменяемых существительных [2].

Но если факт падения семантической нагрузки категории падежа в русском языке можно считать признанным, то само это понятие остается в достаточной степени размытым, что препятствует более пристальному изучению отмеченного явления, сравнительному анализу семантических нагрузок различных падежей.

Для каждого отдельного падежа, очевидно, можно констатировать собственный уровень совпадений его формального выражения с формальным выражением других падежей и соответственно свойственную только данному падежу степень самостоятельности, неомонимичности его выражения.

Наиболее закономерной внутри одного числа является омонимия винительного падежа с именительным или родительным, при этом винительный падеж имеет так мало специфических формальных показателей, что его можно считать близким к «морфологической несамостоятельности» (Зализняк 1973, 74). Кроме того, встречается омонимия предложного и дательного, предложного, родительного и дательного, предложного и именительного падежа. Только творительный падеж внутри парадигмы одного числа никогда не совпадает с формой какого-либо другого падежа (за исключением отадъективных существительных женского рода типа *столовая*).

Можно предположить, что относительные масштабы неспецифичности формального выражения отдельных падежей определяются относительной семантической нагрузкой этих падежей.

В данной работе делается попытка приблизительно оценить степень семантической нагрузки падежа.

Вначале попробуем сформулировать, что обычно вкладывается в понятие семантической нагрузки падежа.

При восприятии фразы возникает представление о функции конкретного существительного в этой фразе. Какая-то часть

---

[1] О различных проявлениях аналитизма в русском языке см. Виноградов 1947; см. также: Русский язык и советское общество. Морфология.

[2] Рассмотрение этих явлений в связи с проблемой уменьшения роли категории падежа см. в Леков 1969, Мучник 1971, Кнорина 1972.

этого представления создается за счет контекстного окружения и семантики существительного. Оставшаяся часть (по отношению ко всему представлению) падает на форму существительного и называется семантической нагрузкой падежа этого существительного в этой фразе.

Понятие семантической нагрузки каждого конкретного падежа складывается из семантических нагрузок этого падежа во множестве фраз, содержащих существительные в этом падеже.

Понятие семантической нагрузки категории падежа в русском языке в целом складывается из семантических нагрузок конкретных падежей.

1. РАНЖИРОВАНИЕ ПАДЕЖЕЙ ПО СТЕПЕНИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Для ранжирования падежей по степени семантической нагрузки используется понятие грамматической значимости падежа по Якобсону (Jakobson 1936, Якобсон 1958), выявляемой через попарные противопоставления падежа с другими падежами в контекстах, допускающих такие противопоставления. (При этом мы не считаем, что грамматическая значимость падежа является необходимым условием для его выделения.) Предполагается, что количество грамматически значимых противопоставлений данного падежа с другими позволяет оценить степень его семантической нагрузки.

Для определения грамматически значимых противопоставлений используется следующее понятие контекста:

контекстом называется совокупность конечного числа слов и одного пропуска (многоточия), расставленных в определенном порядке (*см.* Зализняк, 1967, 38).

Контекст допускает подстановку какой-либо словоформы, если при ее подстановке на место пропуска получается осмысленная грамматически правильная фраза. Например контекст *я пишу...* допускает подстановку словоформы *письмо*.

Противопоставление между двумя падежами называется грамматически значимым, если существует такой контекст и такая лексема, что контекст допускает подстановки двух разных словоформ, представляющих эту лексему и относящихся соответственно к этим двум падежам. Например, между родительным и дательным падежами признается грамматически значимое противопоставление, поскольку существует контекст *я читаю письмо. . .* и лексема *брат*, словоформы которой *брата* (родительный) и *брату* (дательный) можно подставлять в этот контекст.

В первом приближении предлагается ранжировать падежи по количеству грамматически значимых противопоставлений с другими падежами (чем больше таких противопоставлений, тем выше семантическая нагрузка падежа).

В шестипадежной системе русского языка (И, Р, Д, В, Т, П) потенциально возможны 15 различных попарных падежных противопоставлений (И—Р, И—Д, И—В, И—Т, И—П, Р—Д, Р—В, Р—Т, Р—П, Д—В, Д—Т, Д—П, В—Т, В—П, Т—П). Для ранжирования падежей необходимо проверить грамматическую значимость этих противопоставлений.

1.1. Ранжирование падежей на уровне словосочетания

Предварительно можно проделать более грубое ранжирование, проверяя грамматическую значимость тех же противопоставлений на уровне словосочетания, подставляя словоформы в минимальные контексты, состоящие из одного слова (в частности, предлога) и пропуска [3].

Минимальный контекст допускает подстановку словоформы, если при ее подстановке на место пропуска получается осмысленное словосочетание. Между двумя падежами признается грамматически значимое противопоставление на уровне словосочетания, если существует такой минимальный контекст и такая лексема, что минимальный контекст допускает подстановки двух разных словоформ, представляющих эту лексему и относящихся соответственно к этим двум падежам. То есть для признания грамматически значимым на уровне словосочетания противопоставления, например, винительного и творительного падежей, достаточно предъявить минимальный контекст *за. . .* и любую лексему — ср. словосочетания *за гору* и *за горой*.

Уже на уровне словосочетаний грамматически значимыми оказываются не все возможные попарные противопоставления падежей. Приведем соответствующие примеры противопоставленных словосочетаний (если для данного противопоставления не существует соответствующего минимального контекста, вместо примера ставится прочерк):

1) И—Р *боится собака — боится собаки*
2) И—Д *пишет брат — пишет брату*
3) И—В *видит собака — видит собаку*
4) И—Т *пишет ручка — пишет ручкой*
5) И—П —
6) Р—Д *письмо брата — письмо брату*
7) Р—В *с горы — с гору*
8) Р—Т *с ветки — с веткой*

---

[3] Различение уровня словосочетания и фразы при рассмотрении падежных противопоставлений способствует также различению роли падежа на этих уровнях. О роли падежа в словосочетании и предложении см. Падучева 1960. Использование уровня словосочетаний для формального определения падежа см. в Гладкий 1969. Достаточность этого уровня для большинства случаев при изучении падежа отмечается в Зализняк 1973.

9) Р—П —
10) Д—В *послал сестре — послал сестру*
11) Д—Т *написано брату — написано братом*
12) Д—П *по приезду* (на основании) — *по приезде* (после)
13) В—Т *за шкаф — за шкафом*
14) В—П *в город —в городе*
15) Т—П —

Выделяются 5 падежей: И, Р, Д, В, Т, — между которыми на уровне словосочетания грамматически значимы все попарные противопоставления. Семантическая нагрузка предложного падежа оказывается меньше семантической нагрузки остальных падежей.

1.2. Ранжирование падежей на уровне фразы

Из того, что противопоставление двух падежей грамматически значимо на уровне словосочетания, не следует, что оно грамматически значимо на уровне фразы, то есть в настоящем (не минимальном) контексте. Хотя для каждого приведенного в примере словосочетания легко предъявить такую фразу, частью которой это словосочетание является, эти фразы могут быть совершенно различными для двух противопоставляемых словосочетаний.

Оказывается, что хотя и можно для каждого противопоставления найти настоящий контекст, необходимый для признания этого противопоставления грамматически значимым на уровне фразы, сделать это часто бывает довольно трудно.

Тем не менее, если не выдвигается условие абсолютной естественности фраз, грамматически значимыми на уровне фразы можно признать те же противопоставления, что и на уровне словосочетания. Примеры словосочетаний в противопоставлениях 1—4, 10—11 можно считать фразами. Для остальных словосочетаний приведем примеры развертывания во фразы:

6) *он прочитал это письмо брата/брату*
7) *он увидел дом с горы/гору*
8) *он сорвал ягоды с ветки/веткой*
9) *по приезду/приезде брата я узнаю время*
13) *я поблагодарила его за шкаф/шкафом*
14) *письмо было отправлено в город/городе*

В то же время трудность отыскания (то есть ограниченное количество естественных контекстов, допускающих падежные противопоставления) сама по себе свидетельствует о том, что семантическая нагрузка соответствующих падежей невелика.

На уровне фразы при оценке семантической нагрузки предлагается учитывать помимо грамматической значимости падежных противопоставлений следующие факторы:

1) количество и употребительность контекстов, допускающих соответствующие противопоставления (чем больше контекстов, тем выше нагрузка);

2) количество и употребительность лексем, подставляемых в эти контексты (чем больше лексем, тем выше нагрузка).

Рассмотрим нагрузку падежей с учетом этих факторов. Именительный падеж крайне редко противопоставляется всем остальным. (Обычная функция именительного падежа — подлежащее, таким образом, подстановка именительного падежа обычно возможна только в контексты, требующие обязательной подстановки именно именительного падежа и никакого другого). Редки и примеры противопоставления винительного падежа другим падежам (обычная функция винительного — прямое дополнение, в контексты, требующие прямого дополнения, подстановка любого падежа, кроме винительного, невозможна; противопоставления же в позиции после предлога практически не реализуются на уровне фразы).

Из противопоставлений родительного падежа на уровне фразы легко реализуются противопоставления с дательным падежом в позиции после существительного — *я прочитал это письмо брата, брату*. Менее распространены примеры противопоставления родительного дательному и творительному одновременно — *так было написано это письмо брата/брату/братом*.

Противопоставления дательного и творительного между собой возможны независимо от позиции пропуска, но также в ограниченном круге контекстов и для ограниченного круга лексем, например, *посылка была отправлена брату/братом*.

Таким образом, выделяются именительный и винительный падежи, реже реализующие противопоставления с другими падежами и, следовательно, менее семантически нагруженные, чем родительный, дательный и творительный падежи.

2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ПАДЕЖА И ТИП КОНТЕКСТА

Описанный выше способ оценки дает лишь усредненное представление о семантической нагрузке каждого падежа. При этом падеж с высокой средней семантической нагрузкой может в каком-то конкретном употреблении не нести никакой нагрузки. Семантическая нагрузка падежа в конкретном контексте существенно зависит от типа контекста. С этой точки зрения можно выделить несколько различных типов и рассмотреть их влияние на семантическую нагрузку падежа.

2.1. Многозначные и однозначные контексты

В контекстах, допускающих падежные противопоставления, семантическая нагрузка падежа подставляемой словоформы выше, чем в контекстах, допускающих словоформу только данного падежа. Первые контексты назовем многозначными, а вторые — однозначными. Пример многозначного контекста: *я прочитал письмо. . .*

Пример однозначного контекста: *я подошел к. . .* При подстановке словоформ одного и того же дательного падежа в эти контексты их семантическая нагрузка неодинакова.

Все разобранные выше падежные противопоставления возможны лишь из-за наличия многозначных контекстов, но, как уже отмечалось (см. 1.2), многозначных контекстов сравнительно немного. Таким образом, в большинстве контекстов семантическая нагрузка любого падежа снижена.

Однозначными являются почти все контексты, включающие определения, согласованные с подставляемой словоформой — ср. *я прочитал письмо. . .* и *я прочитал письмо моего. . . .*

2.2. Нейтрализующие контексты

Как правило, фразы, полученные подстановкой словоформ различных падежей в один и тот же контекст, описывают различные ситуации (ср. *он прочитал письмо брата* и *он прочитал письмо брату*). Если же при подстановке в контекст словоформ различных падежей получаются фразы, описывающие одну и ту же ситуацию, то такой контекст можно назвать нейтрализующим. При подстановке в нейтрализующий контекст нагрузка падежа подставляемой словоформы не выше, чем при подстановке в однозначный контекст. Нейтрализующим является контекст в примере Якобсона: *швырял камни — швырял камнями*. Вообще нейтрализующими являются контексты, в которых словоформы разных падежей выражают одну и ту же семантическую роль [4].

2.3. Законченные и незаконченные контексты

Существенное влияние на нагрузку падежа в контексте оказывает обусловленность словоформы в данном падеже контекстом. Чем выше вероятность появления словоформы в данном падеже в контексте, тем меньше семантическая нагрузка данного падежа в этом контексте. Многозначный контекст может в различной степени обусловливать появление в нем различных допускаемых им падежей. Например, при подстановке в контекст *я поблагодарила его за. . .* более вероятной является словоформа *шкаф*, хотя возможна и словоформа *шкафом*. Нагрузка творительного падежа в этом контексте выше нагрузки винительного.

Контексты, которые являются грамматически правильными законченными фразами и без подстановки в них словоформ какого-либо падежа, вообще не обусловливают никаких падежей. Такие контексты назовем законченными. Контексты, которые обращаются

[4] Понятия «ситуация» и «семантическая роль» описаны в Зализняк 1973. Использование этих понятий в определениях падежа см. в Успенский 1957, Зализняк 1967.

в правильные фразы только при подстановке словоформы (словоформ) какого-либо падежа (падежей), обусловливают подстановку этого падежа или (в меньшей степени) этих падежей. Такие контексты назовем незаконченными. Семантическая нагрузка словоформы в законченном контексте больше семантической нагрузки словоформы в незаконченном контексте.

Рассмотрим контексты *он ударил меня. . .* и *он пользовался. . .* Оба они допускают подстановку только творительного падежа, то есть являются однозначными, но первый контекст — законченный, а второй — незаконченный. При подстановке словоформы *молотком* в первый контекст ее нагрузка больше, чем при подстановке во второй контекст. При повышенной нагрузке словоформы повышена и роль падежа. Максимальна нагрузка падежа в законченных многозначных контекстах и минимальна в незаконченных однозначных. Употребление в законченных и незаконченных контекстах приблизительно соответствует заполнению слабых и сильных валентностей или слабому и сильному управлению.

Интересный подтип законченных контекстов представляют контексты, которые без подставленной словоформы являются синтаксически неоднозначными (в смысле возможности расстановки различных стрелок) фразами, причем при подстановке «недостающей» словоформы эта неоднозначность снимается [5].

Возможность падежа употребляться в законченных контекстах свидетельствует о высокой степени его семантической нагрузки и хорошо коррелируется с его способностью реализовать грамматически значимые противопоставления. Так, родительный, дательный и творительный падежи выделяются и как падежи, употребляющиеся в законченных контекстах и как падежи, чаще реализующие грамматически значимые противопоставления. При этом родительный можно выделить как падеж, естественно подставляемый в позицию после существительного (*книга* (. . .) *лежит на столе* — *книга сестры лежит на столе*).

Однако почти неограниченной способностью подстановки в законченные контексты обладает только творительный падеж, что отражает его исключительность (максимальную семантическую нагрузку) в падежной системе русского языка. Свойство «неожиданного» появления творительного падежа в контексте, не требующем, вообще говоря, продолжения, широко используется в поэзии. Ср.

Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла

или

Ты развернут, роман небывалый,
Сочиненный осенью, в дождь, фонарями.
(Б. Пастернак)

[5] Описание синтаксической неоднозначности такого типа см. в Апресян 1973. Ср. приводимый там пример синтаксически неоднозначной фразы *обвинение прокурора* (. . .), неоднозначность которой снимается при подстановке словоформы *товарищами*.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ПАДЕЖА И СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Выше отмечалось (см. 1.2), что некоторые падежные противопоставления осуществляются для ограниченного круга лексем. Фактически всюду, где говорилось о семантической нагрузке данного падежа в данном контексте, следует подразумевать, кроме того, — для данной подставляемой лексемы.

Отметим, что многозначный контекст для некоторых лексем может допускать подстановку словоформы только одного падежа. Можно говорить об однозначности или многозначности контекста для данной лексемы. Так в контексте *я его поблагодарила за. . .* винительный и творительный возможны лишь для ограниченного круга лексем (например, *шкаф*). Для большинства же лексем (ср. *услуга*, *идея*, *книга*, *скатерть* и т. д.) возможна подстановка в этот контекст только в винительном падеже, то есть контекст является однозначным.

Соответственно при подстановке в один и тот же контекст словоформ одного и того же падежа различных лексем, семантическая нагрузка падежа этих словоформ может быть различной. В некоторых случаях семантика существительного во многом обусловливает его функцию, то есть его функцию можно определить по принадлежности к данному семантическому классу[6], семантическая нагрузка падежа такого существительного падает.

4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА И ФОРМАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ

Возможность падежных противопоставлений в контексте учитывалась как в теоретических, так и в прикладных работах, связанных с морфологией русского языка. При описании падежной системы русского языка Е. В. Падучева предлагала считать одним падежом пару падежей, чье падежное противопоставление не выполняет различительной функции, то есть не является грамматически значимым. В такой приведенной системе оказывается 4 падежа: пары именительный—винительный и дательный—предложный рассматриваются как один падеж (Падучева 1960). В одной из первых работ по машинному переводу Харпер рассматривал все падежи с точки зрения пользы их идентификации при морфологическом анализе и пришел к выводу, что необходимость идентификации всех падежей, кроме творительного, сомнительна, если для общего понимания смысла предложения используются сведения о месте слова в предложении и о глагольном управлении (Харпер 1957).

---

[6] Связь лексического значения слова и его синтаксической функции отмечается, в частности, в Абрамов 1969 и Арутюнова 1976.

Выводы этих исследований о необходимости или возможности сокращения числа падежей в системе согласуются с тезисом Якобсона о необходимости грамматических значений падежа для его выделения и представляются спорными. Однако очень существенно, что эти исследования подтверждают сравнительно невысокую семантическую нагрузку большинства русских падежей и значительную роль контекста при установлении синтаксических функций существительного.

Возрастание роли контекста (отчасти вызванное ростом омонимии) обеспечивает и возможность широкого распространения межпадежной омонимии и возможность функционирования неизменяемых существительных.

Примечательно, что уникальное положение творительного падежа, проявившееся при рассмотрении законченных контекстов, сопровождается почти полным отсутствием совпадений форм творительного падежа с формами других падежей. Этот факт, разумеется, является не случайностью, удобной для анализа текста, а лишним свидетельством тесной взаимосвязи между семантической нагрузкой падежа и его формальным выражением.

Степень семантической нагрузки конкретного падежа, по-видимому, не может служить основанием для его выделения или невыделения, однако безусловно должна учитываться при сравнении падежей, при оценке состояния падежной системы в целом. Семантическая нагрузка категории падежа в целом — удобный критерий сравнения различных падежных систем.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности слов. — В кн.: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., Наука, 1969.

Апресян Ю. Д. Синтаксическая омонимия. — В кн.: Русский язык в исследованиях по автоматическому переводу. Мат-лы для обсуждения. М., 1973.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976.

Виноградов В. В. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947.

Гладкий А. В. К определению понятий падежа и рода существительного. — ВЯ, 1969, № 2.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., Наука, 1967.

Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях. I. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., Наука, 1973.

Кнорина Л. В. Особенности употребления и возможности обработки неизменяемых имен (на материале текстов по информатике). — Научно-техническая информация, сер. 2, 1972, № 6.

Леков И. Славянская категория падежа — грамматическая единица на объединенном (морфологическом и синтаксическом) уровнях. — В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., Наука, 1969.

Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М., Наука, 1971.

Падучева Е. В. Об описании падежной системы русского существительного. — ВЯ, 1960, № 5.
Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., Наука, 1968.
Успенский В. А. Определение падежа по А. Н. Колмогорову. — Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода. 1957, № 5.
Харпер К. Э. Предварительные исследования русского языка. — В кн.: Машинный перевод. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957.
Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением. s'Gravenhage, 1958.
Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1936, n. 6.

Г. А. СМИРНОВА

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В работах исследователей-русистов, интересовавшихся в той или иной мере несклоняемыми словами (грамматическим статусом несклоняемых слов, нормативной стороной их употребления в литературном языке и некоторыми другими проблемами) категория числа несклоняемых слов фактически не описана.

В Грамматике современного русского литературного языка (Гр.-1970) отмечается, что несклоняемые существительные представляют особую группу слов по выраженности—невыраженности числового противопоставления и что значение числа у несклоняемых существительных последовательно выражено синтаксически [4, с. 325]. В Грамматике русского языка (АГ-1953) есть существенное добавление: синтаксическое множественное число имеют считаемые существительные [5, с. 113]. И. П. Мучник в своей монографии, где значительное место отведено исследованию несклоняемых существительных, относительно категории числа ограничивается таким высказыванием: «Значение числа получает выражение у неизменяемых существительных только в атрибутивных и предикативных словосочетаниях с помощью аффиксов поясняющих слов: *серое — серые такси остановилось — остановились*. Таким образом неизменяемость существительного приводит к сокращению удельного веса категории числа, так как последняя уже не является неотъемлемым элементом морфологической структуры слова» [8, с. 283].

Материалы словарей о числе несклоняемых существительных дают информацию значительно меньшую, чем о роде. Примеры иллюстрируют словарную помету рода и, следовательно, только ед. число. Примеры на употребление несклоняемых слов во мн. числе немногочисленны и носят в основном случайный

характер. Пометы «мн.» или «чаще мн.» касаются минимального числа слов (*галифе, сабо, жалюзи*). Если при описании категории рода можно было опереться на данные словарей (пометы, тексты), дополняя их примерами собранной картотеки, то при описании распределения признака числа у несклоняемых существительных — основным источником служит картотека. В картотеку вошли тексты художественной прозы и поэзии (в основном советский период), тексты из произведений деятелей искусства, науки и техники, материалы журналов и газет.

В отличие от склоняемых существительных, имеющих внутрисловное выражение признака числа, признак числа несклоняемого слова устанавливается по позиции в сочетании слов или в предложении, хотя некоторая зависимость между конечным звуком несклоняемого слова и предпочтительным выбором признака числа и существует. Относительно признака числа позиции несклоняемых слов делятся на две противопоставленные друг другу группы: позиции выраженности признака числа и позиции невыраженности признака числа. В работе рассматриваются позиции выраженности признака числа неодушевленных несклоняемых существительных и распределение этих существительных относительно признака числа.

К позициям выраженности признака числа несклоняемых слов отнесены, во-первых, позиции, в которых признак числа несклоняемого слова может быть установлен со стопроцентной вероятностью — это, например, позиция подлежащего в двусоставном предложении при сказуемом, выраженном спрягаемой формой глагола, и, во-вторых, вероятностные позиции, в которых признак числа несклоняемого слова предсказывается с большой степенью вероятности — это, например, позиция несклоняемого слова в сочинительном сочетании.

Следует отметить, что по мере углубления исследования грамматического статуса несклоняемых слов выделенные позиции выраженности признака числа, особенно вероятностные позиции, будут уточняться и дополняться, возможно, станут яснее иерархические отношения между ними.

ПОЗИЦИИ ВЫРАЖЕННОСТИ ПРИЗНАКА ЧИСЛА НЕСКЛОНЯЕМЫХ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I. Позиция главного члена в двусоставном предложении

1. Позиция подлежащего в двусоставном предложении при сказуемом, выраженном

1.1. спрягаемой формой глагола — одной или с зависящим от нее словом

ед. ч.: *Дивали отмечается* всеми индейцами, независимо от национальности и вероисповедания (Моск. комсомолец, 15 ноября

1977), В какой-то миг *рандеву принимает* действительно сложный оборот (Панков. Современник на рандеву), *Статус-кво* с интервалом в четыре очка между ними *сохранилось* (Моск. правда, 26 мая 1979), *Реноме* цирка от такого характера представлений нисколько *не пострадало* (Юрьев. Записки);

мн. ч.: *Каприччио явились* подлинным откровением в романтической инструментальной музыке (Муз. жизнь, 1979, № 10), *Навахос применялись* только, чтобы отрубить кусок вяленой рыбы (Вокруг света, 1971, № 8), И как червонные семерки, *палаццо* в факелах *горят* (Вознесенский. Флорентийские факелы);

1.2. кратким прилагательным или причастием

ед. ч.: *Унаби колюч*: «терновый венец», знакомый по иконам и картинам старых мастеров, сделан из унаби (Известия, 28 мая 1977), На душу *наложено вето*, Но трудно с ней сладить, Когда приходит июньское лето, Спадает большая вода (Чухин. От снов о тебе и бессонниц), *Фиаско* блока СЕНТО, как и тремя годами ранее азиатского СЕАТО, *показательно* (Веч. Москва, 23 марта 1979);

мн. ч.: *Прекрасны* в Париже *Пале ампир*, *прекрасны Пале ренессанс* (Маяк. Стихи о красотах архитектуры), К приказу были *приложены кроки* местности с обозначением главных деревень по пути (Вересаев. На японской земле);

1.3. склоняемым неодушевленным существительным

Позиция подлежащего при сказуемом — склоняемом существительном ед. ч. (примеры на мн. ч. отсутствуют) является вероятностной позицией выраженности признака числа. Склоняемое неодушевленное существительное ед. числа в функции сказуемого при подлежащем — несклоняемом неодушевленном существительном своим грамматическим признаком ед. числа сигнализирует прежде всего не о грамматическом единственном числе несклоняемого слова, а об *единичности* объекта, обозначенного этим словом, и предсказывает с большой степенью вероятности признак единственного числа несклоняемого слова. Например: *Кузи — юго-восточный ветер*, неукоснительно дующий с апреля по декабрь (Вокруг света, 1979, № 1), *Унаби* и верно *давнее средство* народной медицины. О его силе говорил Гален (Известия, 1977, 28 мая).

2. Позиция сказуемого в двусоставном предложении при подлежащем — неодушевленном склоняемом существительном: Одновременно он дал понять, что *альпинизм* его *хобби* (Конецкий. Петр Ниточкин к вопросу о квазидураках). Примеров на мн. ч. нет. Как и позиция 1.3 позиция 2 — вероятностная.

II. Позиции определяемого члена

1. Позиция определяемого члена в именном сочетании с препозитивным склоняемым определяющим, выраженным

1.1. полным прилагательным (в том числе местоименным прилагательным и порядковым числительным)

ед. ч.: Город — воля, штормовое лето, порт, где бочек *крупное лото*, где встречался с «Теодором Нетте» Маяковский в рейде золотом (Кирсанов. Одесса), Новая программа *передвижного шапито* несомненно удалась (Моск. правда, 1979, 15 авг.), *Свое инкогнито* я соблюдал неуклонно (Крон. Бессонница), От раздумья деревья поникли, И слоняется во хмелю Месяц сумрачный словно битник, Вдоль по *млечному авеню* (Евтушенко. Битница);

мн. ч.: Корпоративные галстуки выполняют в Британии ту же роль, какую в Японии издавна играют родовые эмблемы на *черных парадных кимоно* (Овчинников. Корни дуба), В середине же Анданте развертывается, становясь все взволнованней, мелодия в духе *балетных адажио* Чайковского (Муз. жизнь, 1978, № 9), Прежде чем приступить к печатанию книги, текст и *художественные фотоклише* нужно соединить в одну печатную форму (Смена, 1979, № 10);

1.2. полным причастием (причастие может быть в составе причастного оборота)

ед. ч.: А между тем *найденное* у Квятковского «*кроки*» Зимнего с подозрительными отметками не давало покоя (Трифонов. Затмение), Это сеанс так *называемого лазер-шоу* (Сов. культура, 1977, 27 сент.);

мн. ч.: Из *обожженных* смертью *гетто* их привезли с детьми и женами (Кирсанов. Небо над Родиной), Шли одномоторные пикировщики Ю-87. Они имели *неубирающиеся шасси* (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

2. Позиция определяемого члена в именном сочетании с постпозитивным склоняемым определяющим (определяющее часто входит в обособленный оборот), выраженным

2.1. полным прилагательным

ед. ч.: Среди женских ролей есть *амплуа*, особо *ответственное*, особо для нас *дорогое* (СЭ, 1979, № 14), *Авто* у него есть, очень *хорошее*, но сейчас в ремонте (Каверин. Откр. книга);

мн. ч.: И допроситься отчего нависло С иронией сумрачной и злой Лицо *палаццо старых* над водой (А. Григорьев. Venezia la Bella), . . .и рыбий малюсенький правнук рывками *тире телеграфных* о счастье ловца сообщает (Кирсанов. Морская песня);

2.2. причастием (причастие может быть в составе причастного оборота)

ед. ч.: Митя, закусив губу, крутит палкой над головой, прицеливаясь в *трюмо, украшенное* перламутровыми цветами (Каверин. Откр. книга), Или вспомнил в *метро грохочущем* ослепительный свист саней (Вознесенский. Лонжюмо);

мн. ч.: *Фото, сделанные* Леоновым, прекрасно отражают отдельные моменты поездки и могут быть помещены в музее в Ашхабаде как живые картины прошлого (Н. Тихонов. «. . .на всю жизнь талантливый» — Новый мир, 1979, № 5), В наше время он [вопрос о читателе] возникает в *интервью, даваемых* виднейшими прозаиками и поэтами (Лит. учеба, 1979, № 3).

III. Заместительная позиция несклоняемого слова, которую могут занимать

1. относительное местоимение придаточного предложения, одновременно выполняющее и определительную функцию

ед. ч.: Мой гондольер все ближе путь держал К *палаццо*, *из которого* летели Канцоны звуки (А. Григорьев. Venezia la Bella). Это был шестой этап первенства Европы по *авторалли*, *в котором* принимало участие 104 экипажа (Неделя, 23, 1966);

мн. ч. Бухгалтер вел *ресконтро* по векселям, акцептам и ценным бумагам, в *которых* записывались поступления и выдача векселей, акцептов и акций (Вишневский. Война);

2. местоимение 3-го лица

ед. ч.: Но вечером, когда японец или японка *возвращаются* с работы домой, первым делом они . . . переодеваются в *кимоно*. Ведь *оно* такое удобное для отдыха, такое просторное, прохладное (Вокруг света, 1971, № 10), Посовещались накоротке и приняли смелое решение — вылезть в нишу *шасси* и выпустить *его* вручную (Пакилев. Крылья десанта), Впрочем, тут же предприняв реконструкцию *палаццо*, *его* хозяева дали новые имена двум большим залам дворца (С. Дангулов. Заутреня в Рапалло);

мн. ч.: Экран тем самым как бы обнажает *амплуа*, выявляет *их* (Сов. экран, 1979, № 14);

3. синонимичное склоняемое существительное (вероятностная позиция)

ед. ч.: Нет в Испании провинции, где бы не танцевали *фанданго*. Но всего больше в ходу *этот танец* в Ла Манче и Андалузии (Водовозова. Жизнь европейских народов), Вот в своеобразную «память» *реле* поступил сигнал: скорость трамвая превышает допустимую для данного участка трассы. *Радиотопное устройство* срабатывает практически мгновенно (Моск. правда, 18 авг. 1979);

мн. ч.: примеров нет.

При замещении несклоняемого слова личным местоимением или синонимичным неодушевленным существительным, число несклоняемого слова определяется числом личного местоимения или синонимичного склоняемого существительного.

IV. Позиция несклоняемого слова в сочинительном сочетании (вероятностная позиция)

Несклоняемому слову может быть приписан с большой долей вероятности признак ед. ч., если оно является членом сочинительного ряда, в котором остальные члены сочинительного ряда — склоняемые существительные — все имеют признак ед. числа; или признак мн. ч., если оно является членом сочинительного ряда, в котором остальные члены — склоняемые существительные — с признаком мн. числа:

ед. ч.: Такое яркое впечатление оставил балет «Сотворение мира» А. Петрова (*либретто* и *постановка* Н. Касаткиной и В. Васильева) (Моск. правда, 1979, 27 авг.), Не стоит лишь, думается, столь категорически противопоставлять *пьесу* и *ауто* (Вопр. лит-ры, 1979, № 4), И Грибоедов здесь зарыт, Как наша дань персидской хмари, В подножии большой горы Он спит под плач *зурны* и *тари* (Есенин. На Кавказе);

мн. ч.: Его [Клифтона] частенько узнавали на улицах, всегда радостно узнавали в *ресторанах*, *кафе*, *пицарнях*, *подвальчиках*, *харчевнях* (Натибин. Один на один), Рубрика приложения называется «Продаю», она похожа на большой комиссионный магазин, где выставлены старинные *подсвечники*, еще не очищенные от нагара, семейные *сервизы*, требующие реставрации *горки*, *псише* и секретеры красного дерева (Матусовский. Семейный альбом), С резким протестом против решения японских властей значительно повысить плату за проезд на *автобусах* и *такси* выступил всеяпонский совет потребительских организаций (Моск. правда, 19 авг. 1979).

V. Позиции выраженности признака числа, определяемые лексическим значением предшествующего склоняемого или спрягаемого слова (или словосочетания)

Описываемые ниже позиции выраженности признака числа — все являются позициями выраженности признака мн. числа. Перечисляются не все позиции выраженности признака мн. числа на уровне лексической сочетаемости, а только наиболее частотные, наиболее характерные для несклоняемых слов:

1. после сочетания числительного *один* с предлогом *из*:

Мадридские лежебоки, сидя в *одном из кафе*, любят рассуждать о горькой судьбе Испании (Эренбург. Испания), Поставленное на выставке здание воспроизводило главным образом *одно из лучших самаркандских медресе* (Стасов. Худож. заметки о политехн. выставке);

2. после счетных и собирательных числительных:

Цена сомбреро от *шести* до *шестидесяти песо* в зависимости от материала, выделки и фасона (Вокруг света, 1971, № 8), *Пять пенальти* позади, счет 3 : 3 (Моск. правда, 1979, 12 авг.), Место пустынное, людей на *двести ли* близко никого нет (Обручев. В дебрях Центральной Азии);

3. счетные существительные после слов *сколько*, *несколько*, *мало*, *немало*, *много*, *немного*:

. . .богатые горожане и горожанки, стараясь перещеголять друг друга, надевали сразу по *несколько кимоно* самых модных расцветок, самых изысканных и богатых узоров (Вокруг света, 1971, № 10), Здесь *много кино* и дансингов (Эренбург. Испания);

4. после слов (существительных), обозначающих множество, множественную совокупность:

Стол был завален грудами бумаг, прижатых *множеством пресспапье* (Григорович. Проселочные дороги), Каждый год из Аравии и Индии, из Персидского залива и Красного моря сюда, на африканское побережье, приходят *сотни доу* (Вокруг света, 1978, № 2), Утверждена новая оригинальная *коллекция пальто* для дошкольников (Моск. правда, 1979, 15 авг.).

Следует отметить, что в текстовом употреблении несклоняемых слов нередко для одного и того же несклоняемого существительного имеет место совмещение двух или даже трех позиций выраженности признака числа. Например, у сущ. *сомбреро* две позиции выраженности признака числа (I.1.2 и II.1.2) в предложении: Особенно *хороши* (и *дороги*) *негнущиеся сомбреро* с двумя продольными складками на тулье (Вокруг света, 1971, № 8).

* * *

Выделение позиций выраженности признака числа у несклоняемых существительных диктуется морфологической системой русского языка, в которой именам присущи категории числа и рода. Выделенные позиции позволяют приписать несклоняемым существительным признак единственного или множественного числа.

Относительно признака числа неодушевленные несклоняемые существительные можно разделить на четыре группы. В первую группу вошли существительные с оппозицией единичности—множественности (или с вариантными формами единственного—множественного числа, последних немного, они будут специально оговариваться), во вторую — существительные с признаком единственного числа, в третью — существительные с признаком множественного числа, в четвертую — существительные в текстах относительно признака числа только в позиции невыраженности.

В распределении несклоняемых существительных на группы относительно признака числа нашло отражение взаимодействие нескольких языковых факторов: 1) формальной значимости финалей: существительные с финалями *-о*, *-е* преимущественно употребляются в ед. числе — среди существительных с финалью *-и*, по сравнению с существительными с другими финалями, больше слов с грамматической оппозицией единичности—множественности, слов Pl. tantum; 2) лексического значения: существительные с грамматической оппозицией единичности—множественности по своему значению относятся к исчисляемым существительным — существительные с признаком ед. ч. принадлежат в основном к словам с вещественным или отвлеченным значением; 3) степени адаптации заимствованных несклоняемых слов грамматической системе современного русского литературного языка: оппозиция единичности—множественности, функциональная

нагруженность членов оппозиции — показатели освоенности исчисляемых несклоняемых существительных грамматической системой современного русского литературного языка; 4) степени употребительности, определяемой тематической ограниченностью текстов, в которых функционирует подавляющее большинство несклоняемых слов.

Существительные с оппозицией единичности—множественности — наиболее сложное явление среди несклоняемых слов, поскольку члены оппозиции: словоформа с признаком единичности — словоформа с признаком множественности — не идентичны по своей функциональной нагруженности. Критерий функциональной нагрузки понадобилось ввести из-за разной употребительности и освоенности слов, могущих иметь признак ед. и мн. числа. Одни из этих слов в равной степени встретились в текстах с признаком ед. и признаком мн. числа, другие слова преимущественно употребляются в ед. числе, признак мн. числа у них в единичных контекстах, третьи предпочитают употребляться во мн. числе, с признаком ед. числа выступая чрезвычайно редко. Поскольку большинство несклоняемых слов не отличается широкой употребительностью, порог функциональной нагруженности члена оппозиции нельзя делать высоким.

Функционально нагруженным считается тот член оппозиции, который встретился, по крайней мере, в двух различных текстах разных авторов. Если член оппозиции встретился более двух раз в одном и том же тексте, он все равно считается функционально ненагруженным. Так, например, сущ. *нейтрино* в специальной статье Л. А. Микаэляна «Нейтрино» (Природа, 1979, № 6) встретилось с признаком ед. числа свыше 30 раз, с признаком мн. числа около 10, в других текстах была зафиксирована словоформа сущ. *нейтрино* с признаком только ед. ч., поэтому члены оппозиции *нейтрино* с признаком ед. ч. и *нейтрино* с признаком мн. ч. неравноценны относительно функциональной нагрузки: член оппозиции — *нейтрино* с признаком ед. ч. оценивается как функционально нагруженный, а член оппозиции — *нейтрино* с признаком мн. ч. как ненагруженный. Пополнение картотеки, возможно, изменит порог функциональной нагруженности членов оппозиции единичность—множественность в сторону его повышения, вызовет переход ряда существительных, зафиксированных с признаком ед. числа в группу слов с оппозицией единичности—множественности, но общей картины функционирования несклоняемых существительных, их распределения относительно признака числа дальнейшее пополнение картотеки изменить не сможет (в настоящее время картотека несклоняемых слов насчитывает свыше 6000 текстовых единиц). После общих предварительных замечаний переходим к описанию распределения признака числа у двух групп неодушевленных несклоняемых существительных с финалями *-о*, *-и*.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗНАКА ЧИСЛА У НЕСКЛОНЯЕМЫХ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ФИНАЛЬЮ *-о*

Первая группа несклоняемых неодушевленных существительных с финалью *-о* — слова с оппозицией единичности—множественности: *авизо* (назв. военного судна), *авто*, *адажио*, *аэро*, *гетто*, *депо*, *домино* (костюм), *каприччио*, *казино*, *кимоно*, *кино*, *коло*, *крещендо*, *манго*, *либретто*, *палаццо*, *пальто*, *панно*, *плато*, *соло*, *сомбреро*, *табло*, *трио*, *трюмо*, *фламенго*, *фортепьяно*, *фото* и нек. др.

Приведем несколько примеров на употребление в текстах неодушевленных существительных с финалью *-о* с оппозицией единичности—множественности. *Авизо*: Несмотря на наружное спокойствие адмирала, и у него дрогнуло сердце, когда крейсер. . . вот-вот навалит на *маленький французский авизо* (Станюкович. В море), С ними шли еще *два быстроходных авизо* (Новиков-Прибой. Цусима) [1]. *Адажио*: *Адажио развернуто* как воспоминание героини о возлюбленном, как повесть о мимолетном, несбывшемся счастье и тщетном раскаянии (Моск. правда, 4 апр. 1979), В середине же Анданте развертывается, становясь все взволнованней, мелодия в духе *балетных адажио* Чайковского (Муз. жизнь, 1978, № 9). *Гетто*: эта западная провинция с бесплодными каменистыми взгорьями, обращенными к Атлантике, должна стать для изгнанников либо *голодным гетто*, либо дорогой еще дальше — на чужбину (Овчинников. Корни дуба), Из *обожженных* смертью *гетто* — их привезли с детьми и женами (Кирсанов. Небо над Родиной). *Манго*: *Манго происходит* из тропиков Южной Азии (Родин. Пять недель в Южной Америке), . . . на тротуаре сидели на низеньких скамеечках торговцы, разложив рядом кучи алых как сандал фиников, желтых как шафран груш, *зеленых манго* и бананов (Вокруг света, 1978, № 7). *Панно*: Евгений Евгеньевич показывал свои работы: натюрморты, *одно большое декоративное панно* и много этюдов (Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки), Над флигелем возвышался облицованный зелеными изразцами пятиэтажный дом с *мозаичными панно* над крышей (Никулин. Московские зори). *Трио*: Последним сочинением его [Глинки] в Италии *было трио* для фортепьяно, кларнета и фагота (Стасов. М. И. Глинка), Писали вальсы и раньше, но в них не было шопеновского блеска. . . и той красивой мелодичности, которую встречаем во *многих трио* его вальсов (Кюи. Фредерик Шопен).

---

[1] Признак числа сущ. *авизо* в сочетании *два быстроходных авизо* устанавливается по признаку числа определяющего слова — склоняемого прилагательного *быстроходных*; при отсутствии склоняемого прилагательного несклоняемому существительному в сочетании с числительными *два*, *три*, *четыре* также приписывается признак мн. числа.

Функционально нагружены оба члена оппозиции у слов *авто*, *авизо* (назв. военного судна), *аэро*, *депо*, *казино*, *кимоно*, *либретто*, *манго*, *палаццо*, *пальто*, *панно*, *плато*, *сомбреро*, *табло*, *трюмо*, *фото* и нек. др. Это все слова конкретной лексики, обозначающие исчисляемые предметы, они достаточно употребительны в современном русском языке.

У сущ. *адажио*, *гетто*, *домино* (костюм), *каприччио*, *кино*, *коло*, *крещендо*, *соло*, *трио*, *фламенго*, *фортепьяно* и нек. др. не нагружен член оппозиции с признаком мн. числа. Большинство перечисленных слов с ненагруженным членом оппозиции с признаком мн. числа относится к музыкальной терминологии, выступая как названия музыкальных произведений (части музыкального произведения): *адажио*, *каприччио*, *соло*, *трио*, названия танцев: *коло*, *фламенго*, темпа музыкального исполнения: *крещендо*, музыкального инструмента: *фортепьяно*. Сущ. *домино* (костюм), являющееся названием конкретного предмета, не принадлежит к употребительной лексике, вероятно, именно с этим связана ненагруженность у данного слова члена оппозиции с признаком мн. ч. У сущ. *кино* несколько значений: 1) вид искусства, 2) кинофильм, 3) кинотеатр. Оппозиция единичность—множественность присуща конкретным значениям этого слова: Здесь *много кино* и дансингов (Эренбург. Испания).

В произведениях Маяковского встретилось употребление сущ. *метро* во мн. числе: *Метро* согласились, *метро* со мною — они из своих облицованных нутр публику выплюют — кровью смоют со стен плакаты духов и пудр (Маяк. Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней). Вряд ли на основе одного окказионального употребления сущ. *метро* в мн. числе можно сделать вывод о наличии у сущ. *метро* в литературном языке оппозиции единичность—множественность, поскольку не зафиксировано ни одного употребления сущ. *метро* с признаком мн. числа в текстах нейтрального стиля.

Названия монет тяготеют к употреблению во мн. числе, вне зависимости, нагружена или нет у них словоформа с признаком ед. числа. Основная позиция несклоняемых существительных — обозначений монет — позиция после числительных и счетных существительных, обусловливающих мн. число: Я узнавал: во втором классе надо шесть учебников, это *сто пятьдесят крузейро* (Вокруг света, 1978, № 7), Маневр обошелся нам в три часа потерянного времени и *50 песо* (Вокруг света, 1971, № 8), Опустишь монетку в *двадцать* или *пятьдесят сентаво*, автомат начнет вибрировать и покатится по желобкам шарик (Вокруг света, 1971, № 8).

Большинство неодушевленных существительных с финалью *-о* употребляется в текстах в ед. числе: *аллегро*, *арго*, *андантино*, *антинейтрино*, *ауто*, *барокко*, *бордо* (вино), *вето*, *гало*, *гуано*, *динамо*, *дзюдо*, *домино* (игра), *зеро*, *ин-кварто*, *инкогнито*, *интер-*

меццо, *какао*, *квипрокво*, *клико*, *коларио*, *контральто*, *концертино*, *кредо*, *лассо*, *легато*, *лино*, *лото*, *магнето*, *макао* (игра), *меццосопрано*, *маэстозо*, *меццо-тинто*, *монтекристо*, *мотто*, *панно* (седло), *рондо* (перо), *ситро* и т. п.

Лексические группы этих слов разнообразны. Слова с вещественным значением: *бордо* (вино), *клико*, *ситро*, *тесгуино*, *какао*, *мокко*, *бенто*, *ризотто*, *гуано*; отвлеченная лексика: *бусидо*, *вето*, *квипрокво*, *кредо*, *фиаско*; *лексика*, относящаяся к сфере государственной и экономической жизни: *эмбарго*, *пронунсиаменто*, *статус-кво*, *сальдо*; лексика муз. жизни, театрального и изобразительного искусства: *аллегро*, *интермеццо*, *контральто*, *меццо-сопрано*, *сопрано*, *концертино*, *легато*, *маэстозо*, *пиано*, *пианиссимо*, *пикколо*, *престо*, *рондо*, *роялино*, *барокко*, *ауто*, *тондо*; лексика спортивных и других игр: *дзюдо*, *домино*, *лото*, *спортлото*, *поло*, *ватерполо*, *сальто*, *сумо*, *макао*, *зеро*; названия языков: *эсперанто*, *арго*; природных явлений: *гало*, *памперо*, *сирокко*; растений: *саго*, *сорго*, *мальборо*.

Большинство слов с финалью *-о*, зафиксированных в текстовой выборке только в ед. числе, относятся по своему лексическому значению к Sg. tantum. Но среди этих слов есть и счетные существительные, например, *динамо*, *лассо*, *магнето*, *монтекристо*, *панно* (седло), *рондо* (перо), *стило*, *эскимо*. Естественно предположить, что в случае необходимости у этих существительных может развиться оппозиция единичности—множественности, вначале с функционально ненагруженным членом оппозиции с признаком мн. числа.

С признаком мн. числа употребляется в текстах сущ. *сабо*, которое по своему лексическому значению (значение парности) принадлежит к Pl. tantum: Платье на нем было грязно, в пятнах масляной краски, *сабо* на ногах *искривились* (Новиков-Прибой. Соленая купель). Помета «мн.» у этого существительного есть в словарях.

Сущ. *кюрасо*, *рококо*, *серсо* зафиксированы картотекой в позиции невыраженности признака числа. *Кюрасо*: Самые опасные террористы разгуливали спокойно по городу, сидели у «Палкина», танцевали кадриль, пили *кюрасо* (Трифонов. Нетерпение), это платье пятьдесят раз мелькало передо мною. . ., даже мне памятен особый померанцевый запах от него вроде *кюрасо* (Герцен. Патриархальные нравы). *Рококо*: Знатоки говорят, что архитектура во вкусе *рококо* — ложная архитектура; положим так, но Растрелли тем не менее великий художник (Белинский. Статьи о Пушкине), И барокко, словно устав под здешними небесами от буйства, застывает на следующем здании — дворце Прайзингов, — уже переливших в стрельчатую устремленность *рококо* (Вокруг света, 1979, № 1). *Серсо*: Вера Сергеевна пригласила меня пойти посмотреть, как дети на лужайке играют *в серсо* (Панаева. Воспоминания).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗНАКА ЧИСЛА У НЕОДУШЕВЛЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ФИНАЛЬЮ *-и*

Среди неодушевленных существительных с финалью *-и* резко возрастает по сравнению с существительными, имеющими другие финали, число слов с оппозицией единичности—множественности, слов Pl. tantum, вариантными формами Sg. tantum и Pl. tantum.

Оппозиция единичности—множественности есть у слов *бикини, гоби, жюри, кавасаки, кепи, мини, оби, пари, попурри, пенальти, саранги, сари, седи, серапи, скуди, такси, травести, хобби* и нек. др. *Бикини*: Подобно сказочной Венере, из волн морских. . . выходит белокурая красавица в *соблазнительном бикини* (М. Туровская. И. о. героя — Джеймс Бонд), Вокруг тела в *рискованных бикини* лежали на матрасах надувных, посасывая медленно «Том Коллинз» (Евтушенко. Голубь в Сантьяго). *Жюри*: . . .тут же из опытных любителей-собаководов и приглашенных специалистов *составлялось жюри, которое* и должно было затем присуждать медали (Ананьев. Годы без войны), На фестивале будут работать *международные жюри* (Моск. правда, 17 марта 1979). *Кавасаки*: *Кавасаки* уже *вернулся* на базу, сдал улов всех судов, загрузился снова сетями и ушел в море (Лидин. Великий или Тихий), Слева по носу *появились два кавасаки* — небольшие моторные боты для ловли рыбы ставными сетями (Линьков. Обыкновенная операция). *Кепи*: Жданов боком, козырьком к виску, напяливал на голову *серое кепи* (Бахметьев. Преступление Мартына), [Гимназисты] ходили по двое и по трое по зале, обнявшись, заломив *истрепанные кепи* на затылок (Куприн. На переломе). *Мини*: И когда в солнечный день вы идете этим побережьем и вам становится грустно и тревожно оттого, что окружающее вас человечество. . . так старательно выражает себя через *самые различные мини*: через мини-платья, мини-купальники, через мини-знакомства и мини-любовь, через *грандиозную мини* всей этой пляжной жизни (С. Залыгин. Мария и Мария). *Пари*: *Сегодняшнее пари было* решающим для него, выигрывая его, он выигрывал жизнь (А. Н. Толстой. Месть), Строились предположения, кто выиграет, заключались *сотни пари* — на пол-литра, на пару пива и просто так, ради удовольствия оказаться правым (Кетлинская. Дни нашей жизни).

Функционально нагружены оба члена оппозиции единичность—множественность у сущ. *пари, такси, бикини, кепи, пенальти, сари, ли*. Ненагружены оба члена оппозиции у сущ. *ри, оби, саранги, седи, серапи* из-за малой употребительности этих слов.

Сущ. *дерби, драпри, жалюзи, кроки, ралли* (*авторалли, моторалли*), *шасси* встречаются в текстах с признаком как единственного, так и множественного числа. Формы этих слов с признаком мн. числа не противопоставляются по грамматическому значению

формам с признаком ед. числа, а могут обозначать как единичные предметы, так и их совокупность. *Жалюзи*: Я очутился лицом к лицу с ночным техасским небом, которое лежало длинными горизонтальными полосками в щелях между пластмассовых лент *жалюзи, опущенного* на единственном окне (Катаев. Святой колодец), Распахнув окно с *решетчатыми жалюзи*, мы увидали все то же Средиземное море и порт (Катаев. Алм. мой венец), В павильоне было два окна; но в обоих *жалюзи были спущены* и сквозь узкие их трещинки едва струился матовый свет (Тургенев. Три встречи), *Жалюзи* быстро и нешумно *опустились*, в доме все смолкло, погасло, и из-за жалюзи затрещали частые выстрелы (Вересаев. К жизни). *Кроки*: . . .*найденное* у Квятковского «*кроки*» Зимнего с подозрительными отметками не давало покоя (Трифонов. Нетерпение), К приказу *были приложены кроки* местности с обозначением главных деревень по пути (Вересаев. На японской земле), — Обращаю особое внимание вашего высокопревосходительства на срочную необходимость двухверстной съемки далее на север. . . — докладывал я, показывая *составленные* мною *карандашные кроки, дополнившие* верхний обрез карты (Игнатьев. 50 лет в строю). Показателен пример с употреблением слова *ралли* с признаком ед. и мн. числа, встретившийся в одном и том же тексте: День веселых розыгрышей будет отмечен сегодня *необычным* ралли на стадионе «Автомобилист». Словом, «Иллар-79» — так *называются эти ралли* наоборот, организуемые Мосавтолегтрансом и редакцией газеты «За доблестный труд», — обещают быть одинаково веселыми и интересными (Моск. правда, 1 апр. 1979).

Признак ед. числа у этих существительных связан с грамматическим значением единичности, признак мн. числа обладает двоякой грамматической значимостью, значимостью члена оппозиции единичности—множественности, обозначающего множество объектов, и значимостью Pl. tantum, могущего обозначать как множество предметов, так и отдельный предмет.

Сущ. *драпри* встречается в текстах как Pl. tantum, признак ед. числа, отмеченный словарями, иллюстрирован только примерами составителей словарей: *Суконное драпри* (СВН).

С признаком мн. числа зафиксировано текстовое употребление слова *вади*: Дорога петляет через *глубокие вади*, кажется, что мы сбились с пути, хочется выйти из машины (Вокруг света, 1971, № 11), Шибам стоит на скальном основании, а потому ему не страшны грозные сели, которые во время редких, но бурных дождей в горах проносятся по *иссохшим вади* (там же).

Но и среди существительных с финалью *-и* больше половины составляют слова, функционирующие в текстах с признаком ед. числа. Среди них есть по значению существительные Sg. tantum и существительные с нереализованным из-за малой их употребительности противопоставлением единичности—множественности.

С признаком ед. числа в текстах отмечены существительные *аи, алиби, ассорти, бренди, буги/буги-вуги, виши, дивали, кипи, кипиани, кири, кольраби, кузи, липси, лобби, маки, манки, непали, паблисити, пароли, регби, сиртаки, суахили, сулугуни, тари, татами, телиани, ткемали, топи, тутти, унаби, хаки, хали-гали, харакири, хинди, хиндустани, чахохбили, шерри* и т. д. Приведем примеры. *Аи*: И коварнее северной ночи, И хмельней *золотого аи*, И любови цыганской короче Были страшные ласки твои (Блок. К Музе). *Ассорти*: Но если в окошечках получается *фруктовое ассорти*. . ., надо лезть в карман за новой монеткой (Вокруг света, 1975, № 2). *Кипиани*: Иногда я совершал набег на Батум с бамбуковыми галереями его гостиниц, с бархатной мебелью духанов, где подавалось ни с чем не *сравнимое кипиани* (Катаев. Алм. мой венец). *Лобби*: . . .все попытки протолкнуть через конгресс законодательство, ограничивающее бесконтрольную продажу оружия, обречены на провал, так как *могущественное лобби* оружейной промышленности успешно блокирует любые меры, направленные на ограничение прибылей «торговцев смертью» (Моск. правда, 21 ноября 1979). *Маки*: До войны в *корсиканском маки*, среди частого колючего кустарника прятались последние разбойники (Эренбург. Братья).

Рассматриваемые существительные с признаком ед. ч. по своему лексическому значению входят в несколько лексических групп. Рассмотрим некоторые из них. Бытовая лексика, включающая названия напитков, вин: *боржоми, виши, аи, бренди, виски, гурджаани, кипиани, крамбамбули, кьянти, мукузани, саперави, телиани, цинандали, шабли*; сортов сыра: *бри, лори, сулугуни*; названия тканей и предметов одежды: *либерти, джерси, хаки* и т. д. Отвлеченная лексика, включающая лексику государственной, социальной и политической жизни различных стран: *казус-белли, алиби*; лексику, относящуюся к сфере финансов, торговли: *альпари, фусти*. С признаком ед. числа употребляются также названия языков: *бенгали, кашмири, коми, маратхи, пали, пехлеви, сомали, суахили, хинди, хиндустани*; систем письма: *деванагари, каршуни, брахми*.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА НЕОДУШЕВЛЕННЫХ НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С КАТЕГОРИЕЙ ПАДЕЖА

Грамматические категории несклоняемых существительных (число, род) исследуются в соотношении с категорией падежа, в связи с чем в статьях, посвященных изучению грамматического статуса несклоняемых слов (10, 11, 12), использовалось понятие грамматической корреляции — соотношения конечного звука словоформы с грамматическим признаком (числа или рода), имеющее определенную функциональную значимость. Настоящая

статья продолжает исследование автора в области грамматического статуса несклоняемых слов.

Грамматические корреляции конечного звука словоформы с признаком числа могут быть показателем как склоняемости, так и несклоняемости слова. Остановимся подробнее на грамматических корреляциях конечного звука словоформы с признаком числа у существительных с финалями *-о*, *-и*.

Морфологическими показателями несклоняемости являются корреляции: 1) конечного ударного [о] и безударного [ъ] (орф. *о*) с признаком мн. числа, 2) конечного ударного и безударного [и] с признаком ед. числа. Указанных корреляций нет у склоняемых существительных, они присущи только несклоняемым словам и являются морфологической характеристикой собственно несклоняемых слов.

Но есть у несклоняемых существительных корреляции, общие с корреляциями склоняемых существительных с флексиями *-о*, *-и*. Это корреляции ударного [о] и безударного [ъ] (орф. *о*) с признаком ед. числа (*ситро*, *динамо*), корреляции ударного и безударного [и] с признаком мн. числа (*жалюзи*, *ралли*). Корреляции ударного и безударного [и] с признаком мн. ч. (*сапоги*, *степи*), ударного [о] и безударного [ъ] (орф. *о*) с признаком ед. ч. (*село*, *лето*) — морфологические показатели склоняемых слов. Несклоняемые существительные с указанными корреляциями, если у них отсутствуют морфонологические запреты на склоняемость [2] и если у существительных с финалью *-о* нет грамматических корреляций конечного звука с признаком рода, присущих только несклоняемым существительным [3], являются по сути дела потенциально склоняемыми существительными. В ненормативной речи (просторечии, диалектах), где нет нормативных запретов на склоняемость, свойственных русскому литературному языку, такие существительные могут склоняться.

Потенциальная склоняемость большинства существительных без системных ограничений на склоняемость остается нереализованной, поскольку эти слова функционируют в пределах стилевых разновидностей русского литературного языка. И только когда потенциально склоняемое слово проникает в разговорную речь или просторечие, оно может стать склоняемым.

Склоняемые формы встречаются в разговорной речи и просторечии только у наиболее употребительных, частотных несклоняемых слов: *кино*, *метро*, *пальто*, *ситро*, *трюмо*, *пианино*, *жалюзи* и нек. др., что нашло отражение в текстах художественной литературы, в которых зафиксировано ненормативное упо-

[2] О морфонологических ограничениях на склоняемость существительных см. [10].

[3] О грамматических корреляциях конечного звука с признаком рода несклоняемых существительных см. [11, 12].

требление склоняемых форм лицами, носителями нелитературного просторечия и диалектов.

Приведем несколько примеров. *Кино*: И вот она [Лиза] тоже забила себе голову этим *кином*. Как маленькая. Не видала *кина*! (Абрамов. Пряслины), Как Павлик? — Отлично! Сегодня ночью проснулся и спрашивает: «Маруся, *у кине*?» (Каверин. Откр. книга). *Пальто*: Что это за зима такая! В прошлом году в эту пору *без польт* ходили (Симонов. Солдатами не рождаются), Я, Тоня на работу устроилась в техникум за базаром, на вешалку, *польта* выдавать (Лихоносов. На улице широкой). *Жалюзи*: Но в магазинах чего только нет: *жалюзей*, правда, нет (Шукшин. Постскриптум), И вот ты подходишь, поворачиваешь за шишечку влево, и в комнате такой полумрак. Поворачиваешь вправо — опять светло. А все дело *в жалюзях*, которые в окне (там же).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945.
2. *Булыгина Т. В.* Грамматические оппозиции — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
3. *Виноградов В. В.* Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.
4. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970 (сокр. Гр.-1970).
5. Грамматика русского языка, т. I. М.: АН СССР, 1953 (сокр. АГ-1953).
6. *Иванов В. В.* Новые аспекты изучения русского языка на современном этапе развития русистики. — РЯШ, 1977, № 6.
7. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968.
8. *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в совр. русском литературном языке. М.: Наука, 1971.
9. *Реформатский А. А.* Число и грамматика. — В кн.: Вопросы грамматики. М.—Л., 1960.
10. *Смирнова Г. А.* К типологии несклоняемых существительных. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1976. М., 1978.
11. *Смирнова Г. А.* Категория рода несклоняемых существительных. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979.
12. *Смирнова Г. А.* Грамматические категории несклоняемых неодушевленных существительных. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1980.
13. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975.
14. *Чельцова Л. К.* Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии. — В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

М. Л. ГАСПАРОВ

РИТМ И СИНТАКСИС: ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЛЕСЕНКИ» МАЯКОВСКОГО

1. «Лесенка» Маяковского — ступенчатое расположение слов и словосочетаний в пределах одного стиха — пожалуй, самая бросающаяся в глаза примета его поэтической системы. О «лесенке» упоминали почти все, кто писал о поэтике Маяковского, — при жизни поэта обычно с порицанием, после смерти с восхищением. Сам Маяковский был вынужден вставить апологию «лесенки» в статью «Как делать стихи»: она хорошо известна. «Сделав стих, предназначенный для печати, надо учесть, как будет восприниматься напечатанное именно как напечатанное [. . .] Надо всяческим образом приблизить читательское восприятие именно к той форме, которую хотел дать поэтической строке ее делатель. Наша обычная пунктуация с точками, запятыми, вопросительными и восклицательными знаками чересчур бедна и маловыразительна по сравнению с оттенками эмоций, которые сейчас усложненный человек вкладывает в поэтическое произведение. Размер и ритм вещи значительнее пунктуации, и они подчиняют себе пунктуацию, когда она берется по старому шаблону. Все-таки [. . .]

Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться. . . —

читается как провинциальный разговорчик:

Довольно стыдно мне. . .

Чтобы читалось так, как думал Пушкин, надо разделить строку так, как делаю я:

Довольно,
стыдно мне. . .

При таком делении на полустрочия ни смысловой, ни ритмической путаницы не будет. Раздел строчек часто диктуется и необходимостью вбить ритм безошибочно, так как наше конденсированное экономическое построение стиха часто заставляет выкидывать промежуточные слова и слоги, и если после этих слогов не сделать остановку, часто большую, чем между строками, то ритм оборвется» (Маяковский, 1959, XII, с. 113—114).

Маяковский, таким образом, предлагает здесь два объяснения лесенки: «от ритма» и «от синтаксиса». Оба они в предлагаемых формулировках неудовлетворительны. Знаком выпадения слога «ступенька» лесенки не является: в акцентном стихе, не имеющем

заданной слоговой схемы, о пропусках слогов вообще говорить нельзя; в дольнике они ощутимы, но далеко не всегда совпадают со ступеньками; в правильном хорее (нередком у Маяковского) их вовсе нет, а ступеньки, тем не менее, есть. Знаком сильного синтаксического препинания ступенька лесенки тоже не является: при самом беглом чтении бросаются в глаза такие стихи, в которых ступеньки не совпадают с синтаксическим членением стиха: *Изо всех / прошедших / по земле людей*, *Золотого / до быка / доросшего тельца*, *И днем*, / *и ночью*, *и в утра*, *и в полдни* и т. п. (подробнее — Гаспаров 1974, с. 438—440).

Более того: оба объяснения как бы предполагают, что лесенка является средством разнообразия стиха, отмечающим непредусматриваемые индивидуальные особенности отдельных строк. В действительности же из подсчетов сразу становится ясно, что лесенка является средством единообразия стиха: две трети 3-ударных стихов членятся по схеме 1+2, три четверти 4-ударных стихов — по схемам 2+2 и 1+1+2. О том, что такое единообразие порождается индивидуальными особенностями каждого стиха, невозможно говорить. Спрашивается, что же продиктовало Маяковскому именно такие устойчивые схемы членения стиха на ступеньки?

Ответ на этот вопрос естественно искать в синтаксическом анализе стиха Маяковского. Синтаксический строй стиха — область мало изученная в нашей науке. Наблюдения здесь делались по большей части над «макросинтаксисом» стиха: как укладываются строки в предложения, образуя или не образуя анжамбманы (Поспелов 1960; Винокур 1941; Томашевский 1959, с. 300—316; Тарановский 1966). Гораздо меньше внимания уделялось «микросинтаксису» стиха: как укладываются слова в строки, образуя более или менее крепкие синтаксические связи (единственная обстоятельная работа на эту тему — Дозорец 1972, на пушкинском материале — полностью еще не напечатана, точно так же, как и очень ценная параллельная работа по ритму и синтаксису английского стиха — М. Г. Тарлинской). А именно эти вопросы представляются для нашей проблемы главными.

2. Мы обследовали расположение и сравнительную силу синтаксических связей между словами в 4-ударных и 3-ударных стихах Маяковского. В центре внимания была расчленяющая сила словоразделов. В каждом 4-словном стихе имеются 3 словораздела. Наибольшую силу словораздела (и соответственно наименьшую тесноту синтаксической связи) мы обозначали как «1»; среднюю — как «2»; наименьшую силу словораздела (и соответственно наибольшую тесноту синтаксической связи) как «3». Расположение словоразделов разной силы в 4-словном стихе Маяковского может, стало быть, иметь вид «123», «132», «213», «231», «312», «321»; если два из трех словоразделов (или все три) равны по силе, то к этому добавляются расположения «122», «212», «221», «211»,

«121», «112», «111». В 3-словном стихе количество вариантов соответственно меньше.

При определении силы словоразделов в зависимости от тесноты синтаксической связи разделяемых слов мы различали, во первых (по положению) связи контактные и дистанционные (когда разделяемые слова составляют или не составляют словосочетание) и во-вторых (по тесноте) связи более тесные и менее тесные (подробнее об этом ниже). Затем мы принимали следующие правила:

а) словораздел, разделяющий контактную связь, слабей, чем словораздел, разделяющий дистанционную связь: *Занят* (1) *серьезным* (2) *бизнесом* — слова *занят серьезным* не образуют словосочетания, слова *серьезным бизнесом* образуют;

б) из двух словоразделов, разделяющих дистанционные связи, слабее тот, который разделяет связь более ближнюю: *Назавтра* (1) *Тому* (2) *оспу* (3) *привьют* — словосочетание *назавтра привьют* разорвано двумя промежуточными словами, словосочетание *Тому привьют* только одним;

в) из двух словоразделов, разделяющих контактные связи (или дистанционные связи равного удаления) слабее тот, который разделяет связь более тесную: *Хранят* (2) *краснокожих* (1) *двумордые* (3) *идолы*, *И снова* (1) *вода* (3) *присмирела* (2) *сквозная* — здесь связь глагола и дополнения (*хранят краснокожих*) или глагола и обстоятельства (*снова присмирела*) считались менее тесными, чем связь определения и определяемого (*двумордые идолы*, *вода сквозная*).

Главной трудностью, понятным образом, является именно это установление иерархии сравнительной тесноты синтаксических связей. Основные общие закономерности здесь давно общепризнаны, но конкретные случаи часто сомнительны. Мы исходили из предварительного исследования, сделанного в свое время Б. И. Ярхо и опубликованного пока только в кратком пересказе (Ярхо 1969, с. 506—507). Вот что он пишет в своей монографии «Методология точного литературоведения» (ЦГАЛИ, ф. 2186, оп. I, ед. 41, л. 35—36): «Мною (с помощью сотрудников Лит. секции ГАХН) почти закончена была работа, вызванная к жизни спором с одним ленинградским профессором нормальной дикции. Мой оппонент утверждал, что единственным правильным чтением будет *Белеет парус / одинокий*. Я возражал, что не только дозволенным, но, пожалуй, и более «нормальным» является чтение *Белеет / парус одинокий* так как определение и определяемое (*парус одинокий*) составляют более прочную синтагму, чем подлежащее и сказуемое (*белеет парус*), а потому естественнее, нормальнее будет разрыв при помощи паузы именно этой последней синтагмы. [. . .] Для того чтобы проверить свое утверждение, [. . .] я начал подсчитывать частоту разрыва различных синтагм, создаваемых концом стиха, — т. е., например, чаще ли отделя-

ется концом стиха подлежащее от сказуемого или определение от определяемого, чаще ли встречается комбинация *Вот уж на море белеет // Парус одинокий. . .*, чем *Вот над морем одинокий // Парус забелел. . .* При подсчете получилась следующая последовательность в отношении частоты: (1) концы предложений; (2) разные части слитных предложений (т. е. из двух подлежащих при одном сказуемом или наоборот одно оказывается в первом стихе, другое во втором); (3а) подлежащее и сказуемое (со своими семьями); (3б) сказуемое и члены его семьи (дополнения и адвербиалы); (3в) определение и определяемое. [. . .] Так как пункты 3а : 3б : 3в являются лишь продолжением шкалы 1 : 2 : 3, то позволительно заключить, что и они располагаются по нисходящей смысловой связи, т. е. что сказуемое (глагол) менее тесно связано со своей семьей, чем имя со своею. Опыт был проделан на нескольких сотнях стихов разных поэтов и в этом смысле вполне надежен». Подсчеты Ярхо сохранились в его архиве (там же, ед. 83; частично опубликованы в: Ярхо 1969, с. 507); выводимые из них средние показатели свидетельствуют: стихораздел проходит «между предложениями» (самостоятельными или сочиненными/подчиненными) в 56% случаев; «между подлежащим и сказуемым» в 19% случаев; «внутри семьи глагола» в 21% случаев (в том числе в 14% случаев отсекается обстоятельство или косвенное дополнение, в 7% случаев — прямое дополнение); «внутри семьи имени» в 3% случаев; при обращениях и пр. в 1% случаев.

В соответствии с этими результатами, полученными Б. И. Ярхо (которые настоятельно требуют дальнейшей разработки и детализации), мы позволили себе принять в качестве условной схемы такую последовательность усиления: (А) связь между предложениями, (Б) между группами подлежащего и сказуемого, (В) между глаголом и обстоятельством, (Г) между глаголом и дополнением, (Д) между определяемым и определением, (Е) в приложениях, фразеологических единствах и пр.: *И глухо* (2) *сказала*: (1) *Пес*; *Европа* (2) *скрылась*, (1) *мельчась*; *И Том* (1) *возвратится* (2) *в дом*; *Выше* (1) *знамена* (2) *вздень*; *Красные* (2) *знамена* (1) *вздень*; *Подгнивший* (1) *мистер* (2) *Свифт* и т. п. При этом:

А) самая слабая связь — между двумя самостоятельными предложениями; затем — между двумя предложениями внутри сложносочиненного или сложноподчиненного; затем — при причастном и деепричастном обороте; затем — при сравнительном обороте; затем — при обособленном определении и обращении: *Нормально. . .* (1) *Дела* (2) *разбираются*; *Взмахнет*, (1) *и гиря* (2) *вертится*; *Винти*, (1) *чтоб задор* (2) *не гас его*; *На кипарисе*, (1) *стоящем* (2) *века*; *Чтоб в авто*, (1) *обгоняя* (2) *бусы*; *Волоса* (2) *густые*, (1) *как нефть*; *И спущен* (2) *Свифт* — (1) *сифилитик*; *Багровое* (2) *знамя*, (1) *взметись*!; вводные слова теснее примыкают к предыдущим, чем к последующим: *А где*, (2) *я вас спрашиваю*, (1) *смычка*?;

(Б) среди сказуемых именные связаны с подлежащим слабее, чем глагольные; внутри составного сказуемого связь приблизительно такой же силы, как между определяемым и определением: *Внимание* (2) *к негру* (1) *стало* (3) *особое*;

(В) среди обстоятельств слабее всего связаны с глаголом обстоятельства причины и цели, сильнее — места и времени, еще сильнее — образа действия: *На дачу* (1) *стремится* (2) *в важности*; *Неделю* (1) *спал* (2) *без просыпа*;

(Г) среди дополнений глагольные связаны с глаголом слабее, чем именные, предложные — чем беспредложные, косвенные — чем прямые: *И ему* (2) *соберет* (1) *для ризницы*, *Словами* (1) *прожги* (2) *парней*;

(Д) среди определений несогласованные связаны с определяемым слабее, чем согласованные: *Неразрезанный* (2) *том* (1) *Плеханова*, *Как первый* (2) *обличитель* (1) *либерализма*; самая сильная связь — с числительными: *В семь* (3) *часов* — (1) *человечий* (2) *прилив*;

(Е) примеры приложений и фразеологических единств разной силы: *Донна* (1) *Эсперанца* (2) *Хуан* (3) *де Лопец*; *Стоязыкий* (1) *народ-* (2) *оголтец*; *У Кубы* (1) *губа* (2) *не дура*; *Ходит* (1) *из края* (2) *в край*; *Трубчонка* (1) *горит*, (2) *не сгорает*.

Можно заметить, что эта интуитивно ощущаемая иерархия силы связей опирается в конечном счете на закономерности порядка слов в русском языке. Подлежащее обычно предшествует сказуемому, определение — определяемому, глагол — дополнению, а обстоятельства располагаются как до, так и после управляющего глагола; устойчивость такой последовательности и определяет силу «синтаксического ожидания» (аналогичного «ритмическому ожиданию» в стихе). Может быть, в дальнейшем на основе статистики порядка слов можно будет вывести более обоснованные количественные показатели для каждой из этих степеней силы.

Труднее всего в этой последовательности найти место для однородных членов предложения: сравнительная сила словоразделов относительно ясна в сочетаниях типа *В сплошной* (1) *электрический* (2) *ветер*, но допускает совершенно равноправные варианты в сочетаниях типа *Простой* (1) *и курьерский* (2) *лифт* — *Простой* (2) *и курьерский* (1) *лифт*. Часто приходится также колебаться при оценке сравнительной силы связи между частями составного сказуемого и между определяемым и определением, а также при глагольных дополнениях и именных. Интуитивная проверка делалась в таких случаях с помощью вопроса: в каком месте «естественнее» звучит более долгая пауза — *Вина* (—) *не пьет*, *не ходит гулять* или *Вина не пьет*, *не ходит* (—) *гулять*?

Ввиду подобных несовершенств первого опыта все результаты, излагаемые далее, следует считать лишь предварительными. Думается, однако, что на основных выявляемых закономерностях последующая проверка и уточнения существенно не скажутся.

Еще одна необходимая оговорка: так как в центре нашего внимания — явления ритма, то слова, атонируемые в стихе (проклитики и энклитики) в синтаксических схемах не учитываются; даже если они представляют собой заметные члены предложения: *Прошли / из рабочих нор м ы, М н е давая / задания на год*; ср. *М ы прикручены / к земле / о локоть локоть* (подлежащее безударно) и *Били / м ы / по кораблям Колумба* (подлежащее ударно).

3. Материалом для обследования послужили 400 строк 4-ударного и 419 строк 3-ударного стиха из произведений Маяковского 1925—1926 гг. (Маяковский, 1955—1961, т. VII): для 4-ударного это стихи об Америке (кончая стихотворением «Барышня и Вульворт»), для 3-ударного также и дальнейшие (кончая стихотворением «В мировом масштабе»). Строки слишком сомнительного синтаксического строения пропускались. Размеры стихотворений — преимущественно дольник и акцентный стих, куски вольного хорея или классической силлабо-тоники незначительны. Разбивка лесенки в этих стихах достаточно характерна для всего творчества Маяковского 1924—1930 гг.; в более ранних стихах с записью не «лесенкой», а «столбиком», разбивка несколько иная (Гаспаров 1974, с. 431—438). Дифференцированный анализ соотношения ритма и синтаксиса в стихе Маяковского разных размеров и разных периодов — дело будущего.

При разметке лесенки по этим текстам два стиха представились нам сомнительными: *Земля! / Горизонт в туманной / кайме* и *Кафедраль — / богомольнейший из монашьих / институтцев*: кажется, что второй межступенечный раздел в обоих случаях вызван лишь типографской необходимостью переноса длинной строки, и что последняя «ступенька» и тут и там учитывается нумерацией стихов лишь по ошибке. Мы считали эти строки двухступенчатыми, а не трехступенчатыми.

В качестве сравнительного материала была взята проза очерков «Мое открытие Америки» (там же, с. 265—271, 300—317): текст членился на слух на отрезки-колоны, и из них обследовались аналогичным образом 4- и 3-словные (400 первых, 474 вторых). Более дальний сравнительный материал указан далее, § 7.

4. 3-ударные стихи состоят из 3 метрических слов (об этом понятии см. Гаспаров 1974, с. 145): начального, серединного и конечного. Обозначим их Н, С и К, а более сильные и менее сильные синтаксические связи между ними — двойными и простыми линиями. Мы получим такие возможности синтаксического строения стиха:

«12»:

а) Н С—К Нормально... (1) Дела (2) разбираются

б) Н—С=К Критик (1) занимается (2) критикой

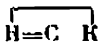
в) Занят (1) серьезным (2) бизнесом

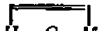
г) Одним (1) запирает (2) замком

«21»:

а) Н—С К Подать (2) резолюцию! (1) П в разворот

б) Н=С—К Нью-Йоркские (2) улицы (1) льются

в) Фамилию (2) Лермонтова (1) встретя

г) Но дней (2) не дождаться (1) жданных

«11»:

а) Н—С—К Вандерлипов, (1) Рокфеллеров, (1) Фордов

б) [А под тобой, (1) быть может, (1) Атлантида]

«?»:

а) Суровый (?) старый (?) Кремль

б) Лез (?) и в ухо (?) и в глаз

Пример в скобках — из прозы Маяковского; в разобранных стихах его таких конструкций нет.

Частота этих синтаксических конструкций в 3-ударных стихах и в 3-словных прозаических колонах у Маяковского показана в табл. 1.

Таблица 1

Тип	Лесенка				Всего		То же в %	
	1+2	2+1	1+1+1	3	стихи	проза	стихи	проза
12а	66	1	6	5	78	39	18,6	8,2
12б	69	2	3	14	88	106	21,0	22,4
12в	68	4	4	12	88	129	21,0	27,2
12г	8	1	2	3	14	6	3,3	1,2
Все 12:	211	8	15	34	268	280	64,0	59,1
21а	4	21	4	5	34	14	8,1	3,0
21б	7	5	2	13	27	71	6,4	15,0
21в	1	5	11	9	27	30	6,4	6,3
21г	3	1	5	4	13	6	3,1	1,2
Все 21:	15	32	22	31	100	121	23,9	25,5
11а	—	—	16	—	16	8	3,8	1,7
11б	—	—	—	—	—	2	—	0,4
? а	13	3	1	—	17	43	4,1	9,1
? б	8	4	3	2	17	20	4,1	4,2
Всего:	247	48	57	67	419	474	100	100
в %:	58,9	11,5	13,6	16,0	100	100		

Из таблицы видно:

а) Синтаксическое строение стиха и колона асимметрично: в конце 3-словия слова связаны друг с другом теснее, в начале свободнее. Первое слово служит как бы завязкой, два другие — развязкой информационного напряжения. 3-словия, построенные по типам «12» и «21» составляют в стихе соответственно 64 и 24%, в прозе 59 и 25%. Межсловесные синтаксические связи НС, СК и НК наличествуют соответственно в 53, 79 и 34% стихов, в 61, 87 и 36% прозаических колонов. Количество связей в стихе немного меньше — это оттого, что стих Маяковского легче пользуется неполными предложениями, разрушающими межсловесную близость. Кроме того, в стихе чаще, чем в прозе, встречаются инверсированные конструкции, в которых связь с дальним словом сильнее, чем с соседним: конструкции 12в и 21в лишь в 4 раза чаще, чем 12г и 21г, тогда как в прозе — в 13 раз. Хотя Маяковский и стремился к «естественному», «разговорному» стиху, эффект инверсий был слишком глубоко заложен в стихотворном строе речи.

б) Членение стиха лесенкой подчеркивает эту синтаксическую симметрию: 81% межступенечных разрывов приходится на слабейшие («1») межсловесные связи. При этом господствующий синтаксический тип стиха «12» оформляется более единообразно, чем второстепенный «21». Вот соотношение вариантов лесенки для этих двух синтаксических типов: по схемам «1+2», «2+1», «1+1+1», «3» расположено соответственно

в стихах типа «12»:	78,7	3,0	5,6	12,7%
» » «21»:	15,0	32,0	22,0	31,0%

В типе «12» точно соответствующая ему лесенка «1+2» охватывает свыше 3/4 всех стихов, а точно противоречащая ему лесенка «2+1» — лишь 3%. В типе «21» соответствующая ему лесенка «2+1» охватывает лишь треть всех стихов, а противоречащая «1+2» — целых 15%. Иными словами, лесенка как бы стремится подчеркнуть синтаксическую структуру господствующего типа и затушевать — противоположную ей.

Синтаксически сомнительные строки с однородными членами предложения имеют такое распределение тех же схем лесенки:

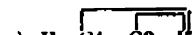
а:	76	18	6	0%
б:	47	23	18	12%

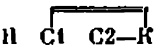
Первое распределение довольно близко напоминает распределение в типе «12», представленное выше; может быть, из этого можно сделать вывод, что конструкции, в которых первые два слова — однородные члены, Маяковский ощущал принадлежащими к этому типу: *Суровый* (1) *старый* (2) *Кремль*, а не *Суровый* (2) *старый* (1) *Кремль*. Второе распределение более хаотично.

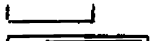
5. *4-ударные стихи состоят из 4 метрических слов: начального, двух серединных и конечного. Обозначим их* Н, С1, С2 и К;

сравнительную силу синтаксических связей между ними будем указывать только тогда, когда она сказывается на типологии «123, 132. . .» Сомнительные случаи (однородные члены) во избежание излишней пестроты не выделялись, и сила связей в них и при них определялась на слух. Мы получаем такие возможности синтаксического строения 4-ударного стиха (встречающиеся у Маяковского):

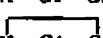
«123»:

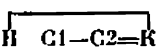
а) Остров, (1) дай (2) воздержанья (3) зарок

б) Взаправду (1) игрушечный (2) рос (3) магазин

в) Назавтра (1) Тому (2) оспу (3) привьют

г) П С1—С2=К За угол! (1) Улица (2) «Изабелла (3) Католика»

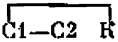
д) Луна (1) в океан (2) накидала (3) монет

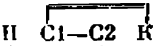
е) Плюет (1) в твою (2) седоусую (3) морду

ж) Н—С1=С2≡К Белый (1) ест (2) ананас (3) спелый

«132»:

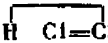
а) Н С1—С2 К Соня, (1) вобрал (3) якоря (2) и понесся

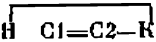
б) Припел. (1) Вода (3) студеная (2) хочет

в) И снова (1) вода (3) присмирела (2) сквозная

г) И берет (1) набитый (3) «Лефом» (2) чемодан

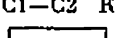
д) П С1=С2—К То стонешь, (1) облитый (3) пеною (2) ран

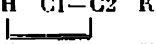
е) Воздев (1) печеные (3) картошки (2) личек

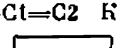
ж) Орал (1) рассудок (3) теряющий (2) юнга

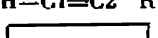
«231»:

а) Бабушки (2) столетних (3) попугаев (1) не запомнят

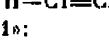
б) То сахар (2) извольте (3) делать (1) сами

в) Она (2) решила (3) отчетливо: (1) Но!

г) Любим, (2) близок (3) мне (1) океан

д) И в розовый (2) этот (3) песок (1) на заре

«321»:

а) Брат (3) Нотр-Дама (2) на площади, (1) а около

б) Н—С1 С2 К Кинет (3) негру (2) цент (1) на бегу

в) Н=С1—С2 К В руках (3) превращается (2) ранец (1) в лассо
г) Н≡С1=С2—К Белую (3) работу (2) делает (1) белый

«213»
а) Н С1 С2—К И вдруг (2) откуда-то — (1) чорт (3) его знает
б) Н—С1 С2=К С кольцом (2) экватора (1) в медной (3) ноздре

в) Н—С1 С2=К Хранят (2) краснокожих (1) двумордые (3) идолы

г) Н—С1 С2=К Цвели (2) кругом (1) чудеса (3) ботаники

д) Н—С1 С2=К Негр (2) посопел (1) подбитым (3) носом
е) Н—С1=С2≡К Суставы (2) ломая (1) день (3) ото дня

«312»:
а) Н—С1 С2 К Ястребиный (3) Коготь! (1) Я ж (2) твой бледнолицый
б) Н=С1 С2—К Все (3) равно: (1) повесишься (2) с тоски

в) Н=С1 С2—К Порфиру (3) пены (1) в клочки (2) изодрав

г) Н=С1 С2—К Жену (3) его (1) прогнали (2) с плантаций

д) Н=С1 С2—К С тысячной (3) волны (1) трехпарусник (2) съехал
е) Н≡С1=С2—К Вот этот (3) кольт (1) ваш сожитель (2) до гроба

«212»:
а) Н—С1 С2—К Надо мною (2) птицы, (1) подо мною (2) рыбы

б) Н—С1 С2—К Одних (2) пылинок (1) целый (2) лес

«221»:
а) Н=С1=С2—К Забыл, (2) разлюбил (2), забросил (1) Том

«122»:
Н—С1=С2=К Катаются (1) доны, (2) сеньоры, (2) и янки

«211»:
Н—С1 С2 К Кто здесь (2) Колюмб? (1) До Индии! (1) В ночку!

«112»:
Н—С1—С2=К Думает, (1) не ест, (1) не досыпает (2) ночей

«111»:
Н—С1—С2—К По шири, (1) по делу, (1) по крови, (1) по духу

Частота этих синтаксических конструкций в 4-ударном стихе и в 4-словных прозаических колонах у Маяковского показана в табл. 2.

Из таблицы видно:

а) Синтаксический строй 4-словного стиха и колона соединяет черты симметрии и асимметрии. На первом словоразделе преобладают связи с силой «2» (50% в стихе, 44% в прозе), на втором — с силой «1» (64 и 51%), на третьем — с силой «3» (58

Таблица 2

Тип	Лесенка								Всего	
	2+2	1+1+2	1+3	1+1+1+1	4	3+1	2+1+1	1+2+1	стихи	проза
123а	1	4	9	—	—	—	—	—	14	6
123б	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
123в	2	10	1	—	1	—	—	—	14	8
123г	2	2	9	1	—	—	—	—	14	13
123д	—	8	1	—	—	—	—	—	9	20
123е	—	4	1	—	—	—	—	—	5	12
123ж	4	11	2	—	1	—	—	—	18	33
пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего 123:							75=18,8%		93=23,2%	
132а	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
132б	—	1	3	—	—	—	—	2	6	2
132в	—	2	—	—	—	—	—	—	2	—
132г	—	—	2	—	—	—	—	1	3	6
132д	1	—	1	—	—	—	—	—	2	8
132е	—	6	2	—	—	—	—	2	10	8
132ж	—	1	2	—	1	—	—	2	6	9
пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Всего 132:							30=7,5%		45=11,2%	
213а	1	3	—	—	—	—	—	—	4	—
213б	44	8	1	—	—	—	1	—	54	18
213в	6	23	—	—	1	—	—	—	30	13
213г	4	13	—	—	—	—	2	—	19	10
213д	8	26	6	—	2	—	—	1	43	53
213е	5	5	—	—	1	—	—	1	11	16
Всего 213:							161=40,2%		110=27,5%	
212а	25	—	—	—	—	—	4	—	29	18
212б	2	—	—	—	1	—	—	—	3	15
пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего 212:							32=8,0%		38=9,5%	
312а	1	—	—	—	—	—	2	—	3	—
312б	26	1	—	1	—	—	3	—	31	22
312в	1	—	—	—	2	—	—	—	3	—
312г	4	—	—	—	1	—	—	—	5	7
312д	5	1	—	—	1	—	1	—	8	6
312е	10	3	—	—	—	—	2	—	15	20
Всего 312:							65=16,2%		55=13,8%	
231а	—	—	—	—	—	1	—	—	1	2
231б	—	1	1	—	—	—	—	—	2	1
231в	—	—	1	—	—	1	—	1	3	2
231г	—	—	1	—	—	—	—	—	1	19
231д	—	1	—	—	—	—	—	—	1	2
пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Всего 231:							8=2,0%		28=7,0%	
321а	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—
321б	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
321в	—	—	—	—	—	—	1	—	1	2

Таблица 2 (*окончание*)

Тип	Лесенка								Всего	
	2+1+2	1+1+2+1	1+3	1+1+1+1	4	3+1	2+1+1	1+2+1	стихи	проза
321г	5	3	—	—	1	1	1	—	11	14
пр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Всего 321:							14=3,5%		20=5,0%	
221	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1
122	—	—	—	2	—	—	4	—	6	5
211	—	—	—	—	—	—	2	—	2	1
112	—	3	—	—	—	—	—	—	3	4
111	—	—	1	2	—	—	—	—	3	—
Итого:	157	143	44	5	14	3	24	10	400	400
в %:	39,2	35,8	11,0	1,2	3,5	0,8	6,0	2,5	100	100

и 51%); самый употребительный синтаксический тип строки — «213». Асимметрия — в том, что последняя пара слов связана теснее, чем первая (как и в 3-словном стихе и колоне); симметрия — в том, что на середине стиха связь слов слабее всего, стих как бы стремится расколоться на два полустишия (это — тенденция едва ли не всех стихов с четным количеством ритмических единиц). Обе тенденции в стихе выражены сильнее, чем в прозе: доля трех синтаксических типов со слабой серединой составляет в прозе половину, а в стихе две трети материала; а среди этих типов «213» преобладает над «312» в прозе вдвое, а в стихе в 2,5 раза. Межсловесные связи — НС1, С1С2, С2К между смежными словами, НС2, НК, СІК между несмежными — наличествуют, соответственно,

в стихах в 75, 31, 85%; 12, 17, 25% строк,
в прозе в 75, 58, 88%; 12, 13, 30% колонов.

Единственная существенная разница, как мы видим, приходится именно на ослабление срединного словораздела С1С2.

б) Членение стиха лесенкой и здесь подчеркивает его синтаксический строй. Межступенечными разрывами отмечены 89% слабейших («1») межсловесных связей, 40% средних («2») и только 7% сильных («3»). Среди трех типов со слабой серединой соответствующая им лесенка «2+2» охватывает 55% строк, а контрастная «1+2+1» только 0,4% (всего 1 строка: *возьму / и открою другую / страну*!). Среди двух типов со слабым началом соответствующая им лесенка «1+3» охватывает 48% строк, а контрастная «3+1» полностью отсутствует. Среди двух типов со слабым концом соответствующая им лесенка «3+1» и контрастная «1+3»

одинаково охватывают по 14% строк. Таким образом, и здесь мы видим: господствующую синтаксическую структуру лесенка усиливает, противоположную ей — затушевывает. В более детальном виде распределение вариантов лесенки по синтаксическим типам стиха выглядит так (порядок столбцов тот же: 2+2; 1+1+2, 1+3; 1+1+1+1, 4; 3+1, 2+1+1, 1+2+1):

тип «123»:	12;	53,	31;	0,	4;	0,	0, 0%
» «132»:	3;	33,	33;	0,	3;	0,	0, 27%
» «213»:	42;	48,	4;	0,	3;	0,	2, 1%
» «212»:	84;	0,	0;	0,	3;	0,	13, 0%
» «312»:	72;	8,	0;	2,	6;	0,	12, 0%
» «231»:	0,	25,	38;	0,	0;	25,	0, 12%
» «321»:	36;	29,	0;	0,	7;	7,	0, 21%

Господствующие типы лесенки и здесь, как и в ранее исследованных образцах стиха Маяковского, — «2+2» и «1+1+2». Стремление поставить ступеньку после второго слова, на среднем словоразделе, как мы видели, полностью объясняется синтаксисом. Стремление поставить ступеньку также и после первого слова, сделать стих 3-ступенчатым, а не 2-ступенчатым, также оправдано синтаксисом и, может быть, дополнительно усилено влиянием 3-ударного стиха, где основной межступенечный раздел проходил именно после первого слова.

6. Таким образом, анализ показывает: ритмическое членение стиха Маяковского («лесенка») полностью подчинено синтаксическому членению стиха (расположению и силе межсловесных связей). Межступенечные словоразделы, действительно, служат у Маяковского как бы дополнительными знаками препинания, но эти знаки препинания используются для того, чтобы выделить не индивидуальное, а общее в строении стиха. Они не отмечают новые интонационные явления, а лишь подчеркивают старые, обычные. Пользуясь примером самого Маяковского, можно сказать, что он охотно написал бы:

Довольно,
Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться, —

и гораздо менее охотно:

Довольно. Стыдно
мне
Пред гордою полячкой унижаться, —

хотя интонация во втором случае не менее естественна. Если бы в стихах Маяковского не было лесенки, они бы все равно читались так же: с более ощутимым словоразделом в середине стиха, с менее ощутимым в конце. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить лесенку Маяковского, скажем, с лесенкой А. Белого в том стихотворении «Шут» (1911), с которого и начались в поэзии XX в. интенсивные эксперименты в области графики:

Есть край, где старый
Замок
В пучину бьющих
Вод
Зубцами серых
Башен
Глядит — который
Год!
Его сжигает
Солнце;
Его дожди
Секут. . .
Есть королевна
В замке
И есть горбатый
Шут!
. . . . . .
В тяжелый, знойный полдень,
Таясь
В тени
Аркад, —
Выходит королевна
Послушать
Треск
Цикад.

Из
Блещущих
Травинок,
Из росянистых пней, —
Небесною коронкой
Цветок
Смеется
Ей.
. . . . . .
За поросльо лиловою грозился
Старый
Шут:
Над ней, как адский
Пламень,
Мелькнул
Его
Лоскут. . .
На солнечные травы
Упала тень горбом:

Теневые
Руки —
Качались
Над
Цветком! . .

Здесь можно с уверенностью сказать, что без такой неожиданной разметки простенький 3-стопный ямб «Шута» читался бы любым читателем совершенно иначе.

Сделаем, однако, и другое сравнение. У Маяковского есть стихотворение того же 1926 г. «Первомайское поздравление» (Маяковский, 1955—1961, VII, с. 111, ср. 495), имеющее два варианта записи — обычный, лесеночный, и необычный, без деления на ступеньки и даже на стихи; стихоразделы здесь отмечены тире, строфоразделы абзацами, в примечании сказано: «В целях эстетики и экономии бумаги пробую стихи печатать без разделов на строчки.» Выглядит это так:

Товарищ солнце, — не щерься и не ящерься! — Вели облакам своротить с пути! — Сегодняшний праздник — праздник трудящихся, — и нечего саботажничать: взойди и свети!

Тысячи лозунгов, знаменами изоранных, — зовут к борьбе за счастье людей, — а кругом пока — толпа беспризорных. — Что несправедливец, злей и лютей?

Смотри: над нами красные шелка — словами бессеребряными затканы, — а у скольких еще бока кошелька — оттопыриваются взятками? . . .

Воспринимаются такие стихи без всякого труда, однако трудно не согласиться, что ритм их при такой записи звучит более «смято», трудноуловимо: нужно больше усилий, чтобы ответить даже на простейший вопрос, 3-ударный перед нами стих или 4-ударный. По сравнению с такой записью обычная лесеночная выглядит как бы скандирующей. Это и объясняет, почему Маяковский, несмотря на «эстетику и экономию бумаги», был так привержен к лесенке. Его запись (к примеру) 4-ударных стихов —

свободное чередование строк «2+2» и «1+1+2», остальные — как исключение, интонационный курсив. Это как раз золотая середина между записью «каждый стих — отдельная строка» (где четкость разбивки на строки затемняет четкость ударных тактов) и записью «каждое слово — отдельная строка» (где четкость разбивки на ударные такты затемняет четкость строк: ср. автопародию А. Белого «Шутка», 1915). Разумеется, «скандирующая запись» лесенкой — это указание для восприятия стиха («надо учесть, как будет восприниматься напечатанное именно как напечатанное. . .»), а отнюдь не для декламации: она никоим образом не предписывает отрывистого произношения каждой ступеньки, и по фонографической записи известно, что декламация самого Маяковского была скорее плавной, чем отрывистой. И, разумеется, никакого отношения к «выкидыванию промежуточных слогов» лесенка тоже не имеет: она подчеркивает ритм на уровне слов, а не на уровне слогов.

Таким образом, запись целыми строчками (по схемам «4» и «3») и запись отдельными словами (по схемам «1+1+1+1» и «1+1+ +1») была отвергнута Маяковским по соображениям только ритмическим. Но выбор схем «2+2» и «1+1+2» (для 4-ударного стиха) и «1+2» (для 3-ударного) в качестве господствующих был продиктован уже соображениями синтаксическими: именно такая разбивка ближе всего соответствовала естественной силе межсловесных синтаксических связей в колонах соответствующей длины. Стих придал синтаксической связности ритмическую значимость. Здесь опять уместно сравнение. В силлабо-тоническом стихе ритм словоразделов играет минимальную роль: только сверхдлинные стихи настоятельно нуждаются в цезуре. В чисто-силлабическом стихе ритм словоразделов важнее, цезуры появляются здесь уже в 8—10-сложных стихах: они членят стих на части, слоговой объем которых охватывается одним воспринимательным актом. Наконец, в чисто-тоническом стихе (и переходном к нему дольнике), как мы видим, ритм словоразделов оказывается тоже важен, но в другом отношении: канонизируется не положение словораздела (как при цезуре), а его сравнительная синтаксическая сила (как в стихе Маяковского: в 3-ударном стихе I > II, в 4-ударном стихе II > I > III).

Этим объясняется и значение таких стихов, синтаксис которых не совпадает с лесенкой: *Изо всех / прошедших / по земле людей*, *Золотого / до быка / доросшего тельца* и пр. Это — аналогия такому известному явлению, как анжамбман (вспомним «Как делать стихи»: «Размер и ритм вещи значительнее пунктуации, и они подчиняют себе пунктуацию. . .»). Роль анжамбмана в стихе — в том, чтобы актуализировать членение стиха на строки, напоминать, что оно не естественно, а искусственно; такие напоминания могут быть редки, но от этого они не менее действенны. Точно таковы же и нарушения совпадений между сильными ритмиче-

скими (межступенечными) и синтаксическими словоразделами: этот «обман синтаксического ожидания» лишь подчеркивает заданность, каноничность ожидаемого сильного синтаксического словораздела. Именно поэтому членение стиха на ступеньки было для Маяковского делом более или менее механическим. В черновиках, как известно, он писал стихи в одну строку, а разбивку на ступеньки производил при переписывании набело, следуя привычной схеме «2+2 или 1+1+2»; если синтаксис данного стиха не соответствовал такой схеме, то он или менял схему («ритмический курсив») или допускал межступенечный анжамбман («синтаксический курсив»). Если бы главным для Маяковского была не общая схема, а индивидуальное звучание каждого стиха, второй случай был бы невозможен.

Вот несколько примеров несовпадения ритмического и синтаксического членения стиха. В примерах 1—7 несовпадение вызвано тем, что Маяковский натягивает привычную ритмическую схему на неподходящую синтаксическую, в примерах 8—11 — тем, что он пытается ее изменить, но изменяет несоответственно: (1) *Получало / любовищу сердце*; (2) *Чтобы делал / доклады Сталин*; (3) *Пойдут / пароходы зажаривать*; (4) *Вовек / твой грохот / удержит ухо*; (5) *Неделю / ни хлеба, / ни мяса нет*; (6) *Стрелами / отравленными / в Кутаисе*; (7) *Ты прошел бы / со мной/ лилипутом*; (8) *И днем, / и ночью, и в утра, и в полдни*; (9) *Возьму / и открою другую / страну*; (10) *Но день пришел, / и у кож / в темноте*; (11) *Время коктейлей / питья*. Заметим, что в некоторых случаях такое несовпадение ритма и синтаксиса ослабляет смысловую выразительность строки (*нет ни хлеба, ни даже мяса, стрелами, которые были отравлены в Кутаисе*) или порождает прямую двусмысленность (*будут жарить пароходы, ухо удержится в твоем грохоте, я, лилипут, провел бы тебя*). Это — аналоги таких известных анжамбманных двусмысленностей, как батюшковское *И гордый ум не победит Любви, холодными словами*, отмеченное Пушкиным. Все эти случаи относятся к первой группе примеров; все они — несомненное следствие применения единообразной схемы ступенек; если бы фигура лесенки требовала специального обдумывания для каждого стиха (как у А. Белого), такие недоразумения не возникли бы.

Но это — мелочи; а главным было открытие нового средства художественной выразительности стиха — игры ощутимыми, ритмически актуализованными межсловесными синтаксическими связями. Анализ этого аспекта поэтики Маяковского до сих пор не предпринимался, и конечно, не в этой заметке его начинать; укажем лишь на одно место, где тематический уровень стихотворения (расовый и классовый антагонизм) находит идеальное соответствие в контрастном синтаксическом строе центрального четверостишия:

Белый / ест / ананас спелый,	(подл.—сказ.—доп.—опред.)
черный — / гиплью моченый.	(1+2 слова)
Белую работу / делает белый,	(опред.—доп.—сказ.—подл.)
черную работу — / черный.	(2+1 слово)

7. В заключение уместен вопрос: насколько обнаруженные закономерности синтаксического строения стиха представляют собой индивидуальную особенность Маяковского, насколько — общий строй русского языка. Мы взяли для предварительного сопоставления тексты Ломоносова («Слово похвальное. . . Елисавете Петровне. . .» 1749 и оды 1745—1760), Пушкина («Капитанская дочка», гл. I—III, и «Евгений Онегин», гл. VI—VIII) и Некрасова («Мороз Красный Нос», все части, писанные 3-стопным амфибрахием). В 4-стопном ямбе Ломоносова и Пушкина рассматривались отдельно 4-ударные стихи так наз. I формы (*Мой дядя самых честных правил*) и 3-ударные стихи так наз. III формы (с пропуском схемного ударения на II стопе, *Так думал молодой повеса*) и IV формы (с пропуском схемного ударения на III стопе, *Летя в пыли на почтовых*); так как III форма у Пушкина сравнительно реже других, то материал по ней был взят из всех 8 глав «Евгения Онегина».

Приводим распределение синтаксических типов в 4-словных текстах (табл. 3), типов и подтипов в 3-словных текстах (табл. 4), а также показатели доли межсловесных связей каждого рода от общего количества стихов или колонов.

Таблица 3

4-словия	Ломоносов				Пушкин			
	проза		I форма		проза		I форма	
тип 123	71	19,8	95	20,4	80	19.7	113	22,3
132	75	20,9	79	17,0	35	8,6	40	7,9
213	68	18,9	86	18,5	148	36,4	147	29,1
212	55	15,3	35	7,5	35	8.6	45	8,9
312	33	9,2	63	13,5	63	15.5	86	17,0
231	36	10,0	34	7,3	34	8.4	25	4,9
321	19	5,3	37	7,9	11	2,7	19	3,4
пр.	2	0,6	37	7,9	—	—	33	6,5
Всего:	359	100	466	100	406	100	508	100

Межсловесные связи в 4-словиях (контактные НС1, С1С2, С2К, дистанционные НС2, НК, С1К):

Ломоносов, проза:	63, 52, 85;	15, 31,	31%
Ломоносов, I ф.:	56, 47, 73;	21, 34,	30%
Пушкин, проза:	75, 36, 87;	13, 17,	37%
Пушкин, I ф.:	67, 20, 88;	10, 16,	34%

Межсловесные связи в 3-словиях (НС, СК, НК):

Ломоносов, проза:	45, 67, 43%
Ломоносов, IV ф.:	42, 72, 44%
Ломоносов, III ф.:	39, 70, 44%
Пушкин, проза:	47, 78, 40%
Пушкин, IV ф.:	44, 63, 31%
Пушкин, III ф.:	40, 81, 29%
Некрасов, амфибр.:	41, 73, 37%

Из таблиц видно:

а) Межсловесных связей в стихе всюду меньше, чем в прозе: ритмическая связность как бы компенсирует синтаксическую.

б) Асимметрическая тенденция в строении 3-словных колонов (преобладание «12» над «21») и симметрическая тенденция в строении 4-словных колонов (ослабление середины: преобладание «213», «212», «312» над остальными типами) у Ломоносова выражены слабее, чем у Маяковского, у Пушкина — сильнее, чем у Маяковского.

в) Асимметрическая тенденция в строении 3-словных стихов у всех поэтов приблизительно одинакова («12» в два—три раза превосходит «21»); при этом разрыв между «12» и «21» в III форме 4-стопного ямба больше, чем в IV, особенно у Пушкина.

г) Симметрическая тенденция в строении 4-словных стихов и у Ломоносова и у Пушкина мало отличается от симметрии их прозы, тогда как у Маяковского она в стихе значительно усиливается.

д) Межсловесных дистанционных связей и в колонах, и в стихах с течением времени становится все меньше (колоны и стихи приобретают все более линейное строение), причем главный спад относится ко времени между Ломоносовым и Пушкиным. Можно сказать, что у Ломоносова и колон, и стих строятся по образцу большого ораторского периода с перекликающимися началом и концом, а потом эта тенденция исчезает.

Более подробное рассмотрение этого материала будет уместнее в особой статье.

8. Выводы.

а) Естественный порядок слов в русском языке порождает асимметричное распределение межсловесных синтаксических связей в 3-словных речевых колонах: к концу колона связи сосредоточиваются гуще и бывают прочнее. В 4-словных колонах к этой тенденции добавляется другая: в середине колона связи располагаются реже.

б) Так как в стихотворном тексте деление на стихи по большей части не противоречит синтагматическому членению, то синтаксическое строение 3-словных и 4-словных стихов подчиняется тем же тенденциям и даже усиливает их.

в) Эта неравномерность распределения межсловесных синтаксических связей по стиху усиливается от Ломоносова к Пушкину и Маяковскому.

Таблица 4

Э-словия	Ломоносов					
	проза		IV форма		III форма	
12а	25	7,0	80	16,4	55	11,9
12б	46	12,9	41	8,4	68	14,7
12в	92	25,7	109	22,3	89	19,2
12г	14	3,9	46	9,4	75	16,2
21а	5	1,4	27	5,5	17	3,9
21б	63	17,6	74	15,2	53	11,4
21в	39	10,9	45	9,2	31	6,7
21г	9	2,5	17	3,5	21	4,5
11а, б	1	0,3	20	4,1	14	3,0
? а	54	15,1	21	4,3	34	7,3
? б	10	2,8	8	1,6	6	1,3
Всего	358	100	488	100	463	100

г) У Маяковского господствующие типы распределения межсловесных синтаксических связей фиксируются «лесенкой» и тем самым приобретают ритмическую значимость; отступления от них ощущаются как «ритмический курсив» или «синтаксический курсив».

д) Напрашивается аналогия между описанной асимметрией синтаксического строения стиха и известной стиховедам асимметрией ритмического строения стиха (тенденцией к облегчению конца стиха). Но механизм связи этих двух явлений еще подлежит прояснению.

е) Напрашивается аналогия между тем понятием тесноты синтаксических связей в лингвистике, которым мы здесь пользовались, и тем понятием тесноты стихового ряда в поэтике, которое ввел Ю. Н. Тынянов (Тынянов, 1924). До сих пор это понятие оставалось преимущественно метафорическим; конкретизация и терминологизация его только начинается. С точки зрения ритмики стиха первый шаг к этому сделал С. П. Бобров (Бобров 1965); с точки зрения синтаксиса стиха этому могут помочь исследования в направлении, намечаемом здесь.

Для дальнейшей проверки сделанных наблюдений желательно расширить и дифференцировать материал в следующих направлениях: а) привлечь стих других поэтов и других периодов творчества Маяковского (с записью «столбиком», а не «лесенкой»); различные размеры (силлабо-тонические и тонические) обследовать порознь; б) межсловесные связи разного рода (с определением, с дополнением и т. д.) и их распределение по стиху учитывать раздельно; в) сопоставить разметку силы синтаксических

Пушкин						Некрасов	
проза		IV форма		III форма		амфибр.	
69	13,8	160	17,7	133	27,8	147	21,3
140	28,0	110	12,2	84	17,6	82	11,9
139	27,8	169	18,7	84	17,6	137	19,9
18	3,6	36	4,0	28	5,9	47	6,8
28	5,6	109	12,0	21	4,4	46	6,7
25	5,0	98	10,8	59	12,3	88	12,8
34	6,8	62	6,9	16	3,3	48	6,9
7	1,4	16	1,8	11	2,3	21	3,0
2	0,4	43	4,7	13	2,7	20	2,9
23	4,6	46	5,1	22	4,6	34	4,9
15	3,0	55	6,1	7	1,5	19	2,8
500	100	904	100	478	100	689	100

связей, воспринимаемых при первом чтении текста (по актуальному членению предложений) и при повторных чтениях (как было сделано выше).

ЛИТЕРАТУРА

Бобров С. П. Теснота стихового ряда (опыт статистического анализа литературоведческого понятия, введенного Ю. Н. Тыняновым). — Русская литература, 1965, № 3, с. 109—124.

Викери В. К вопросу о ритме цезурного 5-стопного ямба Пушкина. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1971, v. 14, p. 134—175.

Викери В. Русский 6-стопный ямб и отношение его к французскому александрийскому стиху. — In: American Contributions to the 7th Congress of Slavists. The Haague, Mouton, 1973, v. 2, p. 505—527.

Винокур Г. О. Слово и стих в «Евгении Онегине». — В кн.: Пушкин. Сборник статей. М., 1941.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. М., Наука, 1974.

Дозорец Ж. А. Соотношение стихотворной строки с речевым звеном и предложением (на материале стихотворения А. С. Пушкина). Автореф. канд. дис. М., 1972.

Дозорец Ж. А. Синтаксическая структура строки и ее членение на синтагмы. — В кн.: Актуальные вопросы грамматики и лексики русского языка, М., 1978, с. 79—96.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13-ти т. М., Гослитиздат, 1955—1961.

Поспелов Н. С. Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина. М., Наука, 1960.

Тарановский К. Из истории русского стиха XVIII в.: одическая строфа *AєAєCCdEEd* в поэзии Ломоносова. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.—Л., Наука, 1966, с. 106—115.

Гаранская М. Г. Метрико-грамматическая моделируемость стиха. — In: Studia metrica et poetica. Тарту, 1980.
Томашевский Б. В. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959.
Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., Academia, 1924.
Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения. — Труды по знаковым системам, в. 4. Тарту, 1969, с. 504—526.

С. Н. ШЕПЕЛЕВА

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОЙ РИФМЫ

(фонологический анализ и техника измерения)

Подходя к проблеме анализа особенностей рифменного созвучия, исследователь должен, прежде всего, уметь

1) вычленить это созвучие из текста,

2) соотнести друг с другом его элементы.

Проблема определения границ рифмы не разрабатывалась, насколько известно автору, достаточно полно, хотя изучению рифмы как звукового комплекса посвящены многочисленные работы. Все они оперируют понятием «рифма», опираясь на понятие «созвучие», имея в виду условное (или безусловное) тождество некоторого числа звуковых элементов. Вот несколько классических определений рифмы.

«Рифмами называют сходные созвучия в конце стиха, начиная от последнего ударяемого гласного в стихе» (Шалыгин 1916).

«Рифмой мы называем звуковой повтор в конце соответствующих ритмических групп (стиха, полустишия, периода), играющий организующую роль в строфической композиции стихотворения» (Жирмунский 1975).

«Под рифмой обычно понимают концевые созвучия стихов» (Томашевский 1959).

«Рифму с ее звуковой стороны можно определить как повтор звуков или звуковых комплексов, связывающий две (или более) строки и тяготеющий к их концу» (Гончаров 1973).

Практически такие определения не уточнялись. На базе их строились различные классификации рифм с точки зрения их звуковой стороны [1]. При этом о границах рифменного созвучия определенно говорилось лишь применительно к эталонам, нормам рифмы в те или иные исторические периоды, когда границы рифмы строго декларировались [2]. В остальных случаях лишь фик-

[1] Критику и библиографию по этому вопросу см., например, у Б. П. Гончарова (указ. соч., с. 142 и далее).

[2] Ср.: Рифма классической поэзии — «совпадение концевых звуков, начиная с ударной гласной» (Томашевский 1959).

сировался факт смещения рифменных границ и рассматривались отдельные их варианты. Даже в работах, направленных на классификацию рифм, различающихся по «глубине» и «точности» (например, Кондратов 1963), и предлагающих цифровые данные о таких типах, проблема границ рифмы тем или иным способом обходится. Создается, на первый взгляд, впечатление, что такой проблемы не стоит вовсе, и определение рифменных границ — задача исключительно важного значения для разного рода исследований поэтического языка, например, по проблемам фонологического анализа рифмы, соотношений метра и звуковых повторов, эволюции рифмы и т. п. — не вызывает затруднений. Тем не менее, вопрос о том, что же является рифмой в данном некотором конкретном случае, далеко не прост. Рассмотрим несколько примеров. Вот В. М. Жирмунский, приводя стихотворение М. Кузмина «Сети» для иллюстрации возможного несовпадения ритмических долей, отсекаемых рифмой, с границами полустишия, выделяет курсивом рифмы (указ. соч., с. 275):

Зачем луна, поднявшись, розове*ет*,
И ветер ве*ет*, теплой неги *полн*,
И *челн* не чует змейной зыби *волн*,
Когда мой дух все о тебе гове*ет*?

Когда не вижу я твоих *очей*,
Любви *ночей* воспоминанья *жгут* —
Лежу — и тут ревниво *стерегут*
Очарованья милых *мелочей*. . .

Перечислим рифмующиеся фрагменты стихотворения, сохранив курсив автора.

I. а) розове*ет* — ве*ет*
   б) розове*ет* — гове*ет*
   в) ве*ет* — гове*ет*
II. а) неги *полн* — И *челн*
   б) неги *полн* — зыби *волн*
   в) И *челн* — зыби *волн*
III. а) твоих *очей* — любви *ночей*
   б) твоих *очей* — милых *мелочей*
   в) любви *ночей* — милых *мелочей*
IV. *жгут* — *стерегут*

Рассмотрим эти примеры рифм.

В случае I в состав рифменного созвучия (судя по курсиву) не вошли элементы *ов/в* (среди них — идентичные опорные согласные), непосредственно предшествующие отмеченным элементам созвучия. Почему?

В случае II в состав рифмы включены элементы *н/в/ч* и не отмечен непосредственно предшествующий им *и*. Что это? Допущено замещение согласных внутри созвучия? Тогда на каком основании? Выделено курсивом все слово с рифмующимися элементами? Но в этом же стихотворении курсив применен в соответствии с другим принципом.

Группа III. Здесь границы концевого созвучия, в принципе, можно установить следующими способами.

IIIа1	твои*х* *очей*	2 твои*х* *очей*	3 твоих *очей*
	люб*ви* *ночей*	люб*ви* *ночей*	люб*ви* *ночей*

В варианте IIIа1 допускается возможность двух разрывов созвучия: *о/Ø* и *х/н*; в варианте IIIа2 — один разрыв *х/н*; в IIIа3 разрывы не допускаются вообще, в предударных слогах или в случае «разнословной рифмы».

Кратко об остальном.

IIIб1	твои*х* *очей* милы*х* *мелочей*	Проводим границу созвучия, допуская разрыв *мел* и тем самым разносложную рифму.
IIIб2	твоих *очей* милых мелочей	Считаем разрыв в 3 фонемы слишком сильным для того, чтобы созвучия до него и после воспринимались как одно целое.
IIIв1	любви *ночей* милых м*елочей*	Допускаем рифменное чередование сонорных *н/л*[3].
IIIв2	любви ночей милых мелочей	Считаем границей созвучия идентичные опорные согласные.
IIIв3	любви ночей милых мелочей	Включаем в созвучие идентичные безударные гласные перед идентичными опорными согласными.

Только в случае IV возможен лишь один вариант: граница проводится слева от идентичных опорных согласных.

Рассмотрим еще несколько примеров из той же книги.

обн*ялись* — перепле*лись* (с. 277)

Почему фонемы, представленные буквами *я* и *е* перед *л* и звучащие практически одинаково [4], не отмечены в составе созвучия? Кстати, фрагменты *бн* и *пл* могут быть присоединены к основному созвучию (скажем условно, его ядру, той его части, отнесение которой к рифме не вызывает сомнений) из-за непосредственного соседства с ним и близости звучания *б/п* и *н/л* (возможные рифменные чередования).

чер*неет* — ветер *веет* (с. 277)

Здесь границу созвучия можно провести слева от *р* и даже от *ер*, отметив внутренее чередование *н/в* (или допустимый разрыв внутри созвучия).

ды*шать* — бе*жать* (там же)

Почему не ды*шать* — бе*жать* с чередованием *ш/ж*?

Допустим, что для целей исследования В. М. Жирмунского точное определение звуковых границ рифменных созвучий не было существенным. Для работы такого масштаба это лишь один из многих вопросов частного характера, да и к проблеме звуковой классификации рифм автор подходил с иных позиций. Но и в работах

[3] О распространенности такого рода рифменных чередований см., например Самойлов 1973.

[4] См., например, Панов 1979, с. 155.

гораздо более узкого направления и теснее связанных с интересующими нас вопросами можно найти лишь отдельные замечания и уточнения или довольно произвольные критерии к определению рифменных границ.

Так, в упомянутой выше работе А. М. Кондратова — посвященной изучению статистических закономерностей в области рифмы и предлагающей классификацию рифм по «степени созвучия» — где было необходимо подсчитывать, в частности, число предударных фонем («степень совпадения доударной части созвучия») вопрос о левой границе рифменных созвучий остался без рассмотрения, послеударная часть созвучия определена как «все за акцентом», а по разделению «неточных рифм» и «не рифм» было сформулировано только одно условие — «совпадение не менее 2-х фонем в рифмующих словах», что, конечно же, далеко не исчерпывает проблемы. При таком подходе рифмы в усложненных вариантах, видимо, либо не рассматривались, либо границы их определялись чисто интуитивно или произвольным образом, что, к сожалению, не могло не отразиться на объективности результатов работ по систематизации рифменных разновидностей.

Остается открытой эта проблема и в работе С. М. Толстой (1966), предлагающей методику фонологического анализа рифмы. Отмечая сложность задачи определения рифменных границ, автор пишет: «Вообще, установление левой границы рифмы, вероятно не может быть автоматическим. Для классической рифмы границей служила сначала последняя ударная гласная, потом опорная согласная; в современной поэзии рифма часто сливается с аллитерацией и взаимодействует одновременно с несколькими фоническими рядами (в собственном стихе, в рифмующихся стихах и даже в нерифмующихся, обычно, смежных стихах)». Далее, не принимая «принципиального решения вопроса о границе рифмы» автор предлагает «условно считать в наших примерах началом рифмы первый слева заполненный двухэтажный столбец. В соответствии с этим условием для рифмы *медь* — *медведь* фонологический анализ проводится (вычисляется фонологическое расстояние) для отрезков

$$\begin{bmatrix} \text{м}'\text{ét}' \\ \text{ь}'\text{ét}' \end{bmatrix},$$

а в случае *нас шквал* — *Москва* — для отрезков

$$\begin{bmatrix} \text{нас шквáл} \\ \text{мас квá} \end{bmatrix}.$$

Как видим, автор допускает весьма произвольную расстановку искомых границ. Так, в состав рифменного созвучия вводятся различные опорные согласные *м/в* в первом примере, допускаются фонемы, не образующие соотносительных пар «заполненных

столбцов», как *ш* и *л* во втором примере. Следует ли из этого сделать вывод, что «связаны в столбец» могут быть любые опорные согласные (и не только опорные, как *н/м* во втором примере) и в созвучии могут находиться разного рода фонемы, соотносимые лишь со звуковым нулем, как *ш* и *л* во втором примере, поскольку уточнений на этот счет не приводится? Если да, то возникает вопрос о соотнесенности рассматриваемого автором объекта с понятием «рифма» и «созвучие». Во всяком случае, предложенная методика применима для описания лишь некоторых видов рифм; метатетические, эпентетические и другие типы созвучий (Григорьев 1979) потребуют специальной разработки правил организации фонем в «столбцы».

Очень выразительной иллюстрацией к постановке вопроса о рифменных границах является материал, приводимый Д. Самойловым в его книге о рифме (Самойлов 1973), особенно в главе VI, посвященной стихотворной технике поэтов рубежа XX в., в частности «изощренной» звуковой форме рифмы символистов. Именно этот исторический период характеризуется особенно сложными и разнообразными и многочисленными экспериментами над рифмой: созвучие сдвигается влево, «углубляется», усложняется «игрой», перекличкой согласных в предударных слогах, увеличивается число «поглощающих» рифм и паронимов и т. д. «В рифме Лампада — Листопада у Анненского далеко вперед выдвигаются созвучные Л, в Тристене — Тени — Т, в истомы — симптомы — ист — сит. У Белого: Багрянец — Бубенец (созвучия предударных Б), ПРЕдзакатные — ПЕРЕкатные (ПРЕ), оСЛабли — СабЛи (перекличка С и Л), ЛоСкуты — Листы (перекличка ЛС), ГОРишь — ГОвоРишь (ГОР). У Блока: ОПять — ОПЬянять, СмоТРел — СТРел. Игра предударных созвучий усложняется: ВыШе гребни — ВолШебный (Анненский), КаМеНный Ком — оКНоМ, ГоЛый дол — ГЛагол (Белый)» (указ. соч., с. 206). Как видим, автор достаточно определенно говорит об отнесении к рифменному созвучию тех или иных звукосочетаний. Однако некоторые из его выводов представляются нам спорными, во всяком случае — не очевидными. Например, почему Л в первом примере принадлежит рифме, а не является просто аллитерацией (или Б в случае Багряней — Бубенец и т. п.)? Таким образом, и здесь вопрос о критериях для вычленения рифменного созвучия из сложной звуковой архитектоники стиха остается открытым.

Заканчивая этот иллюстративный раздел, имевший целью показать в общих чертах содержание проблемы звуковых границ рифмы, можно добавить, что рассмотренные выше примеры рифменных созвучий отнюдь не из самых сложных. Существуют (правда, встречаясь сравнительно нечасто) разновидности рифм (автор столкнулся с ними при обработке выборочного статистического массива из русских журнальных публикаций), гораздо более осложненных переплетением разноударности, разрывов и

смещений фонем созвучия. Настоящее исследование и имеет целью выявить такие критерии для определения границ рифмы и ряда ее характеристик, которые, во-первых, позволили бы охватить разнообразные виды рифменных явлений, во-вторых, были бы по возможности наименее искусственны, т. е. достаточно приблизили бы моделируемый объект к реальности (известная степень «огрубления» здесь, к сожалению, неизбежна), и в-третьих, обладали бы необходимой степенью простоты для того, чтобы их можно было применять для работы не только на иллюстративном, но и на большом материале. При этом необходимо отметить, что, в принципе, возможны разные решения проблемы рифменных границ и рифменных оценок — по крайней мере, в настоящее время; т. е. допустимы равноправные варианты таких решений вследствие сложности и богатства игры созвучий в стихах (как допустимы сейчас равноправные варианты решения сравнительно большого числа вопросов в лингвистике). Поэтому, не претендуя на представление единственно правильных заключений, мы ставим целью достижения возможности последовательного и непротиворечивого описания разнообразных рифменных явлений на достаточно большом материале — материале, который позволил бы сделать попытку уточнить особенности рифменной эволюции в русской поэзии XIX—XX вв.

Итак, вернемся к начальной задаче анализа особенностей рифменного созвучия — задаче вычленения этого созвучия из текста и установления соответствия между его элементами. Для решения этой задачи необходимо выявить критерии, на основании которых можно определять границы рифменного созвучия. Именно это является необходимой предпосылкой для перехода ко второму этапу анализа рифмы — к осуществлению процедуры по измерению рифменных характеристик, в частности ее эволюционных параметров.

В работе Щепелева, Петров 1980, прямым продолжением которой является настоящая статья, предложена и обоснована методика определения области нахождения концевого рифменного созвучия на основе общих закономерностей восприятия поэтического текста. Согласно построенной модели область рифменного созвучия задается системой «интенсивностных» элементов — слого-силовой структурой стиха — что фиксирует в качестве точки отсчета при поиске созвучия последнюю ударную гласную и ее окрестность [5]. Было показано (также с помощью вероятност-

[5] Система интенсивностных элементов выделяет фонемы в сильных позициях, прежде всего — ударные гласные (в случае поиска концевой рифмы — последнюю ударную гласную в стихотворной строке). Иными словами, система интенсивностных элементов подготавливает восприятие специфики звучания (фоническую организацию) стиха, иерархически организует поиск рифменного созвучия, направляя внимание читателя от самой сильной позиции к более слабым. В этом смысле можно говорить

ных подсчетов), что для выполнения рифмой композиционно-организующей функции — ее главной функции в стихотворении [6], — концевое рифменное созвучие (его правая граница) должно быть расположено — в сумме по двум строкам — не далее, чем на 8 слогов влево, или не далее, чем на 8 фонем влево от конца строки. Первый вариант предполагает идентичность слого-силовых структур концевых фрагментов строк или незначительных отклонений от этой идентичности, например, *просеиваться — рассеяние*; второй вариант — отсутствие такой идентичности, например, *демоном — воде* [7], разумеется, при наличии в обоих случаях необходимого минимума количественного и качественного созвучных элементов. При этом максимально допустимым разрывом внедрением в созвучие фонем, не образующих соотносительные пары по признаку условной идентичности и не нарушающих восприятие созвучий слева и справа от них как единого целого, также в связи с возможностями восприятия следует в большинстве случаев считать разрыв в 2 фонемы.

Целью настоящего исследования является уточнение предложенных критериев и дальнейшая разработка метода измерения характеристик рифмы, отражающих ее эволюцию.

Считая рифменным созвучием две последовательности условно идентичных фонем, соответственно расположенных в стихотворном тексте, и ставя задачей определение границ этого созвучия и измерение его параметров, следует прежде всего рассмотреть вопрос о том, какие фонемы можно считать идентичными. Далее необходимо выяснить, любые ли фонемы могут находиться на границах рифменного созвучия в его составе, каков может быть максимальный рифменный разрыв, сколько разрывов могут иметь место и, если более одного, то любые ли из допустимых; и наконец, какие «перестановки» фонем допустимы в рифменном созвучии и как они могут сочетаться с разрывами.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ФОНЕМ В РИФМЕННОМ СОЗВУЧИИ

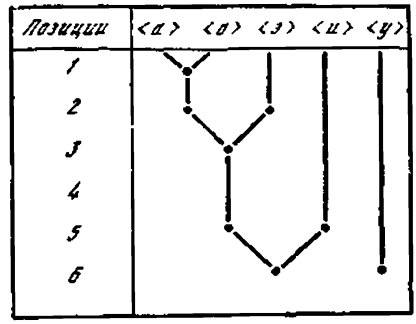
Идентичность русских гласных в позиции максимальной дифференциации, естественно, сводится к идентичности каждой лишь самой себе. Таким образом, выделяется 5 одноэлементных идентичных групп: ‹а›, ‹о›, ‹э›, ‹и›, ‹у›.

Позиционные чередования гласных фонем представлены в таблице (по Панову 1979, с. 153—155).

о ее приоритете для восприятия рифмы (в рамках системы силлабо-тонического стихосложения).

[6] «Конечная рифма обозначает («маркирует») границу звукового ряда и одновременно его структурное отношение к другим рядам (структуру строфы)» (Жирмунский, 1975, с. 236).

[7] Об оценке минимальных размеров рифменного созвучия в зависимости от степени его удаления от правого края строки см.: Шепелева, Петров, 1980.

Здесь:

1 — непрпкрытый безударный слог,

2 — первый предударный слог после прикрывающего твердого, но не *ш* и *ж*,

3 — первый предударный слог после прикрывающих *ш* и *ж*,

4 — любой безударный с прикрывающим твердым, кроме первого предударного,

5 — первый предударный слог с прикрывающим мягким или j.

6 — все предударные слоги с прикрывающим мягким или j, кроме первого предударного.

Как видим, в одних позициях разные фонемы «реализуются одним звуком» (имеют одинаковых позиционных представителей⟩, в других — полной нейтрализации их различий не происходит. Однако ввиду относительной слабости этих различий мы считаем возможным идентифицировать все безударные гласные, но отмечая факт отклонения созвучия от точности и соответствующе оценивая его (об этом ниже) [8].

Согласные гораздо более многочисленны, отличаются друг от друга по значениям большего числа дифференциальных признаков, благодаря чему каждая фонема обладает высокой специфичностью в восприятии. Объединить согласные в группы с целью идентификации можно, выделяя среди них наиболее близкие по звучанию. К таким фонемам, на наш взгляд, можно отнести те, которые различаются по признакам звонкости — глухости или твердости — мягкости [9]. Во всех же остальных случаях считаем, что идентичность отсутствует. Это позволяет выделить следующие группы идентичных фонем: ⟨п — п′⟩, ⟨п — б⟩, ⟨п′ — б′⟩, ⟨б — б′⟩, ⟨ф — ф′⟩, ⟨ф — в⟩, ⟨ф′ — в′⟩, ⟨в — в′⟩, ⟨м — м′⟩, ⟨т — т′⟩, ⟨т — д⟩, ⟨т′ — д′⟩, ⟨д — д′⟩, ⟨с — с′⟩, ⟨с — з⟩, ⟨с′ — з′⟩, ⟨з — з′⟩, ⟨ц⟩, ⟨н — н′⟩, ⟨л — л′⟩, ⟨ш — ш′⟩, ⟨ш — ж⟩, ⟨ш′ — ж′⟩, ⟨ж — ж′⟩, ⟨ч′⟩, ⟨р — р′⟩, ⟨j⟩, ⟨к — г⟩. Различия между идентифицированными согласными также получат в дальнейшем соответствующую оценку.

---

[8] Нейтральность («неокрашенность») звучания безударных гласных в стихе отмечалась последователями. Например, О. Брик писал: «Неударяемые гласные. ввиду слабости акустической окраски, едва ли могут образовать определенные звуковые сочетания, и следует принять, что они в своей совокупности дают общий звуковой фон» (Брик 1919, с. 97—98).

[9] Заметим, что именно эти два признака чаще всего используются при замещении фонем в литературной рифме, что существенно отличает ее от фольклорной рифмы, где в замещении могут участвовать совсем другие дифференциальные признаки (Самойлов 1973).

РИФМЕННЫЕ СОЗВУЧИЯ С РАЗЛИЧИЯМИ В ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ ФОНЕМ И РАЗРЫВАМИ

Определив идентичность фонем, следует отыскивать их в рифменных окончаниях, начиная поиск с правого края строки или в окрестностях последних ударных гласных (Шепелева, Петров 1980). При этом, если на соответствующем месте (т. е. непосредственно под данной фонемой в другой строке) не оказывается идентичной или тождественной фонемы, ее следует искать рядом, справа или слева, учитывая возможность допустимых разрывов созвучия. Например, *другой — пургой* (мена местами фонем ⟨р⟩ и ⟨у⟩), *скат — так* (смещение фонем ⟨к⟩ и ⟨т⟩ на расстояние в одну фонему), *корпус — порт* (смещение фонемы ⟨п⟩ на расстояние в две фонемы при отсутствии разрывов).

Вопрос о допустимых разрывах созвучия, как было сказано выше, в принципе рассматривался в статье (Шепелева, Петров 1980), где (на основе вероятностных подсчетов и с учетом возможностей восприятия при участии в нем кратковременной памяти) было показано, что максимальное число фонем, не разрушающее целостности созвучия, равно двум (для каждого из членов пары). Это — общее положение. При более детальном подходе к ситуации с разрывами, определяя их допустимость, следует наложить еще и ограничения «позиционного» характера. Так, сильный разрыв — в две фонемы для каждого члена рифмы — возможен лишь вне позиции опорных согласных. Необходимый минимум для допущения разрыва в позиции опорных согласных — тождественность хотя бы одной пары согласных фонем, ближайших к нему (*в дрожи — вожжи*, *снова — слова*, *последний — осенний*).

Второй сильный разрыв недопустим. Разрыв в 3 фонемы, но лишь в одном из членов рифмующейся пары, разрешается в заударной позиции, где происходит сильная редукция безударных гласных (*флирт — жонглировать*).

В концевом созвучии допускается не более двух отклонений от точности типа разрыва или перестановки фонем.

При решении вопроса о сопоставлении фонем в сложных случаях, таких как отсутствие идентичности слого-силовых структур, сочетание разрывов с перестановками (*заняты — голубятни* и т. п.) мы принимаем вариант с более низкой оценкой отклонения созвучия от точности (см. ниже).

ПОГРАНИЧНЫЕ ФОНЕМЫ

Относительно границ рифменного созвучия необходимо также отметить следующее. Безударные гласные на левой границе созвучия включаются в его состав, если:

1) хотя бы одна из безударных гласных находится в неприкрытом слоге (*она — роняя*);

2) безударные гласные находятся в закрытом первом предударном слоге, тождественны по звучанию и непосредственно за ними нет разрыва (*кремля — земля, тиши — причеши, октября — серебря*);

3) при соотнесенности безударной и ударной гласных в случаях разноударной рифмы (*зáгсе — такси*);

4) в случае «смещения» с левой границы безударной гласной вправо в одном из членов рифмующейся пары (*пожелтевшую — отлетевшую, гранит — согни*).

В остальных случаях (другие предударные прикрытые слоги, словораздел) безударная гласная на левой границе созвучия отсекается (здесь она значима лишь как индикатор качественного звучания предшествующей согласной).

Другие соотношения звуков в стихах относим за пределы концевого рифменного созвучия (в области инструментовки и внутренних рифм).

ТЕХНИКА ИЗМЕРЕНИЯ

Богатство созвучия

Богатство рифменного созвучия определяется как число пар идентичных и тождественных фонем, составляющих его. Например, богатство рифмы трещат *морозы* — рифмы *розы* равно 6.

Местоположение созвучия

Найдя пары фонем рифменного созвучия, мы тем самым определяем его правую и левую границы (внутри которых могут находиться и допустимые разрывы). Нетрудно определить расстояние — число фонем — обеих этих границ от правого края строки: Мл и Мп. Местоположение рифменного созвучия в данной строке определяется как среднее из местоположений этих двух границ:

$$М = \frac{Мл + Мп}{2}.$$

Однако, рифменное созвучие может залегать в двух рифмующихся строках на разных расстояниях от правого края строки. В этом случае следует учесть, что читательское восприятие обычно производит интегрирование и усреднение значений параметров компонентов, когда они в совокупности представляют единое целое. Поэтому параметр М для рифмующейся пары строк может быть получен как среднее значение параметров для первой строки М1 и второй М2. Например, для рифмы у *окна — прогнал*:

$$М1 = \frac{4+0}{2} = 2; \quad М2 = \frac{5+1}{2} = 3; \quad М = \frac{2+3}{2} = 2{,}5.$$

Отклонение созвучия от точного

Эта часть измерительной процедуры должна быть проработана особенно тщательно, ибо, по мнению большинства исследователей, именно степень отклонения созвучия от точности (на различных этапах) и есть основная цель, преследуемая эволюцией рифмы. Поэтому при измерении отклонения от точности нельзя довольствоваться, допустим, простым подсчетом числа несовпадающих неидентичных фонем в пределах созвучия, а надо придать этим несовпадениям какие-то «веса», отвечающие значимости этих несовпадений для восприятия [10].

Совокупность фонем одной строки, входящих в созвучие, может отличаться от совокупности фонем другой строки:

1) качественным составом фонем;

2) порядком расположения фонем;

3) вкраплением в созвучие фонем, не имеющих пар (при «вертикальном» сопоставлении), т. е. разрывами созвучия.

Проанализируем эти три вида отклонений от точности.

Анализ можно начать с согласных, так как различия между ними представляют один из наиболее частых видов отклонений.

Различия между идентичными фонемами естественно положить в основание нашей системы «весов», придав каждому такому различию единичный вес.

Придав единичный вес — один балл — такой замене значения одного дифференциального признака, было бы последовательным различия между любыми двумя согласными измерять числом различающихся у них признаков. Именно это предложено С. М. Толстой (Толстая 1966). Однако, такая процедура, помимо чрезвычайной трудоемкости, была бы неоправдана в своей скрупулезности (во всяком случае, для наших целей). Дело в том, что различие, скажем, в шесть дифференциальных признаков отнюдь не обязательно вдвое сильнее в восприятии, чем различие в три признака. Поэтому мы сочли целесообразным усреднить различия между всеми согласными фонемами [11], в результате чего получили среднее значение различия между ними 3,1 признака. Учитывая, что замещаются чаще все-таки более близкие фонемы, целесообразно несколько уменьшить эту величину и оценить различие между согласными в 3 балла.

---

[10] Напомним, что под точностью здесь понимается максимальная «абсолютная» точность, некий предел, из которого можно получить все виды так называемых «точных» рифм различных исторических периодов. (Шепелева, Петров 1980).

[11] Пользуясь системой, содержащей 9 дифференциальных признаков (Панов 1967), из которых согласные различаются по значениям 7 признаков, получаем: различия в 1 признак характеризуют 63 пары фонем, в 2 признака — 30 пар, в 3 признака — 166 пар, в 4 признака — 126 пар, в 5 признаков — 57 пар, в 6 признаков — 17 пар и в 7 признаков — 2 пары фонем.

При таком размахе используемых нами градаций отклонений следует придать какой-то вес, несколько меньший единицы, и такому отклонению как различия в написании при одинаковом звучании (например, в случае оглушения звонких согласных, рифмы типа *труб — трупп*). Считая, что визуальный и звуковой момент при восприятии таких созвучий примерно равноправны, припишем подобным отклонениям вес 0,5 балла. Теперь мена идентичных согласных будет оценена в 1,5 балла, а мена неидентичных согласных — в 3,5 балла. Внедрение новой согласной — образование разрыва в одну согласную фонему — получает оценку 3,5 балла (специфичность звучания + визуальное отклонение).

Для гласных справедливы аналогичные рассуждения. Различиям в написании при одинаковом звучании (внутри групп безударных, см. выше) логично приписать также вес 0,5 балла.

Различия между безударными гласными оцениваются также, как различия между идентичными согласными, т. е. в 1 балл. Их мена (с учетом визуального отклонения) — в 1,5 балла. Внедрение же безударной гласной добавляет созвучию, искажая его структуру, новый слог; это качество можно считать эквивалентным появлению дополнительного признака с весом в 1 балл. Тогда внедрению безударной фонемы будет соответствовать оценка в 2,5 балла (1 — специфичность звучания +1 — искажение слоговой структуры +0,5 — визуальное отклонение).

Наконец, ударная гласная отличается в среднем от ударной гласной на 1,8 признака. Округлив эту величину до 2 баллов, прибавив 1 балл за очень существенную характеристику — ударность, примем за оценку для мены ударных гласных 4,5 балла (2 — специфичность звучания +1 — отмена одного ударения +1 — введение другого ударения +0,5 — визуальное отклонение). Внедрение ударной гласной получает оценку в 5 баллов: 2 балла — специфичность звучания +1 — введение ударения +0,5 — визуальное отклонение +1,5 — изменение слого силовой структуры (более сильное, чем в случае с внедрением безударной гласной).

Различия между безударной и ударной гласными (в случаях, где оно складывается из силового и воспринимаемого качественного различий) можно оценить в 1,5 балла (меньше, чем различия между ударными, но больше, чем различия между безударными гласными). Тогда мена ударной и безударной гласной получит оценку 2,5 балла (1,5+1 балл за появление (отмену) ударения, или 3 балла (при наличии визуальных отклонений).

Остается определить все изменения порядка следования фонем в созвучии. Такие изменения можно считать (конечно, условно) эквивалентными введению еще одного отличительного признака и, следовательно, оценивать их в 1 балл. Такой же вес припишем изменению длительности согласной.

Таким образом, нами введены два вида оценок отклонений созвучия от точности: первичные и производные от них. К первым

относятся оценки визуальных различий, изменения слого-силовой структуры, изменения порядка следования фонем, специфичности звучания фонем. Вторые складываются из таких базисных оценок, образуя определенную иерархию.

Пользуясь построенной шкалой отклонений, можно просуммировать все их виды для данной рифмы и получить степень отклонения рифменного созвучия от точного. Например, для рифмы *радуг* — бесп*орядок* (П. Антокольский) отклонение от точности равно 3,5 баллам: 1 — мена ‹р — р'› + 0,5 — визуальное различие *а* — *я* + 1,5 — мена идентичных безударных ‹у — о› + 0,5 — визуальное различие *г* — *к*.

Перечислим все названные виды отклонений от точности.

I группа оценок

0,5 — факт визуального различия при одинаковом звучании сопоставляемой пары фонем

1,0 — специфичность звучания идентичных фонем
изменение длительности согласной
изменение порядка следования фонем
отмена (появление) ударения
изменение слого-силовой структуры при появлении безударной гласной

1,5 — изменение слого-силовой структуры при появлении ударной гласной
различие в звучании между безударной и ударной гласными

2,0 — специфичность звучания ударной гласной

3,0 — специфичность звучания согласной.

II группа оценок

1,5 — мена идентичных безударных гласных
мена идентичных согласных

2,5 — внедрение безударной гласной
мена ударной и безударной гласных без визуальных отклонений

3,0 — мена ударной и безударной гласных при наличии визуальных отклонений

3,5 — внедрение согласной
мена неидентичных согласных

4,5 — мена ударных гласных

5,0 — внедрение ударной гласной

Построенное описание основных эволюционных параметров русской рифмы (местоположения, богатства и степени отклонения созвучия от точного), приложенное к соответствующему статистическому материалу, может быть полезным при решении дискуссионных вопросов о существовании у процесса рифменной эволюции целостных тенденций типа «интегральной деканонизации», «полевения», «монотонности» или периодичности этих тенденций, а также ряда других спорных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Брик О. М. Звуковые повторы. — Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919.

Гончаров Б. П. Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., Наука, 1973.

Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. — В кн.: *Жирмунский В.* Теория стиха. Л., Советский писатель, 1975.

Кондратов А. М. Статистика типов русской рифмы. — ВЯ, 1963, № 6.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., Высшая школа, 1979.

Самойлов Д. С. Книга о русской рифме. М., Художественная литература, 1973.

Толстая С. М. О фонологии рифмы. — Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 181. Тарту, 1966.

Томашевский Б. В. Стих и язык. М.—Л., Гослитиздат, 1959.

Шалыгин А. Теория словесности. Пг., 1916.

Шепелева С. Н., Петров В. М. К проблеме описания эволюционных параметров русской рифмы. — Проблемы структурной лингвистики 1978. М., Наука, 1980.

Н. А. КОЖЕВНИКОВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Звуковая организация стиха представляет собой иерархию звуковых повторов разной значимости и глубины. Звуковые повторы, которые изучал О. Брик [1], представляют собой разные явления: они или отражают звуковое строение строки вне зависимости от ее членения на слова, или связывают определенные слова. Этот тип повторов в свою очередь распадается на две группы: слова одной группы независимы друг от друга — они могут относиться к разным предложениям, стоять на стыке строф и т. п. Слова второй группы синтаксически связаны: Родился в *тесных* и *стенах*; *Взор* покраснел, как *зарево* заката (Л.) и т. д.

Оба типа звуковых повторов, связывающих слова, включают в себя слова определенного строения, которое применительно к паронимии — смысловому сближению близкозвучных слов — описано в работе В. П. Григорьева «Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в.» [2]. В дальнейшем повторы такого типа

[1] *Брик О.* Звуковые повторы. — В кн.: Поэтика, I—II. Пг., 1919, с. 58—98.

[2] *Григорьев В. П.* Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. — В кн.: Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. Калинин, 1975, с. 131—164. — В дальнейшем используются положения этой статьи.

будут называться глубокими аллитерациями, чтобы термин «пароним» не вызывал представления о паронимических, смысловых связях между ними.

Два типа отношений между словами, объединенными в строке или рядом стоящих строках, отражают две разные тенденции — с одной стороны, сближение рядом стоящих слов на основе звуковой близости, с другой — звуковое сближение слов, связанных по смыслу. Именно эта вторая позиция особенно существенна, так как в ней звуковое сближение слов — потенциально и реально — может свидетельствовать о возникновении нового явления — семантизации звука.

Обычно при изучении звуковых повторов речь идет о строке или соседних строках, в то время как это только одна из возможных позиций. Кроме повторов в строке, часто встречаются рассеянные, дистантные повторы, которые, образуя пары и ряды, могут становиться звуковым лейтмотивом стихотворения или одним из сквозных звуковых рядов.

Этот способ организации стиха, почти не привлекавший внимания исследователей, встречается в стихах самых разных поэтов XVIII—XX вв. — вне зависимости от школ и направлений. Как относительно последовательный прием организации текста дистантный повтор применяется уже у Тредиаковского и Ломоносова, у которых нетрудно найти и большое количество перекликающихся глубоких аллитераций в строке или в соседних строках.

Одна из разновидностей рассеянного повтора — слова, связанные смысловыми связями. Оторванные друг от друга слова соотносятся как субъект и предикат: *волк—поволок*, *скворушка—верещит* (Кр.), *поэт—поет* (П.), *оборотень—бродит* (Мей), *пальмы—зноем палимы*, *скала—склонилась* (Л.); сказуемые при разных подлежащих: То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он *трубит*!. . . Увертлив наш Комар, да он же и не *трусит*! . . . Лев голову крутит, Лев гривою *трясет* (Кр.), В церкви Спаса они *братовались*; Два могучие бои *побранились*; С того времени он, тоскуя, *бродит* (П.).

Иногда общностью звукового состава объединены обозначения одного и того же лица: *крестьяне—странники* (Н.), *работник—батрак* (Кр.), *великан* — как *волк* (Ж.), *колодник—колдун* (Гоголь), *варяги—враги* (А. Т.). Звуковой близостью связаны определение и определяемое: *чумаки—чумазые* (Кольцов), *демон—надменный* (Л.)

Таких случаев сравнительно мало, в то время как рассеянные повторы, не связанные смысловыми связями, — явление широко распространенное.

Синтаксически связанные пары и слова, объединенные звуковой близостью, могут находиться в небольших отрезках текста: Вот сошла — и у *канавы* На обломки серой лавы Ставит *кованый*

кувшин (Пол.), И долго *кованый кувшин* Волною *звонкой* наполняла (П.), Так няня в лес ребенка заведет И спрячется сама за *куст* высокий; Встревоженный, он ищет и зовет, И мечется в *тоске жестокой* (Н.), *Весенний* день глядел в окно так *весел*. *Висела* пара форменных штанов с мундиром купно через спинку кресел (А. Т.).

В пары и в ряды могут быть включены все слова — и полнозначные и служебные, и апеллятивы, и собственные имена. Служебные слова, в первую очередь предлоги, могут примыкать к консонантному составу слова — так происходит наращение группы согласных: *Клонит к лени* полдень жгучий (А. Т.), *Впереди*, как бы *в параде* (Мятлев), Лишились всей *красы* и брошены на двор, *Как сор* (Кр.), И *в зрелых* жатвах круговины Глубоко *врезали* серпы (Ф.).

К консонантному составу слова могут быть присоединены не не только предлоги, но и полнозначные короткие слова: И глаз, что скрывает на дне *Тот ржавый* колючий веночек В *тревожной* своей тишине (Ахм.), *Так резко*-сух снотворный и *трескучий* Кузнечиков неугомонный звон (Ф.).

В рядах повторяется та же картина: *на свете*, *с виду*, *виденье*, *видел*. . . *деву*, *ни святому*, *проводил*, *пресвятой*, *не ведал* (П. Жил на свете рыцарь бедный), *дум*, *демон*, *пред ними*, *подымал* (П. В начале жизни).

У поэтов XVIII—XIX вв. встречаются синтаксически связанные глубокие аллитерации вокалического и метатетического типа: вослед за *скорыми кормами*, в защиту *дружеских держав*, *бугристы берега* (Лом.), Сильный где, храбрый, быстрый *Суворов*? *Северны* громы в гробе лежат (Д.), Меня твой *престол* не *прельстит*; *проворный* вороненок (Ж.), *Гнием* он и *гнется* от бурь и дождей; Как *Ариадна*, *преданная* гневу (Л.), *Негодуя*, *гудя* и на бой созывая (А. Т.), *Покорны* солнечным лучам, Так сходят *корни* в глубь могилы; без *клятв* и *клеветы* ребячески невинной; *глаза* твои *газелы* (Ф.), То *брезжит* тихою звездой, То *брызжет* молнией огнистой (Майков) и т. п.

Некоторые глубокие аллитерации у поэтов XIX в. явственно перекликаются с подобными же парами, получившими распространение в поэзии символистов, которые предваряют развитие паронимии в XX в.: в *голубой глубине* Средиземного моря (Ж.), Все желтые *скелеты* веселятся Без глаз, без щек, без носа, без ушей, И *скалят* зубы (Ф.), Чем *дерево дворянское древней*, Тем именитее, почетней дворянин (Н.). В поле зрения поэтов попадают не только вокалический и метатетический типы созвучий, но и, хотя и чрезвычайно редко, их консонантный тип, связанный с меной начального или конечного согласного: Только что *пан* окровавленный *Пал* головой на седло (Н.), или согласного в середине слова: Как их брови *соболины*, Полный искр *соколий*

взгляд (Д.). . . . Бровь черная у *соболя*, У соболя сибирского, У *сокола* глаза (Н.).

«Паронимическое гнездо» (В. П. Григорьев) можно представить себе в виде иерархии, которая создается переходами от двухконсонантной группы («корня») к трехконсонантной, от трехконсонантной к четырехконсонантной и т. д. Наиболее активны трехконсонантные группы, к которым тяготеют и двухконсонантные и четырехконсонантные группы.

Появление нового согласного влечет за собой появление нового ряда слов: *лань*, *луна*, *лень*, *олень*, *лоно*, *лунь*, *улан*, *нуль* — *клен*, *слон*, *плен*, *тлен*, *глина*, *долина*, *волна* и т. п. Место согласного не закреплено: он может стоять и в начале или в конце слова, он может стоять и в середине слова, между двумя совпадающими согласными. Двух-, трех- и четырехконсонантные слова постоянно взаимодействуют друг с другом, в результате чего один, а иногда и два согласных не имеют соответствия. Если «лишний» согласный стоит в начале или конце слова, он представляет собой «остаточный аффикс». Если согласный стоит между совпадающими согласными, возникают пары слов эпентетического типа: Забыл он свою *мастерскую*, Свою *Богоматерь* забыл (А. Т.).

Наращения согласных в одном сочетании соответствуют вставке согласных в другом: А *скала* таким протяжным стоном жалобно *сказалась* (Пол.), ср.: по крутым *скалам скользить* (П.), Схожу, *скользя*, уступом *скользких скал* (Бл.).

Эпентетический тип сочетаний — следствие свободного передвижения согласных, то есть своеобразная разновидность метатетического типа. Пары слов, которые в одном тексте представляют собой эпентетический тип, в другом тексте могут иметь полную пару с метатезой согласного: *печаль—полночь*, *печальный—полночный*, ср.: моя *печаль* в *полночной* дали (Сологуб), Обряд *печальный* свершая в *полуночный* час (Т.).

Некоторые группы согласных последовательно включаются в сочетания эпентетического типа. Это группы *ч-т/ч-с-т*, *к-р-т/к-р-с-т*, *п-р-т/п-р-с-т*: В *корыте* много ль *корысти*? (П.), *корысть* себя личиной дружбы *кроет* (Кр.), *перекресток*, где *раскитка* (Ф.), Южный *Крест*, загадочный и *кроткий* (Бунин); *почетом* и *честью* (Мей), С сердцами *чистыми*, как месяц полуночи, С душою *чуткою*, как пенье вещих муз (Ф.); *прости*, *приют* уединенный (П.).

Пары с другими группами согласных встречаются сравнительно редко. Например, *г-д/г-р-д*: *Грядущие годы* таятся во мгле (П.), *г-р-д/г-р-м-д*: Темной и сонной, но чутко уснувшею каменной *грудой* На небе облачном еле виднелась *громада* собора (Мей), *г-р-т/г-р-м-т*: У неостывшего гнезда Ночная песнь *гремит* и тает. О, погляди, как та звезда *Горит*, *горит* и потухает (Ф.), *г-р-д/г-р-з-д*: *груда* кудрявых *груздей* (Майков), *г-р-м-д/г-р-м-з-д*: *громады* скал *нагромоздить* (Л.).

Некоторые группы согласных, включающиеся в пары эпентетического типа, сочетаются с очень ограниченным количеством слов. Немногочисленны и четырех-, и двухконсонантные слова: *л-к/л-с-к*: но *ласкающий лик* был луной озарен (Брюсов); *с-к-л/с-к-к-л*: Как часто по *скалам* Кавказа Она Ленорой, при луне, Со мной *скакала* на коне (П.); *с-к-л/с-т-к-л*: Как из *стекла* литые, пдут бугры волны, По ним *скользит*, колышется медуза (Бунин).

Слова с двухконсонантными группами сочетаются со словами с тремя или четырьмя согласными, при этом одни и те же двухконсонантные слова обращены к словам с разными трехконсонантными группами: *л-н/т-л-н*, *б-л-н*, *в-л-н*: Гуляет *вольная луна* (П.), Все под *луною* тленно (Ж.), *убеленные луной* (Т.). Соответственно одни и те же трехконсонантные группы обращены к разным двухконсонантным группам: *в-л-с/л-в/л-с*: И *весел лес* своей младой одеждой (Бар.), *Власы* ее как черный *лес*; *слово* барской *воли* (П.); *в-л-н/в-л*, *л-н*: *выли* огненные *волны* (Яз.), *лоно волн* (П.).

Одни и те же трехконсонантные группы соотносятся с несколькими разными четырехконсонантными группами: *с-т-к/к-р-с-т-с-т-к-л*. Четырех- и пятиконсонантные группы располагают еще большими возможностями, чем трехконсонантные, так как они соотносятся и с разными трехконсонантными, и с двухконсонантными группами.

Многоконсонантное слово приобретает соответствия, в которых его консонантный состав отражается по-разному: *тусклое стекло* (Л.), *Стакан*, кипящий белой пеной, И *стук* блестящего стекла (П.), То *стеклянная стена* О *скалы* раздроблена (Языков), Мне нужен *талый* снег под желтизной огня, Сквозь потное *стекло* светящего *устало* (Ан.).

Помимо сочетаний, в которых состав согласных совпадает, встречается множество сочетаний, которые характеризуются своеобразными отношениями согласных: слову с глухим/глухими согласными соответствует слово со звонким/звонкими согласными.

Гласные в обоих словах могут совпадать: *Терзать* да не *дерзнет* Борей; Рок *кровью* присудил лице земли *багровить* (Лом.), Мне *бремени* сегодня ни снесть, ни *применить* (Тр.), *Неспоры сборы* (Бар.), *Утюжат* Прова *дюжего* (Н.), *гривастая кривая* (Цветаева), *шлюзы жалюзи* (Пастернак). Они стоят в одном ряду с сочетаниями, которые характеризуются меной согласных, не противопоставленных по звонкости—глухости: *Мраз сразит*; *Отравы нрав* свой чему злый не сообщает; Но и *времен* дивна не меньше есть *премена* (Тр.), *благоприятны влаги* (Лом.), *Машин* и *башен* сам строитель; *Славой* шумные *главы* (Д.).

Подавляющее большинство сочетаний, встречающихся в поэзии, характеризуется не только изменением согласных, но и изменением гласных. По этому принципу слова объединяются и в обыденной речи: *голос ласковый*, *глаза ласковые*, *отворить дверь*, *брить бороду* и т. п. В поэтической речи множество сочетаний

такого типа: Вулкан *растворил* слоновые створчаты *двери* (Тр.), Мой *голос* для тебя и *ласковый* и томный (П.); Слышу ли *голос* твой Звонкий и *ласковый* (Л.) и т. д.

Сочетаются слова, содержащие свистящие (*з*, *с*, *ц*), шипящие (*ш*, *ч*, *щ*, *ж*), заднеязычные (*г*, *к*, *х*) и *б/п*, *д/т*, сочетания слов с *в/ф* чрезвычайно редки [3].

Группа опорных согласных существует в разных вариантах: глухом, звонком и смешанных, количество которых зависит от количества и качества согласных: *т-м-н*, *д-м-н*; *м-л-т*, *м-л-д*; *к-л-н*, *г-л-н*, *х-л-н*; *м-г-л*, *м-к-л*, *м-х-л*; *к-р-м*, *г-р-м*, *х-р-м*; *п-л-т*, *п-л-д*, *б-л-т*, *б-л-д*; *п-л-ч*, *п-л-щ*, *п-л-ш*, *п-л-ж*, *б-л-ч*, *б-л-щ*, *б-л-ж*, *б-л-ш*.

Наиболее активны слова с тремя опорными согласными, возникшие на основе двухконсонантных групп, которые сами по себе обладают малой активностью, но приобретают ее потому, что входят в трехконсонантные созвучия. Слово с каждым из вариантов определенного квазикорня способно вступать в сочетание с тем же вариантом «корня» (с тем же набором согласных) — при всех возможных вариантах их порядка, и со словами, содержащими любой из вариантов квазикорня, также при всех возможных вариантах их порядка. Возникают приблизительные и размытые созвучия, которые встречаются чаще, чем чистые глубокие аллитерации.

л-т/л-д: *лютых* от меча *людей* (Тр.), *телом оделись* (П.), о, *дали* лунно-*талые* (Ан.), *литии* медовый *ладан* (Ес.).

в-л-т/в-л-д/ф-л-т: не *видел* он, *воитель* дивный (Т.), иль в урну хладную вращая *водолей Валит* шумящий дождь (Бат.), при рассеянном повторе: Славная *флейта*, Феон, здесь лежит — Славил и *Ватала* он, молодого красавца (П.).

с-л-т/с-л-д/з-л-т/з-л-д/ц-л-т: Горы *золота сулит* (П.), Но что же вдруг тебя волнует, Твой сон ласкает и *целует* И *золотит* твои мечты? (Т.), Край полы у *султана целует*; *Вползет* окровавленное *злодейство*, И руку будет мне *лизать* (П.).

к-л-т/к-л-д/г-л-т/г-л-д/х-л-т/х-л-д: *Телега раскатилась*; Коня *толкает* взад (Кр.), Между тем, как он *далеко* Бьется *долго* и жестоко; *Долго* ль мне *гулять* на свете: *Кладезь холодный* Иссяк и засохнул в пустыне безводной (П.), *Глотает хладную* струю (Бар.), Да и свой-то *клад* девичий Нынче ночью *прогадала* (Мей), Как *кладбище*, усеян сад В берез *изгложданные* кости (Ес.).

п-л-т/п-л-д/б-л-т/б-л-д: Для моего чела венец *плетут Плеяды* (Пол.), Уже *полдневная* пора *Палит* отвесными лучами (Т.), как стая *лебедей*, *Белеют* корабли (Бат.), И над *болотом*, меж кустов, Огни *блудящие* спешат Укрыться от дневных огней (Л.), А над

[3] Сходным образом сгруппированы согласные в статье: *Шаламов В. Т.* Звуковой повтор — поиск смысла. — В кн.: Семиотика и информатика. М., 1976, вып. 7, с. 135.

болотом проклятый звонарь Бил и *будил* колокольную медь (Бл.), *Болтунья* старая, затем она, подъемля крик нахальный, *Плодит* в полемике журнальной. . . (Бар.).

р-т/р-д: в *рядах* отечественной *рати* (Т.), *рать—орда* крестьянская (Н.)

в-р-т/в-р-д/ф-р-т: *возвратиться безвредно* (Ж.), Тебе б *вредить* ни зной, ни *ветры* не могли; На укоризны мы *Фортуне тароваты* (Кр.), *Ветер* свищет и *ревет* и с коляски *фартук рвет* (Мятлев), Поросли *дворы травой* (Л.). Часто связываются слова *ветер, трава, дерево*.

м-р-т/м-р-д: под *миртом изумрудным* (Л.), Где *дремлют мертвые* в торжественном покое (П.), Великолепные, *бессмертные громады* (Бар.).

г-р-т/г-р-д/к-р-т/к-р-д: Он *грядет*, уже алтарь *горит* (Ж.), *Стерегут* его *недруги* злые; *Терек играет* в свирепом веселье; и *кедров гордые* вершины (П.), Хлебных *скирд* золотоверхий *град* (Бар.), *кудри виноградных* лоз (Л.), за *грядой* ее *крутою* (Ф.), Осенний холод ласково и *кротко Крадется* мглой к овсяному двору (Ес.).

р-с/р-з/р-ц: *русская роза* (П.), *росой обрызганный* душистой (Л.), *царица-роза* (Ф.).

к-р-с/к-р-з/г-р-з: *Гусару* дева молодая Уже *покорствует* во всем (Бар.), Великость, слава, *красота*. . . Все стало бедной *горстью* праха (Ж.), *Горстьми* златых затонов Мы окропим твой *крест* (Ес.), Дорогой на скалу, где *грезит крест* литой Над просветленною страданьем *красотой* (Ан.), О, если б эта *грусть* могла пройти порывом, Как в теплую весну пролетная *гроза* (А. Т.), и *гроздья* полные на них, *Серег* подобье дорогих (Л.).

п-р-с/п-р-з/б-р-с/б-р-з. Сочетание Пушкина «презренная проза» соотносится с сочетаниями «простая проза» у Жуковского и «пресная проза» у Вяземского. Слова *презренье, проза, праздный, простой, пестрый* сочетаются у Пушкина в разных комбинациях: *презреньем, просьбами*, тоской; И Фебовы *презрев* угрозы, Унижусь до смиренной *прозы*; Нас мало избранных, счастливцев *праздных*, Пренебрегающих *презренной* пользой; Нива *праздно перезрела*; Извольте мне *простить* ненужный *прозаизм*; Тьфу, *прозаические* бредни, фламандской школы *пестрый* сор и т. д.; ср.: Лишь паутины тонкий волос Блестит на *праздной борозде* (Т.).

в-с/в-з: Хоть *высоко*, но ты на *привязи* летаешь (Кр.), Фонтан на *воздухе повис* (Т.).

с-в-т/з-в-т/с-в-д/з-вд/цв-т: с голубого *своду* Нездешним *светом* веет нам (Т.), *заветная святыня* (Ж., Ф.), *цвет завета* (Ж.), Коснулся *высоты заветной*; Небесный *свод*, горящий славой *звездной*; Чуткие *звезды* глядят с *высоты* (Т.), И в этих *заводях* огонь Весенних *светит* облаков; С *воздушной высоты*; Раздражал я *воздух свистом* (Ф.).

в-с-н/в-з-н/в-н-ц: *Венцем* зеленым *увязенна* (Лом.), *Свинец* врага в его *вонзился* грудь (П.), *Весны венцом* венчалось лето (Д.).

к-л-н/г-л-н/х-л-н: Ты не *гнула* крепкой выи В бедовой твоей судьбе: Разве пасынки России Не *поклонятся* тебе! (Ф. Глинка), У *Гальяни* иль *Кольони* (П.), Все, что *кануло* и *сгинуло* (Н.), К решеткам *хлынули каналы* (П.), *Гнала* и буйного *нахала* (Т.).

к-л-к/г-л-к/г-л-х: *колокольчик* наш *заглох* (Вяз.).

к-л-с/г-л-с/х-л-с/к-л-з/г-л-з/х-л-з/к-л-ц/г-л-ц/х-л-ц: *глаза погасли* (Пол.), *Глаз* свое выделывал, Вертелся *колесом* (Н.), Услышишь *горниц* воркованье И *Гальционы* тихий *глас* (Бат.), сивого *сокола* там *заколола* (П.), *Искала* слов, не находила, И *сохла*, *сохла* с каждым днем (Т.), На языке легка и *ласка*, и *услуга* (Кр.).

к-л-в/к-л-ф/г-л-в/г-л-ф/х-л-в/х-л-ф: *Хвалу* и *клевету* приемли равнодушно; Ворон стал *клевать* да *похваливать* (П.), Ты залила б, как *влагою* целебной, *Волкан* стихии грозной и слепой (Ап. Григорьев).

к-р-м/г-р-м/х-р-м: во *мраке храма*; И *хмурится угрюмо* в облаках; В *померкшей* комнате твоей Врачи *угрюмые* шептались (П.), Чу, за тучей *прогремело*, *Принахмурилась* земля (Т.), Так *храм* оставленный — все *храм*, *Кумир* поверженный — все бог (Л.), *угрюмая каморка* (Н.).

р-п/р-б: И *ропщет бор* (П.), *к-п/к-б*: *громокипящий кубок* (Т.).

к-р-п/к-р-б/г-р-б/г-р-п/х-р-п/х-р-б: И *гроб* безвременный любовь *кропит* слезой (Ж.), Ни чьей слезой Забвенный *прах* не *окропится* (Бат.), *Покрыты* пламенем и *прахом* (П.), мой *прах непогребенный* (П.), Мрамор *гробницы* его — В *скорбной* толпе *кипарисов* (Бунин), Где мой насущный хлеб Слезами *скорби* не *кропился* (Бат.).

п-т/п-д/б-т/б-д: всю *бедность бытия* (Бат.), на *перепутьи бытия* (Бар.), *путь опыта* и *бед* (Ж.), крылами *бьет беда* (Бл.), *копыты*, *хоботы кривые* (П.).

б-с/п-с: Не *пес*, а *бес* четвероногий (Т.), Лукавый *бес опасен* (Ж.), Мы это *басней поясним* (Кр.).

л-с/л-з/л-ц: Он *сеял зло* без наслажденья (Л.), Все упорнее *усилья*, Все *назойливее зло* (Т.), *лес*, подняв *лицо*, пел вместе с лугом (Заболоцкий).

к-р-л/г-р-л/х-р-л: И рубяся, *корились*, *ругались* (А. Т.), *Крылышками* движешь, трепещешь, Колокольчиком в *горлышке* бьешь (Д.).

б-л/п-л: *обильные поля* (Лом.), В *белом поле был пепельный бал* (Ан.), *п-л-м/б-л-м*: *Колеблемы* вихрем и зноем *палимы* (Л.); *п-л-н/б-л-н*: Оно — тяжелый бред души твоей *больной* Иль *пленной* мысли раздраженье (Л.), Меня *пленяет* вихорь *бальный* (Ф.).

к-н/к-н: *окна* ее, как *огни* (Ж.); *к-н-т/г-н-т/х-н-т*: *Донага* всего его раздели, *Атаганом* ему кожу вспороли (П.), *закинутый хитон* (Ф.).

Большую группу слов организуют согласные, в состав которых входят шипящие: при сравнительно небольшом количестве сочетаний с двухконсонантными группами довольно значительно количество трехконсонантных созвучий. Двухконсонантные группы осложняются согласными *л* и *р*.

в-ш/в-ч/в-ж/в-щ: *вещает свыше* к Моисею; Я *вижу вечну* красоту (Лом.), *Свежа*, как *вешняя* заря (П.); *в-р-ш/в-р-ч/в-р-ж/в-р-щ*: А сам *ворчал*, сердясь не в меру: «Занес же *вражий* дух меня На распроклятую квартеру!» (П.), *Вчера*, в мечтах *обвороженных* (Т.).

к-ч/к-ш/к-щ/к-ж: Средь *некошеной* травы, Головой *качая* (А. Т.).

к-л-ч/к-л-ж/к-л-щ/к-л-ш: *Колчан* и лук, *кинжал* грузинский (П.), Вот мигновал он *колючий* плетень; Видит на сакле *колышется* тень (Пол.), Какой же *колокольчик* я сорвала! Лазоревый, а *жилки* Как *шелковинка* аленькая (Мей), *Клячи* с *поклажею* топали (Ес.).

к-р-ш/к-р-щ/к-р-ж/к-р-ч/г-р-ш/г-р-щ/г-р-ж/г-р-ч: У! как теперь *окружена Крещенским* холодом она! (П.), И *кричит* он, и ликует, И *кружится* все над ней (Т.), Доколе *коршуну кружить*? (Бл.), Над *крышей* летая, *кричат* молодые *грачи* (Н.), *горшок горячих* щей (Д.).

л-ч/л-ш/л-ж/л-щ: *ложные лучи* (Лом.), *лежали лучи* у наших ног (Ф.), *Ложи блещут* (П.); *с-л-ж/с-л-ш*: *Служителя* не *слишком* дорогого (П.); *м-л-ж/ж-л-ч*: Сероглаз был высокий *мальчик*, На полгода меня *моложе* (Ахм.).

м-ч/м-ш/м-ж/м-щ: о *мщенье помышляю* (П.), *Мечи* гремят в десницах *мощных* (Ж.), Чтоб *мечте невозможной помочь* (Ф.), Клейменный *мощною чумою*; И хладно руку *жмет чуме* (П.), *Сжимает* грудь и *возмущает* чувство (А. Т.), Бурь порыв *мятежный* Рассеял прежние *мечты* (П.).

п-ч/п-ж/п-ш/п-щ/б-ч/б-ж/б-ш: в пучину вод опущена; *Сбежали*, как *бешеные* волки (П.), *Бежишь*, как бы *почуя* (Т.), Даром *божьей пищи* (Л.).

р-ш/р-ж/р-ч/р-щ: *Рыща*, *ржет* на поле конь (Д.), *вооружить* и *речь* и взор; долина с *рощею прибрежной*; *вершины рощ* и волны рек (П.), *Ручьи* текли, не парил зной, И зелень *рощ* сквозила (А. Т.), Ты мои *разрушил чары* (Ахм.).

т-ч/т-ж/т-щ/т-ш/д-ч/д-ж/д-щ/д-ш: за *чудо почитался* (Кр.), Только *чуткой чудится* лилее (Пол.), *тяжкой тучей*; *Дичится* знатных и не *тужит* (П.), *Дышать* под сумраком дубравной *тишиной* (Ж.), *в душистой тиши* (Ахм.), И стали от *дождя душистей* (Кр.), Лишь молча *точит* свой дурман Да *тушит* черные наплывы (Ан.), Да голос мой *душе* твоей Дарует то же *утешенье*, Да озарит он *заточенье* Лучом лицейских ясных дней! (П.).

п-р-ш/п-р-ж/п-р-ч/п-р-щ/б-р-ш/б-р-ж/б-р-ч/б-р-щ: Всем домом правила одна *Параша*: *Поручено* ей было счеты весть; *Пружины*

ржавые опять *пришли* в движенье; Осмотрен, вновь обит, *упрочен* Забвенью *брошенный* возок; На берег *выброшен* грозою; Я гимны *прежние* пою (П.), Мы не сердца под *брачными* венцами, Мы *жребии* свои соединим. *Прощай*! (Бар.), И мы уносились, *Обреченные* оба на *ущерб* (Бл.), Нам ли, *брошенным* в пространстве, *Обреченным* умереть, в этом же стих.: Я свободе, как закону, *обручен* (Мандельштам), Ой, *прощайте*, белы птахи, *Прячьтесь*, звери, в терему (Ес.), И, в памяти черной *пошарив*, найдешь До самого локтя *перчатки* (Ахм.). При рассеянном повторе: *Опорожнены* амфоры — *непорочными* лучами (Т.), Я на земле был *брошен* в яркий бал — Я *обречен*. . . (Бл.).

т-р-ж/т-р-ш/т-р-ч/т-р-щ/д-р-ж/д-р-ч/д-р-щ: Поэт! не *дорожи* любовью народной. *Восторженных* похвал пройдет минутный шум; На *стороже* я стою. Только в *очередь* мою (П.); Ее сестры *новорожденный* свет И небесам *восторженный* привет (Бар.), О, капли в ночной тишине, Дремотного духа *трещотка*, *Дрожа* набухают оне И падают мерно и четко (Ан.)

Отмеченная Бриком пара *плач—печаль* встречается уже у Тредиаковского и повторяется у разных поэтов XIX—начала XX в.: *Плач* друзей *печальных* (П.), *Плачет*, *печалится*, молится богу (Н.), Над *печалью* нив твоих *заплачу* (Бл.), Рыдайте и *плачьте*, *печальные* струны (Фофанов). Вторая распространенная пара *печаль—плечи* также встречается не только в поэзии XIX в.: И *печаль* колчан с стрелами Заложила на *плечах* (И. Козлов), Вся в цветах, исполнена *печали*, К *плечу* слегка твоя склонилась голова (Ф.), но и у поэтов XX в.: . . . Склонясь над ней влюбленно и *печально*, Вонзить свой перстень в белое *плечо*! (Бл.), О, как *печален* был одежд ее атлас, И вырез жутко бел среди *наплечий* черных! (Ан.), Вполоборота, о *печаль*, На равнодушных поглядела. Спадая с *плеч*, окаменела Ложноклассическая шаль (Мандельштам).

Других сочетаний, в которые входит один и тот же вариант созвучия, немного: *хлопочет* и. . . *плачется*, *пчела хлопочет* (Кр.), *палач*. . . *хлопочет* (Достоевский), *плющ*, как *плащ* или завеса (Майков); со вставкой согласного: *Причалив*, *плачут* по весне Ночные облака, параллель этой фразе в стих.: *Прочел* ту повесть, что *прошла* Тайком в ее мечтах (Пол.).

Устойчиво сочетаются слова *плащ—плечи*: *Плащ* изорван на *плечах* (Л.), *Плащом* твои *плечи* окутал, ср.: Ты в синий *плащ печально* завернулась (Бл.), *С плащом*, ниспадающим с *плеч* (Цветаева); *плащ—шляпа*: скоро Я *полечу* по улицам знакомым, Усы *плащом* закрыв, а брови шляпой (П.).

Другие смешанные сочетания не имеют столь устойчивого характера: *С палашами* на *плечах*; Играет, *плещется* волною, Хохочет, *плачет*, как дитя (П.), *Пляшут*, *блещут* мотыльки (Ж.), *Печаль*. . . *плещет* (Л.), Но для тех, кто *пляшет* или *плачет* (Пол.), Еще *рукоплещет* в райке глупец, Извозчики *пляшут* вокруг ко-

стров (Мандельштам), *прельщает пчелку* золотую (Бар.), *прощальный плач* (П., Бар.), И на челе *печали* след Судьбы рука *запечатлела* (Бар.).

В поэзии XX в. наряду с сочетаниями с одним вариантом созвучия: *плеща по площадкам*; *сплющивая плащи* тополей и стоков (Пастернак), *площади плещут* (Маяковский), встречаются и размытые сочетания: *пляшут, не плачут* (Цветаева), давно *опочили* в музее те *шляпы* и башмачки (Ахм.), *полночным* куполом *полощущий* (Пастернак).

Пары *плачет—пляшет* и подобные часто встречаются при рассеянном повторе: *Плачет* ребенок — *Пляшет* горбун под луною двурогой (Бл.), Мечется и *плачет*, как дитя больное. В неспокойной люльке, озеро лесное — *Плещутся* русалки (Мей), Брызжет и *плещет*, и дале плывет — *Плачет* и молит, и бьется она (Л.).

Кроме сочетаний с глухими и звонкими согласными, существует еще один, реже встречающийся тип сочетаний: трехконсонантные слова отличаются друг от друга и гласными и начальными согласными. Слова эти концентрируются вокруг нескольких групп согласных:

к-л-н/с-л-н/п-л-н/в-л-н/д-л-н: Где под *влиянием* луны Все *полно* тайн и тишины; И *челны* на *волнах* лелеет (П.), Тихие *домы полны* свежей мглой (Л.), *Волнуясь, хлынули* с равнины (П.);

в-л-ч/м-л-ч/п-л-ч/к-л-ч: *Колокольчик* звонко *плачет* (Вяземский), Озеро *молчит, влача* туманы (Бл.);

к-л-з/п-л-з: *Скользя, ползет* за ворота (П.);

к-в-р/с-в-р: и *коварнее северной* ночи (Бл.), *к-р-в/т-р-в*: по *окровавленной траве* (П.);

м-л-к/б-л-к/к-л-к: Над допотопными лесами *Мелькали* маяки кругом; И дым их то вился столпом, То расстилался *облаками*; И оживился леса; *Скликались* дико голоса Под их зелеными шатрами (Л.);

б-л-д/к-л-д/с-л-д: в *прохладе сладостной* фонтанов; . . . только утолим Сердечный *глад* мгновенным *обладаньем*, Уж, *охладев*, скучаем и томимся (П.);

п-р-с/к-р-с: *просторнее, грустнее* мы сидим (П.), *Преступный* сон под сенью палат, *Корыстный* труд пред тощею лампадой (Л.), Ты *безобразен*. Он *прекрасен* (П.). В стихотворении Ахматовой «Я пришла к поэту в гости» это созвучие скрепляет вторую и третью строки первой строфы: *Воскресенье*. Тихо в комнате *просторной*. Блок, отвечая Ахматовой, повторил это созвучие и усложнил его: «*Красота проста*» — Вам скажут, — *Пестрой* шалью неумело Вы укроете ребенка. . . (ср. И ты *простой* возжаждешь *красоты*).

Изредка сочетаются слова с *б/в*: *облаков* неуловимых *волокнистые* стада (Л.), не *кровельщик*, не *корабельщик* (Мандельштам), *ж/з*: Мог *удержать* смятенье и мятеж; Передо мной они *дрожали* в страхе; Возвысить глас измена не *дерзала* (П.), *р/л*: *замолк* и

засыпает *Померкший* пруд в овраге; *Прямо* смотрю я из времени в вечность И *пламя* твое узнаю, солнце мира (Ф.).

В некоторых гнездах языкового паронимического фонда слова с глухими согласными явно преобладают над словами со звонкими согласными. Эта закономерность отражается и в стихотворной речи.

Соотношение чистых и смешанных сочетаний для разных групп согласных не одинаково. Некоторые группы часто входят в сочетания чистых типов (например, *п-л-т*, *п-р-т*), другие — по преимуществу в сочетания смешанного типа (*з-б-л*, *м-г-л*, *к-л-т*): Прострется *облак благовонный*; Волнистой *облака* грядой тихонько мимо *пробегали*; Героев *полк* за *облаками* (Д.), *Облака благоуханья*; Под ризой *белых облаков* (Ф.), *капля блага* (П.), *в блеске голубом* (П.), и *колыбель* твою *благословить* (А. Т.), *голубой* прозрачный *полог* (Пол.).

Активность группы ограничена возможностями языка. Например, группа согласных *м-г-л* включает в себя слова *могила*, *мгла*, *могла*, *мигала*, которые соответственно входят в сочетания *могильная мгла* (Ж.), Ежели одной моей *могилой Могла* бы я тебя от казни искупить (П.), при рассеянном повторе: *Могильным* голосом урод Бормочет мне любви признанье. . . И между тем она, Руслан, *Мигала* томными глазами (П.). Сочетаний смешанного типа значительно больше: *Сей холм — могила* (Ж.), На *холмах* Грузии лежит ночная *мгла* (П.), Как мотылек, дождем прибитый, Едва *мелькая* в бурной *мгле*; Я схожу к морю сонному, Словно тучками, *мглой* далеких вершин *окаймленному* (Пол.), Зеленое сукно — цвет *малахитов* тины, Весь в пепле туз червей на сломанном *мелке*, ср. в этом же стих.: Вы страшны нежностью *похмелья* (Ан.), Не будь *хамелеоном*, Что по стене *мелькает* вверх и вниз (Бунин).

Гнездо с группой *м-л-д* содержит очень небольшое количество слов; в основном эта группа объединяет иноязычные слова: *медаль*, *модель*, *мелодия*, *миндаль*, *мандолина* и т. п. Чистых словосочетаний с этой группой согласных очень мало: Так *думал молодой* повеса (П.), Дар *молдаванки молодой* (Л.). Чаще встречаются смешанные сочетания *м-л-д/м-л-т*: *Мальтийский* крест и множество *медалей* (А. Т.), *Младая* кровь играет; Смиряй себя *молитвой* и постом (П.).

Переход от одного варианта созвучия к другому — один из принципов организации строки у Пушкина. Многие строки такого типа представляют собой обычные языковые сочетания: *глазами* Ленского *искала*, приехать *завтра* до *рассвета*, своим *приездом поразить*, в ней *сердце* долго не *страдало*; И *усидела* за *столом* и т. п.

У Пушкина слова с одним вариантом созвучия довольно часто разделены менее полным соответствием: Невольно к этим *грустным* берегам Меня влечет неведомая сила. Все здесь напоминает

мне былое И вольной *красной* юности моей Любимую, хоть *горестную* повесть.

На переходах от одного варианта созвучия к другому строятся некоторые строфы «Евгения Онегина»: Теперь у нас дороги плохи, Мосты забытые гниют, На станциях клопы да блохи Заснуть минуты не дают; Трактиров нет. В избе холодной Высокопарный, но голодный Для виду прейскурант висит И тщетный дразнит аппетит, Меж тем как сельские циклопы Перед медлительным огнем Российским лечат молотком Изделье легкое Европы, Благословляя колеи И рвы отеческой земли. Зато зимы порой холодной Езда приятна и легка. Как стих без мысли в песне модной, Дорога зимняя гладка. Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши тройки. И версты, теша праздный взор. В глазах мелькают, как забор.

Почти все слова отрывка имеют близкие или далекие (и с точки зрения звучания, и с точки зрения расстояния) соответствия: *плохи—блохи—циклопы—благословляя; холодной—голодной—холодной—гладка, медлительный—молотком, легкое—колеи—мелькают, минуты—модной—Автомедоны—неутомимы; теперь—перед—приятна, дороги—трактиров—дороги—тройка, на станциях—заснуть, мосты—земли—зимы—мысли—зимняя. высокопарный. . . прейскурант—праздный—забор, тщетный—теша, зато—езда, версты—взор.*

Слова, которые не имеют соответствия в отрывке, имеют их за его пределами: слова *дразнит, для виду* соотносятся с предшествующим текстом: *Раздвинем* горы, под водой Пророем *дерзостный своды*, И *заведет* крещеный мир На каждой станции трактир. Если сравнить этот отрывок с черновым вариантом, видно, как возникают эти непрерывные переходы от одного варианта созвучия к другому:

Хвастливый прейскурант висит (уединенный, коварный)
И тщетно дразнит аппетит
Покамест сельские циклопы По рву иль под крутым м(осто)м
Российским лечат молотком Изделье легкое Европы Благословляя
колеи
И рвы отеческой земли.

Слова, не имевшие звуковых соответствий в первоначальном варианте, приобретают их (*молотком—медлительным, прейскурант висит—высокопарный* и т. п.). Одновременно сгустки рассредоточиваются, и те созвучия, которые первоначально были выдвинуты в центр *покамест—мостом—земли—зимняя—мысли—музы* — перемещаются на периферию.

На чередовании слов с глухими и звонкими согласными строятся пары и ряды и у других поэтов: *Труба* пастушья *поутру* Еще не пела звонко, И в завитках еще в *бору* Был *папоротник* тонкий (А. Т.). На переходах из одной тональности в другую основан звуковой эффект лермонтовской «Русалки», который создают

не только переливающиеся друг в друга плавные: *плыла. полной луной, доплеснуть, пену волны, пела*, но и цепочка: *голубой. колебала, облака.* пары *крутясь—крутых*, которым в следующей строфе соответствуют: *играют—города*; ср. *берегов—рыбок.*

Разные варианты созвучия могут чередоваться друг с другом, объединяться в пары, которые сменяют друг друга, иметь кольцевое расположение: . . .Дымится свиток и *сгорает*, И огнь. *сокрытый* и глухой, Слова и *строки* пожирает, Так *грустно* тлится жизнь моя. . . (Т.).

Сочетаемость отдельных слов отражает вариативность согласных. Такие сочетания, как: *Дымятся* серым дымом *домы* (Д.), легкими кольцами *дым подымался* (Ж.), с одной стороны, и такие, как: *В туманном* отдаленье *темно, смутно* являлося минувшее ему (Л.), *молителен* и жгуч был *темный* воздух (Ф.), — с другой, существуют на фоне сочетаний иного рода: *туманный дым* (Ж.), *дым* сольется с *темнотой* (Т.), *дымятся* спине *туманы* (П.). за *дымкою туманной* (Ф.).

Слово *дума* сочетается со словами *смутная, мятежная, томиться*: Сидел, *томясь* привычной *думой*; *томительная дума* (П.), тревогу. *смутных дум* устроить; в *задумчивости томной*; *мятежной думы* полный (Бар.), и *смутился* тогда *думой* крепкою (Л.).

Демон попадает то в соседство со звонкими согласными: *надменный* (Л.). *надоумил* (Ж.), *дым*: есть *демон* утра. *Дымно*-светел он (Бл.), — то в соседство с глухими согласными: пришлец *туманный* и немой (Л.). В стих. Лермонтова «Мой демон» заглавие связано с началом стихотворения, которое в варианте 1829 г. звучит так: Собранье зол его стихия. Носясь меж *дымных* облаков, — а в варианте 1831 г.: Носясь меж *темных* облаков. — У Фофанова сопоставлены *домовой* и *демон*, у Фета: Пред безглазым *домовым*. *Темным* призраком немым.

Объединение слов на основе звуковой смежности или контраста — последовательный принцип сочетания их в строке. Этот широкий синтетический принцип, учитывающий разные возможности звуковых вариаций, оставшись устойчивым на протяжении XVIII—XIX вв., по-разному отразился в творчестве разных поэтов, в большей или меньшей степени определив особенности звуковой организации стиха. Такие поэты, как Фет, у которого смешанные сочетания занимают очень большое место, и Некрасов, тяготеющий к сочетаниям чистого типа, окажутся на разных полюсах.

Сочетания слов с разнокачественными согласными характеризуют не только поэзию XVIII—XIX вв. Они неоднократно встречаются и в XX в., у поэтов с развитой паронимией: Где с железа ночь согнал *Каплей копленный* сигнал, И *колеблет всхлипы* звезд в *Апокалипсисе* мост, Переплет, цепной обвал *Балок*, ребер, рельс и шпал (Пастернак).

Е. Ю. КУКУШКИНА

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПАРОНИМИИ В ЛИРИКЕ А. БЛОКА

В последнее время внимание целого ряда ученых, работающих в области лингвистической поэтики, привлекает явление паронимии (паронимической аттракции) — особого рода фонетического повтора, при котором звуковое сходство двух (или более) неродственных словоформ индуцирует семантическую связь между ними. Многие теоретические вопросы, связанные с проблемой паронимии, а также развитие этого явления в русской поэзии XX в. рассмотрены в работах В. П. Григорьева (Григорьев 1975, 1977, 1979). В. П. Григорьев определяет паронимию как «систему парадигматических отношений между сходными в плане выражения разнокорневыми словами (не связанными в синхронии ПЯ /поэтического языка — *Е. К.*/ признаками явной деривационной близости), реализуемую в конкретных текстах путем сближения паронимов в речевой цепи, благодаря чему возникают различные эффекты семантической близости или, наоборот, противопоставленности паронимов» (Григорьев 1979, с. 320). Широкое распространение паронимии в русской поэзии принято относить к десятым—двадцатым годам XX в. Особенно большую роль в развитии этого приема словоупотребления сыграли такие поэты, как Хлебников, Маяковский, Пастернак. По признаку использования паронимической аттракции творчество названных поэтов противопоставляется, в частности, поэзии символистов. Последние активно использовали разнообразные приемы звукописи, которые, однако, не были функционально переосмыслены и не служили для извлечения семантических эффектов. В связи с изложенным приобретает интерес изучение «ближайшей истории приема». Обследование под этим углом зрения лирики А. А. Блока и составляет предмет настоящей работы.

Для лирики А. А. Блока характерно многообразие как лексических, так и фонетических повторов. Остановимся на некоторых особенностях этих приемов А. А. Блока, существенных в связи с явлением паронимической аттракции.

Для лексического повтора А. А. Блока типично использование однокоренных слов, относительно далеких по звуковому составу [1]. Часто поэт как бы стремится затушевать лексический повтор, используя родственные слова с различной огласовкой корня:

(1) Я *помню* час глухой, бессонной ночи,
Прошли года, а *память* все сильна (1, 104) [2]

[1] Подробнее о лексическом повторе Блока см., например: Кукушкина 1980.
[2] Материал приводится по изданию: *Блок А. А.* Собрание сочинений в 8-ми т. М.—Л., Гослитиздат, 1960—1963 (первая цифра в скобках — номер тома, вторая — страница).

(2) Ветер звал и *гнал погоню* (2, 247)
(3) Я пронесу тебя над *бездной*,
Ее *бездонностью* дразня (3, 60);

с чередованиями согласных в корне:

(4) Порой *прохожий* близко *проходил* (1, 176)
(5) И *слушал* я — и *услыхал* (1, 215)
(6) Сестра, *сужденная судьбой* (3, 94);

различающиеся приставками и суффиксами:

(7) Мой ум *метелью замели* (2, 245)
(8) Когда еще безмерно *ниже*
Ты пала, *униженья* ночь (2, 294)
(9) И *одуванчики*, *раздутые* весной (2, 295)

Не менее характерно «разведение» однокоренных слов по смыслу, что происходит, когда в тексте встречаются слова этимологически родственные, но в большей или меньшей мере утратившие живые словообразовательные связи:

(10) День побледнел, пальцы и невинный.
Вечер заглянул сквозь *кружева*.
И над книгою старинной
Закружилась голова. (2, 158)
(11) *Зычные*, нестройные *звучали* голоса (2, 164)
(12) И утро *пропел* давно уже *петел* (2, 320)
(13) Я опять иду *дозором*
В тень *узорных* теремов. (2, 145)
(14) И *душное* спирается *дыханье* (3, 16).

Повторение одного и того же корня в различных огласовках сходно с паронимией тем, что некоторый общий смысл связывается с существенно различными по звучанию словоформами, содержащими в то же время общий звуковой комплекс. (Иное дело, что этот общий смысл не создается сопоставлением сходно звучащих слов, а содержится в их словарных значениях). Подобна паронимии и игра на сближении в тексте этимологически родственных слов с погасшей семантической связью. При этом ослабленная смысловая связь как бы заново утверждается благодаря сходству звучания сопоставленных словоформ.

Паронимия тесно связана и с глубоким фонетическим повтором. Звуковой повтор в поэзии Блока не раз привлекал внимание исследователей (см., например, Никитина и Шувалов 1926, Чуковский 1924). Ученые подчеркивали особое значение для Блока повторов гласных и сонантов. С. С. Аверинцев видит в ориентации звуковой структуры стиха Блока на гласные и сонорные один из способов «преодолевать обособленность отдельного слова, размывать его контуры и грани» (Аверинцев 1975, с. 160). Типичный для Блока звуковой повтор по функции противоположен паронимической аттракции. Функция паронимии — сосредоточить внимание читателя на соотношении (фонетическом и семантическом) пары

слов как двусторонних единиц, противопоставленных остальным словам текста и обладающих собственным смыслом и звучанием. Поэтому к паронимической аттракции близки не фонетические повторы типа «звуковой волны», эхом передающие отдельные звуки вдоль поэтической строки, а повторения целых групп звуков, связывающие пару (или более) словоформ в одной или соседних строках. Такие повторы у Блока встречаются нередко. Вот только несколько иллюстративных примеров:

(15) Но в *ожи*даньи *ожил* дух (1, 143)
(16) И *слово* к *небу* по*неслось* (1, 143)
(17) По*здними дн*ями дыша (1, 218)
(18) *Тронул сонную струну* (2, 82)
(19) Давно звезда в ста*кан* мой *кану*ла (2, 194)
(20) Прочь лети, *святая стая*.
К *ста*рой двери
Умп*ра*ющего *рая* (2, 228)
(21) *Сне*дающий меня *неду*г (3, 82)
(22) Эй, подними свой верный *молот*,
Чтоб *мол*нией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги (3, 86)

При повторении группы звуков порядок их следования в слове часто изменяется:

(23) Но *риза* девственная *зрима* (1, 80)
(24) Пер*стень*-С*тра*данье нам свяжет сердца (2, 179)
(25) В *себя вонзая нож*,
Я в муках у*зна*вал тебя,
Блистательная ложь! (2, 182)
(26) Щетиной за*мет*алась *месть* (2, 316)
(27) Есть в напевах твоих со*кров*енных
*рок*овая о гибели весть (3, 7)
(28) Долго жалобно *боле*ла (3, 49)
(29) И прожектор на *дре*внем *дво*рце (3, 108)
(30) От *смеху* мы *сходи*л с ума (3, 125)
(31) Но сквозь *хрус*тальные *стру*и (3, 175).

Две соседние строки могут быть объединены двумя парами слов с частично тождественным звуковым составом:

(32) Город, *смутно* *озаренный*,
Смотрит в *розовую* даль (1, 150)
(33) Для пиых ты — и *Муза*, и *чудо*.
Для меня ты — *мученье* и *ад*. (3, 7)

Повтор групп из трех—четырех звуков встречается у Блока достаточно часто. Это создает благоприятные условия для возникновения паронимической аттракции. В. П. Григорьев отмечает у Блока отдельные звуковые сближения, применительно к которым «термин „аллитерация“ . . ., выглядит слишком бедным» (Григорьев 1975, с. 137). В этой и других работах мы отмечены, в частности, такие сближения: *нынче — няньчиться* (3, 354), *скелет — скалясь* (3, 38), *Расти, покорствуй, крест неси* (3, 281), *Чудь начудила, да Меря намерила* (3, 259). В лирике Блока не-

мало «предпаронимических» явлений различных типов. Для удобства обозрения материала мы распределим его в соответствии с классификацией, предложенной В. П. Григорьевым. Он выделяет три основные типа паронимии: вокалический, метатетический и консонантный. Первый и третий типы имеют разновидности — эпентетический и аугментативный типы соответственно.

Вокалический тип паронимии характеризуется тождественным составом согласных в квазикорнях слов-паронимов, обычно при нетождественном составе гласных. Примеры этого типа в лирике Блока наиболее многочисленны:

(34) Чуть слежу, *склонив колени* [3] (1, 106)
(35) Веял сладкий *дурман*.
Оттого, что болотная *дрема*
За плечами моими текла. (2, 29)
(36) Тишину *уснувших хат*, **бездыханный ответ**. (2, 61)
(37) Его *икона* смотрит в *окно*. (2, 84)
(38) И рядой *городская гарь* (2, 141)
(39) Красный дворник *плещет* ведра
С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки *площадной*. (2, 149)
(40) Но душу *нежную* губя,
В себя вонзая *нож* (2, 182)
(41) Она — такой же *голубою*
Могла бы стать, как в небе — ты,
Не удрученный тяготою
Дух *глубины* и высоты. (2, 197)
(42) В *сырой* и *серой* высоте
Пред ликом родины *суровой* [4] (2, 263)
(43) И *чем* твой — будет ли *причален* (2, 263)
(44) И *снится*, и *снится*, и *снится*:
Бывалое *солнце*! [5] (2, 264)

[3] Традиционный звукообразный повтор, отмеченный еще в работе Брик 1917. Такой же формульный характер имеют, видимо, в идиостиле Блока сближения корней *тих-* и *стих-* (примеры 102, 103) *голуб-* и *глуб-* (примеры 41, 57) и некоторые другие.

[4] Этот пример показывает возможность различных интерпретаций отдельных сопоставлений: тройку словоформ *сырой — серой — суровой* можно интерпретировать как случай вокалической или эпентетической паронимии. Ср. также пример 81, где пара *потухший — пастухи* может быть отнесена как к метатетическому, так и к эпентетическому типу.

[5] Говоря о звуковом составе словоформ, мы фактически имеем в виду его отражение в графике. Полностью сознавая нетождественность звуковой и графической форм существования поэтического текста, мы ориентируемся в своем изложении на вторую. Таким образом тождественность/нетождественность звучания двух словоформ (или частей словоформ) равносильна для нас тождественности/нетождественности их графемного состава. Примером сложного соотношения фонетического и графического уровней поэтического текста может служить паронимическое сопоставление словоформ *снится — солнце*. Оно предполагает, с одной стороны, ориентацию на графику (не учитывается противопоставление фонем *и* — *и'*, изображаемых одной графемой *и*), а с другой стороны — на фонетику (без учета твердости/мягкости *н* состав согласных фонем этих словоформ совпадает, что не находит полного отражения в графике).

(45) И *рясу* черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав *росу*. (2, 283)
(46) В нем *отразивший* свой огонь зеленый —
Как раз на самой *розовой* воде. (2, 299)
(47) И поезда вверху, *внизу*
Вокзалы пламенное тело
В расплавленную бирюзу. (2, 312)
(48) *Смертный сумрак* погасил (3, 12)
(49) Сходку, *скользя*, уступом *скользких скал* (3, 15)
(50) Тоскливо к нам в небо *плеснули*
Непужные складки чадры. . .
Там стелется в *пляске* и плачет,
Пыль вьется, и стонет зурна. . . (3, 26)
(51) Вон месяц, как паяц, над кровлями *громад*
Гримасу корчит мне. . . (3, 56)
(52) Нежнее *грубый* свод *гробниц* (3, 98)
(53) Главу Крестителя на блюде
Она сквозь *сумрак* галерей
Несет на площадь, там где люди
Тоскливо кормят голубей,
Где светлый *Марк* навеки будет[6] (3, 530)
(54) Последней *страсти* ярость
В тебе нелегче есть:
Стучащаяся *старость*
И близкой смерти весть. . . (3, 165)
(55) Когда эти нити *соткутся* в блестящую *сетку* (3, 167)
(56) Есть *демон* утра. *Дымно*-светел он (3, 230)
(57) В тишине *голубой* и *глубокой* (3, 368)

К вокалическому типу паронимии относят также случаи полного тождества квазикорней сближаемых слов. Эту разновидность паронимии мы будем условно называть поэтической этимологией. Наведение несуществующих этимологических связей, сближение в тексте одинаково звучащих неродственных корней встречается у Блока наряду с очень типичным приемом оживления этимологических связей:

(58) Ты *горишь* над высокой *горою* (1, 120)
(59) За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.
Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос. (2, 24)
(60) Вот — на *груде* горячих камней
Распростерта не смевшая пасть.
Грудь раскрыта — и бродит меж темных бровей
Набежавшая страсть. (2, 151)
(61) *Серые* прохожие *усердно* проносили (2, 163)
(62) Ее огнем, ее Вечерней
Один дышал я на *горе*,
А *город* грохотал безмерней
На возрастающей заре. (2, 313)
(63) И вот в парах и *тучах тучных* (2, 316)

[6] *сумрак*, *Марк* — *кормят* — паронимия метатетического типа; другие примеры см. ниже.

(64) Подняв *воротник*, из *ворот* (3, 49)
(65) *Презренье созревает* гневом (3, 96)
(66) И *город* скрыли *горы* (3, 109)
(67) Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних *стран* —
И мир опять предстанет *странным*,
Закутанным в цветной туман. (3, 136)
(68) Затуманила сердце *усталость* и месть,
Отвращенье скривило *уста*... (3, 156)

Эпентетический тип паронимии отличается от вокалического тем, что консонантный квазикорень одного из паронимов содержит дополнительный согласный. К этому типу паронимии тяготеют такие строки Блока, как

(69) Испугаюсь *хулы* и *похвал* (1, 260)
(70) Всех *хулений* и *похвал* (2, 11)
(71) *Бил* и *будил* колокольную медь (2, 113)
(72) Она пришла с *заката*.
Был плащ ее *заколот*
Цветком нездешних стран. (2, 136)
(73) Шут прошел в плаще *крылатом*
С *круглым* бубенцом (2, 242)
(74) *Завела* в очарованный круг,
Серебром своих вьюг *занавесила* (2, 250)
(75) *Завивалась* и *звала* (2, 252)
(76) И я, как *вождь враждебной* рати (2, 268)
(77) Забвенье и удаль, *смятенье* и *смерть* (2, 280)
(78) Опять — бесстыдно и напрасно —
Ты *отстранялась* от огня...
Но даже небо было *страстно*,
И небо было за меня!.. (2, 293)
(79) Сказать, что *тосковал* о ней...
Смотрел я *тускнымн* глазами (3, 67)
(80) Над *страдом*, *смертью* и *страданьем* (3, 89)
(81) Взглянуть в ее *потухшии* взор
Те *пастухи* — теперь седые —
Свои стада сгоняют с гор. (3, 539)
(82) Ты ведаешь, что некий *свет* струится,
Объемля все до дна,
Что ищет нас, что в *свисте* ветра длится
Иная тишина... (3, 140)

Метатетический тип паронимии предполагает изменение порядка следования согласных при тождестве консонантного состава квазикорня.

(83) И *смятенье сменяет* веселье (2, 38)
(84) И вот, как *посол* нарастающей ночи,
Пророческий *голос* ударил в толпу. (2, 53)
(85) И мы пробуждались для новой *надежды*,
Мы знали: *нежданная* Радость близка! (2, 53)
(86) *Тени нитей* дрожат на светлом полу (2, 63)
(87) Над *печалью* нив твоих *запла́чу* (2, 75)
(88) Меж *темных* заводей и *мутных* (2, 117)
(89) ‹...› от *ложа* пьяного *желанья* (2, 140)
(90) Тени *беззвучно* спешащих
Тело продать,

И *забвенье* кушить (2, 162)
(91) И *помыслы* твои *несмелы* (2, 294)
(92) Поблескивая *медленными* спицами, *ландо* (2, 296)
(93) . . . Такой любви
И *ненависти* люди *не выносят* (2, 298)
(94) Пусть скачет жених — *не доскачет*!
Чеченская пуля верна. (3, 26)
(95) *Постепенно наступил* (3, 48)
(96) *Толпа*, и вновь на *полотне*
Черты француженки прелестной. (3, 115)
(97) Лишь художник, занавесью *скрытый*, —
Он провидит страстной муки *крест* (3, 119)
(98) «Красота *проста*» — вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка (3, 143)

Консонантная паронимия характеризуется расподоблением консонантного состава основ паронимов. У Блока консонантный тип паронимии представлен преимущественно аугментативной разновидностью, когда один из паронимов отличается от другого наращением слева одного или двух согласных. Аугментативный *тип паронимии близок к поэтической этимологии; для него* характерно совпадение как гласных, так и согласных в сближаемых словах:

(99) Холодно, *странно* и *рано* (1. 275)
(100) *Нежный* саван *снежной* белизны (1, 303)
(101) *Тени* на *стене* (2, 242; заглавие)
(102) За то, что *тихими стихами*
Мы громко обличили вас! (3, 90)
(103) *Тихо* я в темные кудри вплетаю
Тайных *стихов* драгоценный алмаз. (3, 101)
(104) Поймать за *тучкою летучей* (3, 115)

Реже встречается расподобление согласных внутри квазикорня:

(105) Любишь *краденые клады* (2, 86)
(106) Как *камень, канет* (3, 62)
(107) В сонное озеро *города* — зимнего *холода* (2, 162)
(108) Жизнь пустынна, *бездонна*, *безвонна* (3, 22)

Отметим некоторые характерные черты приведенного материала. Остановимся вначале на фонетических особенностях. В паронимических сближениях сохраняется присущая фонетике Блока ориентация на сонорные и гласные: почти каждый паронимический квазикорень содержит сонант. Фонетические сближения паронимического типа нередко сочетаются с другими типами фонетических повторов: повторением в той же строке согласных, входящих в паронимический квазикорень:

Последней *страсти ярость*, *Стучащаяся старость*
В тебе величье есть: И близкой смерти весть;

повтором ударного гласного: *Его икóна смóтрит в окнó*. Обилие звуковых повторов в строке приводит к тому, что потенциальные паронимы четко не вычленяются из звуковой цепи; паронимия

представляется как бы сгущением повторяющихся в строке звуков внутри отдельных словоформ. Характерным является также совпадение порядка следования гласных и согласных (а иногда также и места ударения) в паронимических квазикорнях: *скóльзки — скáл*, *крáденые клáды*, *рясу — росу*, *соткутся — сетку*. Пара паронимов часто заключает в себе два, три или даже больше одинаковых звука подряд, причем повторяющийся комплекс включает как гласные, так и согласные: *сырой — серой — суровой*, *странно* и *рано*, *голубой* и *глубокой*, *отстранялась — страстно*. Представляется, что углубление фонетического повтора до трех—четырехбуквенного комплекса, включающего одну-две гласные у Блока часто приводит к имитации лексического повтора (см. особенно примеры 58—68). «Подлинные отношения производности и сближения, основанные на случайных звуковых совпадениях, не разделены в самом языке четкой границей», — пишет Д. Н. Шмелев (Шмелев 1973, с. 200). Не обладая специальными знаниями, нелегко решить, какие из пар типа *узор — дозор*, *город — горы*, *туча — тучный*, *скрыли — крылья*, *груда — грудь* и т. д. являются однокоренными и представляют собой лексический повтор, а какие — этимологически неродственны и являются примерами паронимической аттракции (а именно, той ее разновидности, которую мы называем поэтической этимологией). Таким образом, поэтическая этимология в идиостиле Блока представляет собой явление промежуточное между весьма обширной и богатой системой лексических повторов и зарождающейся паронимией. По характеру семантических отношений между сближаемыми словами поэтическая этимология является разновидностью паронимии (слова, в общем случае не связанные семантически в литературном языке, оказываются семантически связанными в поэтическом языке и поэтическом тексте). По характеру повторяющегося звукового комплекса поэтическая этимология объединяется с лексическим повтором. В случаях лексического повтора и поэтической этимологии повторяющийся звуковой комплекс имеет структуру обычного русского корня и состоит из комбинации гласных и согласных; типичный паронимический квазикорень представляет собой консонантный (реже — вокалический) костяк словоформы, по-разному огласованный (или «осогласованный») в каждом из паронимов. Эти особенности паронимии Блока позволяют говорить об отсутствии четкого отграничения паронимии от других видов фонетического, а также лексического повтора.

Звуковая связь двух словоформ может поддерживаться другими средствами. Из них выделим два: синтаксическую связь и контактное расположение паронимов. Непосредственная синтаксическая связь паронимов и связь через предлог и союз имеется в нашем материале примерно в половине случаев. Паронимических пар, входящих в одно простое предложение, значительно больше, чем пар, разведенных по разным предложениям. Совсем малочис-

ленны случаи, когда два паронима разделены точкой или многоточием (примеры 50, 56, 59, 60, 72, 78, 79, 94). Наиболее характерны для синтаксически связанных паронимов следующие позиции: определение — определяемое (примеры 36, 38, 48, 49, 63, 102, 104, 105), однородные определения (примеры 42, 57, 88, 99, 108), подлежащее — сказуемое (примеры 43, 65, 83, 91). Дистантное расположение фонетически сближенных словоформ несколько преобладает над контактным. В связи с этим отметим следующую тенденцию: чем больше глубина паронимии (число совпадающих графем), тем чаще случаи дистантного положения паронимов и отсутствия между ними синтаксической связи.

Наиболее тонким и сложным является вопрос о семантической нагрузке фонетических сближений паронимического типа. Здесь мы можем сделать только несколько предварительных замечаний. Отметим прежде всего преобладание синонимизирующих контекстов (35, 48, 49, 52, 63, 68 и др.). В нашем материале, пожалуй, нельзя указать ни одного паронимического сближения в безусловно противопоставительном контексте, за исключением примеров 69, 70. Слабо выраженное противопоставление отметим в примерах 62, 66, 78. Во многих случаях вообще затруднительно дать четкую семантическую интерпретацию паронимическому сближению (примеры 37, 45, 47, 51, 53, 64 и др.). Часто фонетически сопоставленными оказываются слова, ассоциативно связанные в общеязыковой норме (*дурман — дрёма, челн—причалить, скользкий—скалы, хула—похвала, печаль—заплачу* и др.). В таких случаях фонетическая близость как бы подтверждает уже имеющуюся смысловую связь, но не создает ее. Именно сравнительно слабая семантическая нагрузка паронимических сближений вынуждает нас говорить о паронимии Блока как о системе скорее потенциальной, чем полностью реализованной. Характерной особенностью паронимических сближений Блока является их слабая связь с тропеическими контекстами. Господствующее положение занимают здесь контексты, содержащие эпитетные конструкции, включая контексты с двумя фонетически сближенными эпитетами. В отдельных случаях паронимы используются в сравнениях, объединяя звуковым сходством объект и образ сравнения (примеры 41, 84, 106).

Подведем итог.

С одной стороны, в лирике А. А. Блока мы нередко встречаем пары словоформ, которые по своей фонетической структуре вполне могли бы служить примерами паронимической аттракции. Но целый ряд особенностей этих сближений мешает нам утверждать, что паронимическая аттракция является характерным приемом Блока. Это, во-первых, отсутствие четкого противопоставления паронимии как явления, характеризующего отдельные словоформы, и глубокого фонетического повтора, характеризующего поэтическую строку без разделения на слова; во-вторых, почти

полное отсутствие подчеркнутых смысловых сближений или противопоставлений паронимов, случаев, когда звуковая близость заставляет читателя усмотреть определенное смысловое соотношение *между двумя словами в тексте*, дополнительное к семантическому соотношению, существующему между этими словами в словаре. В-третьих, те факты, которые в другой поэтической системе могли бы рассматриваться как факты паронимии, у Блока выступают на фоне очень активного традиционного фонетического повтора, а также лексического повтора, что препятствует «обнаженню приема». О взаимодействии паронимии с другими типами фонетического повтора говорилось выше. К лексическому повтору тяготеют случаи полного или почти полного совпадения звукового состава неродственных слов. Для «настоящей» паронимии поэтической системе Блока недостает контраста — фонетического контраста сближаемых словоформ с ближайшим контекстом, семантического контраста наведенной смысловой связи с привычной словарной связью, контраста с другими приемами поэтической техники, используемыми поэтом.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. С. Поэзия Вячеслава Иванова. — Вопросы литературы, 1975, № 8.

Брик О. М. Звуковые повторы (анализ звуковой структуры стиха). — В кн.: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка, вып. 2. Пг., 1917.

Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. — В кн.: Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества, вып. 5. Калинин, изд-во КГУ, 1975.

Григорьев В. П. Паронимия. — В кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., Наука, 1977.

Григорьев В. П. Поэтика слова (на материале русской советской поэзии). М., Наука, 1979.

Кукушкина Е. Ю. Лексические повторы в ранней лирике А. А. Блока (на материале цикла «Стихи о Прекрасной Даме»). В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., Наука, 1980.

Никитина Е. Ф., Шувалов С. В. Поэтическое искусство Блока. М., Никитинские субботники, 1926.

Чуковский К. И. Александр Блок как человек и поэт. Пг., изд-во Маркса, 1924.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., Наука, 1973.

Е. А. НЕКРАСОВА

СРАВНЕНИЯ СОЮЗНОГО ТИПА КАК ЭЛЕМЕНТ АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЫ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

Характер ассоциативного строя художественного произведения, несомненно, связан с типом вхождения сравнения в текст. Сравнение может укреплять ассоциативную монолитность стихотворения, вводя художественные характеристики, дополняющие уже заданный образный рисунок, но может и разрушать ассоциативную однотипность построения, подключая новые и неожиданные художественные темы.

Одним из способов выявления языкового «механизма», формирующего ассоциативный строй стихотворного текста, можно считать прием сопоставления лексического состава сравнения (*главным образом, его объектной части*) с словесной тканью всего стихотворения. Проделанный по такому методу анализ стихотворных текстов Б. Пастернака, содержащих сравнения, привел автора к выводам, конспективное изложение которых можно свести к следующему: для идиостиля Б. Пастернака в целом не характерно лексическое дублирование словесного состава объекта сравнения в тексте. Более показательно для поэта включение слова-объекта сравнения в круг словесных соответствий, объединенных лексико-тематической общностью. Приведем некоторые примеры: Светает. Мглистый банный чад. Балкон плывет, *как на плашкоте. Как на плотах*, — кустов щепоти, И в каплях потный тес оград (Вторая баллада); Цветники, *как холодные кафли*. Город кашляет школой и коксом. Редко брызжет восток бирюзою, Парников *изразцы*, словно в заморозки, Застывают, и ясен, *как мрамор*, Воздух рощ. . . (Но им суждено было выцвесть. . .); Я помню, говорок его Пронзил мне искрами загривок, *Как шорох молньи шаровой*. . . Он проскользнул неуследимо Сквозь строй препятствий и подмог, *Как* этот, в комнату без дыма *Грозы влетающий комок* (Высокая болезнь).

Даже в тех случаях, когда в тексте встречаются лексические повторы объекта сравнения, они отступают на второй план перед более четко выписанными лексико-тематическими соответствиями: В степи охладевал закат, И вслушивался в звон *уздечек*, В акцент *звонков* и языка Мечтательный, как ночь, кузнечик. И степь порою спрохвала Волок, *как цепь*, как что-то третье, *Как выпавшие удила*, Стреноженный и сонный ветер. Истлела тряпок пестрота И, захладев, *как медь безмена*, Завел глаза, чтоб стрекотать, И засинел, уже безмерный, Уже, как песнь, безбрежный юг, Чтоб перед этой песнью дух Невесть каких почей, невесть Каких стоянок

перевесть. Мгновенье длился этот миг, Но он и вечность бы затмил (В степи охладевал закат. . .). Хотя вышеприведенное стихотворение тематически посвящено описанию заката, приближению ночи, наиболее рельефно выступающий образный рисунок создается не лексическими дублетами (ср.: *как ночь → ночей*; *как песнь → песнью*), но группой слов, объединенных лексико-тематической связью, развивающейся вне прямой зависимости с объявленной темой стихотворения (см. курсивные выделения в вышепроцитированном фрагменте).

Сравнения, расширяющие лексико-тематические соответствия ведущей образной ассоциации текста, участвуют в создании специфического типа образной структуры художественного целого, отличной от структуры, насыщенной лексическими повторами: Стоят деревья у воды, И полдень с берега крутого Закинул облака в пруды. *Как тенеты рыболова. Как невод*, тонет небосвод, И в это небо, *точно в сети*, Толпа купальщиков плывет—Мужчины, женщины и дети (Ева) [1]. При сопоставлении приведенных выше строф обнаруживается близкое сходство их образного содержания при отсутствии лексических совпадений (*полдень. . . закинул облака в пруды → тонет небосвод*). Такая организация текста создает впечатление движения образного сюжета, как бы перехода к новой теме; наличие же лексико-тематических соответствий (*как тенеты рыболова → как невод → точно в сети*) подчеркивает общность для данного фрагмента пластического образа, монолитность воплотивших его ассоциаций. Ср. с процитированным стихотворением следующий фрагмент: Снег идет, снег идет, *Словно* падают не хлопья, А в заплатанном салопе *Сходит наземь небосвод. Словно* с видом чудака, С верхней лестничной площадки, Крадучись, играя в прятки, *Сходит небо с чердака* (Снег идет), где ощущается замедленность развития действия.

Таким образом, характер вхождения словесного состава сравнения в текст соответствует определенному типу ассоциативного строя произведения.

Продолжим наши наблюдения, применив описанный выше фрагментарно метод к лирике А. Вознесенского. Насыщенность

---

[1] Показательно, что для лирики А. Блока характерны прежде всего лексические соответствия при практическом отсутствии дистантно расположенных лексико-тематических соответствий описываемого типа. Приведем некоторые примеры употребления контактно расположенных сравнений, выступающих как синонимичные члены общего перечислительного ряда: И я влюблюсь в глаза и в плечи, *Как в вешний ветер, как в стихи. . .* (Как день, светла, но непонятна. . .): И твоя одичалая прелесть — *Как гитара, как бубен весны*! (Ты — как отзвук забытого гимна. . .); Пусть эта мысль предстанет строгой, Простой и белой, *как дорога, Как дальний путь*, Кармен! (О, да, любовь вольна, как птица. . .). Обращает внимание однословность большинства сравнений и их контактное расположение, что не позволяет ассоциациям, с ними связанным, превратиться в самостоятельные образные импульсы.

сравнениями поэтических текстов А. Вознесенского не нуждается в специальных доказательствах. И дело не только (и даже не столько) в «густоте» их употребления, а прежде всего в нарочито броской, привлекающей внимание форме их воплощения. В данном случае мы имеем в виду не только необычность грамматического построения некоторых из них, но и ряд других приемов, функциональное назначение которых сводится к выделению сравнения как элемента художественной системы [2]. Поэтому можно, видимо, даже без специального анализа принять положение о том, что сравнения в произведениях А. Вознесенского занимают существенное место в иерархии других художественных средств, поэтому задача описания в данном случае может быть сведена к выработке представления о типе художественно-ассоциативного построения текста на основе способа включения сравнения в его структуру.

Анализ материала в интересующем нас аспекте начнем со сборника «Антимиры» (1964), который можно отнести к начальному этапу творчества поэта. Следуя общему плану описания, сначала обратим внимание на стихотворения, в которых можно установить лексические соответствия слова—объекта сравнения с текстом. Наиболее характерным для анализируемого сборника, по-видимому, следует признать контекстуально ограниченный тип взаимодействия лексического состава сравнения с текстом, при котором лексическая поддержка сравнения включается в ближайший контекст анализируемого тропа. Так, в стихотворении «Марше О Пюс. Парижская толкучка древностей» можно назвать четыре случая лексического дублирования слов—объектов сравнения: К чему метафоры для роботов? — устарел, как Робот-6, когда Робот-8 есть. Следующий случай предполагает более подробный анализ. В 1-й части стихотворения возникает тема песочных часов (*почем века в часах песочных?*), но свое развитие и завершение она получает во 2-й части стихотворения: век пещерный, век атомный, душ разрезы анатомные, вертикальны и косы, *как песочные часы*, снег заносит апельсины, пляж, фигурки на горах, мы — *песчинки*, мы печальны, *как песчинки*, в этих дьявольских часах, не пищите!... мы в истории лишь на несколько минут, мы — *песчинки*? но которые жерла пушечные рвут!

Как видим, из темы песочных часов, переходящей из 1-й структурно выделенной части стихотворения во 2-ю, вырастает лексически родственная тема песчинок, укрепленная повтором, реализующимся в объектной части сравнения (*как песчинки в этих дьявольских часах*). Данный мотив с помощью сравнения включается в тему времени, вечности, представленную в образе песочных

[2] Подробнее об этой черте идиостиля А. Вознесенского см.: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977 (раздел «Сравнения»).

часов (*почем века в часах песочных?*) с тем, чтобы, набрав образную инерцию, подытожить образно-смысловую доминанту данной части стихотворения (*мы песчинки? но которые жерла пушечные рвут!*).

Тот же способ связи структурно выделенных частей произведения с помощью лексического повтора, затрагивающего объект сравнения, находим и в следующем употреблении: *век пещерный, век атомный* (1-я часть) → *пустынны вещи и страшны, как после атомной войны* (3-я часть); но в данном случае уже нет той концентрации лексической темы в одном и том же фрагменте (как нет и прямого лексического совпадения объекта сравнения с словесным составом стихотворения).

В «Параболической балладе» также находим, хотя и контекстуально ограниченную, но существенную для раскрытия основного образного содержания стихотворения лексическую поддержку объекта сравнения, начинающего стихотворение: Судьба, *как ракета*, летит по параболе. . .→ А он уносился *ракетой* ревущей Сквозь ветер, срывающий фалды и уши. И в Лувр он попал не сквозь главный порог—Параболой гневно пробив потолок!

В данном случае необходимо подчеркнуть наличие лексической общности и слова, определяющего признак сравнения (*лететь по параболе*) с рядом фрагментов текста (и с заглавием), что делает еще более заметной и лексическую «спайку» объекта сравнения с текстом.

Такой же тип вхождения сравнения в текст характерен и для стихотворения «Тишины!», в котором весомость лексического дублирования усиливается композиционным расположением соответствующих лексических единиц в начале и конце стихотворения (. . . *чтобы тень от сосны, щекоча нас, перемещалась. . .*→ *Они курят, как тени тихи*); ср. также дублирование ведущей лексической темы стихотворения в признаке данного сравнения (*тихи*) и в его ближайшем контексте, сводящем воедино ведущий образный импульс стихотворения (*Тишины* → они курят, как тени *тихи*. И из псов, как из зажигалок, *Светят тихие* языки).

Лексическое дублирование объекта сравнения в стихотворении «Бьют женщину» выступает в ряду других способов образно-тематической организации текста и существенно не выделяется как специальный художественный прием. В стихотворении «Мотогонки по вертикальной стене» ведущая лексическая тема горизонта вводится в текст сравнением: *мчит торпедой горизонтальною, Хризантему заткнув за талию!*. Но в данном случае лексический повтор касается только определения объекта сравнения, поэтому сравнение в целом выступает не в своей прямой функции расширения ассоциативного поля вводимой лексической темы, а только в ряду других словосочетаний. Ср.: *торпедой горизонтальною* → → *сущность женщины горизонтальная* → *Научи, — говорю, — горизонту. . .* → *А глаза полны такой—горизонтальною тоской!*.

Такого же типа периферийное с точки зрения образного содержания сравнения лексическое взаимодействие сравнения с текстом находим и в стихотворениях «Маяковский в Париже», где одна из ведущих образных тем—тема Моста поддерживается и лексическим составом сравнения (*Ваша площадь мосту подобна, как машины из-под моста—Маяковскому под ноги Маяковская Москва!*), и в «Римских праздниках» (см. тему движения, косвенно поддержанную лексическим составом объекта сравнения: *Как летающий тарел, вылетает муж из спальни. .*, а также признаком другого сравнения: *мы летим, как с веток яблоки. . .*).

Особо следует отметить тип лексического дублирования объекта сравнения, основанный на использовании полисемии опорного слова: В нас просеки *растворяются, как ночь растворяет день* как окна в сад *растворяются* и всасывают сирень. . . (Возвращение в Сигулду). Ср. также: Что ты знаешь, сообщаешь? что-то странное извне как в сосуде сообщающемся поднимается во мне (Ньюйоркская птица). Данный прием, опирающийся на лексическую многозначность объекта сравнения в известной степени сближает идиостили А. Вознесенского и Б. Пастернака.

В тексте стихотворения «Париж без рифм» отмечается только одно лексическое совпадение с объектом сравнения: *над улицами, как связки цветных шаров, висели комнаты → зачем с такой незащищенностью шары мгновенные летят*, что воспринимается как чисто случайное и практически не замечается в тексте, «перегруженном» сравнениями [3]. К тому же лексический дублет объекта сравнения (*шар*) образно тяготеет к контекстуально близкому сочетанию, выраженному сравнением (*как радужные пузыри*), вступая с ним в перифрастические отношения и образуя столь редкую в творчестве Вознесенского лексико-тематическую связь, сводящую на нет лексическую «перекличку» словесного состава сравнения и текста: *В соломинку, как стеклодув, он выдул эти фонари. весь полый город изнутри, и ратуши и бюшери. как радужные пузыри! → зачем с такой незащищенностью шары мгновенные летят?* Следовательно, в данном стихотворении можно только чисто формально констатировать наличие слабого пунктира лексической связи словесного состава сравнения и текста.

Пунктир непрямой лексической связи встречаем и в стихотворении «Монолог Мэрлин Монро» (*ваш лоб — как бисерный! А вам известно, чем пахнет бисер?! Самоубийством!*).

Сплав многих способов формирования ассоциативно-образного строя стихотворения характерен и для «Рублевского шоссе». Лексический, образный и ритмико-композиционный способы организации художественного текста в данном стихотворении на-

[3] Ср.: *как виноградные косточки, как сквозь аквариум, как знак «Проезд запрещен», как 16 матрасных пружин, как рыбка, как в вишне косточка, как купальщицы, как шарики ртути, как змея, как птицы в проволочных клетках, как нимб, как кузнечик, как стеклодув, как радужные пузыри.*

столько тесно переплетены, что все они подчинены единому образному импульсу, в котором и лексический повтор объекта сравнения не выделяется как особый, автономный прием.

Мы рассмотрели достаточно подробно лексические связи словесного состава сравнения (главным образом его объекта) с текстом стихотворения. Как видно, таких совпадений не так уж много (особенно если учесть насыщенность сравнениями стихотворений данного сборника). Искомая связь в некоторых случаях играет существенную роль в формировании ассоциативно-образного содержания стихотворения или его структурно выделенной части (стихотворение «Марше О Пюс. . .»), в других — может быть установлена чисто формально или вообще отсутствует. Однако лексическая связь в произведениях А. Вознесенского занимает гораздо более существенное место по отношению к связи лексико-тематической, которая в анализируемом сборнике вообще практически отсутствует[4] (один случай такой связи отмечен при анализе стихотворения «Парнж без рифм», другой, менее показательный, — встречается в стихотворении «Торгуют арбузами»: *Москва завалена арбузами. . . Кому надо?* — *где синонимическая замена слова арбуз* объясняется явно характерологическим заданием).

Обратимся теперь к анализу тематической и образной «спайки» сравнения с текстом в сборнике «Антимиры». Наиболее отчетливо тематическая обусловленность образного содержания сравнения и текста проявляется во фрагменте стихотворения «Ирена»: Притих ресторан, *как капелла Сикстинская*. Тревожно. Лакеи разносят смиренно меню *как Евангелие* от Ирены: *Богиней* помад, превращений, измены, прекрасный Ирена, на наглых ногах, усмехаясь презренно, сбегает с арены! Он—зеркало времени, лжив, как сирена, любуйтесь Ireной. . . Куря за кулисой, с цветными ресницами глядел в меня парень пустыми глазницами. И, *как микеланджеловские скрижали*, на потных ногах полотенца лежали.

В стихотворении «Тайга» образно-тематический «заряд» собственно сравнения открывает ведущую образно-тематическую ассоциацию стихотворения: Твои губы смелы в них усмешка пожа и гудят *как шмели* золотые глаза! мы бредем от избушки нам *трава* до ушей ты пророчишь мне взбучку от родных и друзей ты отнюдь не монахиня хоть в округе — скиты бродят *пчелы мохнатые* нагибая цветы. . . на *ромашках* роса как в буддийских ипалах как она хороша в длинных мочках *фиалок*! в каждой капельке-мочке отражаясь мигая ты дрожишь как Дюймовочка только кверху ногами [5].

Тематическую связь объектов сравнений (одно из которых — общеязыковой устойчивый блок), поддержанную композиционно

[4] Напомним, что для идиостиля Б. Пастернака характерно широкое использование лексико-тематических связей опорного образа текста при явной периферийности собственно лексических повторов.

[5] Пунктуационное оформление текста — авторское. — *Е. Н.*

сильной позицией начала и конца стихотворения, встречаем в «Песне Офелии»: Мои дела—*как сажа бела* — Мои дела —*как зола—дотла*.

Можно привести еще ряд примеров, в которых улавливается слабая (пунктирная) связь образно-тематического содержания сравнения с текстом соответствующего стихотворения (например: *загадочный, как астроном,→ полет звездопадов душных, расчет городов и рощ дрожит часовым механизмиком в руке его здоровенной* . . .—Монолог рыбака). Но столь же легко назвать произведения, где практически не ощущается лексической, тематической или образной обусловленности содержания сравнения темой и словесным наполнением стихотворения. В качестве типичного примера такого типа организации текста назовем стихотворение «Баллада работы». Перечислим подряд сравнения этого стихотворения: А он [Петр I] только крякал, упруг и упрям, расставивши краги, *как башенный кран*; гуляка отпетый, и нос *точно клубень*; где в страшной пучине восстаний и путчей неслись капуцины, *как бочки с капустой*!; он жил, неопрятный, в расстегнутых брюках, и брюхо моталось *мохнатою брюквой*. Небритый, уже сумасшедший отчасти, он уши топорщил, *как ручки от чашки*. Дымясь волосами, *как будто над чаном*, он думал. . .; Вас эта высокая влага кропила, чело целовала и жгла, *как крапива*. Вы были *как боги*— рабы ремесла!

Как видим, между сравнениями (и между сравнениями, и остальным текстом) трудно найти объединяющие их лексико-тематические, тематические и образные параллели. Основным «порождающим» принципом выступают здесь наглядно-зрительные уподобления, скрепленные звуковой спайкой, в каждом случае свои, не скорректированные на пространстве произведения лексико-тематическим принципом отбора образных зарисовок. Приоритет принципа зрительной наглядности в ряде случаев подчеркивается специальным приемом, затрудняющим «гладкое» чтение, заставляющим реконструировать ракурс авторского видения предмета. Так, только восстановление «пропущенного» звена делает зрительно достоверными ряд сравнений, следующих в анализируемом тексте одно за другим: уподобление оттопыренных ушей ручкам от чашки (в этом случае следует отвлечься от прямолинейности представления, подсказываемого признаком сравнения—*топорщил как?* — но увидеть зрительный образ в целом), представление о взъерошенных в хаотическом беспорядке влажных (потных?) волосах[6] (зрительный образ склоненной над чаном с горячей водой головы) и т. д.

[6] Укажем возможность развития и чисто словесных ассоциаций: *дымясь → в дыму → в пару → в запаре. . .*; или : *дымясь → дымчатый → седой* (?), *белесый*? . . . Следует подчеркнуть, что органический сплав зрительных и чисто словесных ассоциаций — одна из существенных черт идиостиля поэта, затрудняющая возможность «легкого» чтения текстов, обладающих казалось бы четкой зрительной наглядностью.

Укажем некоторые сравнения такого же типа из других произведений данного сборника: *и так серебряны глаза на фиолетовом — как сохраняется, дрожа, в футляре флейта* (Уроки польского); или: *И примолкла вдруг переводчица, как за Волгой ждут перевозчика...* (Пел Твардовский в ночной Флоренции...); или: *Ночной папироской летят телецентры за Муром* (Авиавступление к поэме Лонжюмо; в данном случае существен ракурс обзора из окна летящего самолета) и т. д.

Следует подчеркнуть, что лексические и тематические связи сравнения с текстом, о которых применительно к анализируемому сборнику достаточно подробно говорилось выше, в большинстве случаев опираются на тот же принцип зрительной наглядности (см. примеры, приводимые выше). Но данный принцип, ориентированный на выявление в каждом конкретном случае зрительно достоверных, соответствующих индивидуально авторскому видению предмета, деталей, создает мозаику контекстов, объединенных единством эмоционального тона и общей идеей, но автономных в каждом конкретном образном импульсе (подчеркнем, что речь идет только о функциональной нагрузке сравнений преимущественно союзного типа и о контекстах, их включающих). Таким образом, сравнения сборника «Антимиры» организуют, цементируют мозаику контекстов на основе принципа зрительной наглядности и звукового подобия. Другие принципы (лексическая и тематическая связь сравнения и текста) выступают как осложненные варианты того же принципа [7], поскольку словесная основа ассоциаций «накладывается» на тот же принцип чувственной (преимущественно зрительной) достоверности (ср., например: Душ разрезы анатомные *вертикальны* и *косы, как песочные часы*; Они курят, *как тени тихи*; Ваша площадь мосту подобна. *как машины из-под моста — Маяковскому под ноги Маяковская Москва...*).

Следует подчеркнуть, что выделение ведущего принципа организации ассоциативно-образного построения текста с помощью сравнения представляется особенно существенным при задачах сопоставительного анализа нескольких идиостилей. Так, например, «усредненный» набор способов художественной организации текстов, характерный для сопоставляемых идиостилей, может легко выявить их сходство, но не выявит отличия: идиостили Пастернака и Вознесенского могут быть легко сопоставлены по принципу максимального использования зрительной наглядности, скрепленной звуковым подобием, стремлением к выявлению с помощью сравнения семантической многомерности слова, использованием способа лексической и образно-тематической кореляции

[7] Ср.: «Наверное. от занятия живописью идут и плюсы, и минусы моего склада. Мне легче удается зрительное. Дело не в метафоризме или «зрительной эре» — увы, видно, так глаз устроен... Живопись адресуется к предощущениям Ее искренность доразумна еще» (*Вознесенский А.* Дубовый лист виолончельный. М., 1975, с. 12).

состава сравнения и текста и некоторыми другими параметрами. Но отличие их следует искать по принципу выявления преимущественного, ведущего способа организации художественного строя произведения. Таким способом для Пастернака оказывается принцип лексико-тематического подобия образных импульсов, формирующих ассоциативный строй произведения. Принцип зрительной наглядности выступает как сопутствующий способ. Для художественной манеры Вознесенского (насколько можно судить по сборнику «Антимиры») на первый план выступает принцип неожиданной, но убедительной наглядности сопоставления, проводимого с помощью сравнения. Отсюда «мозаичность» построения образного содержания произведения у Вознесенского и ассоциативная «стройность» у Пастернака. Можно сказать, что идиостили Пастернака и Вознесенского очень близки при анализе ограниченных контекстов и достаточно специфичны при сопоставлении архитектоники произведения как художественного целого. Видимо, отсутствием стремления провести ведущую образную ассоциацию через все стихотворение можно объяснить практическое отсутствие в данном сборнике именно лексико-тематических, близких к синонимичным, связей *объектной части* сравнения и текста и широкое использование такого типа организации текста в произведениях Пастернака.

Выводы, полученные при анализе сборника «Антимиры», вполне подтверждаются и при обращении к более поздней работе поэта — к сборнику «Витражных дел мастер» (М., 1976). В данном сборнике (в его оригинальной, неповторяющейся части стихотворений) при заметном сокращении количества сравнений в тексте названный выше принцип преимущественного использования образно-зрительных потенций сравнений выступает еще более наглядно, а количество лексических и (реже) тематических совпадений *словесного состава* сравнений с текстом уменьшается.

В качестве иллюстрации этого положения разберем сравнения 1-го раздела сборника (1-й скол):

Но крылья за моей спиной работают, *как ветряки*; да будут сумерки *как тамариск*; пузырьки внутри сколов стоят, *как боржом* (Хобби света). Данные сравнения, не имея лексической и тематической связей с текстом стихотворения, обладают четким зрительным «зарядом» [8].

---

[8] Следует подчеркнуть также и положение всех сравнений в позиции рифмы, что очень характерно для стихотворений Вознесенского и также связано, по-видимому, с ослаблением других, кроме зрительных, образных функций. Ср. у Пастернака перемежение места сравнения на пространстве стиха: Кончаясь в больничной постели, Я чувствую рук твоих жар. Ты держишь меня, как изделье, И прячешь, как перстень, в футляр (В больнице). Попутно еще раз обратим внимание на наличие, помимо зрительной, лексико-тематической связи этих сравнений между собой и с другими элементами текста.

Ты — *как роща после порубки*, ты мне крикнула: защити!; А в квартире, забытой тобою, к прежней жизни твоей подключен, *белым черепом со змеею* будет тщетно шуршать телефон: В этой егерьской баньке бревенчатой, *точно сельские алтари*, мы такою свободой повенчаны. . . (Беловежская баллада). В приведенном перечне особо следует остановиться на первом сравнении стихотворения, где разъяснение ассоциативной основы сопоставления (. . . *ты мне крикнула: защити!*), несомненно, усиливает и расширяет до представления целой образной картины его наглядно-зрительное содержание. В то же время данное сравнение служит подтверждением другой закономерности в архитектонике произведений Вознесенского — оно иллюстрирует активное стремление поэта избегать прямых лексико-тематических соответствий, соотносимых с одним и тем же предметом или явлением реальной действительности.

Сопоставим заглавие «Беловежская баллада» с анализируемым сравнением — *как роща* — и отметим внешне не состоявшееся, но четко ощутимое в подтексте лексико-тематическое сопоставление: *Беловежская баллада* → *Беловежская пуща* → *роща*. Как видим, поэт сам не называет словесных ассоциаций, мотивирующих сравнение — *ты как роща* — переводя их в подтекст, он увеличивает семантический объем сравнения, но уже не на пространстве стихотворения, освобожденном для возникновения других образных импульсов, словесно и тематически не связанных с предыдущим образным сюжетом.

В стихотворении «Смерть Шукшина» хотелось бы отметить характерное для Вознесенского сравнение с «разъяснением», разворачивающим его в целую образную картину: Он сегодняшним дням — *как двойник*. Когда зябко курил он чинарик, *также зябла, подняв воротник, вся страна в поездах и на нарах* [9]. Второе сравнение данного стихотворения также имеет четкую зрительную основу, определяемую смысловым содержанием произведения (*занавесить бы черным Байкал, словно зеркало в доме покойника*).

Стремление конкретизировать, придать максимальную зрительную выразительность образному потенциалу сравнения находим и в стихотворении «Гекзаметры другу», в котором специально обратим внимание только на одно сравнение: *Имя, как птица, с ветки садится на ветку и с человека на человека*. В данном сравнении существенно подчеркнуть эллиптичность признака сравнения, объединяющего в себе с помощью метафоры и образного эллипсиса сразу как характеристики субъекта (*имя садится с человека на человека*), так и объекта сравнения (*как птица садится с ветки на*

[9] Подобного типа построения характерны и для более ранних работ поэта: Бей, реваншистка! Жизнь — *как белый танец. Не он, а ты его, отбивши, тянешь* (Бьет женщина); или: *Бессмертье — как зверинец меж людей.* В нем стонут Анна, Оза, Беатриче. . . *И каждый может, гогоча и тыча, судить тебя и родинки глядеть* (Оза).

ветку). Это еще один способ придания зрительной наглядности сравнению, в обычном контексте воспринимаемому как приближающийся к устойчивому сочетанию общеязыковой блок [10].

В стихотворении «Новогодние ралли-стоп», в котором также нет лексической и лексико-тематической поддержки составных элементов сравнения текстом произведения, отметим одно из двух сравнений. И в данном сравнении психологической основе субъектной части с помощью сопоставления подыскивается параллель, легко переводимая в зрительно-наглядное развернутое представление: *Я тоскую по сильным глаголам — жить — думать — дышать — мчать, — как форвард тоскует по голу, когда окончился матч.*

Завершим анализ сравнений 1-го раздела (скола) сборника указанием еще на два типа сравнений, менее характерных для творческого почерка поэта. Так, в стихотворении «Эрмитажный Микеланджело» лексическая повторяемость слова, входящего в состав объектной части сравнения, объясняется использованием приема реализации сравнения: *Скрюченный* мальчик резца Микеланджело, сжатый, *как скрепка писчебумажная*, что впрессовал в тебя чувственный старец? Тексты истлели. *Скрепка* осталась. *Скрепка* разогнута в холоде склепа. . .

В стихотворении «Засуха» встречаем чрезвычайно редкий в творчестве поэта прием включения сравнения в лексический повтор. Здесь в сравнениях ощущается более тесная связь с лексическим и образным наполнением текста, чем в остальных рассмотренных нами: В саду, омывая машину, к обочине перейду и *омою ноги осине, как грешница ноги Христу*. И ливень, что шел стороною, вернется на рожь и овес. И свет мою душу *омоет, как грешникам ноги Христос.*

Мы привели достаточно полно все сравнения первого раздела сборника, в которых можно было усмотреть ту или иную тенденцию, определяющую их ассоциативный строй. Общий вывод, к которому можно прийти в результате этого анализа, следующий: при явном уменьшении количества сравнений (многие стихотворения сборника вообще их не имеют) уменьшается, практически сводится на нет, и их лексическая и тематическая поддержка в тексте

[10] Поскольку одним из ведущих принципов в формировании образных ассоциаций в идиостиле Вознесенского выступает принцип зрительной наглядности (а это во многом связано с поисками нестандартных сопоставлений), было бы полезным специально рассмотреть способы создания неожиданных и точных чувственно осязаемых ассоциаций в творчестве поэта. Некоторые из приемов здесь были названы (применение образного эллипсиса, нарушающего четкость логико-грамматического построения за счет создания широты и раскованности зрительных ассоциаций; слабое развитие лексической и особенно лексико-тематической связей объектной части сравнения с текстом, — отсюда принцип мозаичного построения контекстов, группирующихся вокруг чувственной экспрессии ведущего образа.) Но ряд приемов еще ждет выявления.

(при полном отсутствии лексико-тематических связей). Ведущим ассоциативным принципом, формирующим образный заряд сравнения, остается уже отмечавшийся принцип зрительной наглядности. «Торжество» данного принципа приводит к мозаичности построения текстов, о чем уже говорилось выше.

Анализируемый в данной статье незначительный, казалось бы, срез в архитектонике художественного текста может быть включен и в более крупномасштабные блоки, характеризующие одну и ту же художественную систему. Так, представляется возможным провести известную параллель между принципом ассоциативной организации отдельного стихотворения и типом циклической организации ряда текстов.

В творчестве Пастернака лексико-тематический способ связи сравнения и текста может быть сопоставлен с типом структуры некоторых циклов его стихов. В качестве примера назовем цикл «Тема с вариациями», где один и тот же мотив получает «набор» образно-тематических воплощений. Назовем также и некоторые другие циклы, для которых характерен тот же принцип — развертывание объявленной темы на основе разработки ее понятийного содержания. В цикле «Болезнь» все стихотворения выступают как вполне самостоятельные, не имеющие прямых точек соприкосновения с другими стихотворениями цикла. Различны в данных стихотворениях и формы воплощения лирического «я». Однако общим остается постоянство самой темы, подаваемой в самых различных ракурсах. В цикле «Романовка», построенном также по принципу описания различных модификаций объявленной темы, интересно отметить преемственность заглавий при «самостоятельности» образного содержания соответствующих стихотворений. Сопоставим: *Душная ночь* → *Еще более душный рассвет*. Этот феномен, как кажется, может явиться наглядной иллюстрацией выдвигаемого положения о глубинном единстве стихотворений, сформированных одним и тем же тематическим заданием, но внешне вполне автономных (см. также организацию циклов «Болезнь» и особенно — «Попытка душу разлучить»). Если вспомнить, что лексико-тематический принцип организации ассоциативного строя стихотворения также предполагает сохранение образно-тематического единства ассоциативных построений при их лексической нетождественности, проводимое здесь сопоставление микро- и макроструктур в пределах поэтического творчества Пастернака не покажется натяжкой.

Вернемся к творчеству Вознесенского и проследим принципы организации стихотворений в более крупные объединения в некоторых сборниках поэта. Несомненно, что Вознесенский относится далеко не безразлично к группировке стихотворений в разделы, составляющие композиционный каркас его книг. Так, например, продуманность композиционной структуры сборника «Ахиллесово сердце» обнаруживается в том, что «автор в настоящей книге не

группирует поэмы в особом разделе, а перемежает их лирическими циклами»[11]. Но такое распределение поэм выдерживается не во всех сборниках поэта (см. сб. «Антимиры», в котором поэмы «Лонжюмо» и «Мастера» традиционно помещены в конце сборника: в сб. «Взгляд» поэма «Лед 69» также замыкает книгу, но в сб. «Тень звука» порядок расположения материала менее традиционен: поэма «Доктор Осень», очерк «Портрет Плисецкой» и «Изопы» помещены перед разделом «Эхо», состоящим из стихотворений разных лет, поэма «Мастера» помещена в начале данного раздела).

Продуманность композиционного построения можно установить и в сб. «Антимиры». Прежде всего обратим внимание на то, что вынесенные «за скобки», предваряющие сборник в целом три стихотворения, повторяются затем каждое в одном из разделов (Монолог Мэрлин Монро — в разделе «Поэты и аэропорты», «Монолог рыбака» — в разделе «Снег пахнет антоновкой» и «Рублевское шоссе» — в разделе «Осенебри»), выступая как эмоциональные камертоны своих разделов. Можно обратить также внимание и на то, что каждый из разделов данного сборника выделяется по ведущей тематике и экспрессивному тону, однако и этот принцип отбора последовательно не выдерживается (см., например, стихотворение «Баллада-диссертация» в разделе «Поэты и аэропорты» и «Монолог битника» в разделе «Снег пахнет антоновкой»). Кроме того, два раздела данного сборника предворены эпиграфами, причем эпиграф ко второму разделу (. . *во мне как в спектре живут семь «я»* . . . *а весной*. . .) тесным образом связан с первым стихотворением этой части — «Гойя», где семь раз повторяется в композиционно идентичной позиции местоимение *я*[12].

На этом завершим поиски приемов, поддерживающих однотипность произведений в сборниках Вознесенского, поскольку представляется очевидным, что отмеченные элементы не создают явной тематической и тем более лексической общности, формирующей цикл как целое, как единый текст.

С данным типом организации макроструктур в творчестве Вознесенского не трудно сопоставить и микроструктуры отдельных фрагментов, известная калейдоскопичность которых также не создает единства впечатления в данном конкретном срезе (срезе структуры одного стихотворения). В творчестве Вознесенского, видимо, ведущим оказывается для «микротекстов» зрительный импульс, для «макротекстов» — общая тематическая направленность и ведущая эмоциональная тональность.

---

[11] *Скорино Л.* Послесловие к сб. Ахиллесово сердце. М., 1966. — Очевидно, что в данном случае автор отождествляет понятие цикла с любым тематическим и экспрессивным объединением стихотворений.

[12] В прямой ориентации эпиграфа на данное стихотворение убеждает и фрагментарность эпиграфа, в котором оказывается опущенной начальная строка, придающая четкое семантическое наполнение последующим строкам: *Я — семья во мне как в спектре живут семь «я»*.

Возможность рассмотрения под единым углом зрения микро- и макроструктур одной и той же художественной системы, как кажется, дает основание именно на этом пути искать критерии к установлению степени самобытности поэтического идиолекта. Использование этого подхода к анализу фрагментов различных художественных систем открывает перспективу поисков более крупных параметров сопоставительного анализа как отдельных идиолектов, так и их групп.

О. В. ШУЛЬСКАЯ

СЛОВО *ДЫМ* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Выявление структуры слова в поэтическом языке — одна из существенных проблем лингвистической поэтики. Описание эстетически значимых употреблений даст возможность представить «художественную историю слова» [1], входящую в полную историю поэтического языка.

Как известно, «слово является не только абстрактной языковой единицей, но и своеобразной культурно-исторической «особью», способной «жить» и развиваться, модифицироваться в различных контекстуальных условиях» [2].

Структура художественного слова, состоящая из подвижных сем, «индуцированных контекстом» [3], в отличие от структуры слова в литературном языке, представленной в толковых словарях с учетом всех компонентов значения, необычайно сложна и динамична. Входящие в эту структуру семы, ориентируясь на уже приобретенные в контекстах эстетически значимые употребления, постоянно перегруппировываются, выдвигая на первый план ту или иную сему. Описание динамики структуры конкретного слова в поэтической речи поможет вскрыть в нем различные смысловые оболочки, выявить потенциальные возможности языковой единицы.

В данной работе сделана попытка рассмотреть художественное слово в диахроническом плане. Мы проследим движение поэтиче-

[1] *Григорьев В. П.* Поэтика слова (на материале русской советской поэзии). Докт. дис. М., 1978, с. 129.

[2] *Сорокин Ю. С.* О поэтическом идиолекте (из стилистических комментариев к пушкинским поэтическим текстам («Анчар»). — В кн.: Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. Калинин, 1977, с. 39.

[3] В дальнейшем изложении мы воспользуемся этим понятием, предложенным в работе: *Левин Ю. И.* О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах. Материалы к изучению поэтики О. Мандельштама. — International journal of slavic linguistics and poetics, XII, 1969. Mouton, The Hague, с. 111.

ской семантики на примере использования одного слова — *дым* (и производного от него — *дымок*) в творчестве поэтов разных эпох и направлений.

Для анализа намеренно выбрано слово, не отличающееся разнообразием преобразований [4]. Вместе с тем слово *дым* довольно часто встречается в поэзии, что связано как с характером соответствующей реалии (тяготением ее к семантическим полям «природа», «война» и др.), так и с традиционной символикой этого слова. Окказиональные значения в слове *дым* в литературе XIX и XX вв. базируются именно на традиционно-образном употреблении ('призрак, мечта, иллюзия'), выделенном в ССРЛЯ пометой, отмечающей его использование в поэтической речи: Нет, жизнь моя! *Все призрак и мечта! Все дым и сон* — одна любовь есть правда! (А. К. Толстой); Исчезло то, *что было мило*, *Как дым* растаяло, прошло (Багрицкий).

Случаи преобразования такого традиционного слова оказываются особенно интересными и «ощутимыми». Мы наблюдаем преодоление инерции в его использовании поэтами, обновление образа путем постоянной реализации тех возможностей, которые раскрываются в художественном слове.

Материалом послужили тексты 38 поэтов [5]: А. Ахматова, Э. Багрицкий, Е. Баратынский, К. Батюшков, А. Блок, В. Брюсов, И. Бунин, Е. Винокуров, А. Вознесенский, М. Волошин, Е. Евтушенко, С. Есенин, Н. Заболоцкий, Ю. Кузнецов, М. Лермонтов, О. Мандельштам, Л. Мартынов, Н. Матвеева, В. Маяковский, А. Межиров, С. Надсон, Н. Некрасов, Б. Пастернак, А. Плещеев, Я. Полонский, А. Пушкин, Н. Рубцов, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, Я. Смеляков, А. Тарковский, А. Твардовский, А. Толстой, Ф. Тютчев, И. Уткин, А. Фет, М. Цветаева.

При анализе употреблений слова *дым* у Пушкина мы воспользовались данными «Словаря языка Пушкина». В остальных случаях выборка проходила по сборникам серии БСБП, МСБП, собраниям сочинений и другим изданиям. Сборники серии БСБП: Ахматова А., Багрицкий Э., Брюсов В., Мандельштам О., Маяковский В., Надсон С., Пастернак Б., Плещеев А., Цветаева М. Сборники МСБП: Баратынский Е., Волошин М., Полонский Я., Тютчев Ф., Фет А. Другие издания: Батюшков К. Стихотворения. М., 1977; Блок А. Собр. соч. в 2-х т. М., 1955; Бунин И. Собр. соч. в 5-ти т. М., 1956; Винокуров Е. Избранное. М., 1968. Метафоры. М., 1972, Контрасты. М., 1975, Жребий. М., 1978; Вознесенский А. Ахиллесово сердце. М., 1966, Тень звука. М., 1970, Взгляд. М., 1972, Витражных дел мастер. М., 1976; Евтушенко Е. Взмах руки. М., 1962, Идут белые снеги. М., 1969. Поющая дамба. М., 1972;

[4] См. о критериях выбора слова *ветер* для представления его как экспрессемы поэтического языка в русской советской поэзии: *Григорьев В. П.* Докт. дис., с. 187.

[5] Авторы названы в алфавитном порядке.

Есенин С. Собр. соч. в 5-ти т. М., 1961; Заболоцкий Н. Избр. произв. в 2-х т. М., 1972; Кузнецов Ю. Во мне и рядом — даль. М., 1974; Край света — за первым углом. М., 1976, Выходя на дорогу, душа оглянулась. М., 1978; Лермонтов М. Собр. соч. в 4-х т. М., 1953; Мартынов Л. Собр. соч. в 3-х т. М., 1976; Матвеева Н. Душа вещей. М., 1966, Ласточкина школа. М., 1973, Река. М., 1978; Межиров А. Стихотворения. М., 1969, Поздние стихи. М., 1971, Тишайший снегопад. М., 1974, Под старым небом. М., 1977; Некрасов Н. Собр. соч. в 3-х т. М., 1959; Рубцов Н. Последний пароход. М., 1973, Подорожники. М., 1976, Стихотворения. М., 1977; Самойлов Д. Дни. М., 1970, Волна и камень. М., 1974; Слуцкий Б. Память. М., 1969, Доброта дня. М., 1973, Продленный полдень. М., 1975; Смеляков Я. Собр. соч. в 3-х т. М., 1977; Тарковский А. Земле — земное. М., 1966. Вестник. М., 1969, Стихотворения. М., 1974; Твардовский А. Стихотворения. Поэмы. М., 1971; Толстой А. Собр. соч. в 4-х т. М., 1963; Уткин И. Избранное. М., 1975.

Слово *дым* встречается с различной частотой у рассматриваемых поэтов. Единственный случай отсутствия его в нашем материале — у Плещеева. Невысокую частотность этого слова отмечаем у Баратынского, Полонского, А. Толстого, Некрасова, Мандельштама, Тарковского. У ряда поэтов: Тютчева, Блока, Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Багрицкого, Маяковского, Уткина, Твардовского, Межирова, Ю. Кузнецова, *дым* — довольно частое слово, нередко выступающее как индивидуальный символ.

При описании структуры избранного слова мы воспользовались термином «экспрессема»: «. . .слово как типичная экспрессема поэтического языка представляет собой культурно-историческую парадигму контекстов индивидуального (и прежде всего — литературно-художественного) употребления этого слова, значимых для общества в некоторый момент (период, эпоху) его развития» [6].

При анализе материала была принята методика представления его по способам словопреобразования, а также методика семного анализа.

Мы не претендуем на более или менее полное выявление структуры экспрессемы *дым*. Здесь рассматриваются лишь некоторые, наиболее существенные, с нашей точки зрения, эстетические употребления, вошедшие в данную экспрессему.

Помимо названного традиционно-образного употребления — 'призрак, мечта, иллюзия' — в структуру экспрессемы *дым* входят некоторые устойчивые обороты, например, *дым отечества*. Впервые употребленное Державиным, это сочетание встречается и у других поэтов, иногда со ссылкой на автора: В Пальмире Севера, в жилище шумной славы, Державин Камские воспоминал дубравы, *Отчизны сладкий дым* и древний град отцов (Батюшков).

[6] *Григорьев В. П.* Докт. дис., с. 180.

Комедия Грибоедова придала выражению *дым отечества* характер фразеологизма [7]. Этот образ как с готовым наполнением, так и в индивидуальном преломлении широко используется в русской поэзии и прозе [8].

Фразеологизм *нет дыма без огня* также часто кладется в основу образа у ряда поэтов: Ты Без меня — Только *дым без огня* (Мартынов); *Дым и огонь* — нет соответствия! На сто столетий надымив, Из мизерного происшествия Великий разрастался миф (Винокуров).

В структуру экспрессемы *дым* входят и случаи преобразования его в прозе. Этот вопрос — за пределами нашего исследования, однако такой пример, как вынесение слова *дым* в заглавие романа Тургенева, нельзя здесь не отметить. Семантическую осложненность это слово получает в контексте метафоры. Поддерживаемый повтором, вынесенный в заглавие, *дым* становится значимым символом, сопряженным с социальными явлениями:

Он (Литвинов) *стал следить за этим паром, за этим дымом*. Беспрерывно взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цепляясь за траву, за кусты, как бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрестанно менялись и оставались те же . . . однообразная, торопливая, скучная игра!. . . И все вдруг *показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь* — все людское, особенно все русское. *Все дым и пар*, думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то — и все исчезает бесследно, ничего не достигая. . .[9]

Тургеневский образ, осложненный индивидуальными ассоциациями, вошел и в систему русской поэзии. См., например, стихотворение И. Бунина «После обеда», в котором используется название романа Тургенева с известной читателю символикой слова *дым*: Лишь гимназистка с толстыми косами Одна не спит, — одна живет иным, Хватая жадно синими глазами Страницу за страницей «Дым» (ср. также круг ассоциаций, связанный с образом дыма у Блока — Л. Гинзбург).

Рассмотрим слово *дым* по некоторым способам словопреобразования, которые со временем усложняются в поэзии [10]. Слово начи-

---

[7] См. у Мартынова: Ты знаешь пословицу: мы говорим, Что *сладок* бывает *отечества дым*. . . Я дым этот сладкий вдыхал наяву.

[8] См., например, о месте этого образа в системе образов Блока — *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974, с. 293. Ср. также вынесение сочетания *дым отечества* в заглавие стихотворения (Л. Мартынов) и романа (К. Паустовский).

[9] Цит. по кн.: *Тургенев И. С.* Собр. соч. в 12-ти т. М., 1953, т. 4. с. 175 (курсив наш. — *О. Ш.*).

[10] При описании структуры слова мы будем придерживаться в основном диахронического принципа.

нает характеризоваться широтой смыслового наполнения, обогащается его жизнь в поэтическом мире художников слова. Экспрессия этого традиционного образа постоянно оживляется.

1. СРАВНЕНИЕ

Как в поэзии XIX, так и XX вв. наиболее часты случаи использования слова *дым* в сравнении. *Дым* встречается в основном как образ сравнения: приблизительно на 130 отмеченных нами случаев употребления *дыма* в качестве образа сравнения приходится около 40 примеров, где это слово — предмет сравнения. Вообще поэзия XIX в. дает нам примеры использования существительного *дым* преимущественно в сравнении. Остальные немногочисленные случаи преобразования этого слова в нашем материале — генитивные метафоры и эпитетные конструкции.

Большую группу сравнений представляют примеры, где *дым* используется для оценки временных понятий (*день*, *жизнь*, *юность*), а также понятий, относящихся к семантическому комплексу «человек» — *счастье*, *мечта*, *дар*, *память*, *слава*, *страсть*: И *дни* плывут, *как дым* (Полонский); Меняя каждый миг свой образ прихотливый, Капризна, как дитя, и призрачна, *как дым*, Кипит повсюду *жизнь* в тревоге суетливой. . . (Надсон); Я мучусь, если мысль ко мне придет, Что и тебя несчастье убьет, Что *некогда* с лаиит и уст мечта *Как дым* слетит, завянет красота. . . (Лермонтов); *Ударит час* — и страсть развеется, *как дым* (Надсон).

Такое употребление обладает устойчивостью и в поэзии XX в. Что мгновенные бессилья? *Время — легкий дым*. . . (Блок); Земная *слава как дым*. . . (Ахматова); *Времена — что по ветру дым*. . . (Уткин); *Он* (*декабрь*) и сам рассеется, *как дым* (Мартынов).

Власть традиции достаточно сильна, однако поэты идут по пути ее углубления: круг сопоставляемых с *дымом* понятий в данной группе сравнений расширяется — *вдохновение*, *обобщение*, *юбилей*, *слово*, *словеса*, *стих*, *настроение*, *сила* и др.: Чтоб не таял стих, *как дым* клубимый (Маяковский); Повисят *слова* и уплывут, *как дым* (Маяковский); *Обобщения* легки, *как дым* (Слуцкий); Звезде его *все словеса — как дым*. Похвал, достойных Данте, так немного (Вознесенский).

В поэзии XIX в. природные связи *дыма* представлены нешироким кругом явлений (*облака*, *туман*, *тьма*, *пар*): *Как легкий дым*, *Туман* окрестность одевает (Лермонтов); Но солнца нет — и по земле *Тьма* стелется, *как дым* (Полонский); Погорев золотыми каймами, Разлетелись, *как дым*, *облака* (Фет); *Словно дым* от пушек, *белые туманы* Над рекой зеркальной носятся волнами (Надсон).

Характерно, что слово *дым* и слова, называющие некоторые природные явления (*облака*, *туман*, *пар*), предстают взаимозаменяемыми членами в сравнении. Здесь как бы сопряжение этих

явлений, их неразличение: Бледнеет угль, и синеватый *дым*, Как легкий *пар*, в трубу виясь уходит (Пушкин); Вновь дремлет лес, и *облаком* седым В недвижном воздухе висит ружейный *дым* (А. Толстой). Ср. также в генитивной метафоре: Но так весной ряды курганов При пробужденных небесах Сияют в пурпурных лучах Под *дымом* утренних *туманов* (Баратынский).

Поэзия XX в. продолжает и эту традицию. Особенно часто подчеркивается связь таких близких по своей природе явлений, как дым и туман [11]. Их сопряжение отмечаем не только в сравнительных конструкциях, но и при других способах словопреобразования: Первые весенние *туманы* Расползались медленно, *как дым* (Бунин); Все огни загораются здесь. Там — *туманы* и мертвенный *дым* — Безначальная хмурая высь. С ней роднюся я духом моим (Блок); В зеленом небе алым *дымом Туманы* легкие летят Над молчаливым зимним Крымом (Бунин); Вижу, алый закатный *туман* превращается *в дым* (Брюсов); И нам, *как дым*, струиться надо Седым *туманом* — в алый круг (Блок).

В поэзии XX в. круг природных явлений, сопряженных с образом дыма, расширяется. Вот некоторые из примеров: Уж *сумрак* пал, как пепел сизый, Как *дым* угасшего костра (Бунин); Как *дым*, седая *мгла мороза* Застыла в сумраке ночном (Бунин); Вокруг и ветер буйный, И ночь, и гребни волн, и *дым* небесных *туч* (Блок); В белом поле стога, косогор и забытый овчарник Тонут в белом *дыму* разгулявшейся *вьюги* (Бунин): Ср. у Твардовского: Сухой *пурги* дремотным *дымом* Костлявый лес заволокло; Бегут *дымки* ленивой *пыли*.

Таким образом, уже в поэзии XIX в. складывается определенная традиция в употреблении слова *дым*: с одной стороны — соотнесенность с временными понятиями и понятиями, тяготеющими к семантическому полю «человек», когда в слове подчеркивается значение 'призрак, мечта, иллюзия', а также 'исчезающее, уходящее' (преобладающие примеры), с другой стороны — сопряженность с некоторыми явлениями природы, где в слове *дым* индуцируется контекстом сема 'легкое, прозрачное', 'заволакивающее, застилающее'. Все эти окказиональные значения уже заложены в семантической структуре данной лексемы, так как связаны с ее прямым значением.

Со временем поэты овладевают возможностями традиционного слова и расширяют его привычные связи, как бы восполняя недосказанное, углубляя наше представление о предмете, о мире. От сопоставлений дыма с явлениями, близкими по своей природе, следующий шаг — перенос на флору. Уже поэзия XIX в. дает нам несколько таких примеров: Смотри, как *листьем* молодым

[11] В поэзии XIX в. закрепляется традиция в употреблении слова *туман* с тем же значением — 'легкий, исчезающий': Исчезли юные забавы, Как сон, *как утренний туман* (Пушкин).

Стоят овеяны березы, *Воздушной зеленью сквозной*, Полупрозрачною, *как дым* (Тютчев); В прозрачный мрак *деревья* улетали, Сквозной узор их молодых ветвей, *Как легкий дым*, терялся в горней дали (А. Толстой).

Сопоставление с дымом реалий, относящихся к полю «флора», активно используется в поэзии XX в. Здесь можно отметить как случаи прямого сравнения, так и другие способы словопреобразования, когда в словах названного тематического поля акцентируется сема 'легкое, воздушное', 'прозрачное', которая подчеркивается и в слове *дым*. В ряде примеров контекстное окружение привносит дополнительные смыслы в значение этого слова: А за плющем кедра, за балконом — *Сад прозрачный, легкий, точно дым* (Бунин); По долинам *тонким дымом розовеет* внизу *миндаль*. . . (Волошин); Растет *трава, похожая на дым* (Заболоцкий); Дубы ли, *облака ль скользят* неуловимо Преображенные? Напомнят пусть дубы Мне гравированного пушечного *дыма* По-детски грозные *разрывы и клубы* (Матвеева); И все *тоньше* верхних *сучьев дым*. . . (Бунин); *В розовато-коричневом дыме Не покрытых листами ветвей*. . . (Заболоцкий); В Одессе *каштаны оделись в дым* (Багрицкий); А там — *опушек тюлевый дымок* (Самойлов). См. также более редкий случай — *дым* в метафорической «перифразе-загадке»: И темные ресницы Антиноя Вдруг поднялись — и там *зеленый дым*, И ветерком повеяло родным. . . *Не море ли? Нет, это только хвоя* (Ахматова).

Следующий путь оживления экспрессии слова — детализация зрительного образа. Круг реалий, ассоциативно связанных с соответствующим явлением, разрастается. Приведем некоторые примеры: Сосны за окнами — в черном оперенье, *Собаки* за окнами — *клочьями дыма* (Багрицкий); И вот, выпячивая бока, *Коровы* плывут, *как пятнистый дым*. Пропитанный сыростью молока (Багрицкий); Роскошный *рог* над ним (оленем) Стоял, *как мощный дым* (Самойлов).

В поэзии XX в. обнаруживается определенная тенденция при обращении к традиционному образу — подчеркивание плотности дыма. Появляются семы 'тяжелый, плотный'+другие значения в зависимости от семантики существительного — второго члена сравнения ('мягкий', 'круглый', 'теплый', 'длинный' и др.). Эти признаки уже непосредственно не связаны с прямым значением слова *дым*. Назовем некоторые сравнения: Из труб кудельно, *душной и верблюжьей*, Сползает *дым* и за корму плывет (Багрицкий); Ура! Ура! — поют заводы, *Картошкой дым* под небеса (Заболоцкий); И *дым* от поезда *клоками белой ваты*. . . (Волошин). — Ср.: От паровоза *белый дым*, *Как хлопья ваты*. расползаясь, Плывет. . . (Бунин); *Как волоса*, *Волокна* тонких *дымов*, Припав к земле, Синеют, лиловеют (Волошин). В последнем примере — случай с метафорическим образом в первой части сравнения: *волокна дымов*. Этот образ мы встречаем и у других поэтов при различных

способах словопреобразования: Но мне осталось, мне осталось Твоих *волос стеклянный дым* И глаз осенняя усталость (Есенин); *Дымом волос* под пожарами глаз из олова дай обовью я впалые груди болот (Маяковский).

Выделим несколько случаев, когда сема 'плотный' в слове *дым* подчеркивается в сравнительных конструкциях благодаря метафорическому прилагательному: В сарае у матрасника на козлах Вились *пружины*, *как железный дым* (Самойлов); И вот, то сокращаясь, то вздуваясь, Переливаясь, *Как железный дым*, И все-таки над кем-то издеваясь Самим существованием своим, Прохлестывая туловищем травы, Ушла *змея*. . . (Матвеева). Одно и то же сочетание *железный дым* выполняет разную художественную функцию у Самойлова и Матвеевой: если у Самойлова функция определения локальна, то у Матвеевой она поддерживается всем контекстом стихотворения («Гипноз»): Глаза лежали на головке плоской, Как на тахте. Из них тянулся взгляд, *Как дым из трубки*, *призрачный*, *но плотный*.

Сема 'плотный' в слове *дым* индуцируется контекстом и в метафоре: Вся в копоти, *с чугунной гирей мги* Синеет твердь и, вмиг воспламенившись, Хватает клубья пскр, *как сапоги*, И втаскивает *дым за голенище* (Пастернак); Сейчас мы руки углем замараем, *Вмуруем в камень самоварный дым* (Пастернак).

Поэты раскрывают новые возможности в слове, включая его в разнообразные связи с другими словами в своем поэтическом мире: Табачный дым горчил, как мед Иль сон о санитарке. . . (Ю. Кузнецов); . . . где дым стоит на кровлях, Как изваяние, пугающее глаз (Заболоцкий). В первом случае происходит как бы отталкивание от основного признака существительного *мед* — 'сладкий' — и языковой метафоры *сладкий сон*. Контрастные семы ('горький', 'сладкий') сосуществуют в слове *дым*. Во втором примере благодаря сравнению в слове *дым* акцентируется сема 'неподвижный, страшный'. Это окказиональное значение редко выдвигается на первый план — чаще всего подчеркивается способность данной реалии к движению разного характера, к действию.

Рассмотренные случаи позволяют говорить о том, что в поэзии расширяются связи *дыма* с различными предметами и понятиями. В результате выдвижения на первый план новых смыслов в анализируемом слове (прежде всего необязательного для него признака плотности) экспрессия его осложняется.

2. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Олицетворение как способ словопреобразования раскрывает в слове новые возможности, дает ряд эстетически значимых употреблений, вошедших в экспрессему *дым*.

Ни у кого из рассмотренных нами поэтов XIX в. мы не нашли олицетворения дыма. Это можно объяснить тем, что семы, входя-

щие в структуру этой лексемы, не содержат значения активного действия (ср. фразеологизм *нет дыма без огня*).

Прием олицетворения развивается уже в поэзии начала XX *в.* Среди отмеченных нами случаев наиболее часто встречается обычный способ олицетворения — использование слова с предикатами. Как правило, метафоризуется глагол: Ветер рвал со стены афиши, *Дым плясал вприсядку* на крыше (Ахматова); *Дым* из-за дома *догонит* нас *длинными длянями*, мутью *озлобив* глаза догнивающих в ливнях огней (Маяковский) [12]; Песком полощут горло тротуары, И *клубы дыма борются* на льду (Пастернак).

В первых двух примерах метафоричность глагола поддерживают и развивают контекстуальные значения в других словах (*вприсядку, озлобив*). В последнем примере метафоризуется только глагол. Художественная экспрессия здесь усиливается благодаря предшествующему олицетворению —*полощут горло тротуары*. Наряду с другими реалиями, одушевление которых стало привычным в сознании читателя, *дым* получает в контекстах Пастернака *значение 'способный к активному действию', 'сильный': Точно* Лаокоон Будет дым На трескучем морозе, Оголясь, Как атлет, Обнимать и валить облака. — Хотя в этой поэме («Девятьсот пятый год») функция сравнения локальна (*точно Лаокоон*), мифологическое имя привносит определенный эмоциональный тон; сема «трагическое» домысливается в слове *дым* как экстралингвистический факт [13].

Характерно, что в большинстве случаев при олицетворении *дыма* в слове индуцируются контекстом семы со значением активного действия, т. е. семы, характеризующиеся малой долей вероятности вхождения в структуру слова. Здесь наглядно подтверждается неисчерпаемость эстетического значения слова, а также безграничность познания предметов и явлений окружающего нас мира. «В поэтическом образе в узком смысле (в образе-тропе) все действие — динамика образа-слова — разыгрывается между *словом* (со всеми его *моментами*) и *предметом* (во всех его *моментах*). Слово погружается в неисчерпаемое богатство и противоречивое многообразие самого предмета, в его «девственную», еще «несказанную» природу» [14].

В поэтическом мире ряда художников слова данная реалия (*дым*) наделяется характеристиками казалось бы неожиданными —

---

[12] В приведенном контексте отмечаем паронимы: *дым — дом*. Сближение этих слов, часто встречающееся у многих поэтов, можно рассматривать как формульное (примеры см. ниже).

[13] Не случайно Ахматова отметила оригинальность этого образа у Пастернака: За то, что дым сравнил с Лаокооном, Кладбищенский воспел чертополох, За то, что мир наполнил новым звоном В пространстве новом отраженных строф, — Он награжден каким-то вечным детством, Той щедростью и зоркостью светил, И вся земля была его наследством, А он ее со всеми разделил.

[14] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 91.

сильный, воинственный, уверенный, смелый, стремительный, ловкий, гибкий: Завод их (соседей) как дом, зовет. Как матери, За руки взяв их, — гудки Ведут за собой На завод. И *в черном трико Балансирует дым* Над трубами, Над трудом (Уткин); Прямо перед глазами *Дым* сумасшедший *Встает на дыбы*. Встал Над Иркутском И замер (Уткин); О, знаю я, что постепенно Твердь снова станет голубой, Студеная осядет пена *И дым подымет хвост трубой* (Мартынов); Над трубою фабричною *лихо, по-гусарски закрученный дым* (Уткин) (см. также примеры, приведенные выше).

Редко при олицетворении дыма акцентируются значения 'робкий, несмелый', 'покорный', хотя эти семы характеризуются бóльшей долей вероятности вхождения в структуру слова, нежели 'смелый, активный': Горчайший *дым безвольными кругами* Тянулся к небосводу *наугад* (Межиров). См. в сравнительной конструкции: *Как дым от жертвы*, что *не мог Взлететь* к престолу сил и славы, *А только стелется* у ног, Молитвенно целуя травы, — Так я, господь, простерта ниц (Ахматова).

Немногочисленны примеры с соположением как одним из способов олицетворения: *Дым, облако и птица* Летят неторопливо (Самойлов); И вот уж, *за дымом* вослед, Срываются *поле и ветер*. . . (Пастернак).

3. СИМВОЛ

Употребление слова *дым* в значении 'мечта, призрак, иллюзия', а также 'исчезающее, проходящее' уже в XIX в. осознается как символическое. В языковом сознании закрепляется связь этого символа с семантическими полями «природа», «время», «человек». Эта поэтическая традиция прослеживается во всей русской поэзии, включая и поэзию наших дней [15].

Поэзия XX в. продолжает и традицию уподобления жизни, состояний человека *дыму* как символу тления в противоположность горению — поэтическая антитеза *огонь — дым*, где *дым* характеризуется постоянной закрепленностью значений (употребление со знаком «минус»): Душа живая, он (боец) необримо Всегда себе был верен и везде — *Живое пламя, часто не без дыма* Горевшее в *удушливой среде* (Тютчев); Закипает и превращается в пар, Загорает и *превращается в дым ваша стойкость* (Слуцкий); Тот глядит на дорогу устало И *не пар* выдыхает, *а дым*. Чтоб в кабине стекло обметало, Надо все-таки быть молодым (Межиров); Где *жар живой правдивой речи*, *А не вранья холодный дым* (Твардовский).

Невозможно, однако, говорить о стабильной закрепленности значений внутри названных членов антитезы. Ср., например, «перевернутость» значений в антитезе *пламя — дым* у Ахматовой:

[15] Примеры см. выше.

Тяжела ты любовная память! Мне *в дыму* твоем *петь и гореть*. А другим — *это только пламя*, Чтоб остывшую душу греть.

В значении ‘исчезающее, уходящее’ *дым* выступает часто в кругу ассоциативно связанных с ним слов (*пепел*, *гарь*, *пар* и др.): И день сгорел, как белая страница: *Немного дыма* и *немного пепла* (Мандельштам); Юбилей — это *пепел*, *песок и дым* (Маяковский).

Традиционным в поэзии является употребление слова *дым* как символа светлого начала. В этом значении *дым* «сопровождается» эпитетами *голубой*, *синий*, *золотой* [16]: Память о вас — *легким дымком*, *Синим дымком* за моим окном. Память о вас — тихим домком. Тихий домок — Ваш — под замком. Что за дымок? Что за домок (Цветаева) [17]; Лишь загляни смиренным оком В непроходящую лазурь, Там — *в тихом*, *в голубом*, *в широком* — *Лазурный дым* — не рокот бурь (Блок); И слава лебедью плыла Сквозь *золотистый дым* (Ахматова); И вновь *из голубого дыма* Встает поэзия. Она Вовеки непереводима, Родному языку верна (Межиров); Я вижу — сквозь две пятилетки, сквозь *голубоватый дым* — на беговой дорожке мы рядом с тобой стоим (Смеляков).

В поэзии XX в. символ *дым* характеризуется широтой смысловых наполнений. Образ дыма все чаще соотносится с социальными явлениями. Такое употребление мы находим у Блока. В его поэтике *дым* — многозначный символ, в структуре которого выделяется и сема ‘смутное, беспокойное, тревожное’: А жить и путано и трудно: То — *над Россией дым стоит*. Отец седея *в дым глядит*. Ср. у Багрицкого: И вечером — прямо в пыль. Планеты стекают в крови густой. Да смутно трубит горнист. Дымятся костры у больших дорог. Солдаты колотят вшей. *Над Францией дым*. *Над Пруссией вихрь*, *И над Россией туман*.

Круг ассоциаций, который вызывает слово *дым*, разрастается. В советской поэзии в экспрессему *дым* входит новый, ранее не акцентируемый смысл: *дым* становится символом труда, трудовых буден, новой жизни [18]. Такое употребление особенно характерно для Маяковского и Уткина: Наша сила — *правда*, ваша — лавры звоны. Ваша — дым кадильный, наша — *фабрик дым* (Маяковский); А теперь *встают* с Подола *дымы*, киевская грудь *гудит*, *котлами грета* (Маяковский); Идемте к нам! *В блистанье стали*,

---

[16] Здесь мы отмечаем лишь общий эмоциональный тон, который привносят в контекст символические смыслы этих словосочетаний, не рассматривая дополнительных оттенков значений в каждом отдельном случае. В ряде примеров цветовое значение названных прилагательных ослабляется. У них также появляется второй план.

[17] Звукопись и рифма в данном контексте осложняют ассоциативную связь *дым — дом*. В нашем материале немало примеров оживления этой стереотипной связи, отражение которой также необходимо включить в структуру рассматриваемой экспрессемы. См. примеры «Парон.» выше.

[18] С этим отчасти связано и новое семантическое наполнение слова — появление окказиональных значений ‘сильный, мощный’, ‘решительный’ (см. «Олицетворение»).

В дымах — мы встретим вас (Маяковский); Кто *вздыбил дымы над заревом боен*. . . (Маяковский); Для нас был все *фабричный дым*: Я был рабочим рядовым. . . (Уткин); Так *дым войны с фабричным дымом Соединив* — подумал я,— Становится непобедимой Простая русская семья! (Уткин). См. также у других поэтов: На берегу асфальтовых речек дымили огромные заводы. Их трубы поддерживали дымы, а *дымы поддерживали небо* (Слуцкий); Еду я в эти годы — *Годы пара и дыма И паровозов гордых* С бригадами молодыми. . . (Слуцкий). Инерция этого символа приводит иногда к экологически неосторожному контексту: Нету лучшего сроду, чем *над небом большим дым* советских заводов — нашей Родины дым (Смеляков).

Естественно, что со временем все чаще *индустриальный дым* употребляется со знаком «минус». Приведем некоторые примеры из стихотворений Мартынова: И станут степи садом райским, И будет сброшен, как тулуп, Славянском, как и Иловайском, *Тяжелый дым фабричных труб*; Щелистый, Кирпичный Старый мир, Привычный *К дыму, чаду, смраду*, Даже к листопаду ты прибавил яду. . . Нет уж, старый старче, мы с тобой поспорим! *И с лица земли мы прочь изгоним дымы*! Хватит смрадных плясок, Кислородных масок И противогазов.

Экспрессема *дым* включает в себя и *дым войны*. Тематическая обусловленность здесь, конечно, ясна. Но в поэзии, отражающей эпоху гражданской войны, в символике слова *дым* появляется новое, не свойственное ему ранее значение, включающее его в семантическое поле «романтическое, героическое». Особенно ярко это выражено в поэзии Э. Багрицкого: Настала пора — и мы снова вместе! Опять горизонт *в боевом дыму*; Ветер *Клубящийся* относит *дым*. . . Наш путь широк и буен. И кажется, что впереди, вдали, Привязанное натуго к вагонам, Скрежещет наше сердце и летит По скользким рельсам, грохоча и воя, Чугунное и звонкое, *насквозь Пропитанное копотью и дымом*. Сопит насосами, и сыплет искры, И *дымом истекает* небывалым. Мы чувствуем, как лихорадка бьет И как чудовищный озноб колотит *Набухшее огнем и дымом сердце*. См. также использование слова *дым* в ироническом контексте, где, однако, *дым* входит в перечисление реалий, несущих сему 'романтическое, героическое': Чтоб были страсти, чтоб огонь, чтоб гром, Чтоб жеребец, чтоб кровь, *чтоб клубы дыма*, — Ах, для здоровья мне необходимы Романтика, слабительное, бром (Багрицкий).

Связь *войны* и *дыма* в поэзии Отечественной войны становится более разнообразной. У Твардовского, например, символика этого слова строится на противопоставлении значений — *дым* как символ детства, родного очага и *дым войны* (со знаком «минус»): *Не дым домашний над поселком*, не скрип веселого крыльца, Не запах утреннего сенца На молодом морозце колком, — *А дым костра*, землянки тьма. . . Звон пули в воздухе недвижном.;

И над старыми трактами *Тянет* с ветром чужим *Не дымком наших трактов — Вонью вражьих машин.*; *Я не пишу* давно ни строчки. . . *Про дым костра и пух цветенья кроткий.*; Как *занялся огнем твой дом*, Ты увидал впервые, А нам тот запах так знаком, *И дым тот очи выел.*

В стихотворениях, связанных с темой Отечественной войны, в слове *дым* часто контекстом индуцируются семы 'мрачное, трагическое', 'смертоносное', 'холодное'. Как правило, все контекстное окружение поддерживает эти значения в слове: *Но дымом восходя из труб Дахау*, живым я (Тиль) опускался на луга (Евтушенко); И поэтому жизнь отдашь ты В искупление невины. Невины. . . Но непоправимо Ты отстал уже навсегда, И *холодные клочья дыма* (паровозного) Оседают на провода (Межиров).; Накрыл Ивана *смертный дым*. . . (Ю. Кузнецов); Шел отец, шел отец невредим Через минное поле, *Превратился в клубящийся дым* — Ни могилы, ни боли. . . Всякий раз, когда мать его ждет, — Через поле и пашню *Столб клубящейся пыли* бредет, Одинокий и страшный (Ю. Кузнецов).

Наиболее частым эпитетом к слову *дым* в стихотворениях, посвященных теме войны, является прилагательное *черный*. Обычно поэты оживляют экспрессию этого устойчивого символа: И Чингизхана сумрачная тень Над целым миром солнце затмевала, И *черный дым* летел за перевалы К стоянкам светлых русских деревень (Рубцов); Когда же враг в Испанию ворвался И *черный дым* затмил чело Мадрида. . . (Матвеева). В первом примере символика подкрепляется контрастом (*черный — светлый*), во втором — она оживляется звуковым повтором (*черный — чело*).

Мы рассмотрели основные, на наш взгляд, моменты в истории экспрессемы *дым*. Анализ эстетически значимых употреблений существительного *дым* дает нам возможность говорить об усложнении семантической структуры слова как единицы стихотворного языка. Усложнение идет по пути расширения диапазона окказиональных значений. Является ли такой характер употребления (усложнение семантической структуры слова) законом, распространяется ли он на все слова, должны показать более широкие исследования.

Н. В. ПАВЛОВИЧ

СИЛА И СЛОЖНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОКСЮМОРОНЕ

В статье описывается ряд лингвистических параметров, изменение значений которых интерпретируется как изменение «силы» и «сложности» семантического противоречия в оксюмороне. Затем устанавливается связь между понятиями «сила», «сложность» оксюморона и понятием «влияние контекста». Психолингвистически «сила» противоречия означает вероятность, с которой данное словосочетание вне контекста будет восприниматься носителем языка как противоречивое. «Сложность» ближе всего к понятиям «неопределенность» и «нестандартность» значения оксюморона.

1. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПРИЗНАКОВ В ОКСЮМОРОНЕ

Оксюморон состоит из двух частей — лексем или групп лексем, — между которыми существует противоречие. Эти две части называются членами оксюморона. Определить значение оксюморона означает включить его члены в одну парадигму, что, в свою очередь, означает установить семантическую структуру и семантические признаки—инварианты искомой парадигмы. По тому, как соотносятся между собой семантические признаки членов оксюморона, различаются: 1) противоречащие признаки, т. е. соотносящиеся как 'а — не-а' и расположенные на одних и тех же местах семантических структур при совпадении всех признаков, связанных с ними иерархически; 2) общие признаки — имеющиеся в семантических описаниях обоих членов оксюморона на одних и тех же местах их структур при условии, что все признаки, связанные с ними иерархически, являются либо совпадающими, либо противоречащими; 3) дополнительные признаки — присутствующие в одном члене оксюморона и отсутствующие в другом. Члены оксюморона могут иметь только противоречащие признаки или только общие и противоречащие: *друг—враг* (В. Брюсов); *любя и не любя* (А. Блок); *сны наяву* (В. Соловьев); *без жизни жизнь и сон без сна* (И. Северянин). Такой случай мы будем называть совпадением признаков с точностью до отрицания. Этот класс оксюморонов был рассмотрен ранее[1] — описан общий принцип синтеза значения оксюморона из значений его членов и типы семантических структур парадигм, в которые включаются члены оксюморона. Члены оксюморона могут иметь, кроме общих и про-

[1] *Павлович Н. В.* Семантика оксюморона. — В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979.

тиворечащих, еще и дополнительные признаки. Это случай пересечения признаков. Примеры: *царственные отрепья* (В. Иванов); *юнцы маститые* (М. Цветаева); *вдохновенный истукан* (О. Мандельштам); *пламенное бесстрастье* (И. Северянин); *снежный огонь* (А. Блок); *черные березы* (И. Анненский).

Чем больше число общих и противоречащих признаков в членах оксюморона по сравнению с числом дополнительных, т. е. чем больше пересечение признаков, тем сильнее и проще оксюморон. Условимся, что знак «больше» ($>$) означает «сильнее», а двойной знак «больше» ($\gg$) — «сложнее». Тогда *сны наяву* (В. Соловьев) $>$ *сны бытия* (А. Блок) $>$ *сны бытийственных метаний* (А. Блок). Но: *сны наяву* $\ll$ *сны бытия* $\ll$ *сны бытийственных паний*.

Психологически разница ощущается, если различие в пересечении признаков существенно. Например, разница между силой и сложностью оксюморонов *любящая ненависть — влюбленная ненависть* меньше, чем в оксюморонах *любящая ненависть — светлая ненависть*.

2. ВЕС ПРИЗНАКА

Для оксюморонов с пересечением признаков существенно, насколько значимы противоречащие признаки по сравнению с дополнительными. Поскольку оксюморон — явление поэтического языка, то в значении члена оксюморона совмещены разные значения лексемы или групп лексем, образующих данный член. Какие именно это значения, зависит не только от непосредственного контекста оксюморона, но и от того, насколько широк тот общий литературный контекст, в котором воспринимается данный оксюморон. Мы считаем, что семантический признак 'а' входит в значение лексемы—члена оксюморона, если существует такой контекст, в котором лексема имеет значение 'а'. Разные семантические признаки члена оксюморона неравнозначны, т. е. имеют разный «вес», поскольку неравнозначны разные значения лексемы. Вес признака уменьшается с ростом номера значения, которому он соответствует. Под номером значения имеется в виду номер значения в словаре — общеязыковом, словаре данного автора и т. д. Отвлекаясь от вопроса, какой должна быть структура парадигмы, включающей оба члена оксюморона, будем представлять значение члена оксюморона как конъюнкцию признаков, где на первом месте стоит признак, соответствующий значению с наибольшим весом, а на последнем — с наименьшим. Напрпмер, значение слова *мгла* в контексте произведений А. Блока будет иметь следующий вид:

$$a_1 \wedge a_2 \wedge \ldots \wedge a_n,$$

где a_1, . . . a_8 — признаки-инварианты следующих парадигм:

1. 'непрозрачный воздух — туман — облака — снег — дым — пыль — пар' (Летит на тройке, потонуло В снегу времен, в дали веков. . . И только душу захлестнуло Сребристой мглой из-под подков. . . — т. 3, с. 168[2]).

2. 'завеса — покров — пелена — непроницаемое — непрозрачное — непроглядь' (Я долго странствовал по свету, Я все увидел, все узнал, Но, мглой туманною одета, Ты мимо шла, мой идеал. — т. 1, с. 382).

3. 'тусклое — бесцветное — серое' (противопоставлено *яркий*, *пестрый*: И шелка ты поярче брала, И ходила рука побыстрей. . . Так возьми ж и теперь попестрей, Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу, Побеждал пестротой эту мглу. — т. 3, с. 282).

4. 'мрак — сумрак — сумерки — темнота — чернота' (противопоставлено *свет*, *белизна*: Гасни, гасни свет, пролейся мгла. . . — т. 2, с. 105).

5. 'неизвестное — неясное — неведомое — непонятное — смутное — неопределенное — туманное' (Что будет там, душа не знает. . . В глубокой мгле грядущих лет Каким предамся я дорогам? — т. 1, с. 344).

6. 'обыденность — серость — скука — однообразие' (противопоставлено *праздничная*, *интересная*, *яркая жизнь*: И чем он громче спорит с мглою будней, Сей праздный звон. . . — т. 3, с. 201).

7. 'тяжесть — страх — ужас — мрак' (Люблю тебя, Ангел-Хранитель во мгле. Во мгле, что со мною всегда на земле. — т. 2, с. 102).

8. 'сон — дурман — хмель — морок — отуманенность' (Объемля душу мглою страстной. . . — т. 1, с. 350).

9. 'эманация женственности — обаяние женщины — проявление женского естества' (цикл «Снежная маска», ср. также черновой и окончательный варианты стихотворения «Я в дольний мир вошла, как в ложу». В основном тексте: И я одна лишь мрак тревожу Живым огнем крылатых глаз. Они поют из темной ложи: «Найди. Люби. Возьми. Умчи». — т. 2, с. 257. В черновом варианте: И мгла поет из темной ложи: «Найди. Люби. Возьми. Умчи.» — т. 2, с. 429).

Чем больше веса противоречащих признаков в членах оксюморона, тем он сильнее. Так, *туман трезвости* сильнее, чем *мгла трезвости* — противоречащие признаки (см. 'a_8 — не -a_8' в значении 'мгла') в лексеме *туман* имеют больший вес, чем в лексеме *мгла*.

Параметры «пересечение признаков» и «вес признака» связаны следующей закономерностью. Если две лексемы образуют семан-

[2] Все ссылки на произведения А. Блока даны по изданию: *Блок А.* Собрание сочинений в 8-ми томах. М.—Л., «Худ. лит.», 1960—1963.

тическое противоречие по некоторому признаку и в обеих лексемах этот признак обладает наибольшим весом, то либо пересечение признаков этих лексем велико, либо, если оно мало, то в одной из них дополнительных признаков или нет совсем, или их значительно меньше, чем общих и пересекающихся. Так, оксюморопы, образованные от лексемы *мгла* по признакам 'a_1 — не -a_1' характеризуются либо бо́льшим пересечением признаков — *ясная мгла* (В. Брюсов), *светит мгла* (А. Блок), *просветная мгла* (В. Иванов) — либо малым пересечением — *прозрачная мгла* (В. Иванов), но в этом случае в значении лексемы *прозрачная* дополнительных признаков нет.

3. ОПОСРЕДОВАННОСТЬ ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ПРИЗНАКОВ

Бывает так, что некоторый семантический признак a_i не входит в значение лексемы, т. е. не является ни одним из инвариантов ее лексико-семантических парадигм, но в одну из парадигм входит другая лексема, в значение которой входит a_i. Это означает, что потенциально a_i может стать значением данной лексемы. Такие признаки мы будем называть опосредованными. Например, признаки 'легкость', 'воздушность', 'физическая проницаемость' являются опосредованными по отношению к лексеме *мгла*, но непосредственно входят в значение лексемы *воздух* — члена парадигмы 1 в значении *мгла*.

Противоречие по опосредованным признакам слабее, чем по признакам, непосредственно входящим в значения лексем. Так, *кованный воздух* сильнее, чем *кованная мгла* (М. Кузмин). По признакам 'легкость', 'физическая проницаемость' лексема *мгла* включается в парадигму 'воздух — пена — хлопья — кудри — пух — дыхание — дух', а оксюморон *кованная мгла* — в группу оксюморонов: *духа кольчуга* (И. Северянин); *кольчуга пен, чугунное дыхание, кудрей тяжел чугун* (В. Хлебников); *железный пух, воздушно-каменный* (О. Мандельштам) [3].

---

[3] Такие парадигмы не принадлежат к обычным синонимическим рядам, которые дают толковые словари и словари синонимов. Они содержат большее число членов, так как количество признаков-инвариантов парадигмы слишком мало по сравнению с дополнительными признаками каждого члена парадигмы, и вес признака-инварианта различен в разных членах парадигмы. Построение оксюморонов с противоречием по опосредованным признакам характерно для В. Хлебникова и О. Мандельштама. В «Завода слово духовенство. . .» В. Хлебников называет две противопоставляемые им парадигмы, на которых построена часть его оксюморонов: *Ведь нечто — тяжесть, сила, долг, работа, труд, А ничто — пух, перья, нежность, дым. . .*

4. СИММЕТРИЧНОСТЬ—АСИММЕТРИЧНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ПРИЗНАКОВ

Признаки, непосредственно входящие в значение лексемы, мы будем называть центральными. Маргинальными мы будем называть опосредованные признаки, описанные выше, а также все нелексические признаки, так или иначе связанные со значением лексемы: коннотативные, указывающие модальность 'отношение говорящего к высказыванию', стилевые признаки, признаки, ассоциативно связанные со значением лексемы через ее сочетаемость, признаки, выраженные грамматически, признаки-инварианты культурных парадигм, в которые может входить данная лексема, а также признаки, входящие в пресуппозиции и следствия из ситуаций, описываемых данной лексемой.

Если оба члена пары противоречащих признаков центральны или оба маргинальны, мы будем говорить, что они симметричны. В противном случае признаки асимметричны. Приведем примеры асимметрии признаков в оксюморонах с разными типами маргинальных признаков:

а) Маргинальный признак входит в культурную парадигму. Противоречие заключается в положительной (отрицательной) оценке того, что в системе ценностей данной культуры оценивается отрицательно (положительно). Вот группа оксюморонов, построенная на противоречии с положительной (отрицательной) оценкой понятия свободы (несвободы): Он *хочет ига* Твоего!; *лелеемое иго*; *блаженная верига*; *очарованная неволя* (В. Иванов); *сладки вериги*; *сладостный плен* (В. Брюсов); *радостная неволя* (В. Хлебников); *сладкий плен*; *милый плен*; *счастлив я своей тюрьмой* (М. Кузмин); *страшная свобода*; *ослепительные цепи* (Н. Гумилев); *печальная свобода*; *Где ты для вып желанней ярмо найдешь* (О. Мандельштам); *И было так светло в твоей неволе*; *счастливый пленник* (А. Ахматова); *Так мила твоя неволя* (С. Городецкий). Оксюмороны, связанные с культурной парадигмой понятий гибели, смерти: *погибнуть мне весело* (А. Блок); *счастье распятья* душит меня (В. Брюсов); Как от этой *смерти праздничной* уйти (О. Мандельштам); Дыши во сне и *сладко умирай* (М. Кузмин). Оксюмороны, связанные с оценкой силы — бессилья, победы — поражения, славы — бесславья, честности — бесчестности и проч.: *наслаждение Тщеты* (И. Северянин); *праздник светлого бессилья*, *счастье обмана* (Н. Гумилев); *Светлой ангельской лжи* не знавал я отрав, *прекрасная ложь* (А. Блок); *отраднейшая ложь* (И. Анненский); Сердце ль, сердце бедное, *Радостно-распятое*, *Горестно-победное*! (В. Иванов); *Тебя приветствую, мое поражение* (З. Гиппиус); *О сладость поражения*! (М. Кузмин); *чудный позор*; Ты *наслаждаешься* величием равнин *И мглой, и голодом*, и вьюгой; *прекрасная нищета* (О. Мандельштам).

б) Маргинальный признак — признак сочетаемости лексемы. В оксюморонах, построенных на нарушении сочетаемости лексем, маргинальными являются признаки тех лексем или групп лексем, с которыми обычно сочетается данная лексема: *закадычный враг* (Л. Пантелеев), маргинальные признаки — признаки лексемы *друг*; *постройка воздушного замка* (И. Ильф), маргинальный признак — 'материальный объект', которого требует согласно своей сочетаемости лексема «постройка»; *блистать глупостью* (В. Ключевский), маргинальный признак — 'положительность' качества, которое является актантом *блистать*.

в) Маргинальный признак выражен грамматически: *встречусь вчера* (будущее время выражено грамматически); *крохотный сапожище* (признак 'большой' выражен грамматически).

г) Маргинальный признак — признак пресуппозиции: *Прозрейте, товарищ зрячий* (А. Вознесенский), *прозрейте* подразумевает обращение к слепому; *Умрешь ты, мертвый* (В. Иванов), *амнистированный повешенный* (А. Вознесенский), обращение *умрешь ты* и *амнистированный* предполагают, что субъект жив; *Вот пропуск, товарищ, Пустите назад!* (А. Ахматова); . . .любопытные богомольцы, которых *беспрепятственно пропускали в хвост очереди* (М. Булгаков), *пропуск, пропускать* предполагают направленность *вперед, в голову очереди*.

д) Маргинальный признак входит в некоторое прагматическое причинно-следственное правило. Один член оксюморона — высказывание, выражающее цель, желание, обычным средством достижения которого есть 'а' (маргинальный признак), второй член — лексема или группа лексем с признаком 'не-а' (центральный признак). Примеры: *Отвернись, я узнать тебя жажду!* (А. Вознесенский); Ты знаешь — *чтоб лучше читать* — О Равви! — *глаза закрываю*. . . (М. Цветаева).

Асимметричный оксюморон (оксюморон с асимметричными противоречащими признаками) сложнее симметричного: *закадычный враг* ≫ *друг—враг*; *блистать глупостью* ≫ *умная глупость*; *радостно-распятое* ≫ *радостно-горестное*; *Тебя приветствую, мое поражение* ≫ *победа-поражение* и т. д.

Противоречие, построенное только на маргинальных признаках, слабее, чем противоречие, построенное на центральных и центрально-маргинальных признаках. Так, в оксюмороне *гуманные книжонки* (Н. Некрасов) оба противоречащих признака маргинальны — *гуманный* в русской культуре имеет высокую оценку, а в лексеме *книжонки* пренебрежительная оценка выражена грамматически — суффиксально:

гуманные книжонки < *великие книжонки, великие убогие книги*.

5. ПОВТОРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧАЩИХ ПРИЗНАКОВ

Повторение противоречащих признаков усиливает противоречие. Существуют разные варианты повторения признаков в оксюмороне:

а) повторение одного и того же признака в одном члене оксюморона дважды:

черный сахар < *черный сахар снега* (О. Мандельштам)

черная метель < *черная, белая. . . метель* (А. Вознесенский)

жаром знобимый < *жаром пламенным знобимый* (В. Иванов);

б) повторение одного и того же признака в одном члене оксюморона три раза:

сухая река < *челнок в сухой реке* < *в сухой реке пустой челнок плывет* (О. Мандельштам)

вольна в неволе < *воля вольна в неволе* < *в каменной неволе воля вольная вольна* (С. Городецкий)

священник взлома < *священник взлома и воровства* < *священник взлома и воровства, ломающий священные запоры* (В. Хлебников);

в) повторение разных признаков в одном члене оксюморона несколько раз.

Оксюморон *нега молний* имеет следующие противоречащие признаки: 'хорошо — плохо' (положительное — отрицательное эмоциональное состояние); 'недискретность — дискретность'; 'длительность — краткость'; 'низкая — высокая интенсивность'. Ср.:

нега молний < *нега молний в жале* < *нега молний в жале боли* < *нега молний в жале жгучей боли* (В. Брюсов) В последнем оксюмороне признак 'плохо' повторен 4 раза, 'дискретность' — 3 раза, 'краткость' — 3 раза, 'высокая интенсивность' — 3 раза.

г) повторение признаков в обоих членах оксюморона:

напев тишины < *среди немолчного напева глубокой тишины лесной* (О. Мандельштам)

в тризне дыханье именин < *в печальной тризне дыханье светлых именин* (М. Кузмин)

мирная услада и яд огневой < *и тихо-мирная услада и яд безумноогневой* (М. Кузмин).

6. ТРЕХЧЛЕННОСТЬ ОКСЮМОРОНА

Трехчленным называется такой оксюморон, в котором, кроме двух членов X и Y, есть лексема или группа лексем Z, образующая такое противоречие с X или Y, что среди пар противоречащих признаков в X—Z или Y—Z есть хотя бы одна пара, не входящая в противоречащие признаки членов X—Y. Трехчленные оксюмороны бывают двух видов: с пересечением или непересечением противоречащих признаков X—Z (Y—Z) и X—Y. Случай пересечения: *легко и сладостно любви ярмо*; *нежные благодарю оковы*

(М. Кузмин). *Сладостно ярмо* и *благодарю оковы* — двучленные оксюмороны с противоречием признаков 'хорошо — плохо' ('положительное — отрицательное отношение к некоторому факту', при этом признак 'плохо' в *ярмо* и *оковы* маргинален, см. аналогичные примеры выше в 4.) Лексемы *легко* и *нежные* — третьи члены, образуют с лексемами *ярмо* и *оковы* по две пары противоречащих признаков: 'хорошо — плохо' и 'легко — тяжело'. Случай непересечения: *Как им тяжело в невесомой свободе* (А. Вознесенский); *восходит солнце падения* народа (В. Хлебников). *Тяжело в невесомом А* и *Восходит А падения* образуют противоречащие пары: 'тяжело — легко' и, соответственно, 'вверх — вниз'. Эти признаки не входят в противоречащие признаки двучленных оксюморонов *тяжело в свободе* и *солнце падения* (признаки 'плохо — хорошо', которые центральны в лексемах *тяжело* и *солнце* и маргинальны в лексемах *свобода* и *падение*).

Трехчленные оксюмороны сложнее двучленных.

7. ТИП СВЯЗИ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ОКСЮМОРОНА

Сила оксюморона определяется не только семантическими параметрами, но и способом отождествления противоречащих членов. Самое сильное отождествление дает контаминация двух лексем в одну: *смертожизнь* (А. Вознесенский), *холодожара* (С. Городецкий), *белосумрачный* (В. Иванов), *черноснежный* (В. Хлебников), *глупомудрый* (М. Бахтин), *тихоярый* (В. Иванов), *пробесшумела* (И. Северянин). Слабее всех отождествляет члены оксюморона координативная связь через сочинительные союзы. Все остальные типы синтаксических связей располагаются между ними:

смертожизнь > *смерть—жизнь* > *живая смерть*; *мертвая жизнь*;

смерть живет. . . > *и смерть, и жизнь*; *смерть, но жизнь*.

8. ЛЕКСИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОКСЮМОРОНА

Одним из приемов создания «свободы выбора значений» [4], необходимой для построения оксюморона, является употребление неологизмов. Значение неологизма более неопределенно — допускает большее число вариантов, — чем значение лексемы, имеющейся в словаре. Степень неопределенности неологизма зависит от его лексического окружения и широты ассоциаций, вызываемых его словообразовательной моделью. Ср.: *чуждая мне ближница*; *честная бесчестница*; *бело ночеет поле*; *безжалостница доб-*

[4] Термин из статьи: *Левин Ю. И. и др.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма. — Russian Literature, 1974, 7—8, с. 47—82.

рая (И. Северянин); *звеноба немобного яра*; *И любиков смеянье в грустилищах зари*; *В лиуву вселилась ужасва и машет радостно крылами* (В. Хлебников); *граненых строчек босой алмазник* (В. Маяковский). Особенно характерны оксюмороны-неологизмы для В. Хлебникова. Например, на одну и ту же тему 'любовь — нелюбовь' в «Любхо» приводится семь оксюморонов: *залюбилось нелюбью к любиму*; *любящий нелюбка*; *залюбила нелюбою в недовлюбь*; *в безлюбную люботу*; *разлюбись в неразлюбиль*: *приолюбливать не любовую любвю*; *олюбил нелюбок люблый*.

Чем больше лексическая неопределенность членов оксюморона, тем он сложнее: *живет и умирает* ≪ *жизняночка и умиранка* (О. Мандельштам) *немые звуки* ≪ *звучаль немотострунная* (В. Хлебников).

9. СИНТАКСИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОКСЮМОРОНА

Синтаксическая неопределенность может возникать вследствие метафоричности членов оксюморона: *смерть живет*, *безмолвие вопиет*. Неопределенность семантики синтаксиса усложняет оксюморон:

мертвец живет ≪ *смерть живет*

немой вопиет ≪ *безмолвие вопиет*

Члены оксюморона могут быть связаны опосредованно в составе сложного образа: *В нем смерть цвела какой-то жизнью черной* (А. Ахматова); *Не коснется до вас наслажденье Бичом оскорбительно-жгучим своим* (Н. Гумилев); *Жестокость в кудри ей с извивом жадной ласки*, *Вплетает алых роз стожалый ореол* (В. Иванов); *И плыл усатый молчанием голос* (В. Хлебников). Такая связь еще более неопределенна и сложна:

мертвец живет ≪ *смерть живет* ≪ *В нем смерть цвела какой-то жизнью черной*

10. СИНТАКСИЧЕСКАЯ РАЗРЫВНОСТЬ—НЕРАЗРЫВНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ВНУТРИ ЧЛЕНА ОКСЮМОРОНА

Признаки в оксюмороне могут повторяться так, чтобы семантико-логическое разбиение оксюморона на члены соответствовало синтаксическому разбиению оксюморона на ветви дерева. Это значит, что если признаки 'а — не-а' соответствуют лексемам, связанным синтаксически S_1 и S_2, то, если S_3 содержит 'а', то оно может присоединиться к оксюморону только как зависимое от S_1, а если S_3 содержит 'не-а', то S_3 может зависеть только от S_2. Мы будем говорить, что в этом случае семантические признаки внутри члена оксюморона неразрывны. Пример неразрывности повторяющихся признаков: *черный ангел — черный ангел на снегу* (О. Мандельштам), *прозрачные дебри — прозрачные дебри ночи* (О. Ман-

дельштам), *незащищенная мощь — хрупкая незащищенная мощь* (А. Эфрос), *ангельская ложь — светлая ангельская ложь* (А. Блок).

Признаки внутри члена оксюморона разрывны, когда синтаксическое разбиение не соответствует семантико-логическому. Это значит, что, если S_3 повторяет 'а', то оно присоединяется к лексеме, содержащей 'не-а', а если S_3 повторяет 'не-а', оно присоединяется к лексеме, содержащей 'а'. Примеры разрывности признаков: *огонь зимы — огонь зимы палящей* (А. Блок), *светел дух печалью — светел дух печалью беспечальной* (В. Иванов), *жалок в своем величии — жалок в своем величии больном* (И. Северянин). В этом случае происходит «вложение» оксюморонов: член оксюморона сам становится оксюмороном — с такими же противоречащими признаками.

Оксюмороны с разрывными признаками сложнее неразрывных. Так: *звучаль немотного молчания ≪ звучаль кричащего молчания немь лукает луком звучным в закричальности зари ≪ немь лукает луком немным в закричальности зари* (В. Хлебников).

Разрывными могут быть оба члена оксюморона: *Товарищ-недруг, вожделенный враг!* (В. Иванов); *И все так близко, и так далеко, Что, стоя рядом, достичь нельзя* (А. Блок). Аналогично: *звучаль звенобная, немота тишины ≪ звучаль немотная, звеноба тишины.*

Если в оксюморонах повторяющиеся признаки находятся в рядом стоящих лексемах, то будем считать такие признаки линейно-неразрывными. Линейно-разрывные оксюмороны сложнее линейно-неразрывных: *звучаль кричащего молчания ≪ звучаль молчания кричащего*

11. ГЛУБИНА РАЗРЫВНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ (глубина вложения)

Чем больше глубина разрывности признаков, тем сложнее оксюморон:

(а не-а) (а не-а) ≪ ((а (а не-а)) не-а).

Скобки показывают деление оксюморона на непосредственно составляющие. Соответствующий пример:

звучаль немотная, звеноба тишины ≪ звучаль звенобной тишины немотствует.

ОКСЮМОРОН В ТЕКСТЕ. СИЛА, СЛОЖНОСТЬ ОКСЮМОРОНА И ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТА

До сих пор оксюморон рассматривался нами как явление языка, а не текста. Чтобы словосочетание в тексте воспринималось как оксюморон, должно быть определенное соотношение между его силой, сложностью и контекстом, а именно: чем слабее оксюморон,

тем больше контекст должен его усилить, чтобы противоречие было воспринято, и, чем проще оксюморон, тем больше контекст должен его усложнить, чтобы реализовалась эстетическая функция оксюморона, т. е., чтобы он не был слишком стандартным. Иными словами, чем сильнее и сложнее оксюморон, тем меньше он зависит от контекста. Рассмотрим подробнее взаимодействие оксюморона с контекстом.

Совместное действие нескольких параметров, определяющих силу противоречия, может значительно повлиять на «оксюморонность» словосочетания. Например, уменьшение пересечения признаков и уменьшение веса признаков настолько ослабляют оксюморон, что противоречие совсем не ощущается. Ср.: *светлая мгла* > *прозрачная мгла* > *сладостная мгла* > *лазурная мгла*, *золотая мгла*. Малое пересечение признаков при их опосредованности также очень сильно ослабляет противоречие. Вот, например, две группы оксюморонов. В первой противоречащие признаки — 'высокая — низкая интенсивность', 'краткость — длительность': *яростная печаль* (С. Городецкий); *яростная мечта*. *ярые неги* (В. Иванов); *дикогрезурные очи* (В. Хлебников). Во второй группе три пары противоречащих признаков: 'высокая — низкая интенсивность', 'краткость—длительность' и 'дискретность — непрерывность'. Оксюмороны этой группы: *остро-сонный взгляд*, *выстрелы неги*, *осиновых скук кол* (В. Хлебников). Противоречие в них настолько слабое, что эти словосочетания воспринимаются просто как метафоры [5]. Противоречащие признаки в них обладают очень малым весом либо являются опосредованными. Пересечение признаков членов мало, особенно во второй группе. Чтобы противоречие в таких оксюморонах было воспринято, текст должен усиливать оксюморон. Это можно сделать тремя способами.

Первый способ заключается в том, что противоречащие признаки «слабого» оксюморона повторяются либо в синонимичных оксюморонах, либо в других элементах текста. Так, описанные выше две группы оксюморонов могли быть выделены только в контексте творчества В. Хлебникова, у которого такого рода противоречие часто повторяется. У других авторов такие оксюмороны просто «не видны». Это же относится к противоречию типа *вьюга каменных богинь*, которое усиливается в контексте синонимичных оксюморонов В. Хлебникова: Удары молота. . . Где *жмурки каменных снегур*, Где *вьюга каменных богинь*. Удары молота. . .

[5] Стоит к этим противоречащим признакам добавить признаки, которые хотя бы в одном члене имели бы большой вес, как противоречие усиливается: в первую группу 'положительность — отрицательность' или 'нежность — грубость' — *лютая женственность* (А. Вознесенский), *дикая нежность* (В. Хлебников), *дикий ангел* (А. Вознесенский); во вторую группу 'положительность — отрицательность' — *жало ласковое* (В. Иванов), *нега молний* (В. Брюсов).

В *мятели каменных русалок*. . . (стихотворение «Молот»), а также: И *вьется вьюгой каменной*, Воздушней кружева, где каменеет женский поцелуй («Прачка»). Еще пример: *златоустый* блатарь (А. Вознесенский). Противоречащие признаки этого оксюморона маргинальны — *златоустый* принадлежит лексике, характерной для высокого стиля, а *блатарь* — жаргонное слово. Противопоставление высокого и низкого стиля присутствует и в первой строфе стихотворения, что усиливает данный оксюморон: Гремите, оркестры! Козыри — крести. Высоцкий воскресе Воистину воскресе! («Реквием оптимистический»).

В последнем примере название стихотворения — *«Реквием оптимистический»* — сильный оксюморон. Его противоречащие признаки иные, чем в сочетании *златоустый блатарь*. Тем не менее, сам факт наличия сильного противоречия вблизи от слабого оксюморона усиливает последний. Создание оксюморонного фона, т. е. помещение слабого оксюморона в ряд других, среди которых есть сильные, — второй способ усиления противоречия. Так, *реем во сне* усиливается в контексте: Мы *реем во сне* И *медлим в паденье*. . . Нам *жизнь — сновиденье*. . . Нам *пламень — рожденье*. . . Мы *гаснем — в огне*. . . (В. Иванов).

Третий способ — создание узкого контекста со сдвинутыми весами признаков. Например, контекст «Снежной маски» таков, что лексема *снежный* имеет много значений и все эти значения сильно совмещены. В результате все признаки имеют примерно равный вес, что усиливает противоречие в словосочетаниях *снежный мрак* (светлый — темный), *снежный костер* (холодный — горячий, бесстрастный — страстный), *снежный хмель* (бесстрастный — страстный).

Сказанное выше не означает, что из любого словосочетания можно сделать оксюморон в контексте. Словосочетания *лазурная мгла*, *золотая мгла*, *светлая тень*, *снежный мрак* — слабые или потенциальные оксюмороны, так как значения составляющих их лексем содержат противоречащие признаки с очень малым весом, и это противоречие может быть усилено — в отличие от словосочетаний *серая мгла*, *дымная мгла*, *синий мрак*, *снежное серебро* и др., где «нечего» усиливать.

Второй существенный момент во взаимодействии оксюморона с контекстом — разрешение противоречия. Если контекст нейтрален по отношению к оксюморону, то для простых оксюморонов разрешение противоречия происходит стандартным образом. На языке модели семантического синтеза оксюморона это означает выбор той или иной семантической структуры парадигмы, включающей члены оксюморона, и перечисление всевозможных вариантов альтернации противоречащих признаков. Значение оксюморона — совмещение всех значений-вариантов. Если контекст не нейтрален, то он может с большей или меньшей степенью неопределенности показывать, какой из вариантов альтернации про-

тиворечащих признаков реализован в данном тексте. Пример: *Жарки зимние туманы* — Свод небесный весь в крови (А. Блок). Вторая строка указывает, что на противоречащих признаков 'холодный — горячий' реализуется признак 'холодный', а в лексеме *жарки* реализуется признак цвета — инвариант парадигмы 'жаркий — красный — багровый — алый'. Еще пример: На этот раз мы, жители верхней палубы, были усеяны *черной черемухой* паровозного дыма. . . (В. Хлебников). Из пары признаков 'черный — белый' в значение оксюморона попадает признак 'черный', а в лексеме *черемуха* реализуется признак 'мелкие осыпающиеся частички' — инвариант парадигмы 'цвет — труха — снег — град' и т. д. В разрешении противоречия может участвовать семантическое поле всего текста (так часто строится взаимодействие оксюморона с контекстом у А. Блока), но это может быть всего лишь одно слово-разгадка: Р о з а — *нежгучий пожар* (В. Иванов), л а й м - л а й т а *холодное пламя* (А. Ахматова), Я э л е к т р и ч е с т в о — *холодный огонь* (О. Мандельштам), *холодный* в о с т о к а *костер* (В. Хлебников), *бешеная*, *орущая тишина* о ж и д а н и я (А. Вознесенский). Один и тот же оксюморон может иметь не одну «разгадку»: Над *белым сумраком* Н е в ы (В. Хлебников) и *белый сумрак* г л а в ы (В. Хлебников).

Такие контексты усиливают эстетическое впечатление от оксюморонов, но на простых оксюморонах это сказывается сильнее, чем на сложных. Вот как изменяется впечатление от простейшего оксюморона *и мой, и не мой*. В нейтральном контексте: Бой сердца *и мой, и не мой*. В контексте, разрешающем противоречие с помощью названия-разгадки «Двойник»: Не я, и не он, и не ты. И то же, что я, и не то же: Так были мы где-то похожи, Что наши смешались черты. . . Лишь полога ночи немой Порой отразит колыханье Мое и другое дыханье, Бой сердца *и мой, и не мой*. . . (И. Анненский). Вот другая разгадка этого оксюморона этим же автором: Схоронили пепелище Лунной ночью в забытье. . . Здравствуй, п р а в н у к о в ж и л и щ е: *И мое, и не мое*! («Под новой крышей»).

В сложных оксюморонах, по сравнению с простыми, больше разрыв между возникновением противоречия и его разрешением. Разгадка оксюморона в контексте, если она не тривиальна, заставляет пересмотреть стандартное разрешение противоречия в простом оксюмороне, увеличивая разрыв между возникновением противоречия и окончательным его разрешением, таким образом, как бы усложняя оксюморон.

В. В. КРАСНЯНСКИЙ

О СООТНОШЕНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО СЛОВА
(эпитет И. Бунина)

Различие между стихотворной и прозаической художественной речью определяется особыми формами стиха, особым положением слова в стиховом ряду. Язык стихотворных произведений, как правило, более специфичен в сравнении с прозаической речью, менее проницаем для включения различных периферийных элементов национального языка, более традиционен. Но это верно лишь в самом общем смысле; если сопоставить язык стихотворных и прозаических произведений одного автора, то нельзя не увидеть свои индивидуальные принципы соотношения поэтического и прозаического слова. У каждого автора, выступавшего перед современниками как поэт и как прозаик, есть свои способы разграничения стиха и прозы, что не противоречит их естественному взаимопроникновению, подчинению индивидуальному стилю.

Соотношение стиха и прозы у И. Бунина выглядит в глазах современников, критиков и исследователей противоречиво. С одной стороны, говорится о взаимопроникновении стиха и прозы, что проза зачастую подобна стиху своим лирическим началом, позицией автора-повествователя, а стихи прозаичны, описательны, им недостает «лирического одушевления» [1]. Характерно следующее замечание: «Но, как бы Бунин ни щеголял этой виртуозной простотой, придающей характер непринужденности стихам, он все-таки и на самом деле стоит на грани чистой прозы, конечно, художественной прозы» (Батюшков 1915, с. 350). На такой подход наталкивают высказывания самого писателя. В интервью 1912 г. Бунин недвусмысленно заявлял: «. . .Я не признаю такого деления художественной литературы на стихи и прозу. Такой взгляд мне кажется неестественным и устарелым. Поэтический элемент стихийно присущ произведениям изящной словесности одинаково как в стихотворной, так и в прозаической форме» (Бунин 1965—1967, т. 9, с. 539). С этой точки зрения стихи и проза сближены по своим внутренним свойствам. Но в то же время стихотворные и прозаические произведения Бунина нередко разграничиваются по своим эстетическим качествам, поэзия зачастую определялась и определяется как вспомогательная разновидность творчества, как своего рода «художественная гимнастика» (Эйснер 1929).

Хотя свойства поэтической и прозаической речи у Бунина переплетаются, взаимопроникают, однако есть совершенно очевид-

[1] «Бунин. . . не знал поэтического пафоса, необходимого поэзии» (Иофьев 1965, с. 319). См. также: Полоцкая 1970.

ные различия, связанные с тем, что стихи Бунина традиционны, проза же воспринималась современниками как новаторская. Поэзия более замкнута по языку, проза — разнообразнее, «всеядиее».

Такая приметная особенность стиля, как тяготение к признаковым словам, к «окачествлению» речи, по-разному выражается в стихах и прозе. Лексический состав прилагательных и наречий стихотворных произведений ограничен. Значительное количество слов употребляется только в прозе; если взять небольшой отрезок Словаря прилагательных и наречий И. Бунина [2], то на одно слово, встретившееся только в стихотворной речи — *безвестный* (6), приходится длинный ряд «прозаических» слов: *аккуратный* (9), *аккуратно* (15), *артистический* (5), *бальзамический* (6), *бархатистый* (7), *бездушный* (6), *безобра́зно* (13), *безразличный* (5), *безразлично* (15), *безучастный* (4), *безучастно* (4), *беременная* (13), *бескорыстный* (4), *беспорядочный* (19), *беспорядочно* (9), *бессмысленно* (16), *бессовестный* (6), *бессовестно* (4), *бессознательный* (9), *бессознательно* (17), *бесстыжий* (7), *бестолковый* (5), *бестолково* (4), *благодушный* (7), *благообразный* (9), *болтливый* (8) и т. д. В этот ряд не включены слова, которые в текстах встречаются менее 4 раз, их, естественно, значительно больше, но они не показательны, потому что длина текста стихотворных произведений Бунина в 5—6 раз меньше длины текста прозаических произведений: редкие слова имеют больше шансов быть прозаическими, нежели стихотворными.

В приведенном ряду — слова с относительно малой частотностью, но нетрудно обнаружить и более частотные прилагательные и наречия, встречающиеся только в прозе: *будничный* (24), *великолепный* (58), *верно* (29), *возможно* (23), *невозможно* (26), *вонючий* (27), *восторженно* (21), *главный* (88), *горбатый* (23), *громадный* (94), *негромко* (38) и др. Здесь два типа слов: с одной стороны, тяготеющие к прозе то ли в силу стилистических свойств (*вонючий, громадный*), то ли из-за характера семантики (*горбатый*), то ли в силу привычных словесных связей (*верно, возможно, невозможно, главный*), с другой — прямолинейно оценочные (*восторженный, восторженно, великолепный*), которых Бунин, очевидно, избегает в лирических медитациях от авторского «я». Но некоторые случаи не поддаются подходящему объяснению (*будничный, негромко*), и если привлечь весь словник прилагательных и наречий, то их окажется немало. Очевидно, что для Бунина представление о «поэтичности» и «непоэтичности» слова было живым, не всякое слово было пригодно для стихотворной строки. Ведь несмотря на от-

[2] Приводятся данные из картотеки Словаря (Орехово-Зуевский пединститут, кафедра русского языка), в скобках указывается количество употреблений в текстах-источниках. На прилагательные суммируется количество полных и кратких форм, на наречия — количество наречий на *-о, -е, -и* и омонимичных им наречных предикативов.

меченную многими критиками и исследователями «прозаичность» стихов Бунина, сугубо прозаических речевых отрезков найдется все-таки немного, и появление их предопределено тематикой (*Скучна, беспола и распутна* — «Поэтесса»; *А что порою на уме — И молвить непристойно* — «Ирпса» и некоторые другие).

Впечатление «прозаичности» создает прежде всего описательность, т. е. нагнетание изобразительных деталей, приглушающих лирическое начало стиха. Проявляется это, в частности, в том, что излюбленными концовками стихотворений (не говоря уже о концовках строф) являются качественные характеристики чего-либо: Вольный ветер с зеленого дальнего моря Был *блаженно пахуч* (I, 283)[3]; Идет она — и стройное бедро Под красной плахтой так *упруго* (I, 337); Пропоется мистраль, И дом белеет слишком *резко* (I, 339). При этом обычный прием — постановка эпитета в обособлении в концовке стихотворения: И твой образ, *милый и далекий* . . .(I, 129); В подземелье Перуна, *высоком и черном*! (I, 158); В лазури неба, *чистой и огромной* (I, 300). Конечные эпитеты зачастую оказываются ритмически выделенными и без обособления: Как нежно плачет колокол в порту Под этот рев *торжественный и грубый*! (I, 321); И опускал глаза, переходя базар. В толпе *крикливой и ничтожной* (I, 368); Какое наслаждение расплющить Головку копьевидную твою, Твой лик *раскосый и зовущий*! (I, 440); И шепчет, шепчет сон бессонный Во тьме *палящей и слепой* (I, 471). Срединные строфы стихотворений с конечными выделенными эпитетами не менее обычны: Сад осыпается, — все в нем забыто. Небо *велико* и *холодно-бледно*. . . (I, 173); И вот она идет, — *неслышно и легко* (I, 171); И заливы морские — *темны и мертвы* (I, 160); А ствол — *гигант, тяжелый, величавый* (I, 243); Миг обрученья, миг причастия Как смерть был *сладок и тяжел* (I, 267); Но и во мху блестят, глядят безумно Круги зрачков *лучисто-золотых* (I, 268); Над головою — небо в бледных звездах, Под хвоей — сумрак, *мягкий и густой* (I, 355); Сирена на туманном косогоре Мычит и *мрачно и темно* (I, 365).

Если справедливо, что стихотворение—полотно, растянутое на иглах опорных слов, то бунинское полотно стиха растягивается на эпитетах, которые выступают в качестве главного элемента изобразительной описательности. «Аркадия», может быть, более динамичное, чем многие другие стихотворения Бунина, дает образец такого положения эпитета в тексте: Ключ гремит на дне теснины, Тень *широкая* сползла От горы до половины *Белозвойного* русла. Истекают, тают сосны, Разогретые смолой, И зиждитель *скиптроносный* Дышит *сладостною* мглой. Пастухи его видали: Он покоится в тени, И раскинуты сандалий Запыленные ремни.

---

[3] Римскими цифрами обозначены тома девятитомного собр. соч., арабскими — страницы (X — бунинский том «Литературного наследства»).

Золотою скользкой броней, Хвоей устлана гора — И *тяжка* от благовоний Сосен *темная* жара.

В силу разных свойств (метафоричности, окказиональности, периферийности в литературном языке) эпитеты оказываются самыми заметными элементами текста. Они, выступая в качестве главного выражения изобразительной описательности, заостряют ее качественными характеристиками, они не просто «увешивают» лица, предметы, явления, как это отмечалось по отношению к прозе Бунина (Антонов 1973, с. 56), а являются теми «красками» (по словам Ю. Олеши), ради которых пишется стихотворение.

Особенность стихотворного слова у Бунина в том, что оно ограничено в своих связях в сравнении с прозаическим словом. Нагляднее всего это подтверждают излюбленные и своеобразные эпитеты-прилагательные, встречающиеся в разного типа текстах. Общее между ними то, что они выделяют какие-либо оттенки признаков, выражая субъективную интенцию автора.

Гелиотроповый (5; 1+4)[4]. В стихах: В *гелиотроповом* свете молний летучих На небесах раскрывались дымные тучи (VIII, 17). Прилагательное в метафорическом контексте становится в ряд с «летучими молниями» и «дымными тучами» как нечто поэтичное, украшающее. В прозе неожиданнее, своеобразнее: Над подъездом горел электрический шар, *гелиотроповым*, неприятным светом озарявший лихачей второго сорта... (IV, 343); ...*гелиотроповые*, но женски-молодые губы... (VII, 189); Нежно-зеленая [луна], на *гелиотроповом* небе... (V, 336).

Гробный (8; 1+7). В стихах в плеонастичном употреблении в сочетании *гробный склеп*. В прозе в ряде неожиданных сочетаний (*гробная челюсть, риза*; *гробный мундир, мир*): Смерть в доспехах и зубчатой короне, оскалив свою *гробную* челюсть, с разбегу подавшись вперед, глубоко всадила под сердце распятого железный трезубец (V, 50); Она лежит в холодной половине — уже в гробу, снеговая, белая, глубоко уйдя в свой *гробный* мир... (V, 78); ...и лежит под ней, под сосной, которая певг называется, мать красы неописанной, вся как снег белая, в своей ризе черной, *гробной*, с мертвым младенцем у бесплодной груди... (IV, 241). Слово, отмеченное как характерное для И. Бунина (Чудаков 1968), действительно воспринимается в контекстах как своеобразная метафора, хотя писатель стилизует архаическое употребление в значении 'относящийся к смерти' (Сл. РЯ XI—XVII вв, с. 138).

Дымчатый (28; 3+25). В стихах как традиционно-поэтическое свето-цветовое прилагательное: *дымчатые тучи, дымчатый Млечный путь, верх в созвездьях*. В прозе то же употребление выступает в осложненном виде: Исполинская *дымчатая* тень в ра-

[4] Первая цифра — общее количество употреблений, вторая — в стихах, третья — в прозе.

дужном ореоле пала на меня. . . (II, 338). Показательно и постоянное использование свето-цветовой характеристики применительно к «непоэтичным» предметам: *дымчатый вол*, *дымчатые быки*, *дымчатая овчина*, *вата*.

Сквозной (53; 16+37). В стихах — в таком ряду сочетаний: *сквозная листва*, *чаща*, *паутина*, *мгла*, *вода*, *сквозной узор*, *иней*, *чертог сада*, *верх*, *лес*, *сквозные руины собора*, *сквозное облачко*. Например: А между кленами спнеют То там, то здесь в листве *сквозной* Просветы в небо, что оконца (I, 120); Зеленый лес раскинул в жарком свете *Сквозную* тень, узорчатые сети. . . (I, 279). В прозе сохраняется тот же характер употребления в сочетаниях: *сквозная листва*, *сень* (*березы*), *тень*, *чернота деревьев* и т. п. Но встречается и более сложная метафоричность в употреблении прилагательного: И непрестанный, ни на секунду не смолкающий звон, наполняющий молчание неба, земли и моря своим как бы *сквозным* журчанием, похож то на миллионы текущих и сливающихся ручьев, то на какие-то дивные, все как будто растущие хрустальной спиралью цветы. . . (V, 299).

Сочетания, в которые вступает эпитет в прозаических произведениях, разнообразнее, в ряде случаев они отмечены неожиданной и точной изобразительностью: На лавке сидел бледно-зеленый, *сквозной* старик. . . (IV, 58); . . .в глазах у них [волков] мелькает то *сквозной* зеленый блеск, то красный. . . (VII, 70). В последнем примере — *сквозной блеск*: блеск как отсвет огня объемен, как будто идет изнутри.

Довольно значительно количество прилагательных и наречий, которые отмечены своеобразным употреблением в разнообразных метафорических сочетаниях, вообще встречаются только в прозаических произведениях, следовательно, негативно дают характеристику и стихотворной речи. ***Линючий*** (10). Кроме обычного употребления в прямом значении (*линючая рубашка*, *косоворотка*), находим в текстах своеобразные метафоры, обозначающие субъективное восприятие светового признака: *линючие тучи*, *линючие стены*. ***Едкий*** (20), ***едко*** (15). Характерные для Бунина слова, выражающие больше восприятие, нежели объективные свойства чего-либо: . . . Спрашивали мужики в ожидании *едких* откровенностей (III, 279); . . . Думал он с какой-то *едкой* . . .тоской. . . (IV, 155); . . .Машина гремела в пустом зале подмывающим к *едким* изгибам и подскакиваниям кекуоком. . . (IV, 344). Неожиданные сочетания — *едкое хвастовство*, *едкий причудник*, *едко ухаживал*, *был едко молчалив* и др. — встречаются в произведениях разных периодов творчества писателя.

Но из всего этого, конечно, нельзя сделать вывод, что стихи и проза у Бунина резко разграничены по языку и не имеют никаких общих свойств. Язык прозы богаче и своеобразнее по лексическому составу, язык поэзии беднее и традиционнее, но есть и общие элементы речи, объединяющие поэзию и прозу. Прежде

всего это традиционно-поэтическая лексика, встречающаяся как в стихотворной, так и в прозаической речи. Наблюдается своего рода экспансия особенностей стихотворной речи в речь прозаическую, которая обусловлена более широким явлением — переносом свойств поэтики стихотворных произведений на поэтику прозы. Так, позиция повествователя — лирического «я», и точка зрения персонажа, организующего повествование и являющегося носителем лирического начала («он»), во многих рассказах Бунина подобна позиции лирического «я» стихотворных произведений. Это предопределяет ряд свойств прозаической речи: отчетливую ритмизацию авторского повествования, заметную роль субъективно-оценочных слов и синтаксических конструкций в организации авторской речи, употребление традиционно-поэтических слов и оборотов и др.

Если проанализировать употребительность эпитетов из элегического словаря романтиков [5], — а эти эпитеты являются составной частью традиционно-поэтического словаря, — то, как и ожидалось бы, более высокая частотность наблюдается в поэзии, нежели в прозе (если иметь в виду, что длина стихотворного текста в 5—6 раз меньше длины прозаического текста): *одинокий* (68; 57+11), *безмолвный* (53; 26+27), *беззвучный* (16; 5+11), *тайный* (87; 23+64), *таинственный* (116; 39+77), *тихий* (240; 95+145) и т. д. Показательна при этом перекличка характера употребления в стихах и прозе.

Одинокий. Тот экспрессивный ореол, который приобрело слово в поэзии романтиков, интенсивно используется в стихах (*одинокие думы, дни, ели*; *одинокий путь, след, двойник луны, огонь, призрак*; *одинокое сердце* и т. п.): Замирает *одинокий* Золотой двойник луны (I, 58); В небе, на востоке, Краснеет *одинокая* звезда (I, 397). Подобное же употребление наблюдается и в прозе (*одинокая луна, жизнь, усадьба, звезда, печаль, страна, пальма*; *одинокий звон, полумесяц* и др.): Так, в светлом и совсем пустом небе, под Южным Крестом, все мерцает *одинокая* низкая звезда (V, 330). Конечно, эпитет в прозе употребляется и в соединении с словами, обозначающими «непоэтичные» предметы: *одинокая станция, мельница-ветрянка*; *одинокий конус, домишко* и др. Но прилагательное обычно и в этих сочетаниях сохраняет экспрессивный ореол, восходящий к стихотворной речи XIX в.: Но вот и *одинокая*, знакомая станция среди пустынных полей (II, 402); . . .Ни единого жилья, кроме редких сторожевых мазанок, таких *одиноких* в этом серо-желтом мире. . . (V, 316).

Печальный (168; 69+99). В стихах: *печальный след былого, день, свет, вечер, след в душе*; *печальная красота, луна, заря, ночь, волна, искра* и т. д. Экспрессия поэтизма иногда соединяется с бытовым контекстом, что дает точность в передаче индивидуального

[5] Об этом см.: Вишкур 1959, с. 371—376.

восприятия: Принес мне самовар — и по гостиной Полился нежный и *печальный* стон (I, 192); И детское, и старческое что-то В ее [обезьяны] глазах *печальных* (I, 296). В прозе можно отметить такого же типа конкретизацию восприятия: . . .*Печальное* от туч окно. . . (IV, 303); . . .Мешки, сундуки и полушубки составляли грубую и *печальную* картину (II, 277). Хотя более обычно использование в прозе в качестве поэтического штампа с размытой семантикой: *печальный рассвет, отсвет запада, полумесяц; печальная тьма, ночь; печальные сумерки* и т. д.

Безмолвный. Отчетливый поэтизм, показательны переклички его употребления в стихах и прозе. В стихах типичен такой контекст: . . .И сумерки скрывают *Безмолвные* поля в свою густую тень. . . (X, 282). Обычные сочетания: *безмолвная аллея, степь, долина, зима, красота; безмолвные леса, ночи, могилы* и *гробницы* и т. д. В прозе эпитет зачастую плеонастичен, и потому нагляднее использование экспрессивных качеств поэтизма: . . .Пламя. . . озаряет угрюмую аллею неподвижных и *безмолвных* сосен (II, 229); Здесь, в этих *безмолвных* горных долинах, еще царила красота и тишина первых весенних дней. . . (II, 447). В то же время экспрессивные качества нередко подаются резче, абстрактнее, в менее привычных сочетаниях слов — эпитет выступает как своеобразный сигнал традиционных поэтических контекстов, которые стоят за словом: Блеск низкого солнца и пустых полей, осеннее *безмолвное* ощущение чего-то (V, 436); . . .*безмолвная*, вечная религиозность ночи. . . (VII, 88).

Тайный. «Волшебный» эпитет романтической поэзии используется в стихах как традиционно-поэтическое средство: . . .Луна глядит — и, в блеске, в пене, Спешит волна на *тайный* зов (I, 408); Люблю, исполнен *тайной* муки, Люблю тебя, как светлый сон. . . (X, 178). В сочетаниях с прилагательным чаще всего встречаются существительные с психологической семантикой: *тайный восторг, страх, смысл, знак; тайная дума, радость, грусть, жизнь* и т. д. Аналогичен и ряд сочетаний в прозе: *тайный восторг, трепет; тайное чувство, мучение, страдание, значение* и др. Естественно, в прозе в некоторых контекстах наблюдается трансформация волшебного эпитета, расширение круга возможных контекстов. Например, «тайное» из сферы платонического любовного чувства у Бунина постоянно переносится в сферу плотской любви: . . .признак ее какой-то *тайной* порочной опытности. . . (V, 183); . . . взгляд . . .соглашающийся на что-то *тайное*, порочное (V, 279—280).

Томный (32; 7+25). В стихах наблюдается традиционное метафорическое употребление слова: Как хороши и *томны* в ней. . . Глаза фиалок у корней (I, 445); И день сиял, и млели розы, Головки *томные* склоня. . . (I, 204); Алмазы *томных* крупных слез [о росе] (I, 295). В прозе эпитет чаще всего связан с изображением чего-то фальшивого в человеке: . . . Она не говорила, а все время

восклицала с какой-то назойливой *томной* страстностью. . . (V, 186—187); . . . шли молодые люди. . . с *томными* антилопьими взглядами. . . (VI, 250). Но есть и *первые томные подснежники* (II, 447). Объединяет поэтическое и прозаическое употребление и сближение традиционного эпитета с диалектным *томный* в значении 'тяжкий'. В стихах: Зарею сладок твой бодрый холод, Твой *томный* голод, — твой зов, весна! (I, 144). В прозе: . . .Чувствует мир с тем *томным* отвращением, которое так знакомо всем плавающим на кораблях. . . (IV, 372). Очевидно, что в диалектизме для писателя интерес представляет не диалект, который стоит за словом, а метафорическое осмысление эпитета в контексте литературного языка.

Тихий. Мотив тишины определяется иногда как один из главных в творчестве И. Бунина, а слова, которые способны выражать этот мотив, называются ключевыми, опорными словами. Но по этому признаку И. Бунин вряд ли будет отличаться, например, от И. С. Тургенева, да и других писателей XIX в., поэтизирующих деревенскую жизнь. Частое употребление слова не в последнюю очередь объясняется тем, что стало традиционным выражением эмоционального тона в романтической поэзии. Как размытый по семантике экспрессивный эпитет встречается у Бунина как в стихах: Светятся с приветом В темном небе темной ночью Звезды *тихим* светом. . . (I, 83), — так и в прозе: И *тихая*, нежная, совсем бледная луна низко стояла над садом. . . (V, 212). В многочисленных сочетаниях, несмотря на конкретизацию семантики, сохраняется экспрессия поэтизма: *тихий сад*, *пруд*, *шепот леса*, *вечер*, *сумрак аллей*, *дом*, *тихая усадьба*, *ночь*, *тихие поля*, *деревни*, *леса*, *руины* и т. п.

Пустынный (108; 50+58). В стихах — с обычной элегической экспрессией: Но поля еще *пустынны*, Но леса еще безмолвны. . . (I, 84); И на *пустынном*, на великом Погосте жизни мировой. . . (I, 96). Обычные сочетания: *пустынная ночь*, *высота*, *тишина*; *пустынный блеск*, *простор*, *день*. В прозе эпитет связан с выражением того же эмоционального тона: . . .Барин долго глядит в осеннее поле, на *пустынные* зеленые озими. . . (II, 192); И так *пустынны* сумерки над гаванью. . . (III, 178). Характерно использование слова в прозе как некоего знака поэтичности: . . .Он [лай собак] какой-то особенный, ненужный, *пустынный* (VI, 285); Бледно-белеющие над синевато-сумрачным небом поля стали шире, просторней и еще *пустыннее* (III, 107).

Немой (50; 39+11). Наблюдается явное преобладание употребительности в стихотворной речи в традиционных сочетаниях со словами: *могилы*, *гробница*, *земля*, *покой*, *тишина*, *тишь*, *ночь*, *простор*, *природа*, *зарница*, *небо*, *келья*, *душа*: Привет тебе, *немая* келья И радость одиноких дней (I, 158); И опять забытое былое Наполняет сердце молодое Смутной грустью, тихой и *немой*. . . (X, 274). В прозаических контекстах экспрессия поэтизма

используется резче, обнаженнее: . . .Глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но *немая*, неподвижная (VII, 43); Все было *немо* и просторно, спокойно и печально — печалью русской степной ночи. . . (VII, 38). Обнажение экспрессии еще показательнее в наречных предикативах: . . .Я пошел по улицам, — они были страшны: *немо*, тепло и сыро. . . (VI, 283); Как поздно и как *немо*! (VII, 42).

Алмазный (14; 9+5). Обычный поэтизм стихотворной речи в метафорическом употреблении при изображении светового впечатления: . . .И чуть мерцает блеск *алмазный* На еле видимых хребтах (1,473); . . .Только бы видеть тебя, умирающий в золоте месяц. . . Альдебарана рубин, *алмазную* цепь Ориона. . . (I, 215). В прозе сохраняется тот же характер использования эпитета: . . .Протянулись изогнутой *алмазной* цепью несчетные береговые огни . . . (VII, 139); . . .тяжкая гроздь люстры, насквозь играющей *алмазным* сиянием. . . (VI, 221).

Уже приведенный материал показывает, что экспансия поэтизмов в прозу обычна у Бунина, в то время как употребление прозаических слов ограничено в стихотворной речи. «Прозаический» эпитет-прилагательное возможен только в силу прозаической темы стиха; обозначающие реалии быта существительные (*деревушка*, *побирушка*, *завалинка*, *овчарка* и т. п.), нередки в стихотворной речи Бунина, но они не меняют представления о традиционности языковых средств стиха: ведь возможность появления их в стихотворной речи обусловлена другой традицией — традицией поэтизации сельского быта в русской поэзии XIX в. Поэтизмы, конечно, в разной степени употребительны в разных частях прозаического текста: преобладают главным образом в авторской речи, и преимущественно в таких отрезках ее, которые приближаются к чистым описаниям, чаще всего пейзажного характера. При этом поэтизмы приспосабливаются к прозаической речи; впрочем, и «непоэтичные» слова приобретают свойства поэтических в пейзажных контекстах прозаической речи — они резко метафоризуются: *Из-за туч глядит, светит низкий лысый месяц* (V, 110).

Конечная же причина этих особенностей художественной речи Бунина — в поэтике его рассказов: позиция повествователя, если он обнаруживает свое «я» в тексте, сходна с позицией лирического «я» романтической поэзии по содержанию, по целому ряду поэтических мотивов: одиночество, грусть, удивление перед таинствами бытия и смерти и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов С. От первого лица. М., Советский писатель, 1973.
Батюшков Ф. Д. Ив. А. Бунин — В кн.: Русская литература XX века, т. 2, ч. 2. М., Мир, 1915.
Бунин И. А. Собрание сочинений в 9-ти томах. М., Худож. лит., 1965—1967.

Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959.
Иофьев М. Профили искусства. М., Искусство, 1965.
Литературное наследство. Иван Бунин. Т. 84, кн. 1. М., Наука, 1973.
Полоцкая Э. А. Взаимопроникновение поэзии и прозы у раннего Бунина. Известия АН СССР, СЛЯ, 1970, вып. 5.
Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., Наука, 1977.
Чудаков А. П. Новое собрание сочинений И. А. Бунина. — Вопросы литературы, 1968, № 12.

М. Д. ЯКУБОВСКАЯ

ОППОЗИЦИЯ *СУМРАК/СУМРАК* В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ А. БЛОКА

Значение поэтической речи А. Блока сложно и многослойно. Это находит выражение в полисемичности поэтического текста, т. е. в возможности его различного прочтения. На семантическом уровне полисемичность текста возникает как результат неоднозначности лексического значения и художественного смысла одного и того же словесного знака. В контексте одного стихотворения или цикла стихов Блока между лексическим значением и художественным смыслом знака устанавливаются отношения семантической оппозиции, формирующей смысловую структуру текста. При этом словарное значение — основа первого прочтения текста, художественный смысл — основа постижения глубинной семантики текста, его внутреннего содержания.

Высоко моделирующую функцию в поэзии Блока выполняет смысловая оппозиция *сумрак/сумрак*. Первый компонент этой оппозиции — знак в его словарном значении 'неполная темнота, полумрак, при котором еще можно различать предметы' или в традиционно метафорическом значении 'небытие' — широко используется Блоком в самые разные периоды его творческого пути: Сумрак дня несет печаль (I, 150); Ловлю дрожащие, хладеющие руки, Белеют в сумраке знакомые черты. . . (I, 357); Люблю вечернее моленье У белой церкви над рекой, Передзакатное селенье И сумрак мутноголубой (I, 204); Когда же сумрак поредел, Унылый день повлек Клубок однообразных дел, Безрадостный клубок (II, 130): . . . Подо мной — Белеющая в сумраке дорожка (II, 299); Умри, Флоренция, Иуда, Исчезни в сумрак вековой (III, 106); Ты за другими в сумрак канешь, Ты за толпой вослед пройдешь (III, 311) и др. Реже этот знак используется в метафорическом перенесении на явления духовной жизни: Углубись еще бесстрастней в сумрак духа своего (I, 245).

В цикле «Стихи о Прекрасной Даме», где рассматриваемая оппозиция доминирует, знак 'сумрак' в лексическом значении

парадигматически сопоставлен с мраком, тьмой, темнотой, мглой — очень активным в поэзии Блока рядом. В смысловой структуре значения знака *сумрак* выявляются два существенных семантических элемента — 'темнота' (инвариантный, включающий знак в парадигматический ряд) и 'свет' (дифференциальный, противопоставляющий знак единицам ряда). На синтагматической оси он сочетается со смыслами, актуализирующими инвариантный признак 'темнота': *сумрак беззвездный, смертный, гробовой, вековой, непробудный, неминучий*. Лексико-семантическое поле, тяготеющее к 'сумраку', содержит лексемы с негативной эмоционально-экспрессивной окраской: *скудные (сердца), безнадежные (лица), безнадежный (глаз столицы), тусклые (улицы), унылый (день), страшный (мир), вражда, печаль, холод, обман*. В поэтическом контексте Блока *сумрак* часто трансформируется в *темноту, мрак, мглу, сырую мглу, ночь хладную, мглистый мрак* и т. п. В лексическом значении знака под влиянием контекста происходит «угасание» дифференциального компонента 'свет', в результате чего нейтрализуется различие между сумраком и темнотой. Создается образ безрадостного, враждебного, мрачного реального мира.

Художественный же смысл рассматриваемого знака исполнен субъективного авторского содержания. Этот смысл отсутствует в естественном языке. Трансформированный поэтом знак *сумрак* становится основой конструирования определенного художественного мира. Основной принцип конструирования художественного мира — фиксация таинственности, невыразимости, непостижимости и одновременно гармоничности и совершенства мировых сущностей: Но верю, Ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый, Смыкая тайный круг, в движеньи запоздалый (I, 109); И скоро сумрак туч прорвут Лучи — зубцы ее короны (I, 335); Тебе, Чей Сумрак был так ярок, Чей голос тихостью зовет, — Приподними небесных арок Все опускающийся свод (I, 317); Ты в алом сумраке лукая, ночную миновала тень. Но риза девственная зрима. . . (I, 80); Ты отходишь в сумрак алый, В бесконечные круги. Я послышал отзвук малый, Отдаленные шаги (I, 81); Пламя алое в сумраке носится, Потухают желанья в крови. Вижу — к вышнему небу возносится Безначальная дума любви (I, 475); Но откуда в сумрак таинственный Смотрит, смотрит свет голубой?. . О, откуда, откуда мглистые заалели тучи, горя, И нити бегут золотистые, и сумрак румянит заря? (I, 153). *Сумрак алый* в системе смыслов Блока выступает символом надопытного мира, недоступного для познания. Как отмечает М. П. Эпштейн, *сумрак*, в который отходит Прекрасная Дама, означает ее непостижимость, *алый* — свет духовной красоты и совершенства. Мир этот заключен в бесконечные круги, символизирующие его абсолютность, совершенство [1]. Как бы ни

[1] *Эпштейн М. П.* Диалектика знака и образа в поэтических произведениях А. Блока. — В сб. Семиотика и художественное творчество. М., Наука, 1977, с. 340—342.

был субъективен художественный смысл знака, он рождается на основе его лексического значения, как результат «наложения» на лексическое значение. В блоковском символе *сумрак* сохраняются оба структурно значимых смысловых элемента — 'темнота' и 'свет', но иерархия их, как будет показано ниже, иная.

Смутность предметов, их расплывчатость, едва различимость для глаза, являющиеся признаком сумрака реального мира, трансформируются, теряют свое материальное содержание, становясь признаком неких надматериальных сущностей: неразличимость трансформируется в непостижимость, смутность очертаний — в таинственность. Художественное содержание этого знака проявляется только во взаимодействии определенных смыслов с резко индивидуальным авторским наполнением: *сумрак алый, сумрак лучистый, сумрак. . . ярок, сумрак зари, пламя алое в сумраке* и др. Лексико-семантическое поле, доминантой которого является этот знак в художественном смысле, включает в себя лексемы или содержащие в своей семантической структуре элемент 'свет', или имеющие с этим элементом логические связи: *заря, огонь, пламя, пламень, костер, свет, рассвет, луч*; *сверкающий (трон), золотая (Жена), алый (сумрак), голубые (пути), вечный (свет), огневые (струи), пламенный(рассвет), голубой (свет), золотистые (нити), красное (пламя), беззакатная (глубь), закатно-розовая (пыль)*. В этом сумраке обязателен свет, он вспыхивает, мелькает, алеет, пламенеет, струится, расцветает — непостижимая, динамическая жизнь духа символизируется в жизни, движении света и огня. Непостижимость, непознаваемость жизни духа подчеркивается словами *таинственный, тайный, нездешний, неведомый, неизвестный, непостижная*: Мы, два старца, в сумрак таинственный Бредем. . . (I, 153); Там, в сводах — сумрак неизвестный. . . (I, 159); И вспыхнет сумрак алый, Смыкая тайный круг (I, 109); Там сумерки невнятно трепетали, Таинственно сменяя день пустой (I, 175); Я направляю взор в таинственные страны, — Тебя не вижу я: и долго бога нет (I, 109); А здесь, как память лет невинных и великих, Из сумрака зари — неведомые лики. . . (I, 110) и др. Вокруг знака *сумрак* создается своеобразный семантический блок — смысловой мир поэта. В этом блоке на парадигматическом уровне четко выделяется несколько ассоциативных семантических рядов с опорными лексемами *сумрак, луч, круг, свет, небо, ты*:

сумрак — туман — грань (богопознанья);
круги — (царственные) дуги — (небесные) арки;
лучи — (огневые) струи — (золотистые) нити —
(закатно-розовая) пыль;
свет — огонь — пламя — костер;
Ты — (золотая) Жена — (закатная Таинственная) Дева —
Прекрасная Дама;

небо — (бледная) высь — (божий) чертог —
страна (таинодейственной) любви.

Эти ряды, отсутствующие в естественном языке, открыты для дальнейших парадигматических подстановок. В смысловой структуре художественного знака под влиянием единиц описанного семантического блока резко актуализируется компонент 'свет'. По отношению к структуре лексического значения происходит перегруппировка смысловых элементов. Таким образом, поэтический контекст содействует угасанию смыслового элемента 'свет' в структуре лексического значения и активизации его в структуре художественного смысла. Схематически это можно выразить следующим образом.

сумрак

лексическое значение		художественный смысл	
A	b	B	a
'темнота'	'свет'	'свет'	'темнота'

Перегруппировка компонентов приводит к тому, что лексическое значение и художественный смысл знака вступают в отношения тождества—различия, т. е. знак становится парадигматически со-противопоставлен самому себе, что в рамках одного стихотворения или стихотворного цикла приводит к полисемичности поэтического текста.

Моделирующая роль оппозиции *сумрак/сумрак* ярко проявляется в стихотворении «Я долго ждал. . .» (I, 143):

Я долго ждал — ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно,
Я напрягал и взор и слух.
Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, — и сердце занялось.
Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

В стихотворении два семантических плана. Первое прочтение текста определено словами *я*, *ты*, *ждал*, *сумрак*, *вьюга*, *вышла* где

я: лирический герой
ты: любимая
сумрак: полутемнота (указание на время суток)
вьюга: указание на обстановку ожидания
вышла: появилась из какого-либо здания и т. д.

Лирический герой ожидает выхода любимой, ложится сумрак, *зима, вьюга, и в этой вьюге она появляется, словно волшебница.*

Такое прочтение подсказано и нелингвистической ситуацией контекста. В Дневниках поэта в черновике неотосланного письма Л. Д. Менделеевой мы читаем: «Помните Вы-то эти дни — эти сумерки? Я ждал час, два, три. Иногда Вас совсем не было, но, боже мой, если Вы были! Тогда вдруг звенела и стучала, захлопываясь, эта дрянная, мещанская, скаредная, дорогая мне дверь подъезда. Сбегал свет от тусклой желтой лампы. Показывалась Ваша фигура. . . На Вас бывала, должно быть, полумодная шубка с черным мехом, маленькая шапочка, под ней громадный, тяжелый золотой узел волос. . . Такая высокая, статная, морозная» (VII, 55). В стихотворении воспроизведены отмеченные здесь реалии: сумерки, долгое ожидание, зима («такая морозная», шубка). В основу стихотворения положен факт действительности, но посредством нового смыслового наполнения ряда словесных знаков этот факт приобретает художественное значение, прочтение которого возможно лишь в контексте всего цикла «Стихов о Прекрасной Даме». Это (второе) прочтение определено семантическим полем *ты*, *свет*, *вспыхнул*, *пламень*, *слово*, *небо*, *сумрак*, *вечный*, *купола*, *всплыла*, где в системе художественных смыслов цикла *ты*: Ты, Прекрасная Дама, Закатная Таинственная Дева, Вечно Юная, золотая Жена

свет: символ духовной красоты и чистоты
вспыхнул: указание на преображение мира
пламень: предвестие появления *ты*
слово: молитва
небо: божий чертог
сумрак: символ таинственности, непостижимости
вечный: абсолютный, отсутствие начал и концов
всплыла: появилась как существо, причастное иному миру

Контекст словно развернуто иллюстрирует уже цитированные выше строки: Но верю, Ты взойдешь, и вспыхнет сумрак алый. . . (I, 109), повторяя те же смыслы — *Ты*, *вспыхнет*, *сумрак*, *алый* — *пламень*, *взойдешь* — *всплыла*. Появление Вечно Юной (земного воплощения Мировой Души) преображает мир; яркий свет (пламень), символизирующий высоты духовного, — предвестие появления *Ты* [ср.: Все в облике одном предчувствую Тебя. . . Весь горизонт в огне, и близко появленье (I, 94)]. Причастность *Ты* к иному миру подчеркивается вечным светом, вечным звоном колоколов, приветствующих ее появление; соприкосновение с этим миром совершенной духовной красоты и чистоты вызывает молитвенный экстаз (*И слово к небу понеслось*).

Между первым и вторым прочтениями существуют внутренние взаимоотношения, определяемые оппозициями *ты*/*Ты*, *сумрак*/*сумрак*. Благодаря полисемантичности этих знаков и становится возможным разное прочтение стихотворного текста.

В стихотворении существует еще один семантический план, определяемый лексемами *дух*, *ожил*, *напрягал*, *взор*, *слух*, *лед*,

камень, *упал*, *разбился*, *слово*, *небо*, *вечный*, *свет*, *сумрак*, *ты*. Этот план предполагает наличие третьего прочтения текста:

ты: Мировая Душа

сумрак + пламень: сверхчувственное бытие

дух:
взор:
слух:
напрягал: } выражение напряженной внутренней жизни

разбился лед:
упал камень: } символ преодоления граничной черты

ожил:
занялось: } указание на внутреннее преображение

В своей напряженной внутренней жизни поэт преодолевает граничную черту, достигает высот приобщения к Мировой Душе, к «Непостижной», проникает в тайну сумрака алого — сверхчувственного бытия, что связано с символическим преображением мира (*вспыхнул пламень*, *вечный свет*, *вечный звон*) и молитвенным экстазом. Для подобного прочтения необходим контекст первого тома стихов поэта [Ср.: Мое роковое познанье углубилось в сумрак лучистый (I, 449); Я сам в себе с избытком заключаю Все те огни, какими Ты горишь. . . Я здесь в конце, исполненный прозренья, Я перешел граничную черту (I, 88)].

Последнее прочтение как бы «надстраивается» над предыдущим, вырастая из мира тех же резко индивидуальных смыслов и их взаимоотношений.

Целостность значения стихотворения «Я долго ждал. . .» не нарушается его многозначностью. Напротив, целостность значения формируется вследствие выявления возможных разных прочтений и их взаимосвязи.

Оппозиция *сумрак/сумрак* является у Блока выражением фундаментальной смысловой оппозиции *материальное/идеальное*. В стихах, построенных на со-противопоставлении лексического содержания и художественного смысла знака ‘сумрак’, проведен единый принцип организации и взаимодействия смыслов. Семантическая структура этих стихов определяется характером оппозиции: знак может трансформироваться (*материальное* → *идеальное*) под влиянием контекста, как было показано выше, и может быть введен в текст дважды — и в лексическом значении, и в художественном смысле, как, например, в стихотворении «За городом, в полях. . .» (I, 110). (При этом первый член оппозиции иногда заменен знаком *сумерки* в том же словарном значении, что и *сумрак*).

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди — морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака — и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица,
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.
А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари — неведомые лики
Вещают жизни строй и верности огни. . .
Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнем соедини.

Организующим ядром текста являются оппозиции *сумерки/сумрак*, *там/здесь*. (*Там* первой строфы — синоним *здесь* третьей). Интересующая нас система семантических связей реализуется вокруг второго члена оппозиций. Сравним два семантических плана:

там	здесь
сумерки	сумрак
сумерки весны	сумрак зари
неугомонный зной	дыханье сумрака
	предвестие огня
	вечности огни
	жизни строй
безнадежны лица	неведомые лики
скудные сердца	Закатная Таинственная Дева
не знавшие весны	огнем соедини

Художественный мир конструируется смыслами, входящими в выше отмеченные парадигматические ряды с доминантами *сумрак*, *круг*, *ты*, *свет*. Из ассоциативного ряда *свет — огонь — пламя — костер* реализуется знак *огонь*, повторенный в тексте трижды; символ *круг* создается описательно: И завтра и вчера огнем соедини, что проецируется на контексты других стихов цикла: Ты ль смыкаешь, пламенея, бесконечные круги. . . (I, 81), . . .И вспыхнет сумрак алый, смыкая круг, . . . (I, 109). Смысловые связи — *предвестие огня*, *сумрак зари*, *неведомые лики*, *вечности огни*, *огнем соедини* — системны для смыслового мира поэта. Так же системны внутренние взаимозависимости между символами *сумрак*, *Таинственная Дева*, *огонь*. В отличие от стихотворения «Я долго ждал. . .», где оппозиция *сумрак/сумрак* скрыта, данное стихотворение построено на явном противопоставлении смыслов и семантических элементов, группирующихся вокруг них:

столица — поля
весна — весна
лица — лики
дольный шум — жизни строй
тоскуют — трепещу

Интересно отметить, что для текстов с двумя семантическими центрами (*сумрак — сумрак*) характерно сюжетное напряжение,

заключающееся в движении от одного центра к другому. Это сюжетное напряжение создается внутренним напряжением духовных сил автора, стремящегося к постижению одухотворенного начала Вселенной. В этом постижении поэт проходит путь от «предчувствия» к приобщению [Иду и трепещу в предвестии огня (I, 110), Все в облике одном предчувствую Тебя (I, 94) — Я умчусь с огневыми кругами (I, 120), Кто тронул здесь одну со мною землю, За ним в вечерний сумрак уплыву (I, 175), что в тексте передается постепенной трансформацией сумрака (иногда мглы) в сумрак алый]. Это нарастающее движение можно проследить, например, на стихотворении «Мы два старца, бредем одинокие. . .»: *сырая простерлась мгла* (1-я строфа) → *в сумрак таинственный смотрит, смотрит свет голубой* (2-я строфа) → *мглистые заалели тучи горя* → *и нити бегут золотистые* → *и сумрак румянит заря* (3-я строфа) → *мы, два старца, в сумрак таинственный бредем* (4-я строфа).

Знак *сумрак* как символ таинственности, невыразимости Мировой Души, утрачивает свою актуальность во второй книге стихов Блока. Как известно, во второй книге меняется «не только содержание символов. . ., но и самый метод символизации.» Лишь дважды вводится этот знак в новую систему смыслов, теряя при этом часть своего художественного семантического наполнения и обрастая побегами новых смыслов. Это уже не *сумрак алый*, а *сумрак снеговый*:

И над миром свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговый,
Мой от века загаданный друг.
Там в ночной завывающей стуже. . .

(II, 81)

Стихотворение, откуда взяты эти строки, строится на резком отталкивании от реального мира. Первое же слово текста — *там* уводит в мир символов — *завывающая стужа, кольцо в поле звезд, вьюжные трели, бубен метели, звезды вьюг*. Это смысловой мир «Снежной маски», хотя стихотворение не включено в этот цикл. Знак *сумрак* оказывается в системе новых ассоциативных рядов. Сдвиг в смысловом содержании знака особенно ощутим при сопоставлении строк: *Ты отходишь в сумрак алый — Уплываешь ты в сумрак снеговый*. Под влиянием семантического поля, доминантой которого становится (снежная) вьюга, в художественном смысле знака «отсекается» компонент 'свет' (*алость, лучезарность*), символизирующий свет духовного начала. Новая же символика — *вьюга, метель, стужа, звезды вьюг* — вносит добавочный смысловой оттенок в авторское содержание знака: 'непостижимость, невыразимость+изменчивость, динамичность'.

В «Снежной маске» Блок еще раз обращается к *сумраку*:

Не пойму я, что нас манит.
Не поймешь ты, что со мной.
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?
. . . . . .
И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?
. . . . . .

(«Смятение», II, 248)

Семантический план стихотворения резко контрастен «словесным темам» первой книги стихов:

Ты, Дева, Заря, Купина	маска, тень
сумрак зари	сумрак вьюги
белая Ты, в глубинах несмутима	сердце темное твое
весь горизонт в огне	догоревший ... день

В тексте отсутствует свет, наполняющий сумрак в циклах «Стихи о Прекрасной Даме» и «Распутья», и активизируется смысловой компонент 'темнота': *Мы ли — пляшущие тени? Или мы бросаем тень?*; ... *догоревший ... день*; *Даже в полдне, даже в дне Разметались космы ночи ...*; *Маска, ... дай мне чутко слушать Сердце темное твое*. Символ переносится на страсть, стихийную, вихревую, непостижимую, «совлекающую с пути»: ...*страсть и нежность хочет вьюгой изойти, ... взор туманит сумрак вьюги снеговой*.

Таким образом, семантическое ядро знака в индивидуальном авторском осмыслении остается постоянным и в первой и во второй книгах стихов — меняется мир смыслов, во взаимоотношения с которыми вступает знак и под влиянием которых он дополняется новыми семантическими элементами.

Исследователи творчества А. Блока отмечают, что все стихи поэта «связывает единый образ поэзии и все то, что к нему относится: переживания, поэтические идеи, темы, мифологемы, символы, глубинная духовная преемственность слова и стиля» [2]. В этом еще раз убеждаешься, прослеживая художественную жизнь знака *сумрак* в третьем томе стихов. В Итальянском цикле, в стихотворении «Умри, Флоренция, Иуда. . .», вновь появляется противопоставление *сумрак/сумрак*, органически связанное с индивидуальной символикой «Стихов о Прекрасной Даме». Произведение строится как резкое противопоставление Флоренции начала XX в.

[2] *Максимов Д.* Поэзия и проза А. Блока. Л., Советский писатель, 1975, с. 144.

Флоренции раннего Возрождения. В первой строфе реализуется традиционно метафорическое значение знака:

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
(III, 106)

Этими строками заданы темы предательства («Иуда») и гибели, которые затем развиваются параллельно:

Уж не прекрасна больше ты!	предательство
Гнилой морщиной гробовою	гибель
Искажены твои черты!	
Всеевропейской желтой пыли	предательство
Ты предала себя сама!	
Ты пышных Медичей тревожишь,	предательство
Ты топчешь лилии свои,	
Но воскресить себя не можешь. . .	гибель
Гнусавой мессы стон протяжный	
И трупный запах роз в церквах. . .	гибель

В словах *гнилой*, *гробовою*, *трупный* актуализируется смысловой компонент 'разложение, гниение'. Создается образ мира в агонии: *морщиной гробовой*, *искажены черты*, *хрипят*, *уродливы*, *гнусавой мессы стон*, *трупный запах*. Развитие темы гибели завершается строкой *Сгинь в очистительных веках*!, которая образует композиционное кольцо, возвращая читателя к начальной строфе *Умри. . .. Исчезни в сумрак вековой*! Из 24 строк произведения 21 посвящена гневному бичеванию Флоренции XX в., что, по словам самого Блока, «не кощунство, а «выстраданное» переживание.» Второй план (Флоренция Возрождения) развернут лишь в трех строках:

. . . . . .
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон.

Какой сумрак ведал Леонардо? Если бы в стихотворении не было строки *Беато снился синий сон*, то возможны были разные прочтения *сумрака*: Леонардо переживал тяжелые дни, Леонардо испытывал духовный кризис и др. Но символ *синий сон* принадлежит смысловому миру «Стихов о Прекрасной Даме», где параллельно с ним развертывается символ *сумрак алый* как иносказание непостижимого сверхчувственного идеального мира. Следовательно, возможно единственное прочтение строки: Леонардо поднимался до таких высот духовной жизни, что постигал непостижимое, приобщался к иному миру, явленному в «откровении». Так возникает тема Флоренции Возрождения как мира разума (святой монах — Савонарола, Леонардо) и духа (Леонардо, Беато). Следовательно, семантическая система текста организуется оппозицией «разум и дух — меркантилизм и бездуховность». В этой системе *сумрак* — символ и *сумрак* — метафора оказываются в разных лексико-семантических полях и становятся средством выражения противопоставления.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

М. Ф. МУРЬЯНОВ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТРУКТУРОЙ СЛУЖЕБНЫХ МИНЕЙ

Много ли дают историкам языка тексты славяно-русских рукописей X—XI вв.? Гораздо меньше, чем если бы их содержание определилось программой, составленной и утвержденной сегодня, когда воображение занимают архаический фольклор, хозяйственная документация, *племен минувших договоры*, этикет вечевых собраний [1], монологи языческих жрецов [2]. Несуществующая пища для грандиозного пиршества лексикологов, синтаксистов, стилистов! Фактическое наследие имеет структуру, далекую от оптимальной — приходится иметь дело с небольшим набором довольно однообразных, переведенных с греческого текстов, уместность научной публикации которых обычно ставится под сомнение по причине их церковного характера.

И все же при квалифицированном подходе к наличному материалу оснований для пессимизма нет. Даже то, что эти тексты не являются оригинальными, оборачивается великим благом: нам дарится возможность детальнейших сравнений младописьменного, переживающего первичную литературную обработку языка с самым культурным языком тогдашней экумены, это дает идеальный фон, чтобы видеть лепку каждого образчика кирилло-мефодиевской терминологии, наблюдать становление синтаксических норм, игру вариантов, которые без греческой подоплеки остались бы необъяснимыми. «Если мы вправе наслаждаться искусством в стройных пропорциях храма Покрова на Нерли или видеть торжество и пир красок в бессмертных картинах-иконах Андрея Рублева, то с не меньшим правом наши филологи могут и должны уметь обнаруживать и в безымянных творениях древних славяно-русских переводчиков торжество и пир звуков, торжество и пир слов» (Мещерский 1962, с. 103).

Может ли рукопись X—XI вв. дать историку языка больше, чем в ней написано? Евангелие, Псалтырь, Изборники, Жития, Поучения содержат только тот лингвистический материал, который в них есть. Но служебные Минеи, пронизанные разветвлен-

[1] «Уже к началу появления письменности на Руси . . . на вече политические программы формулировались с железной энергией и почти пословичной определенностью» (Дмитриев, Лихачев, Творогов 1979, с. 3).

[2] «В малокультурной среде только немногие люди с тем или иным литературным дарованием способны к монологу; большинство не в состоянии ничего связно рассказать» (Ахунзянов 1978, с. 206).

ной системой отсылок, имеют тем самым структуру двуплановую, состоят из текстов видимых и невидимых. Видимые написаны полностью, невидимые обозначены отсылками, лаконичными зачалами. Например, в древнейшей январской Минее (ЦГАДА, № 99, л. 3) полному тексту седальна предпразднеству Просвещения предшествует указание в заголовке: «подобенъ пастыра». Это значило, что данный седален нужно было петь «на подобен» — на тот же мотив что и предрождественский седален, начинающийся словами Свѣтлѣй пастырскыхъ, Ἀλλῶν ποιμενικῶν (Follieri vol. I, c. 204), находящийся в декабрьской Минее. Она в древнейшем комплекте не сохранилась, но если игнорировать то, что кроется за зачалом подобенъ пастыра, то это представит в обедненном виде реальную лексику гимнодии древнейшего периода, не позволит дать грамматическую дефиницию самого зачала, где пастыра оказывается отрезком прилагательного. Есть случаи, когда полного славянского текста того или иного песнопения сегодня вообще не существует, уцелело его зачало в одной из новгородских Миней XI—XII вв. и полный греческий текст. Таково положение с некоторыми ирмосами (о них как жанре — Velimirović 1973), например, с седьмым ирмосом канона третьего гласа предпразднеству Успения, творением Феодора Студита. На л. 33 служебной Минеи ЦГАДА № 125 обозначено его зачало: отпечатлѣвшаѧ пещь. Полный греческий текст опубликован по более поздней — XIII века — рукописи Афонской лавры (Eustratiades 1932, c. 92):

Τῆς πυριφλέκτου καμίνου
δειχθείσης δροσοβόλου,
ὦ θαῦμα φρικτόν!
Χαλδαῖοι ἐφλέγοντο
παῖδες ἐφύχοντο
ἀνυμνοῦντες τὸν τῶν πατέρων Θεόν.

Скрытыми за зачалами текстами, этим достоверным источником по древнейшей истории русского языка, мы обязаны византийской системе пения «на подобен», которая имела не только мнемотехническое назначение, но и метафизический смысл: она вводила в музыку ту же связь подобия, какая существовала в иконописи между изображением и изображаемым (Шмеман 1961, с. 190), что занимало умы византийских философов эпохи иконоборчества. Само слово *подобие* и производное *преподобие* обусловлены этой идейной борьбой (Мурьянов 1977, с. 133). Разномыслиями по теории подобия не была задета музыка — ars perfecta, единственное искусство совершенное, потому что здесь, как и в благоухании мира, нет ничего осязаемого, материального, в древнем понимании материальности. Ареопагитика учила, что церковное пение есть отзвук или эхо пения небесного, которое гимнограф слышит духовным слухом и передает в своем творчестве; то, что он

сочинил, есть копия небесного архетипа. Человек уподобляется ангелам и совершает высшее, на что он способен, когда приносит небесам τὴν ἄυλον ὁμνῳδίαν, невещественное пение.

Система пения «на подобен» организовала обширный певческий материал в четкую структуру восьми чередующихся гласов, или осмогласия; определилось доступное для усвоения не-вундеркиндами некоторое число эталонных песнопений, по ним исполнялось все остальное. Ссылка на этот напев делалась в Минеях не нотным письмом, а зачалом эталонного текста. Текст стихиры, начинающейся этим зачалом, не произносился, перенесение мелодии с него на исполняемую стихиру происходило «в уме». Так поступали и с седальнами, кондаками, икосами. С ирмосами дело обстояло иначе: ирмос, обычно обозначавшийся только зачалом, пелся по памяти целиком. За этим следовали тропари, повторявшие напев ирмоса.

Буквальный перевод греческих певческих текстов на славянский язык, имевший иную акцентную природу, иное число слогов в семантически эквивалентных словах, делал невозможным точное соответствие славянского и греческого пения, в отличие от того, что ставится непременным условием в вокальной музыке нового времени, когда романс Рахманинова можно петь на любом языке и при этом доносить до слушателя именно Рахманинова. Для стран Западной Европы существовал единый язык церкви — латынь и единый напев — григорианский хорал. В противоположность этому стихиры и ирмосы византийского богослужения вместе с переводом текста на местные языки переливались в местные формы музыкального выражения — сирийскую, грузинскую, славянскую. Максим Горький сказал на II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников: «Наша русская церковная музыка есть нечто глубоко ценное, это действительно хорошая музыка. Почему-то до сих пор никто не догадался написать к этой музыке хорошие, красивые слова, которые можно было бы слушать не в качестве вечерни, обедни, всенощной, а как и когда угодно. Почему не сделать этого? Ценность музыки несомненна. А что касается слов, то чего другого — слов у нас сколько угодно» (Горький 1953, с. 35).

Раскрытие системы минейных отсылок, выявление всех текстов, скрытых за зачалами годового круга служебных Миней — дело будущего. Для почина исследуем под этим углом зрения первый минейный текст, родившийся в Киевской Руси — службу Борису и Глебу (24 июля). Она была написана на греческом языке и переведена на древнерусский. Исходный греческий текст не найден, древнерусские списки имеют неодинаковый состав, из чего возникла проблема состава первоначального, решенная Д. И. Абрамовичем: «седален, кондак, икос, три стихиры на Господи воззвахъ, три стихиры на стиховне, три стихиры на Хвалите и канон»; из этого сделан вывод, что первоначально «день памяти свв. Бориса

и Глеба был одним из малых праздников» (Абрамович 1916, с. XX—XXI).

Концепция Д. И. Абрамовича не оспаривалась, но это не значит, что она бесспорна. Достаточно посмотреть на структуру служб в Минеях 1095—1097 гг. (Ягич 1886), чтобы убедиться, как редко число стихир превосходит три, и если Д. И. Абрамович насчитал их девять, то это должно говорить о каких-то грандиозных масштабах празднества. Но правомерно ли хронологически сопоставление с Минеями 1095—1097 гг.? Иными словами: когда написана борисоглебская служба? Д. И. Абрамович придерживался мнения, что она написана митрополитом Иоанном I, находившимся в должности самое позднее до 1039 г. Л. Мюллер тоже находит, что нет оснований сомневаться в этой атрибуции (Müller 1967). Но А. Поппэ, признавая, что зарождение борисоглебского культа относится к 1020-м годам, указывает, что служба есть в рукописях не старше XII в., а датировать ее нужно самое раннее 1080-ми годами (Poppe 1968, с. 38); подвергнув исторический материал о Борисе и Глебе детальнейшему анализу, он пришел к выводу, что «ни одно посвященное им агиографическое (тем более литургическое) произведение, из известных нам и предполагаемых, не могло возникнуть ранее пятидесятых годов XI в. В дальнейших изысканиях придется с этой гранью считаться, либо доказать ее несостоятельность» (Поппэ 1973, с. 22). Возникает дополнительный вопрос: каково же было словесное содержание первоначального борисоглебского культа, пока не была написана служба? Неясностей много, и, чтобы разобраться в противоречиях, начнем ab ovo.

15 июля 1015 г. умер Владимир Святославич, при котором Киевская Русь стала централизованным государством, управляемым сильной княжеской властью, а в том, что составляло духовную культуру, контролируемым греческой церковной иерархией. У Владимира было много сыновей от разных жен. Кому из них достанется киевский стол, решалось силой, причем отнюдь не на турнирных поединках. Уже 24 июля был злодейски убит Борис, 4 сентября — Глеб, вслед за ними — Святослав. Между Святополком и Ярославом разразилась война, шедшая с переменным успехом до 1019 г., когда победу одержал Ярослав; Святополк ушел к западным славянам, где вскоре умер. В 1024 против Ярослава выступил Мстислав, эта война закончилась в 1026 г. разделом государства. Лишь со смертью Мстислава в 1036 г. вся власть сосредоточилась в руках Ярослава, правившего до 1054 г. и вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого.

Сразу после изгнания Святополка была создана официальная версия гибели Бориса, Глеба и Святослава, по которой они пали от руки убийц, подосланных Святополком. Ярослав стал добиваться причисления убитых к лику святых на основании официальной версии событий. Это значило освятить и саму версию, раз на-

всегда отрезать возможность критического отношения к ней. По критериям церковного права жертвы трагедии 1015 г. под понятие святости не подходили, эта смерть не имела таких мотивов, чтобы ее можно было квалифицировать как смерть за веру. Для сдержанного отношения греческой церковной администрации к настоятелям Ярослава была еще и та причина, что Святополк, по матери грек, и как старший из братьев имевший преимущественное право на киевский стол, к этому убийству отношения не имел. Непричастность Святополка к преступлению свидетельствуется автографом современника событий мерзебургского епископа Титмара, единственным подлинным документом этих лет, сообщающим как раз то, о чем позднейшая киевская агиография умалчивает. Титмар зорко следил за славянским Востоком и не упускал поводов внести в свою «Хронику» компрометирующие сведения о славянских князьях (Доннерт 1965, с. 26—38). Но в данном случае он сочувственно сообщает, что в момент кончины кровожадного развратника Владимира его сын Святополк находился в киевской темнице, куда был посажен вместе с женой и ее духовником епископом Райнбернom Кольбергским; в наступившей сумятице Святополк бежал за подмогой в Польшу к тестю, Болеславу Храброму, оставив в заточении жену (Thietmar 1974). Борис же был убит на девятый день после кончины Владимира, и произошло это восточнее Киева, причем, по скандинавским источникам, отрубленная голова Бориса покатилась в руки Ярослава (Clenov 1971), который оказался поблизости в связи с тем, что, являясь по назначению Владимира князем новгородским, он вместо сыновнего послушания решился поднять руку на отца и двинулся к Киеву с войском, усиленным варяжской дружиной; смерть Владимира предотвратила это столкновение. Еще одна черта личности Ярослава нашла себе место среди официальных восхвалений в «Повести временных лет»: самого младшего из братьев, Судислава, он продержал в церковной темнице 24 года, без вины; Судислав вышел на волю после кончины своего притеснителя, постригся и умер. Не приходится удивляться, если такой князь, как Ярослав, сумел сломать сопротивление греческого духовенства, вынужденного ладить с любым победителем междоусобиц, и заставил воздавать Борису и Глебу церковные почести, что явилось первой русской канонизацией. Была выработана компромиссная формула, обосновывающая ее тем, что убиенные предпочли непротивление злу возможности самим совершать зло. Это считается специфически русским пониманием феномена святости, un modo tipicamente russo di concepire la santità (Bibliotheca sanctorum 1963, с. 357), сохранившимся вплоть до стихотворения Сергея Соловьева «Святой Борис» (1911):

Я не нарушу преданность сыновью,
И за молитвой встречу грозный час.
Покойный князь учил недаром нас:
Прощай врагов, за зло плати любовью.

Я буду петь, склонившись к изголовью,
Пока огонь в лампаде не угас.
Георгий, пробудись! в последний раз
Ты моему внимаешь славословью.

Чу! стук копыт донесся и умолк.
Блеснули копья, близок Святополк . . .
О смертный миг, ты мною предугадан!

Над Альтою — туман. Заря сквозь тьму
Чуть брезжит. Я готов: горит мой ладан.
Безумный брат . . . Господь, прости ему.

(Соловьев 1913, с. 119)

При преемнике Ярослава киевский митрополит грек Георгий, «не твърдо» веруя в святость Бориса и Глеба (Усп. сб., с. 62), публично дал себя убедить в ее истинности — через процедуру чудотворения мощей (Demm 1975). В греческие Минеи служба Борису и Глебу так и не была включена; в древнейшем списке Студийского Устава (ГИМ, Син. 330), относящемся к 1170-м гг. (Ищенко 1976, с. 109), при регламентации служб оставлена единственная на весь год лакуна — на 24 июля, стою мцу поконъчение бориса и глѣба (л. 181 об). У писцов не было под рукой текста именно этой службы, или были сомнения относительно ее распорядка; при многовековом использовании данного экземпляра Устава лакуна так и осталась незаполненной. Но популярность праздника свидетельствуется на рубеже XI—XII вв. пометой писца августовской Минеи ЦГАДА № 125, на нижнем поле л. 64: писахъ на борисовъ дн̃ь. Этот тип номинации характерен для выдающихся праздников, от имен библейских (Ильин, Михайлов, Иванов день) и, кажется, только в одном случае по агиографии — Юрьев день, *по имени Георгия Победоносца*. В новое время сюда добавился Татьянин день — по патрональной святой Московского университета, «академической богине», как ее называли еще в начале нашего века (Соловьев 1913, с. 19; Murjanov 1972).

Противоречие можно сформулировать так: специального минейного текста нет, службу совершить нужно. Такое случалось не только в XI в. Решение задачи в новое время не представляет труда, для этого существует Минея общая — набор типовых служб, где вместо *имя рек* остается по ходу чтения подставить нужное имя. Когда в Москве было организовано типографское дело, первой напечатанной Минеей явилась именно эта книга, вышедшая в 1600 г. двумя тиражами. На нее был спрос, огромное большинство церквей не имело средств на приобретение 12-томного годового круга Миней. Минея общая считается поздней компиляцией, а лучше сказать — она не изучена (Ангелов 1969). Для этого пока отсутствует византологическое основание, но его перспективу показывает сборник начала XVI в., где находится «Минея, общие службы по уставу св. горы иже в святых преподобнаго и богоноснаго отца нашего Савы» (Калайдович, Строев 1825, с. 309). Согласно

послесловию московской первопечатной Минеи общей, она представляет собой «творение и собрание» Кирилла Философа, он эту книгу «предаде святому и равноапостольному великому князю Владимиру»; то же самое утверждается в сборнике XVI в. ГПБ (Соф. 1485). Мы ограничимся констатацией тождества ирмосов древнейшего борисоглебского канона и канона мученикам в древнейшей Минее общей, входящей в состав южнорусского сборника XII—XIII вв. — Cod. slav. 37 Австрийской национальной библиотеки (Birkfellner 1975, с. 321—324). При огромном числе возможных вариантов сочетаний это совпадение трудно признать случайным.

Таким образом, борисоглебский культ мог развиваться, когда специально написанной службы еще не было, в этом смысле необходимости датировать службу временем Иоанна I нет, ее заголовок в Минее № 122 XII в. творение Іоана митрополита рускаго может относиться и к Иоанну II (1077—1088). Эту рукопись Д. И. Абрамович положил в основу критического текста, другую рукопись этого же собрания — № 121 — он отнес тоже к XII в. и использовал в вариантном аппарате. Поскольку оба списка не датированы, такое решение допустимо, но при доказательстве неправильности отнесения рукописи № 121 к рубежу XI—XII вв. (Никольский 1906, с. 50; Покровский 1916, с. 78) и при исчерпывающем отражении ее особенностей в вариантном аппарате. Оба условия не соблюдены. Д. И. Абрамовичу остались неизвестными еще две рукописи XI—XII вв.: Типографский Устав, содержащий конец кондака и икос [3], и Благовещенский Кондакарь ГПБ, содержащий два борисоглебских кондака. Наличие этих текстов в обеих рукописях было известно до осуществления критического издания службы (Металлов 1908, с. 188). Его самая удивительная особенность — бесследное исчезновение всех (трех) стихир старшего списка № 121 вместе с их подобном, тем более необъяснимое, что в предшествующей публикации этого списка (Бугославский 1913, с. 27—30), Д. И. Абрамовичу известной, эти стихиры есть. Кроме того, в критическом издании структура службы приведена к синодальному стереотипу, без отражения реальной последовательности компонентов в старшем списке.

В Минее № 121 на 24 июля стоят две службы — св. Христине и поставленная на второе место борисоглебская. Различие между ними в том, что в службе св. Христине канон стоит на обычном

[3] Сейчас принадлежит библиотеке Третьяковской галереи. Если данные Ф. Г. Спасского правильно отражают прежнее состояние рукописи, то в ней был еще один структурный элемент борисоглебской службы — тропарь дня, ἀπολυτίκιον (Спасский 1951, с. 91), помещаемый в русских Минеях XI в. в самом начале немногих служб. С точки зрения поэтики тропарь дня не менее важен, чем кондаки, стихиры и каноны, а с музыкальной стороны он еще важнее, так как его мелодика богаче (Stöhr 1966, с. 795—796).

последнем месте, а в борисоглебской службе — на первом, перед стихирами и кондаком, как это принято только в Путятиной Минее, что считается одним из ее архаизмов, восходящим к X в. (Ягич 1886, с. LXVII—LXVIII). Это говорит в пользу древности старшей редакции борисоглебской службы, ее возможной принадлежности к эпохе Иоанна I.

Высшей точки развития служба достигла в XII в., когда в ее структуру была включена паримия. Паримией называется отрывок Ветхого завета, по символизму содержания приуроченный к событиям, которым посвящена служба, его наличие говорит о высоком ранге праздника. С борисоглебской службой произошло нечто необычное: под названием «От Бытия чтение» в ритуал были включены куски летописного рассказа об убиении Бориса и Глеба. По этому поводу Д. И. Абрамович писал: «Происхождение паримийных чтений чрезвычайно загадочно. Паримии не из библейских книг — нечто беспримерное в истории нашей богослужебной практики. Вероятно, эти чтения были составлены не с целью строго богослужебного употребления и в богослужебные книги попали каким-нибудь случайным образом или по недоразумению» (Абрамович 1916, с. XVIII).

Возразим на это: «Известно существование в глаголических бревиариях подобного же легендарного, подложного чтения в навечерие дня памяти чешского святого — мученика Вячеслава. Стоят ли эти факты в родственной связи между собою или появились независимо друг от друга под влиянием одинаковых исторических условий — все-таки пред нами налицо факт подмены библейских текстов в церковном употреблении другими, местными подделками, направленными к прославлению зарождающихся народных святынь юных славянских церквей» (Евсеев 1911, с. 653—654).

О КАНОНЕ

Структура канона традиционна, он состоит из песней 1—9, со столь же традиционным опущением второй песни (Квирикашвили 1977). Там, где второй песни нет, в ряде случаев можно доказать, что она была — по нарушению акростиха, происходившему при выпадении инициалов второй песни. Была ли она в борисоглебском каноне? Вопрос осложняется тем, что акростихи неизбежно разрушались при переводе канонов с греческого; если славянская служба и отмечает, что в каноне есть *краегранесие*, то в переводе последнего сообщается содержание высказывания, но нет формальных свойств акростиха. Каким был греческий акростих борисоглебского канона — неизвестно (Hannick 1973), но перевод его указан в Минее № 122: Си Давыдоу пѣснь прикошоу Роуманоу; Давид и Роман — христианские имена Бориса и Глеба. Перед его сопоставлением с инициалами канона исправим членение первой

песни критического текста. Структура ее должна быть представлена как *ирмос+три тропаря+феотокион*, такова она в рукописях. В критическом издании объединены первые два тропаря, а также представляют одно целое третий тропарь и феотокион. От этого произвола пострадала не только логика содержания, невозможно и выпевать такие конгломераты, где заданная ирмосом мелодия кончается посредине текста. Ирмосы в акростих не входят, графически они оформлялись так, чтобы глаз на их первой букве не останавливался, т. е. она писалась как строчная. Участие феотокионов в акростихе встречается, иногда инициалы феотокионов составляют собственный акростих — имя поэта. Начальные слова тропарей (и феотокионов, в скобках) первой и примыкающей к ней третьей песни в нашем случае таковы: Дѣва — Ѣдиномѹ — Ѧрѣ — (Избранную) — Вѣсѣмъ — Мѵдрѣ — Вещь — (Единый). В оригинале этот ряд начинался, можно полагать, с Δε — Ἀεσώμεν, что по инициалам дает Δα = ц.-слав. ди: за этим должно быть имя Δαυίδ, из которого набираются первые две буквы, инициалы от Δῶρον и производного от глагола αἱρεῖσθαι 'избирать'. Дальнейшие Вѣсѣмъ — Мѵдрѣ — Вещь в любом варианте перевода не дадут нужных инициалов Г — І — Д, из чего следует, что первоначальная структура содержала вторую песнь с этими инициалами, выпавшую при подведении канона под общее правило, согласно которому второй песни быть не должно. Это — еще один довод в пользу древности канона.

Ритмико-мелодическим каркасом канона являются ирмосы восьмого гласа (по греческому счету — четвертого косвенного). Сейчас считается, что в VII—IX вв. ирмосы писались вместе с канонами, а затем были выделены в отдельный сборник — Ирмологий, причем составлен он был не позже IX в. в той самой лавре св. Саввы близ Иерусалима (Метревели 1971, с. 0111—0112), которая, по данным славянской традиции, является родиной Миней общей. Основоположник отечественной минейной филологии Порфирий Успенский мыслил иначе: Ирмологий возник в Анатолии в начале VII в. как развитие библейских песен, исполнявшихся в древнем богослужении, причем «ирмологийные последования были не что иное как сокращенные повторения оных гимнов, повторения инде даже дословные» (Успенский 1877, с. 439; Till, Sanz 1939; Schneider 1949). Сегодня греческая традиция представлена рукописями начиная с конца X в., славянская — начиная с XII в., грузинская — с 954 г. Текст ирмоса может иметь вариации, зависящие от того, какой ветви традиции данная редакция принадлежит, минейной или ирмологической (Hannick 1978). В целом же текст ирмосов значительно стабильнее, чем, например, текст евангельский, хотя последний был в глазах писцов несравненно авторитетнее и, казалось бы, такое же соотношение должно быть и в точности переписки. Парадокс объясняется принуждением мелодией. Писцы понимали, что если на литургии возглашать Евангелие сегодня несколько иначе, чем несколько недель

назад по другому из повторяющихся апракосных чтений, то ничего страшного не случится, но если лексические и синтаксические варианты польются из уст певцов, выпевающих ирмосы, то хоровой ансамбль тотчас развалится, поэтому при переписывании певческих рукописей принимались соответствующие меры предосторожности, и есть высокая вероятность того, что киевляне начала XI в. знали ирмосы в том же виде, в каком они написаны новгородцами XII в.

Обратимся, для примера, к ирмосу седьмой песни, обозначенному в старшем списке борисоглебского канона так: седмь седмице. На л. 63 об Путятиной Минеи XI в. этот ирмос встречается с несколько более развернутым зачалом: седмь седмицею пещь. Такой же длины оно в изданной Минее 1096 г.: седмь седмицею пѣшь (Ягич 1886, с. 22). Этим подразумевается следующий полный текст, сохранившийся в рукописях XII в. — как минейной (Ягич 1886, с. 510), так и ирмологической (Koschmieder 1952, с. 296). Даем его по Кошмидеру, греческий источник — по Метревели (Метревели 1971, № 385), где находится и древнегрузинский перевод.

Седмь седмицею пещь	Ἐπταπλασίως κάμινον
Халдѣйскыи моучитель	τῶν Χαλδαίων ὁ τύραννος
богочестивыимъ	τοῖς θεοσεβέσιν
лютѣ рапзѣ	ἐμμανῶς ἐξέκαυσε·
силою лучшею	δυνάμει δὲ κρείττονι
съпасены же ихъ видѣвъ	περισωθέντας τούτους ἰδὼν
творцю	τὸν δημιουργόν
избавителю въпиѣше	καὶ λυτρωτήν, ἀνεβόα,
дѣти благословите	οἱ παῖδες εὐλογεῖτε
свѧщеннии въспойте	ἱερεῖς ὑμνεῖτε
людие превъзносите	λαὸς ὑπερυψοῦτε
его въ вѣкы.	εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας.

Источник этого творения Иоанна мниха, как и приводившегося выше ирмоса Феодора Студита — третья глава ветхозаветной книги пророка Даниила, эпизод о трех отроках, за отказ поклониться идолу брошенных Навуходоносором в огонь и в нем оставшихся невредимыми (Towner 1969). Написано на этот сюжет множество ирмосов, еще раньше — от начала III в. — он сыграл важную роль в христианской живописи, причем одно время выражал собой сопротивление культу обожествляемого императора (Carletti 1975). На славянской почве, фреска XI в. Софийского собора в Охриде поставила трех отроков в пещи огненной в смысловую связь с евхаристической жертвой (Duric 1963). Это заставляет задуматься над славянским переводом филологически совершенно неразработанного Октоиха. Если в нем находим выражение, обращенное к Христу: кнегъ на крестѣ тѣлом плоть, вадже (глас 3, в среду утра, канон кресту, песнь 9, тропарь 1), а официальный греческий

текст дает здесь глагол со значением 'возвышать': ὑψώθης ἐν τῷ Σταυρῷ σου τὴν σάρκα Ἀγαθέ, то, возможно, здесь кроется не ошибка славянского переводчика, а опасение позднего греческого редактора перед непривычным образом, который мог себе позволить большой поэт, Иосиф Гимнограф (IX в.).

Содержание борисоглебских прмосов может озадачить литературоведа, если его вкус воспитан на строго светской поэзии. Какое они имеют отношение к теме гибели Бориса и Глеба, дающей неисчерпаемые возможности для драматургического осмысления, возможности, достойные пера Шекспира! Но литургическая драма живет своими собственными законами, для нее земные события легко отступают на второй план, если есть повод вновь заговорить о священной истории Ветхого и Нового заветов. «Событие перестает быть событием и превращается в модус для одного и того же, все время одного и того же смысла» (Аверинцев 1977, с. 104). Признано, что смысловая связь между прмосами и темой канона бывала уж очень натянутой, художественно неубедительной (Fortescue 1910, с. 1906), но обратим внимание, что и такой большой мастер, как автор старофранцузской «Песни о Роланде», счел созвучными своему эпическому пафосу как раз те места Библии, которые представлены в византийских прмосах, в том числе в нашем. Это — в молитве Карла Великого перед решающим боем (De Caluwé 1976, с. 104):

Les III enfanz tut en un fou ardant;
La tue amurs me seit hoi en present.
(3106–3107)

Трех отроков исторг ты из огня.
Простри же ныне надо мною длань.
(Перевод Ю. Корнеева)

Феотокионы, завершающие каждую песнь канона, представляют собой поэтический жанр невыясненного происхождения (Métrévéli, Outtier 1979) и нередко включались в канон как готовое целое — или поодиночке, или комплектом. Редкая разновидность этого жанра — ставрофеотокион (в славянской терминологии — крестобогородичен), его сюжетный признак — образ Богоматери, стоящей у Распятия, конкретный либо более или менее абстрагированный. И. В. Ягич отмечал для Миней XI в.: «крестобогородичных (τὸ σταυροθεοτοκίον) еще нет» (Ягич 1886, с. LXVII), но их можно найти и в IX в. — например, как завершение каждой песни в каноне Иосифа Гимнографа на праздник «Происхождение честных древ честнаго и животворящаго Креста», 1-го августа (Tomadakis 1971). Поэтому не противоречит возможности раннего возникновения борисоглебского канона то обстоятельство, что его седьмая песнь завершается ставрофеотокионом:

Капля б҃ожьствыа ѿт тебе рожьшаго сѧ
мира сѣдѣтаѧи бц҃е дв҃о

как бо власть истощи
обвиращи душу и съмышление земленыихъ.

Масштаб пространства здесь космический, как в духовном стихе о Голубиной книге.

СТИХИРЫ СТАРШЕГО СПИСКА

Их подобен: глас 6 егда сот др. Его полный текст есть в двух рукописях XI—XII вв. — Типографском Уставе (л. 118) и Триоди ЦГАДА № 138 (л. 48), в последней указано время его пения — утреня Великой субботы, на «Хвалите». Даем текст по Уставу, где он написан наиболее тщательно, без аббревиатур.

Ѥгда отъ дрѣва тѣла мартва
аримаѳеи съпатъ
бесмертьскыимъ жизнь
и змурнюю плащаницею тѣла христе обитъ
и любъвию подвизаше са
сердцемь и оусты тѣло пречистое твое облобызати
обаче соумнѣ са болѧзнию
радоуѧ са въпиѧаше ти
слава человѣколюбиве твоемоу съмотрению.

Замечательно, что стихометрическая разбивка, обозначенная в обеих рукописях колонами, в основном совпадает с той, какую получил греческий текст после открытия кардиналом Ж. Питра стиховой природы византийских гимнов (Christ, Paranikas 1871, с. 67), с некоторым укрупнением: славянский четвертый стих соответствует двум греческим, а шестой — трем.

Ὅτε ἐκ τοῦ ξύλου σε νεκρὸν
ὁ Ἀριμαθαίας καθεῖλε
τὴν τῶν ἁπάντων ζωὴν,
σμύρνῃ καὶ σινδόνι σε,
Χριστε, ἐτήδευσε·
καὶ τῷ πόθῳ ἠπείγετο
καρδία καὶ χείλει
σῶμα τὸ ἀπήρατον
σοῦ περιπτύξασθαι·
ὕμνως συστελλόμενος φόβῳ
χαίρων ἀνεβόα σοι· δόξα
τῇ συγκαταβάσει σου, φιλάνθρωπε.

А вот текст самих стихир, по недосмотру не вошедших в критическое издание борисоглебской службы:

I Ѥгда вратопенабидѣнна огнь
по всеи распали са мысли

прѣблажена на неправадьно бѣдиство
бо мука
и бласгасльно оубиство сѣвѣтасТъующе
неинородьную любъвь остабльшаго
тогда болъхиюю любъвию радоующа сѧ
прѣдаста свою душу
къ роуцѣ зижителю и спсу всѣхъ

II Колею ненавидѣша дрѣвьнаго
власть ѡтложа бомоудре борисе
имы бъ души си ако твари божественоую
врага си заколение приемающа
ако же древле младенци
тѣ къ росу проснабъше
спсаета сгадо бо всегда
и ѿт противьныхъ нахожении мотвами бо

III Прѣмоудра оубо и мы братие
дньсь радостью похъвалимъ
и прославимъ спсителя вѣхъ
даровавъшаго родоу нашемоу
стѣноу и оутвьржение
боѣтат свѣтлѣ къ нетлѣноу незаходящи
бодьленна мука всѣмъ
имы же радоующе сѧ къзпиемъ
рабомъ своимъ моленна вадѣт всѣхъ донесета.

Кондаки есть далеко не во всех службах календарного года (каталог греческих кондаков — Grosdidier de Matons 1977), но для борисоглебской службы древнейшего периода их даже два — один на подобен рождественский (Keller 1973), второй — на подобен из службы Пасхи, «царицы праздников» (Dostál, Rothe 1976, с. 52—53). Последнее не имеет аналогий и говорит о том, что с самого начала Борисов день был в календаре Киевской Руси датой значительной. Имелись и внеуставные возможности его подчеркивания, путем вытеснения других компонентов службы. Поясним, в чем дело.

Предписанные Уставом тексты не оглашаются полностью даже в монастырях. Незадолго до I мировой войны в Киеве был осуществлен уникальный эксперимент: одну из служб совершили без сокращений. Каноны пели бахметьевским распевом, некоторые другие тексты — лаврским распевом. На каноны ушло 2 часа 5 минут, вся служба продолжалась с 18 часов до 0 часов 50 минут.

Большой знаменный распев, архаизируя службу, удлинил бы ее на 3—4 часа (Скабалланович 1913, с. 335—336). Борисоглебские тексты добавляют к этому не менее часа, передвигая окончание всенощной далеко за восход солнца, когда пора начинать литургию; она кончится после полудня. Ясно, что так служить 365 раз в году невозможно, в XI в. поступали как и сейчас — пропускали по усмотрению настоятеля не только отдельные тропари, но и целые каноны, оставшееся не пели, а возглашали быстрым речитативом. Общая длительность всенощной редко превосходит 3 часа. Опущенное оставалось жить в рукописях и воспроизводилось при их переписывании, чтобы хоть в этом соблюсти верность Уставу.

Текст борисоглебской службы с самого начала имел привилегию не подпадать под сокращение — ведь его сочинил в угоду великому князю здравствующий первоиерарх государства. Современникам это было известно, а то, что М. Е. Салтыков-Щедрин выразительно назвал начальстволюбием, существовало на Руси и в его эпоху, и в XI в.

Таковы структурные соображения, могущие быть полезными для понимания первого памятника гимнографии Киевской Руси. Его филологическое издание открыло бы перспективу реконструкции напевов и далее — изучения памятника фольклора, духовного стиха о Борисе и Глебе, возникшего, вероятно, во II половине XV в. в Московской Руси и имеющего характерно великорусскую мелодику (Бугославский 1939).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Издание ОРЯС имп. АН. Пг., 1916.

Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Ангелов В. С. Климент Охридски — автор на общи служби. — В кн.: Константин — Кирил Философ. София, 1969, с. 237—243.

Арутюнов Э. М. О генезисе литературного языка. — В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

Бугославский С. А. Отчет о занятиях в библиотеках. Приложения. — Университетские известия. Киев, 1913, № 10, с. 27—30.

Бугославский С. А. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Докт. дис. ИМЛИ АН СССР. М., 1939.

Горький М. Собр. соч., т. 25. М., 1953.

Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С., Творогов О. В. Тысячелетие русской литературы. — Рус. лит., 1979, № 1.

Доннерт Э. Данные немецких источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского. — Средние века, вып. 27. М., 1965.

Евсеев И. Е. Рукописное предание славянской Библии. — Христианское чтение. СПб., 1911, № 5/6.

Ищенко Д. С. «Устав Студийский» по списку XII в. — В кн.: Источники по истории русского языка. М., 1976.

Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке Ф. А. Толстого. М., 1825.

Киприкашвили Л. С. Вопрос о второй песни гимнографического канона. — Изв. АН ГССР. Сер. яз. и лит. Тбилиси, 1977, № 1.
Металлов В. М. Богослужебное пение русской церкви. Период домонгольский. М., 1908
Метревели Е. П. Две древние редакции грузинского Ирмология. Тбилиси, 1971.
Мещерский Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962.
Мурьянов М. Ф. К семантике старославянской лексики. — ВЯ, 1977, № 2.
Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906.
Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916.
Поппэ А. О времени зарождения культа Бориса и Глеба. — Russia mediaevalis, t. 1. München, 1973.
Скабалланович М. Н. Толковый Типикон, вып. 2. Киев, 1913.
Соловьев С. Цветник царевны. М., 1913.
Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1951.
Успенский Порфирий. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты, ч. 2. М., 1881.
Успенский сборник XII—XIII вв. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
Шмеман А. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961.
Ягич И. В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886.

Bibliotheca sanctorum, t. 3. Roma, 1963.
Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. Wien, 1975.
Carletti C. I tre giovani ebrei di Babilonia nell'arte cristiana antica. —Quaderni di «Vetera Christianorum», 9. Bari, 1975.
Christ W., Paranikas M. Anthologia graeca carminum christianorum. Leipzig, 1871.
Clenov A. Zur Frage der Schuld an der Ermordung des Fürsten Boris. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 19. Wiesbaden, 1971.
De Caluwé J. La «prière épique» dans les plus anciennes chansons de geste françaises. — Mélanges J. Wathelet—Willem. Liège, 1976.
Demm E. Zur Rolle des Wunders in der Heiligkeitskonzeption des Mittelalters. — Archiv für Kulturgeschichte, 57. Bd, Köln, 1975.
Dostál A., Rothe H. Der altrussische Kondakar. Giessen, 1976.
Durić. V. J. Die Kirche der Hl. Sophie in Ohrid. Belgrad, 1963.
Eustratiades S. Εφρολογιον. Chennevières-sur-Marne, 1932.
Follieri H. Initia hymnorum Ecclesiae graecae, 1—5. Roma, 1960—1966.
Fortescue A. Canon dans le rite byzantin. — Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. 2. Paris, 1910.
Grosdidier de Matons J. Romanos le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance. Paris, 1977.
Hannick Ch. Die Akrostichis in der kirchenslavischen liturgischen Dichtung. - Wiener slavistisches Jahrbuch, 18. Wien, 1973.
Hannick Ch. Bericht über die Kommission zur Herausgabe der altslavischen Musikdenkmäler. Zagreb, 1978.
Keller F. Das Kontakion aus der ersten Služba für Boris und Gleb. — In: Slavica Helvetica. Zürich, 1973. S. 65—74.
Koschmieder E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente, 1. Lfg. München, 1952.
Métrévéli H., Outtier B. La compréhension des termes hymnographiques *paraptoni* et *mosartavi*. — Bedi Kartlisa, t. 37. Paris, 1979.
Muller L. Die altrussischen hagiographischen Erzählungen und liturgische Dichtungen über die heiligen Boris und Gleb. München, 1967.
Murjanov M. «Tatjanin den'» nella cultura russa. — Orientalia Christiana Periodica, vol. 38. Roma, 1972.

Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968.
Schneider H. Die biblischen Oden. — Biblica, t. 30. Roma, 1949.
Stöhr M. Troparia. — Die Musik in Geschichte und Gegenwart, 123—125. Lfg. Kassel, 1966.
Thietmar von Merseburg. Chronik. hg. von W. Trillmich. Darmstadt, 1974.
Till W., Sanz P. Eine griechisch-koptische Odenhandschrift. Rom, 1939.
Tomadakis E. Ἰωσὴφ ὁ Ὑμνογράφος. Βίος καὶ ἔργον. Ἀθῆναι, 1971.
Towner W. S. The poetic passages of Daniel 1—6. — Catholic Biblical Quarterly, vol. 31. Washington, 1969, p. 317—326.
Velimirović M. The Byzantine Heirmos and Heirmologion. — In: Gattungen der Musik in Einzeldarstellungen. Gedenkschrift Leo Schrade, 1. Bd. Bern—München, 1973, S. 192—244.

Н. Н. ПШЕНИЧНОВА

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ГРУППИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Проблема группирования, т. е. разбиения множества объектов на составляющие его подмножества, относится к числу наиболее актуальных методологических проблем не только в лингвистике. В качестве примера таких задач можно назвать выделение классов гласных или согласных по частоте их встречаемости в тексте, морфологических классов слов по их семантическим характеристикам, групп и их подразделений частных диалектных систем языка и т. д.

Проблема группирования объектов, в том числе и лингвистических, может быть рассмотрена в двух планах.

I. Дано множество объектов и множество соответствующих им признаков. Задача состоит в том, чтобы классифицировать множество объектов (разбить на непересекающиеся классы с жесткими границами между ними) в соответствии с имеющимся уже предварительным представлением о классификационной структуре данного множества и уточнить эти представления. В этом случае проблема заключается в выборе из всего заданного множества признаков в качестве основания классификации таких, которые оптимально приводят к искомому результату. Иными словами, возникает задача проверить, на основании каких признаков деление является более четким, и следовательно, скорей всего отражает деление, существующее в действительности, а какие признаки приводят к делению, лишь условному. Следовательно, в этом случае задача сводится прежде всего к определению признаков, классификационно наиболее существенных, и, кроме того, — к уточнению уже имеющегося деления.

Например, необходимо сгруппировать частные диалектные системы русского языка таким образом, чтобы полученные группы соответствовали исходным представлениям об историческом ходе сложения наречий и их подразделений. Наиболее существенными признаками для проведения такого деления оказываются те признаки, которые образуют ареалы, разделяющие территорию русского языка на северную и южную (Захарова 1970).

II. Дано множество объектов и множество соответствующих им признаков, существенных в аспекте данного исследования. Задача состоит в том, чтобы исследовать множество объектов с точки зрения его классификационного строения по заданным признакам. В этом случае решается вопрос, что представляет собой в аспекте исследования данная совокупность объектов по сходствам и различиям между ними: 1) объекты могут быть расклассифицированы, т. е. могут быть разделены на непересекающиеся множества (и составляющие их подмножества); 2) данные объекты по сходствам и различиям между ними образуют континуум и, следовательно, могут быть разделены на группы (и составляющие их подгруппы) только условно; 3) данная совокупность объектов с точки зрения ее классификационной структуры имеет «комбинированный» характер.

Так, например, множество согласных может быть по-разному разделено на непересекающиеся классы: в зависимости от аспекта исследования — по месту или по способу образования. Русский диалектный язык во всей совокупности составляющих его частных диалектных систем в зависимости от сходств и различий между ними по всем различительным признакам представляет собой классификационно комбинированную структуру: одни частные диалектные системы образуют группы таким образом, что внутри групп различия несущественны, а между группами — значительны, другие частные диалектные системы образуют континуум. Это показано методом лингвистической географии (Захарова 1977). Для небольшой совокупности частных диалектных систем русского языка это показано методом таксономического анализа (Пшеничнова 1977).

Для решения задач группирования используются разные методы, в том числе и математические.

Ниже дается краткая характеристика некоторых способов группирования, используемых при анализе материала русского диалектного языка.

Группирование объектов в зависимости от исходного материала и задач исследования производится по качественным или количественным признакам.

А. Группирование по качественным признакам основано на учете наличия или отсутствия признака у объекта. Так при группировании частных диалектных систем по всем диалектным различиям признаком считается каждый член каждого межсистемного

соответствия. Например, как два признака рассматриваются [г] и [ɣ], соответствующие литературной фонеме <г>, которые являются членами одного межсистемного соответствия и, следовательно, в плане данного исследования находятся либо в отношениях строгого соответствия, либо (при их сосуществовании в одной и той же системе) в отношениях свободного варьирования.

1. Для группирования объектов по качественным признакам может быть использован метод, который предложили А. Н. Дмитриев, Ю. И. Журавлев и Ф. П. Кренделев и который был применен в геологии (Дмитриев, 1968). Группирование этим методом производится на основании учета степени существенности признаков, которая определяется информационным весом признака. Идея метода применительно к классификации частных диалектных систем изложена в работе (Пшеничнова 1976). Ценность метода состоит, в частности, в следующем. Кроме решения основной задачи (классификация), попутно получаются информационные веса каждого признака, которые характеризуют степень существенности каждого из них для классификации. Это, в частности, позволяет определить комплекты признаков, которые наиболее существенны для каждой из выделившихся групп объектов.

Отрицательной стороной метода является то, что при достаточно большом числе объектов и признаков (например, для классификации частных диалектных систем) реализация алгоритма даже на современных вычислительных машинах практически невозможна из-за чрезвычайно большого времени счета.

2. Группирование объектов на основе качественных признаков может быть выполнено также с помощью метода таксономического анализа Е. С. Смирнова, который используется в биологии (Смирнов, 1969). В этом случае все классифицируемые объекты совокупности предварительно попарно между собой сравниваются, для чего вычисляются значения так называемых таксономических отношений, характеризующих «расстояние» между объектами, или иначе, их близость [1].

Значения таксономических отношений вычисляются для каждой пары объектов совокупности. Большему значению таксономического отношения соответствует более тесная связь двух сравниваемых объектов, т. е. либо увеличивается число их общих признаков, либо общие признаки являются классификационно более существенными. При положительном или нулевом значении таксономического отношения связь называется положительной, при отрицательном — отрицательной (Смирнов, 1969, 103).

Значения таксономических отношений представляются в виде таблицы. Данные таблицы, отражающей положительные и отрицательные связи между объектами, интерпретируются в плане оп-

[1] Формула таксономического отношения предложена в работе (Смирнов, 1969); она используется, в частности, в статьях (Пшеничнова, 1977; Пшеничнова, 1979).

ределения классификационной структуры изучаемой совокупности объектов. По Е. С. Смирнову, объекты совокупности разбиваются на отдельные группы таким образом, чтобы их связи внутри одной группы были только положительными, а с объектами других групп — только отрицательными (Смирнов, 1969).

Сравнение результатов таксономического анализа с выводами, полученными при исследовании той же группы объектов другим методом (лингвогеографическим) позволяет считать правомерным несколько изменить правило отнесения объектов к одной группе: входящими в одну группу в некоторых случаях (например, при большом числе объектов и соответствующих им признаков) можно считать также объекты, имеющие незначительное число положительных связей с объектами другой группы (при небольшом значении положительной связи) и объекты, имеющие незначительное число отрицательных связей с объектами данной группы (при небольшом значении отрицательной связи) (Пшеничнова 1977).

Эффективность данного метода применительно к классификации говоров была проверена на материале ста частных диалектных систем, относящихся по современной группировке к шести единицам разных уровней диалектного членения русского языка (Пшеничнова 1977).

Сведения о классифицируемых объектах не всегда бывают одинаково полными. Так, для частных диалектных систем в материалах не всегда приводятся сведения о наличии или отсутствии всех признаков, участвующих в сравнении. В нашей работе (Пшеничнова 1977, 9) метод Е. С. Смирнова распространяется на более общий случай, когда классификация проводится по неполным данным.

Как достоинство метода можно назвать следующие его особенности.

1) При определении степени близости двух объектов учитывается распространенность каждого из признаков, по которым сравниваются объекты, в пределах всей рассматриваемой совокупности, т. е. учитывается наличие или отсутствие признака в других объектах совокупности. Это отличает метод Е. С. Смирнова от широко распространенного в различных отраслях науки способа определения степени близости между объектами, основанного на рассмотрении признаков как равноправных (ср. Sneath, 1962; Sokal, 1963).

2) Метод позволяет определить меру «оригинальности» ~ «банальности» каждого объекта, характеризующую его специфичность ~ типичность в пределах рассматриваемой совокупности. Значение оригинальности определяется по формуле таксономического отношения, при условии, что объект как бы сравнивается сам с собой (Смирнов 1969).

В работе (Пшеничнова, 1979) предлагается использовать меру оригинальности также и в других аспектах.

а) Мера оригинальности может быть использована как некоторый эвристический критерий для поиска однородных групп. Это следует из того факта, что в однородной группе оригинальности составляющих ее объектов отклоняются от среднего значения, равного единице, незначительно. Необходимо иметь при этом в виду, что обратное утверждение неверно.

б) Мера оригинальности позволяет ввести в рассмотрение понятие «компактности» группы как меры ее однородности: чем меньше отклонение оригинальности объектов, составляющих однородную группу, от средней оригинальности группы, т. е. от единицы, тем группа компактнее, т. е. однороднее. Способы оценки компактности могут быть различными. Некоторые из способов даны в работе (Пшеничнова, 1979).

в) Оригинальность позволяет определить признаки, которые оказались классификационно наиболее существенными (Пшеничнова, 1979, 241—242).

В работе «Мера специфичности. . .» (Пшеничнова, 1979) предлагается также способ определения «веса» каждого из признаков, лежащих в основании классификации. Способ основан на учете специфики распространения признаков, а именно на учете того факта, что классификационный вес признака тем выше, чем более распространен данный признак в пределах какой-либо одной выделившейся группы и менее — в объектах остальных групп. Иными словами, наиболее существенными классификационно являются те признаки, которые приводят к наиболее четкому делению.

В той же работе были вычислены оригинальности ста частных диалектных систем русского языка, которые ранее классифицировались методом таксономического анализа Е. С. Смирнова (на основании тех же признаков). Вычислены веса признаков, на основе которых проводилась классификация. Выделены признаки, наиболее существенные по их весам для классификации. Установлено определенное соотношение между мерой специфичности и некоторыми другими, в частности лингвогеографическими, характеристиками классифицируемых частных диалектных систем. Веса признаков сопоставлены с лингвогеографической значимостью признаков. Определена степень компактности групп разных уровней деления. Сравнение полученных результатов с другими характеристиками группируемых объектов позволило сделать вывод о том, что метод таксономического анализа, учитывающий в процедуре группирования не только наличие ~ отсутствие признаков у объектов, но и распространенность каждого из признаков в пределах рассматриваемой совокупности, имеет объективные основания для его применения.

Мера оригинальности объекта в указанных аспектах может быть использована в разных типологических исследованиях (не только при сравнении частных диалектных систем). Так, опреде-

ляемая на ее основе мера компактности, или иначе мера однородности, группы может быть использована как один из параметров сравнения различных языковых групп (например, по степени родства входящих в них языков).

Метод может быть использован для группирования объектов по любому числу признаков. Необходимо, однако, отметить, что при большом числе объектов требуется развитие алгоритма вычислений для того, чтобы на последней стадии анализа машина могла сама давать результаты разбиения объектов по группам. Сейчас в заключительной стадии работы (оценка классификационной структуры совокупности по результатам таксономического анализа) требуется вмешательство исследователя.

Б. Количественные признаки объектов отражают меру признака, или иначе его интенсивность.

Например, совокупность частных диалектных систем исследуется не с точки зрения наличия или отсутствия в них членов некоторого межсистемного соответствия (например, [ч'], [ч], [ц], [ц'] или др. в соответствии с литературной фонемой ‹ч› в сильной позиции), а по относительной частоте членов межсистемного соответствия (отношение числа примеров, которыми представлен тот или иной член межсистемного соответствия к общему числу примеров, представляющих все члены данного межсистемного соответствия, сосуществующие в одной частной диалектной системе).

Для анализа совокупности объектов с точки зрения ее классификационной структуры по количественным признакам может быть использован способ, применяемый нами в лингвистической географии. Этот способ подробно изложен в статьях (Пшеничнова, 1973а, 1973б).

Остановимся кратко на его описании.

Используемый метод статистического анализа позволяет определять характер изучаемого явления в зависимости от распределения объектов с данными признаками по количественным характеристикам этих признаков (число признаков может быть произвольным). Так, например, характер такого явления, как сосуществование стяженных форм прилагательных или глаголов и нестяженных, может быть проанализирован в плане распределения частных диалектных систем, которым свойственно такое сосуществование, по относительным частотам стяженных (нестяженных) форм. Характеристику совокупности объектов в указанном смысле условно можно понимать как статистический тип явления. Могут быть выделены явления двух типов.

а) Явления первого типа. По количественным характеристикам изучаемых признаков объекты объединяются в статистически однородные группы, различия между средними характеристиками которых являются существенными.

б) Явления второго типа. Указанных групп выделить нельзя: объекты могут быть разделены на группы лишь условно.

В случае явлений первого типа метод позволяет определить число групп и наиболее вероятное распределение по группам изучаемых объектов (наиболее вероятные границы между группами), а также возможные расширения каждой из групп за счет объектов, принадлежащих другим группам (возможные отклонения наиболее вероятных границ). Следовательно, при таком группировании выделяются «ядра» однородных групп и зоны между ними, объекты которых с большей или меньшей вероятностью могут быть отнесены к той или иной группе.

Средние статистические характеристики групп предлагается определять для случая наиболее вероятных границ.

Метод может быть применен при анализе лишь такого материала, который отражает признаки объектов независимые и равноправные. В частности, такими признаками по определению являются члены межсистемных соответствий.

Рассматриваемый метод включает в себя следующие этапы анализа материала.

1. *Построение ранжированного ряда объектов исследуемой совокупности.* В наиболее простом случае, когда признаков только два, ранжированный ряд строится, как известно, по значениям относительной частоты одного из изучаемых признаков. В общем случае ранжированный ряд предлагается строить на основе критерия Пирсона χ^2. Прежде всего определяется первый член ряда. Решение этой задачи выполняется следующим образом. Каждый из s объектов, составляющих совокупность, поочередно из совокупности исключается, и для оставшейся группы из $s-1$ объектов определяется значение χ^2. Первым членом ранжированного ряда считается объект, которому соответствует наименьшее из полученных значений χ^2 (количественные характеристики признаков этого объекта более всего отличаются от средних характеристик всей совокупности в целом). Объект, наиболее близкий к первому (образует с ним наиболее однородную пару), является вторым членом ряда. Тем же способом определяются все последующие члены ранжированного ряда (рассматриваются все возможные тройки объектов, состоящие из первых двух и одного из оставшихся, четверки и т. д.). В результате мы получаем ряд объектов, упорядоченный по всем изучаемым признакам.

2. *Формулирование нулевой гипотезы о принадлежности изучаемого явления к одному из двух типов.* Вводится понятие «расстояния» между двумя объектами совокупности. В качестве расстояния принимается значение χ^2, вычисляемое для группы из двух объектов. Определяются все расстояния между объектами, соседними в ранжированном ряду, и проводится анализ их значений. Резкое изменение расстояний указывает на возможную

в данном месте ранжированного ряда границу между группами объектов, т. е. позволяет сформулировать гипотезу о наличии явления первого типа. В противном случае группы выделить нельзя, т. е. явление относится ко второму типу.

3. *Проверка гипотезы о наличии явления первого типа и уточнение границ между группами.* Этот и следующий этапы статистического анализа необходимы лишь в том случае, когда на основании полученных расстояний между соседними объектами ранжированного ряда явление гипотетически относится к первому типу. Проверка гипотезы выполняется также с помощью критерия χ^2. Если гипотезу о наличии статистически однородных групп отвергнуть нельзя, полученные на основе ранжированного ряда границы между группами уточняются. В результате проверки границы между группами могут отклониться от предполагаемых, так как допустимым считается любое такое деление, при котором каждая из выделившихся групп остается однородной. В качестве наиболее вероятных границ принимаются такие, при которых образуются группы, по степени статистической однородности наиболее близкие друг другу: любое иное расположение границ приводит к такому группированию, при котором по крайней мере одна группа будет менее однородна, чем любая из групп наиболее вероятного деления совокупности.

4. *Для выделившихся групп с наиболее вероятными границами определяются их средние статистические характеристики.*

Явления первого типа (группы выделяются) и второго типа (групп выделить нельзя) принципиально различны. Если исследуется явление второго типа, диапазон изменения количественных характеристик можно расчленить на интервалы только условно (число таких интервалов не существенно, поскольку количественные характеристики объектов изменяются в ранжированном ряду постепенно) [2]. Если явление относится к первому типу (группы выделяются), существенны и число групп, и положение границ между ними (распределение объектов по группам), и средние статистические характеристики групп.

Основная трудность, возникающая при использовании изложенной методики анализа материала по количественным признакам, заключается в построении ранжированного ряда объектов. В тех случаях, когда признаков, по которым исследуются объекты, два, задача определения первого члена ранжированного ряда и построение ряда в целом решается просто. В общем случае (число объектов и признаков может быть как угодно велико) нахождение первого члена ранжированного ряда и дальнейшее его построение

---

[2] Такого типа явления (при наличии двух признаков) в русских говорах успешно анализируются, в частности, с помощью методики, изложенной в работах (Кузьмина, 1962; Кузьмина, 1964; Кузьмина, 1971).

могут оказаться достаточно громоздкими. Следует, однако, отметить, что изложенная методика легко реализуется с помощью ЭВМ.

ЛИТЕРАТУРА

Дмитриев А. Н., Журавлев Ю. И., Кренделев Ф. П. Об одном принципе классификации и прогноза геологических объектов и явлений. — Геология и геофизика, Изв. АН СССР, Сибирская серия, 1968, № 5.

Затарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., Наука, 1970.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, т. III. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах. — В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., Наука, 1964.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., Наука, 1971.

Пшеничнова Н. Н. Лингвистическое картографирование на основе анализа материала статистическим методом. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., Наука, 1973а.

Пшеничнова Н. Н. Статистический анализ многочленного диалектного соответствия. — ВЯ, 1973б, № 6.

Пшеничнова Н. Н. Об использовании элементов дискретной математики в классификации говоров. — В кн.: Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976.

Пшеничнова Н. Н. Применение метода таксономического анализа в классификации говоров. — В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., Наука, 1977.

Пшеничнова Н. Н. Мера специфичности и некоторые вопросы классификации частных диалектных систем. — В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1977. М., Наука, 1979.

Смирнов Е. С. Таксономический анализ. М., 1969.

Sneath P. H., Sokal R. R. Numerical taxonomi. — Nature (London), 1962, v. 193.

Sokal R. R., Sneath P. H. The principles of numerical taxonomi. San Francisko, 1963.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

М. А. Пробст. Текст в системах коммуникаций 5

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ГРАММАТИКА

П. А. Соболева. Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений 17
Е. Л. Гинзбург. Преобразования словообразовательных гнезд. I . . 32
И. В. Альтман. Отглагольные гнезда. Типология и семантика. I. . 54
М. Д. Барченкова. Границы словообразовательного гнезда . . . 60
Е. В. Падучева. Местоимение *это* с предметным антецедентом . . . 72
Л. Л. Иомдин. Симметричные предикаты в русском языке 89
Л. А. Месенякина. Лексический и синтаксический аспекты организации пояснительных конструкций с глаголами восприятия . . . 105
Л. В. Кнорина. Оценка семантической нагрузки падежа 123
Г. А. Смирнова. Категория числа несклоняемых существительных 132

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

М. Л. Гаспаров. Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского 148
С. Н. Шепелева. Эволюционные параметры русской рифмы (фонологический анализ и техника измерения) 168
Н. А. Кожевникова. Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста 181
Е. Ю. Кукушкина. О предпосылках паронимии в лирике А. Блока 195
Е. А. Некрасова. Сравнения союзного типа как элемент ассоциативно-образной структуры стихотворного текста 205
О. В. Шульская. Слово *дым* в русской поэзии 218
Н. В. Павлович. Сила и сложность семантического противоречия в оксюмороне 231
В. В. Красянский. О соотношении поэтического и прозаического слова (эпитет И. Бунина) 244
М. Д. Якубовская. Оппозиция *сумрак/сумрак* в поэтическом тексте А. Блока 253

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

М. Ф. Мурьянов. Из наблюдений над структурой служебных Миней 265
Н. Н. Пшеничнова. Некоторые способы группирования объектов, применяемые в диалектологии 278

www.rusjang.ru

**Проблемы
структурной
лингвистики.
1979.**

*Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Е. Н. Ветлугина*
Корректоры *М. С. Бочарова, О. В. Лаврова*

ИБ № 22211

Сдано в набор 12.01.81
Подписано к печати 07.07.81.
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18. Усл. кр.отт. 18. Уч.-изд. л. 20,2
Тираж 3150 экз. Тип. зак. 40
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2р. 30к.